

с3026808(д)

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

ДРЕВНИЙ ИРАН

НАКАНУНЕ
ИМПЕРИЙ
(IX–VI ВВ. ДО Н.Э.)

ИСТОРИЯ
МИДИЙСКОГО
ЦАРСТВА

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

Inna N. Medvedskaya

**ANCIENT IRAN
ON THE EVE OF EMPIRES
(9—6 B. C.)**

THE HISTORY OF THE MEDIAN KINGDOM

St. Petersburg Centre for Oriental Studies
St. Petersburg
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

И. Н. Медведская

**ДРЕВНИЙ ИРАН
НАКАНУНЕ ИМПЕРИЙ
(IX—VI вв. до н. э.)
ИСТОРИЯ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2010**

УДК 297
ББК Э383-4

Утверждено к печати Ученым Советом ИВР РАН

Рецензенты:

д-р ист. наук *Н. В. Козырева*, чл.-корр. РАН *М. А. Дандамаев*

*Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-01-16007д)*

Медведская И. Н. Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.)
История Мидийского царства. — СПб.: Петербургское Востоковедение,
2010. — 264 с.

В книге представлена история Мидийского царства — первого иранского государства, сложившегося в первой половине VII в. и просуществовавшего до 550 г. до н. э., когда власть перешла к династии Ахеменидов и царство получило своё новое название. Более ста лет Мидийское царство влияло на политическую историю стран всего Ближнего Востока.

Автором предложено решение некоторых спорных проблем истории Урарту, Лидии и киммерийско-скифского присутствия в регионе. Важной составляющей книги стала реконструкция исторической географии Северо-Западного Ирана новоассирийского периода.

Книга предназначена для историков, археологов, студентов-историков и студентов-востоковедов.

Первая страница обложки: Рельеф с изображением мидийской знати. Персеполь (*трипильон*).

Четвертая страница обложки: Мидиец с мечом. Персеполь (*ападана*).

ISBN 978-5-85803-417-9

© И. Н. Медведская, 2010

© «Петербургское Востоковедение», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава I. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА	10
I.1. Античные источники	10
I.2. Библейские источники	26
I.3. Клинописные источники	30
Глава II. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИДИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	34
Глава III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА IX—VII вв. до н. э.	59
III.1. Приурмийский район (карта-схема 1)	62
III.2. Верховья Малого/Нижнего Заба (карта-схема 2)	76
III.3. Страны в районе Загросского участка Большого Хорасанского пути и Луристана (карта-схема 3)	93
III.4. Хамаданская равнина	104
III.5. Южная Атропатена	112
Глава IV. ИСТОРИЯ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА	123
IV.1. Ассирийские походы в страны Древнего Ирана и в Мидию	123
IV.2. Антиассирийское восстание в Древнем Иране в 671 г. до н. э.	132
IV.3. Возвышение Мидийского царства и начало его экспансии. Урартское царство между 714 и 643 гг. до н. э. (карта-схема 4).	137
IV.4. Хронология мидийской династии	156
IV.5. Крушение Ассирийской державы	162
IV.6. Падение мидийской династии.	174
Глава V. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ В ИСТОРИИ СТРАН ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	179
V.1. Сведения клинописных источников о киммерийцах и скифах	181
V.2. Разгром киммерийцев в Хубушне в 679/78 г. до н. э.: её локализация, ассирийские вторжения, сложение антиассирийских союзов в VII в. до н. э.	184
V.3. Киммерийцы и фригийцы, статус Фригии, фригийский поход Рухсы II	186
V.4. Возвышение Лидийского царства при Гигесе: страна Амурру и письмо астролога Аккуллану от 657 г., военная помощь Гигеса Псамметиху, изгнание киммерийцев из Малой Азии	191
V.5. Библия о киммерийцах.	205
V.6. Античные источники о киммерийцах и скифах в древневосточных странах	206
V.7. Рассказ Геродота о вторжении скифов в Палестину	209
Заключение	218
Карты	222

Указатель собственных имён	224
Указатель географических и этнических названий	230
Список источников и литературы	240
Список сокращений	257
Summary	259

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена истории Мидийского царства — первого древнеиранского государства. Хотя Мидия не принадлежит к числу забытых государств древности, ее история остается наименее изученной среди крупных держав Древневосточного региона. Начало иранской государственности принято отсчитывать с середины VI в. до н. э. — времени создания Ахеменидской державы. История Мидии обычно служит лишь кратким предисловием к изложению истории Ахеменидского царства.

Письменные памятники самого Мидийского царства неизвестны, но сведения о нем сохранились в клинописных (ассиро-вавилонских и древнеперсидских) текстах IX—VI вв. до н. э., в Библии и в сочинениях авторов античного и раннесредневекового времени.

Именно античные, библейские и византийские сочинения на протяжении более чем двух с половиной тысячелетий сохраняли сведения по истории Мидии. Клинописные источники стали известны сравнительно недавно, и их изучение, начавшееся в первой половине XIX в., не сразу повлияло на процесс познания Мидии.

Ценность клинописных источников состоит прежде всего в том, что они составлены современниками описываемых событий. Но не всегда те же ассирийские анналы или вавилонские хроники могут считаться объективными документами эпохи: государственная пропаганда влияла на описание событий, как правило, в выгодном для царя свете, например, в них никогда не сообщалось о военных неудачах царя. Античные авторы, за редким исключением, пытались осмыслить и объяснить услышанные, реже — прочитанные сообщения о прошлом. Ценность этих сочинений не снижается от того, что они составлены *post factum*, а зависит от достоверности устной традиции и объективного ее изложения автором, а также от его умения понять и передать услышанное и прочитанное.

Сочинения греческих авторов сохранили значительные фрагменты подлинной или сочиненной ими самими истории Мидии, которая представляла интерес вплоть до эллинистического периода. Однако позднее, в римский период, этот интерес угасает. Обширные завоевания Римской империи затмили древнюю историю, перекроили политическую карту и выдвинули новые сюжетные приоритеты в исторической литературе римского периода. Упоминания Мидии в сочинениях этого времени связаны, за редким исключением, только с топонимией. Но если Страбон (I в. до н. э.—I в. н. э.) еще достаточно точен в изложении исторической географии

Мидии и всего Ирана в целом, то ко времени Аммиана Марцеллина (IV в.) утрачивается и эта точность.

До середины XX в. изучение Мидии развивалось в традиционном направлении, в основе которого лежало сохраненное античными авторами представление о реальности существования этого государства, называемого ими империей, и о его значительной роли в истории древнего Ближнего Востока. К концу прошлого столетия в зарубежной исторической науке возобладали новое направление. Его можно назвать «негативным»: предметом полемики стали сам факт существования Мидийского царства и степень важности его роли в истории стран древнего Ближнего Востока. В зарубежной науке, несмотря на несомненный интерес к истории Мидии, значительно возросший в последние 20 лет, обобщающих трудов в этой области нет. В отечественной же историографии после важного исследования И. М. Дьяконова («История Мидии», 1956; краткий вариант см.: [Diakonoff, 1985]) и монографии И. Г. Алиева с таким же названием [Алиев, 1960] Мидия не была предметом специального изучения.

Анализ мидийской историографии позволяет наметить общие тенденции в изучении Мидии и выявить основные проблемы, решение которых тем или иным образом влияет на представление о Мидийском царстве и позволяет понять его роль в истории Древневосточного региона. Все это и определило задачи данного исследования.

В первую очередь необходимо было воссоздать историческую географию Северо-Западного Ирана новоассирийского периода и определить территорию первоначальной Мидии, вернее, представить дополнительные доказательства для одной из двух существующих её локализаций в пределах этого региона. В отечественной историографии историческая география этого региона разработана впервые. Предложенные в работе новые доказательства локализации Мидии на Хамаданской равнине отклоняют локализацию её в горах Загроса, предложенную в 1974 г. американским исследователем Л. Левином. Его локализация Мидии в горном районе послужила основой для некоторых спорных гипотез относительно истории этой страны, выдвинутых в последние годы и пересмотренных в данной работе.

Среди спорных проблем мидийской истории остаются: время и причины возвышения Мидии; сам факт и пределы мидийской экспансии; хронология мидийской династии; характер и результаты участия Мидии в войне 615—605 гг. до н. э. против Ассирии. Отдельного рассмотрения потребовал вопрос о роли киммерийцев и скифов в истории Мидии и других стран древнего Ближнего Востока. Необходимо было определить характер перехода власти к Ахеменидам — произошел ли он в результате разгрома Мидийского царства или дворцового переворота, приведшего к смене династий. Если не было уничтожения царства, то это даёт возможность в будущих исследованиях, проанализировав те элементы ахеменидской культуры, которые находят параллели в культуре различных древневосточных стран предшествующего времени, и подтвердив роль Мидии как вероятного культурного посредника между ними, ретроспективно определить некоторые стороны малоизвестной мидийской культуры. Решение всех этих задач предполагает создание базы, опираясь на которую, в дальнейшем можно

будет продолжить изучение других аспектов истории и культуры Мидийского царства и Древнего Ирана в целом. Археологические данные на современном этапе исследования в ряде случаев подтвердили предлагаемую локализацию стран Древнего Ирана и помогли установить некоторые аспекты важных исторических событий.

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам Сектора Древнего Востока ИВР РАН и коллегам из ГЭ и СПбГУ за ценные советы и критические замечания, сделанные при обсуждении рукописи книги. Отдельно благодарю за помощь и поддержку при подготовке рукописи к печати М. А. Дандамаева и И. В. Богданова, а также И. Н. Лицука за оформление иллюстраций.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА

I.1. Античные источники

Постепенное знакомство греческого мира со странами Древнего Востока, начавшееся в целом не позднее рубежа VII и VI вв. до н. э. (знакомство с Египтом произошло раньше), отразилось в прозаических сочинениях этого времени, авторов которых часто называют логографами. От самих этих произведений сохранились лишь незначительные фрагменты в сочинениях более позднего времени. Ионийские историки этого времени первыми начали создавать прозаические сочинения, темой которых были древнейшая история Эллады, история отдельных греческих городов и колоний. Этим историков особенно интересовали основатели и эпонимы греческих городов и государств. Источниками таких сочинений служили эпические поэмы предшествующего периода, предания и мифы, лирика, надписи, городские хроники, списки царей и генеалогии знатных родов. Но большую роль уже играли собственные наблюдения и расспросы. Считается, например, что Гекатей Милетский, подданный ахеменидского царя, путешествуя по странам Ахеменидской державы, составил географический перечень областей и народов, покоренных персами, с историко-географическим комментарием к нему. Это сочинение, написанное в конце VI в. до н. э., называлось «Обозрение (или объезд) земли». О Мидии в нем говорится следующее: «Мидия — страна, лежащая у Каспийских ворот. ... От Мида, сына Медеи» [Hecataeus f. 286; Stephanus Byz., s.v. Μηδία; Латышев, 1893, фрагм. 171, с. 2]. Здесь мы встречаемся с широко используемым логографами методом этимологизации, когда названия народов, городов и стран рассматриваются как производные от имен их основателей и родоначальников [Лурье, 1947, с. 107—108].

Этимология Гекатея, очевидно, была широко известна как в его время (Эсхил, ок. 525—456 до н. э.), так и во времена Пс.-Аполлодора (II в. до н. э.; I, 9, 28), Страбона (I в. до н. э.—I в. н. э.; XI, 13, 10), Валерия Проба (I в. н. э.; см.: [Латышев, 1904, с. 25, ст. 126]), Трога Помпея/Юстина (I в. н. э.; XLII, 3, 6).

В основе трагедии Эсхила «Персы» лежит повествование о победе греческого флота над персами при Саламине в 480 г. до н. э. (пьеса была поставлена в 472 г.). Примечательно, что Эсхил называет персов мидийцами (ст. 236), тень Дария называет Кира третьим царем, а первым — Мида (ст. 766—768). Малоазийские греки, пережившие в VI в. до н. э. завоевание своих городов персами, называли завоевателей мидийцами, что отразилось

в поэзии того времени. Так, Ибик называет Кира полководцем мидийцев [Ibycus, no. 18]. Ксенофан (начало V в.) спрашивает: «Сколько было тебе лет, когда пришел мидиец?» [Xenophanes, no. 18]. Имелось в виду завоевание персами Сард в 546 г. [Drews, 1973, p. 7, 145, note 17]. Подобная синонимия через Геродота сохранялась и позднее. отождествление персов и мидийцев в глазах западного мира служит важным свидетельством в пользу единства Мидийско-Персидского государства, которое не раз будет отмечено античными авторами. В другой трагедии Эсхила, «Прометей прикованный», упоминаются мидийцы, обитающие близ Кавказа (ст. 452—453), это, очевидно, может означать северные пределы Мидийского царства периода его завоеваний, что подтверждается и другими свидетельствами (см. гл. V. 6)¹.

Если знакомство греков со странами древнего Ближнего Востока можно отнести ко второй половине—концу VII в. до н. э. и особенно к VI в. до н. э., когда Малая Азия вошла в состав Ахеменидской империи, то возникновение интереса к истории этих стран относится к периоду осмысления событий греко-персидских войн V в. до н. э. И олицетворяет этот период творчество Геродота. Греки, пораженные могуществом неведомой страны, очевидно, хотели узнать о ней как можно больше. Геродот, по существу, выполнил «общественный заказ», написав свою «Историю». Его интересовала Ахеменидская держава и ее предыстория, теснейшим образом, как оказалось, связанная с Мидией, в составе которой Персия/Персида находилась до своего возвышения. Именно этот интерес отличает, в частности, сочинение Геродота от персидской истории («Persica»), которую писали его предшественники Дионисий Милетский, Харон и Гелланик (Дионисий, как и Гекатей, был современником Дария I, Харон и Гелланик — авторы V в., см.: [Drews, 1973, p. 20—25]). В сохранившихся фрагментах этих сочинений описываются события только самой греко-персидской войны. У Дионисия и Харона Мидия вообще не упомянута. А в одном из семи фрагментов, которые, согласно Ф. Якоби, приписываются Гелланику, говорится, что Персию иногда называют Арией и что часть Арии была названа Мидией в честь Медеи [Drews, 1973, p. 22]. Это положение было заимствовано Геродотом (VII. 62).

Сочинение Геродота из Галикарнасса (V в. до н. э.) сохранилось полностью, хотя оно, по мнению ученых, и не было закончено автором. С точки зрения принципов современной историографии, «История» Геродота не может быть охарактеризована точно: сочинение включает историографические, этнографические, географические и топографические наблюдения и описания, а также волшебные сказки, легенды, мифы, сплетни, анекдоты и т. д. Геродот пользовался трудами своих предшественников: Гекатея он упоминает пять раз. Имена других логографов — Дионисия из Милета, Гелланика Лесбосского, Ксанфа, Харона из Лампсака — им не упомянуты, хотя некоторые исследователи и считают, что он пользовался их трудами, убедительные доказательства чему привел Р. Дрюс [Drews, 1973, p. 23—44; Лурье, 1947, с. 110—111]. Э. А. Грантовский также привел примеры ис-

---

¹ Здесь и далее цифры в круглых скобках обозначают: римская — главу, арабская — параграф настоящего издания.

пользования Геродотом письменных источников в тех случаях, когда тот говорил, что сведения получены им якобы в ходе личной беседы [Грантовский, 1998, с. 189—206]. Вместе с тем античное источниковедение установило, что основной материал для своего труда Геродот добыл во время своих путешествий, которые, по разным оценкам, длились 8—10 лет от середины 450-х до начала 440-х гг. до н. э. [Лурье, 1947, с. 142 и след.]. Что касается авторов «Persica», то нет никаких свидетельств их путешествий в поисках информации по владениям Персидской империи [Drews, 1973, p. 30]. Правда, по мнению скептиков, путешествия Геродота могли быть его литературной выдумкой [Rollinger, 2003, p. 255]. Одному из таких скептиков, английскому востоковеду А. Г. Сэйсу, разумно возразил Ф. Г. Мищенко. По его словам, если бы Геродот цитировал описания путешествий своих предшественников, то кто из них был, например, в Скифии? [Мищенко, 1888, с. XLVI]. Принято считать, что Геродот посетил Северное Причерноморье (Ольвию), был в Египте, Финикии, Сирии, путешествовал по Малой Азии и добрался до Вавилонии. Предположение, что он был и на территории самой Персии, как будто бы оставлено. Какое-то время он жил при дворе македонского царя Александра I. Умер Геродот между 430 и 424 гг. до н. э.

Считается, что Геродот не знал других языков кроме греческого и не мог обходиться без переводчиков. Поэтому он, за редким исключением, путешествовал по местам, населенным греками: это были греческие фактории или колонии. Последнее не исключает, что помимо любознательности Геродотом двигали и коммерческие интересы, что могло обеспечивать ему средства для путешествий [Лурье, 1947, с. 15, 19].

В основе резкой критики сочинения Геродота его коллегами по жанру в античную эпоху лежит, как правило, четко выраженная проафинская ориентация Геродота. Так, ожесточенной критике подверг Геродота враг Афин — Ктесий. Выпады Геродота против Беотии, возвысившейся в первой трети IV в. до н. э., вызвали отповедь Аристотеля. Источниками сочинения беотийца Плутарха «О злокозненности Геродота» были сочинения беотийских историков IV—III вв. до н. э. Не могла не раздражать современников и определенная объективность Геродота в изображении персов, которые со временем все отчетливее виделись исконными врагами Греции. Плутарх назвал его «филоварваром». В результате той же беспристрастности Геродот не раз задевал местный патриотизм тех или иных греческих городов-государств, изображая некоторых исторических деятелей не в том свете, в каком их хотели бы видеть потомки.

Политическая подоплека конкретно выражалась в критике методов и способов работы Геродота. Первым такую критику начал младший современник Геродота Фукидид, упрекавший Геродота, как и его литературных предшественников — логографов, в заботе не столько об истинности рассказа, сколько о приятном впечатлении для слуха. По мнению же Фукидида, нужно не сиюминутное одобрение заслуживать, но стремиться к тому, чтобы труд историка стал «достоянием навеки» [Фукидид, 1999, I. 21—22].

Последующие авторы упрекали Геродота в том же, хотя широко использовали его труд. Но уже в I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский дает труду Геродота характеристику, которая остается точной и ёмкой по сию

пору: «Он решился написать о делах не одного государства и не одного народа, но соединил в своем изложении многочисленные и разнообразные рассказы, европейские и азиатские». Ставя Геродота выше Фукидида, Дионисий отмечает, что изложение истории, чуждое басен, чем так гордился Фукидид, было понятно лишь ничтожной кучке людей. И со II в. н. э. подражание стилю и языку Геродота становится модой [Лурье, 1947, с. 156].

Однако в исследованиях Нового времени долго бытовало слишком критическое отношение к «баснописцу» Геродоту. Лишь во второй половине XIX в., начиная, пожалуй, с Дж. Раулинсона, успехи востоковедения позволили увидеть в нем добросовестного и порой надежного свидетеля. Впрочем, они же выявили и множество недостатков, ошибок и заблуждений. Это быстро развело исследователей в крайние позиции апологетики или гиперкритики. Так, например, А. С. Сэйс решил вопрос о достоверности рассказов Геродота не в его пользу, обвинив его в том, что он сознательно обманывает своих слушателей и читателей рассказами о путешествиях, которых он не совершал, и фактами, которые не могли иметь места [Sauce, 1883]. Переводчик Геродота на русский язык Ф. Г. Мищенко одним из первых в европейской науке выступил с критическим анализом работы Сэйса и опроверг его утверждения [Мищенко, 1888; 1888a]. Его работа отличается четкими и строго взвешенными суждениями, дающими ответы на многие вопросы, возникающие при изучении творчества Геродота. Многие его положения развивались в исследовании С. Я. Лурье [1947]. Относительно мидийской истории достоверность Геродота особенно подчеркивалась А. Делаттром [Delattre, 1883].

Новизна труда Геродота состоит в интересе к истории, быту, нравам современных ему народов и государств. Сутью его сочинения стала история греко-персидских войн, но за этим стоял не только интерес к самой экспансии персов в Элладу, но и желание узнать историю других завоеванных персами стран. Он хотел узнать, что непосредственно предшествовало возвышению Ахеменидского царства, узнать предысторию событий, приведших к войне, и т. д. В результате 4 из 9 его книг составляют рассказы об истории стран и народов, с которыми персы со временем вступили в контакт. И делалось это для того, чтобы, как он отметил в первых строках своего труда, прошедшие события с течением времени не были преданы забвению и не остались в неизвестности великие деяния эллинов и варваров, чтобы не была забыта причина возникшей между ними войны. Очевидно, что главным достоинством его труда является огромный собранный и сохраненный им материал, который до сих пор может изучаться, сравниваться, опровергаться или подтверждаться современными историками.

Мидийский логос вставлен Геродотом в рассказ о возвышении Кира II, основателя Персидской державы, сбросившего мидийское владычество. Геродот прослеживает связь между возвышением нового правителя и тем, что непосредственно предшествовало этому — кто и каким образом владычествовал над персами. Рассматривая только эту историческую связь, Геродот ничего не сообщает об истории Урарту, Манны, Эллипи, Элама и других стран, с которыми Мидия взаимодействовала, но которые сошли с политической арены задолго до возвышения Кира и, следовательно, не были связаны с историей его царства. Не упомянуты Геродотом в его рассказе

о Мидийском царстве Вавилония и ее цари. Исключение составляет лишь Ассирия, с которой была тесно связана история Мидии и в разгроме которой Мидии принадлежала важная роль. Следует, однако, отметить, что именно об Ассирии Геродот говорит только в связи с мидийской историей. Когда же он рассказывает персидскую историю, то под Ассирией имеется в виду Вавилония; он не называет Вавилонию, но упоминает город Вавилон и жителей страны — вавилонян. Историю Ассирии он собирался изложить, но не сделал этого. Примечательно также, что Геродот не знает названия страны, откуда происходили предки Кира, — Аншан. Принято считать, что после Кира II название Аншан вышло из употребления и было забыто. Элам, вероятно, находившийся после 612 г. в составе Вавилонии, при Кире был составной частью Ахеменидского царства. Название этого царства также неизвестно античным авторам, но оно многократно упомянуто в Библии. В римскую эпоху известно только историческое название области — Элимаида/Элимея, которое могло уже не ассоциироваться с названием царства Элам (Страбон).

Историко-хронологическая схема мидийского логоса Геродота выглядит следующим образом. Ассирийцы завоевали всю Верхнюю Азию и 520 лет владычествовали над ней. Первыми от ассирийцев отпали мидийцы, затем их примеру последовали другие народы. Однако эти народы недолго оставались независимыми и снова были поработаны, на этот раз мидийцами. И далее в эти же временные рамки вставлена история Мидии и ее династии. Первым царем стал Дейок. Он был справедливым человеком, и уважавшие его селяне выбрали его судьей. Страстно желая стать царем, он честно исполнял обязанности судьи, и слава его росла. И тогда он отказался в качестве судьи судить народ, и его избрали царем. Он повелел построить подобающий его царскому достоинству дворец и город Экбатаны, а остальные города велел покинуть. Живя в неприступном городе, Дейок продолжал судить. О преступлениях он узнавал через соглядатаев и наушников, которые были у него по всей стране. Так Дейок объединил мидийский народ, состоявший из шести племен, и царствовал 53 года (I. 95—102).

Его сын Фраорт, правивший 22 года, не захотел царствовать только над мидийцами и стал завоевывать Азию народ за народом, начав с персов. Он выступил даже против Ассирии, но в этом походе на Нин (Ниневию) погиб с большей частью своего войска (I. 102).

Сын Фраорта Киаксар правил 40 лет, считая и годы скифского владычества. Он реорганизовал армию и в ходе войны с лидийским царем Алиаттом завоевал всю Азию по ту сторону р. Галис. Согласно мирному договору, граница между Лидией и Мидией проходила по реке Галис, к Мидийскому царству отошла Верхняя Азия, включая Каппадокию². Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, но не смог одержать победы из-за вторжения скифов. Их владычество длилось 28 лет, после чего Киаксар разгромил скифов, завоевал Нин и покорила ассирийцев (I. 103—106).

---

² Согласно античной традиции, Нижняя Азия находилась западнее р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак). Пределы Верхней Азии менее определенны, она занимала территорию восточнее Галиса вплоть до стран Иранского нагорья.

Сын Киаксара Астиаг царствовал 35 лет. Еще в правление отца он женился на дочери лидийского царя Алиатта (I. 74). Его дочь, которая вышла замуж за знатного перса Камбиза, стала матерью Кира. Рассказ о правлении Астиага по форме является новеллой о детстве и юности Кира. С помощью обиженного Астиагом мидийского вельможи Кир решил свергнуть Астиага и обрести независимость. В результате военных действий и измены мидийской знати и части войска Астиаг был пленен, а мидийское войско уничтожено. Так мидийцы из господ стали рабами, а персы — владыками. Владычество мидийцев над Азией «по ту сторону Галиса» длилось 128 лет, исключая (или включая) время господства скифов. Впоследствии мидийцы подняли восстание против Дария, желая вернуть себе свободу, но потерпели неудачу (I. 107—130).

Следует выделить неясные моменты в рассказе Геродота, которые специально будут рассмотрены ниже (глава IV.4). Много усилий было потрачено исследователями на цифровые определения Геродота, на их несогласованность, искусственность и т. п. Сумма правлений четырех мидийских царей равна 150 (53+22+40+35) годам. Реплика Геродота о 28 годах скифского господства, сделанная им в связи с правлением Киаксара, не влияет на сумму этих четырех правлений. Неясность с цифровыми определениями у Геродота возникает, когда он называет 128 лет господства мидийцев. Исключение из них 28 лет господства скифов, казалось, дает основание прибавлять их к 150 годам и удлинять, таким образом, продолжительность мидийской династии: $150 + 28 = 178$. Именно такая трактовка текста легла в основу «длинной хронологии» мидийской династии (см. ниже). Впрочем, теперь признаётся, что эти цифры (128 и 150) имели различное происхождение [Грантовский, 1998, с. 189], и следовательно, их нельзя согласовывать.

Геродот не называет имени мидийского царя, при котором мидийцы стали независимыми от Ассирии. Дейок объединил лишь 6 мидийских племен, что могло означать только консолидацию сил для будущей борьбы с Ассирией. Мидийская экспансия началась при Фраорте, хотя исследователи, как правило, отмечают, что он завоевал только персов. Но он начал, по словам Геродота, покорение Азии народ за народом и первым выступил против Нина. Киаксар завершил это завоевание, присоединив к своей державе всю Азию. Согласно Геродоту, Киаксар завоевал Ассирию один, без союзников. Вавилонию в этой связи он не называет. Правление Астиага, как и правление Дейока, не отмечено завоевательными войнами, кроме неудачного выступления против Кира, приведшего к концу мидийской династии. У Астиага не было сына, что, по-видимому, по мнению Геродота, уже означало конец царской династии.

В отличие от исследователей Нового времени, многие писатели античной эпохи больше доверяли другому греческому автору — Ктесию из Книда в Малой Азии. Его «Персидская история» («*Persica*») сохранилась лишь в пересказе поздних авторов: историка Диодора, византийского писателя Фотия и Николая из Дамаска; сочинения последнего, в свою очередь, известны только в выдержках.

Известно, что «*Persica*» состояла из 23 книг: первые шесть относились к доперсидскому периоду истории. Из них первые три книги посвящены Ас-

сирии, три другие — Мидии. Выдержки из этих шести книг сохранились у Диодора [Diod., II, 1—34], история падения мидийского царя Астиага и возвышения Кира подробно пересказана Николаем Дамасским (фрагм. 75, с. 269—274). Кроме того, сохранилось множество цитат из этих книг у других авторов. Даже эта относительно небольшая часть произведения Ктесия позволяет, по словам Ф. Якоби, считать его «одним из родоначальников исторического романа». По мнению специалистов, Ф. Якоби принадлежит лучшая работа о Ктесии (см.: [Jacoby, 1922, cols. 2032—2073]; см. также: [Schmitt, 1993, p. 441—446], здесь же литература; [Пьянков, 1971, с. 16—37]).

Ктесий, греческий врач, предположительно родился около 441 г. до н. э. [Schmitt, 1993, p. 442]. Согласно Диодору, Ктесий попал в качестве военнопленного ко двору персидского царя, где и прожил 17 лет. Эта цифра считается преувеличенной, вероятнее цифра 7, и пленен он был в 405 г. (см.: [Schmitt, 1993], ср.: [Дьяконов, 1956, с. 22]). Будучи приближен к персидскому царю благодаря врачебному искусству, он принимал участие в политической жизни страны [Дандамаев, 1985, с. 233; Schmitt, 1993, p. 442]. Поселившись на своей родине в Книде, он занялся литературной деятельностью.

Утверждение Ктесия, что при написании «Персидской истории» он пользовался персидскими летописями, вызывало недоверие исследователей [Дьяконов, 1956, с. 22 и след.]. Много усилий было потрачено на то, чтобы понять следующий составленный им список мидийских царей и продолжительность их правлений:

Арбак — 28; Мандаук/Маудак — 50; Сосарм — 30; Артик — 50; Арбиан — 22; Артей — 40; Артин — 22; Астибар — 40; Аспанд/Астиг — 35 (?).

Вместо четырех царей, по Геродоту, Ктесий назвал девять: причем годы правления схожи с геродотовыми, включая цифру 28, обозначающую у Геродота время господства скифов. По-видимому, Ктесий удвоил число царей и добавил одного, правившего эти 28 лет, что было отмечено еще в начале XIX в. Из геродотовых имен Ктесий признал только имя последнего мидийского царя, «которого греки называют Астигом» (т. е. Астигом). Данные о продолжительности правления Аспанда не сохранились. Не зная подлинных имен участников описанных событий, Ктесий давал им имена современных ему людей: первому мидийскому царю Арбаку и его союзнику Белесию были даны имена персидских сатрапов Мидии и Месопотамии [Дьяконов, 1956, с. 27, примеч. 6; Дандамаев, 1985, с. 228, 231].

Тем не менее критика Ктесия современными исследователями, по словам Р. Шмитта, была излишне жесткой. В последнее время иранисты находят подтверждение некоторым его свидетельствам [Schmitt, 1993, p. 444]. Одно из таких подтверждений вытекает, как представляется, из новой трактовки так называемого «вассального договора» Асархаддона. Согласно Ктесию, Мидия долго находилась под ассирийским господством, но в ходе успешного восстания власть ассирийцев была уничтожена. В отличие от Геродота, Ктесий сообщает, что союзником Мидии в борьбе с Ассирией была Вавилония. У Диодора и Николая Дамасского подробно описано сложение этого антиассирийского союза в результате сговора мидийского военачальника Арбака и вавилонского военачальника Белесия. Причем со-

вершено очевидно, что именно мидийца Арбака Ктесий считал инициатором этого союза, а самих мидийцев разрушителями «империи ассирийцев» [Diod., II. 21. 8; 28. 8; Ник. Дамасский, фрагм. 12, с. 249—250]. Оба персонажа встретились в Ассирии, будучи присланы сюда на военную службу сроком на год [Diod. II. 21. 3, 6; 24. 1, 7]. В этой подробности можно видеть отголоски реальной практики, существовавшей в VII в. до н. э. По мнению М. Ливерани, документ, называвшийся прежде «вассальным договором» Асархаддона и приуроченный к церемонии объявления наследником Ашшурбанапала в 672 г. до н. э., является, по существу, «клятвой в верности». Ее формально давали главы областей, с которыми заключался этот договор-клятва. Причем некоторые из этих областей входили в состав ассирийских провинций на востоке. Их главы были обязаны посылать воинов в охранную службу при дворе Асархаддона. Нанятые на определенный срок воины, и среди них мидийцы, жили при дворе, служили в охранном корпусе царевича, сопровождали его в походах и т. п. ([Liverani, 1995]; см. также гл. IV.1).

Находясь на военной службе, Арбак свел дружбу с Белесием, который, будучи еще и прорицателем, предсказал Арбаку будущее правление над Азией. Собрав союзников, они отложились от ассирийского царя. Их война с Сарданапалом длилась несколько лет, из которых три года продолжалась осада Нина/Ниневии (в действительности она длилась три месяца). В результате штурма Нина, удавшегося из-за подмыва крепостной стены во время наводнения на Евфрате (так у Ктесия), город пал [Diod., II. 26. 9; 27. 2—3]. Эта деталь штурма присутствует в античной и библейской литературе и вполне могла иметь место в действительности [Дьяконов, 1956, с. 306 и след.]. Сарданапал со своими приближенными сгорел на костре, устроенном им во дворце. Рассказ Ктесия о гибели ассирийского царя при пожаре в Ниневии повторен другими античными авторами [Ampelius, XI. 4; Athenaeus, II. 2—16]. Этот рассказ имеется и у Бероса, но с одним важным отличием. Имя царя не Сарданапал (Ашшурбанапал), а Сарак. Еще Ф. Вейсбах предположил, что имя Сарак образовано от сокращенного имени царя Синшаришкун — Шаришкун, который действительно погиб при падении Ниневии в 612 г. до н. э. [Weissbach, 1920, S. 2464—2465]. Но поскольку Ашшурбанапал был последним знаменитым царем Ассирии, то с его именем и были связаны самые трагические события конца царства. Других царей просто забыли. Беросу же, который читал вавилонские хроники, было известно, что город пал именно при Синшаришкуне.

Сведения Ктесия о правлении последнего мидийского царя Аспанда/Астиага (Астиага) и возвышении Кира близки к рассказу Геродота и подтверждаются вавилонскими источниками. Очевидно, что в описании войны Астиага с Киrom Ктесий был более точен. Геродот изложил эту войну сравнительно кратко, и, по-видимому, у Ктесия не было соблазна опровергать его по этому поводу [Дьяконов, 1956, с. 28]. Реконструкция и анализ сохранившихся фрагментов рассказа Ктесия осуществлены И. В. Пьянковым [1971, с. 20 и след.]. Если Геродот сообщает, по существу, о финале войны, проигранной Астиагом, то Ктесий рассказывает и о начальном ее этапе, в целом благоприятном для мидийцев. Они победили персов в нескольких сражениях и подошли к Пасаргадам. Здесь произошел

перелом в войне. После нескольких попыток персы побеждают и овладевают мидийским лагерем, где и происходит их триумф. Разгромленный Астиаг бежит в Экбатаны [Photius, *Bibl. Cod.* LXXII. 106, 2]. Ктесий указывает место победной битвы у Пасаргад, этого названия Геродот вовсе не знает. Правда, неясно, идет ли речь у Ктесия только о «Высокой горе», называемой Пасаргадами, где персы прятали своих женщин, или имеется в виду и одноименный город. Во всяком случае, награбленное в мидийском лагере имущество персы снесли в Пасаргады [Ник. Дамасский, фрагм. 75, 35—45, с. 273—274]. Возможно, что город уже существовал, но позднее Кир сделал его резиденцией и обустроил его в память о победе над Астиагом [Страбон, XV. 3, 8; Anaximenes, fr. 18], и здесь же он был похоронен. Согласно вавилонской Хронике № 7, Кир увез добычу из Экбатан в страну Аншан; теперь принято считать, что именно в г. Пасаргады [Grayson, 1975, p. 106, Chr. 7, ii:3—4; Дандамаев, 1985, с. 9]. Примечательно, что если Геродот не называет Экбатаны в связи с разгромом мидийцев, то Ктесий у Фотия сообщает о бегстве Астиага в этот город. Здесь он был лишен власти, но Кир поступил с ним благородно и поставил деда архонтом племени барканиев (у Трога Помпея/Юстина — во главе гирканиев: I. 6, 16). У Николая Дамасского говорится, что после поражения у Пасаргад большинство сатрапов Астиага перешли на сторону Кира, и в последнем бою Кир легко одержал победу, а Астиаг был приведен к нему как пленник. Эти расхождения между Фотием и Николаем Дамасским в изложении Ктесия были отмечены Ф. Вейсбахом [Weissbach, 1924, S. 1137].

Таким образом, Ктесий верно передал ключевые моменты истории Мидии. Мидийцы в ходе антиассирийского восстания в союзе с Вавилонией свергли ассирийское владычество, лидирующая роль в этом восстании принадлежала мидийцам. Война с Киrom была длительной, решающая битва произошла возле Пасаргад, Астиаг был пленен в Экбатанах. Важным является сообщение Ктесия об измене сатрапов Астиага. Причем если у Геродота этот факт литературно оформлен (история Гарпага), то у Ктесия названы имена предводителей и названия сатрапий [Ник. Дамасский, фрагм. 75, 45, с. 274]. Им отмечена военная служба мидийцев при ассирийском дворе. Эти различия позволяют говорить о знании Ктесием каких-то неизвестных Геродоту источников, с которыми он мог, живя при персидском дворе, познакомиться при помощи переводчика. Р. Шмитт также подчеркивает, что у Ктесия имеются два примечательных новшества: он трактует Ассирию как мировую империю и рассматривает мидийцев как непосредственных последователей и наследников Ассирии [Diod. II. 21. 8; Schmitt, 1993, p. 443].

Современником Ктесия был Ксенофонт (ок. 445 или 430—355 до н. э.; [Фролов, 1977, с. 243]). Афинский аристократ Ксенофонт, ученик Сократа и друг Платона, был противником полисной республики, полагая несовместимыми демократический строй и принципы справедливости. Эти принципы, по его мнению, может осуществлять только сильная личность, обладающая реальной силой, например преданным войском. В 401 г. до н. э. Ксенофонт покинул Афины, согласившись принять участие в экспедиции Кира Младшего: он покидал родину ради службы у сильного властителя.

Поход Кира Младшего против Артаксеркса II был неудачен. В этом походе он погиб. Ксенофонт, отличившийся во время похода как талантливый организатор и полководец, сумел возглавить греческих наемников и частично спасти их. Но все его планы терпели крах: его использовали, но не награждали, он приобретал и терял и в конце концов, около 371 г., осел в Коринфе, где и провел оставшуюся жизнь в занятиях литературным трудом. И если итоги политической карьеры, несмотря на затраченные усилия, талант и возможности, были ничтожны, то последние 30 лет, посвященные литературному труду, сделали Ксенофонта крупнейшим писателем античной эпохи.

Среди разнообразных по жанру сочинений Ксенофонта два из принадлежащих к историческому жанру, казалось бы, имеют отношение к истории Древнего Востока. Так, в «Анабасисе» Ксенофонт на основе собственных наблюдений дает описание похода греческого войска в Переднюю Азию. По форме это мемуары. «Киропедия» («Воспитание Кира») — это роман-утопия о жизни и деятельности идеального монарха и созданного им идеального государства (написан не ранее 362/61 г. до н. э.). Исторические факты, известные Ксенофону из сочинений Геродота и Ктесия, были лишь литературным фоном. Созданный им герой мог появиться только в результате особой системы воспитания, которая подробно описывается в начале романа. Формирование идеального человека и создание идеального государства — это утопия, волновавшая умы и других античных философов. По Ксенофону, главное в создании этой утопии — умение повелевать и умение повиноваться, что и создает абсолютную гармонию. Для написания нравоучительного романа подходил любой восточный деспот, приукрасив жизнь которого, можно было получить идеальный образ. Кир II, давно уже окруженный ореолом легенд, лучше всего подходил на роль создателя огромного нового государства.

Но к истории Персии и тем более Мидии все написанное Ксенофонтом не имеет отношения. Ради идеальной картины искажаются основные события последнего периода мидийской истории. Так, Кир у него воспитывается при дворе Астиага, а позднее, уже после его смерти, мирным путем овладевает Мидийским царством, получив его в качестве приданого за дочь придуманного Ксенофонтом царя Киаксара, сына Астиага (имя взято у Геродота). Кир завоевывает страны, не будучи царем, а находясь по доброй воле на службе у Киаксара. Помимо завоевания им Лидии упоминается завоевание Сирии (Ассирии) — Нововавилонского царства [Киропедия, V. 4:51]. Ему же приписано завоевание Египта, совершенное в действительности Камбизом II. Кир умирает дома в окружении родных, тогда как на самом деле он погиб в походе на массагетов.

Хотя большинство ученых отказывают Ксенофону в исторической правдивости его «Киропедии», некоторые из них все же ищут в ней крупицы истины. Так, И. М. Дьяконов обратил внимание на то, что Ксенофонт единственный из античных авторов сообщает о существовании царства Армения, подчиненного Мидии, это подтверждается другими данными, о чем будет сказано ниже [Киропедия, II. 4:22; Дьяконов, 1956, с. 33, 353]. Он упоминает также полководца Кира Гобрива, который захватил Вавилон. В вавилонской Хронике Набонида говорится о правителе гутиев (мидий-

цев) Угбару, который вместе с армией Кира захватил Вавилон, но вскоре умер [Grayson, 1975; Chr. 7, iii:15—16, 22]. Не исключено, однако, что произошла контаминация этого имени с именем персидского сатрапа Губару, о котором говорится в Бехистунской надписи (см. ниже).

Кроме того, Ксенофонт сообщает в «Анабасисе», произведении, написанном им раньше «Киропедии», о захвате власти персами у мидийцев (III. 4:4, 8—12). Следовательно, он знал о борьбе Кира с Астиагом, но сознательно искажил факты, чтобы не испортить образ идеального Кира.

Нереальность существования созданного воображением Ксенофонта государства вытекает из эпилога «Киропедии» (VIII. 8). В нем автор выразительно описал упадок и разложение Ахеменидского государства после смерти Кира Великого, вызванные нарушением персами тех этических, моральных и нравственных норм, которые возвеличили Кира. Считается, что написанием эпилога Ксенофонт предупреждал возможные упреки в идеализации врагов Греции [Фролов, 1977, с. 263—264]. Однако иносказательная форма, хотел того автор или нет, отображает историческую обстановку в Ахеменидской державе после смерти Кира в правление Камбиза II, приведшую к перевороту Лже-Бардии/Гауматы, после убийства которого вся страна была охвачена восстанием.

Некоторые достоверные реалии в романе Ксенофонта предполагают знание автором каких-то достоверных источников. Они могли быть не всегда верно им поняты и истолкованы или даже искажены в угоду концепции сочинения. Однако внимательное исследование таких деталей может дать еще много неожиданного и, по-видимому, сможет выявить источники, которыми пользовался Ксенофонт. С. Парпола поставил вопрос о конкретном источнике сведений для Ксенофонта — им мог быть Кир Младший. По мнению Парполы, потенциальный наследник персидского трона Кир получил надлежащее образование и, соответственно, знания, касающиеся управления государством, истории, культуры и царской идеологии, вполне вероятно, что некоторые из этих сведений могли быть получены Ксенофонтом непосредственно от него. Например, эпизод с захватом Вавилона персами и важная роль в нем Гобрия, как это описано Ксенофонтом, подтверждается вавилонскими источниками (см.: [Beaulieu, 1989, p. 226—232], там же литература). Парпола предлагает разъяснение этого эпизода, основанное на иранском имени Гобрия [Parpola, 2003, p. 343—349]. Это подтверждает точное следование Ксенофонтом источнику. Относительно Мидии интересны наблюдения Парполы в связи с именем виночерпия Сака при дворе Астиага. Считалось, что это имя обозначало происхождение его из скифо-сакских племен. Но оказалось, что оно является названием ассирийского титула виночерпия *šāqû*, сохраненного с тем же значением в арамейском языке в VI в. до н. э. [Ibid., p. 340—341]. Отмечает Парпола и другой описанный Ксенофонтом обычай персов — раздачу еды с царского стола людям, которые заслужили благодарность царя. Этот ассирийский обычай, как и многое другое, мог стать известным персам при посредстве мидийцев [Parpola, 2003a]. В целом же описание мидийского царского двора, по мнению Парполы, достаточно точно воспроизведено Ксенофонтом, и этим мы обязаны, скорее всего, Киру Младшему [Parpola, 2003, p. 349—350]. Эти детали являются свидетельством инкорпорированности Мидии в культуру Древнего Востока.

Наблюдения С. Парполы представляют удачный пример того, как сведения античного автора становятся полностью достоверными после найденных в клинописных текстах подтверждений.

Особое место среди авторов античного времени занимает вавилонянин Берос. О нем сохранилось мало сведений. Немецкий исследователь творчества Бероса П. Шнабель установил, что он написал свою «Вавилонскую историю» около 290 г. [Schnabel, 1923, S. 3—17].

Берос не заимствовал сведения у своих предшественников — греческих писателей, хотя и получил греческое образование. Зная аккадский и шумерский языки, он мог использовать для написания своего труда произведения шумеро-аккадской литературы, поздневавилонские сказания, которые, как выяснилось, не вошли в состав классической клинописной традиции, а также вавилонские хроники, шумерский царский список и другие документы. Судя по некоторым данным, Берос, переводя древние тексты, допускал их трактовку, соответствующую его собственным представлениям и взглядам на историю [Дьяконов, 1956, с. 36].

Сочинение Бероса сохранилось лишь в незначительных фрагментах в трех источниках: 1) в средневековом армянском переводе хроники Евсевия Кесарийского (III—IV вв. н. э.), 2) в сирийском изложении той же хроники Мар Михаилом (XII в.), 3) в византийской хронике Георгия Синкелла (VIII—IX вв.), который использовал как хронику Евсевия, так и труды других авторов. Все три источника основываются на Евсевии, хроника которого, в свою очередь, восходит к автору I в. до н. э. Александру Полигистору. Этот автор единственный, кто непосредственно использовал сочинение Бероса [Дьяконов, 1956, с. 37; Дандамаева, 2002, с. 297].

Считается, что мотивом для написания этого труда было желание Бероса ознакомить новых владык Вавилонии — греко-македонян — с вавилонской наукой. Но этой цели его сочинение, по-видимому, не достигло. В отличие, например, от сочинений Геродота и Ктесия, оно не пользовалось популярностью в западном мире, хотя было последним авторитетным источником знания о Вавилоне для греков. Что касается истории Мидии, то из «Вавилонской истории» можно извлечь лишь минимальную информацию: «мары (мидийцы), направив войско против Вавилона (имеется в виду столица Ассирии), взяли его и поставили там своего наместника» [Берос, фрагм. 5, с. 302]. Союзники мидийцев не обозначены, но в другом фрагменте, у Абидена, мидийцы в связи с войной против Ассирии вовсе не упомянуты, а власть над Ассирией захватила Вавилония. Здесь Берос сообщает, что Сарак (Син-шар-ишкун), испугавшись войска Буполассора (Набопаласара), которое двинулось на Ниневию, велел поджечь царский дворец [Дандамаева, 2002, с. 308, примеч. 42]. В одном из фрагментов говорится, что Сарак сжег себя вместе с дворцом [Burstein, 1978, fr. 6a]. После этого Навуходоносор принял власть над царством (хотя из контекста можно допустить, что он принял власть спустя некоторое время после гибели Сарак). Таким образом, можно думать, что или Берос пользовался разными вавилонскими хрониками, в одной из которых сообщалось о разгроме Ассирии Мидией, а в другой эта роль отдана Вавилонии (как, например, Хроника Гэдда является отредактированным вариантом первоначальной хроники, в которой важная роль Мидии в разгроме Ассирии пре-

уменьшена), или Александр Полигистор [Дандамаева, 2002, фрагм. 5] внес эти сведения, пользуясь другим источником. Отметим, что Трог Помпей, рассказав о гибели Сарданапала в огне дворца (возможно, он заимствовал рассказ об этом у Бероса), сообщает, что после него царем стал мидийский наместник Арбакт, полагаясь здесь, очевидно, на Ктесия, приписавшего, как уже было отмечено, лидирующую роль в войне против ассирийцев мидийцам [Юстин, I. 3, 5—6].

Берос рассказал об обручении царевича Навуходоносора и дочери вожды маров Аждахака/Астиага [Берос, фрагм. 6, примеч. 42]. В действительности речь могла идти о дочери Киаксара, который правил в 615—585 гг. до н. э., так как Навуходоносор уже в 605 г. стал царем. Простейшие расчеты продолжительности жизни Астиага, бывшего царем еще в 550 г., также исключают возможность иметь дочь брачного возраста в 612 г., когда Сарак погиб в огне, даже если допустить, что Астиаг был в это время не царем, а царевичем. Упомянутое Беросом обручение могло иметь место в 614 г., когда на руинах Ашшура, согласно вавилонской хронике, Киаксар и Набопаласар заключили договор о мире и дружбе. У Иосифа Флавия имеется обширная цитата из Бероса, в которой говорится о жене Навуходоносора родом из Мидии (см. ниже).

Записки участников похода Александра Македонского (Птолея и Аристобула) не сохранились, имеются лишь выдержки из них у более поздних авторов. Считается, что следы их сочинений имеются и во «Всеобщей Истории» Полибия (ок. 200—120 до н. э.), греческого историка эллинистического периода. В результате сложных жизненных перипетий Полибий вошёл в круг военных и политических деятелей Рима, склонных, в частности, перенести на римскую почву греческую образованность и культуру. Став их сторонником, Полибий восхвалял римскую завоевательную политику. Он много путешествовал и после 146 г. вернулся в Грецию, где в качестве представителя Рима участвовал в реорганизации политических институтов Греции.

Сочинение Полибия, написанное после 146 г. до н. э., представляет фактически первую попытку изложения всеобщей истории стран Запада и Востока в их взаимосвязи. Автор, основываясь на событиях 220—146 гг. до н. э., попытался понять, почему в столь короткое время Рим смог подчинить себе почти все Средиземноморье. Он объяснял это совершенством римского республиканского строя. Главной задачей историка Полибий считал не столько описание событий, сколько объяснение их и понимание причин различных явлений.

Полибию мы обязаны описанием географии Мидии, ее границ, хозяйства и подробным описанием Экбатан (V. 44; X. 27). Огромная роль Мидии в истории прошлого отражена им в обозначении топонимом Мидия значительной территории Ирана, граничащей на востоке с Парфией (V. 44, 4). Некоторая неясность имеется у него в связи с западными границами Мидии. Согласно Полибию, атропатии (жители Атропатены, являвшейся частью Мидии) жили не на территории Мидии, а на границе с ней (V. 44, 8). Это указание можно трактовать двояко: или он имел в виду границы Великой Мидии, и следовательно, они жили на территории Малой Мидии, или он полагал, что атропатии вообще не жили в Мидии.

Ценны сохранные им стереотипы восприятия греками мидийцев и их истории, сложившиеся еще во времена Геродота. В частности, греки воспринимали персов как мидийцев, вследствие чего у Полибия наблюдается взаимозаменяемость этих этнонимов и их производных (IV. 31, 5; XVI. 22a), то же самое мы находим у Фукидида [Фукидид, 1999, с. 560, s.v. «мидяне»].

Полибий стал первым из греческих историков позднеэллинистического периода, сделавших возвышение Рима центральной темой своего сочинения. Учение о смене мировых держав, элементы которого прослеживаются уже у Ктесия и которое продолжало развиваться вплоть до римской эпохи, легло в основу сочинений как Полибия, так и его последователей. К их числу, помимо таких греческих авторов, как Посидоний (135—51 до н. э.) и Тимаген из Александрии (I в. до н. э.), принадлежат Николай из Дамаска (64 до н. э.—начало I в. н. э.) и Диодор (I в. до н. э.). Оба автора сохранили о Мидии сведения, которые были рассмотрены выше в связи с сочинением Ктесия.

К числу последователей Полибия можно отнести и Трога Помпея. Его сочинение «*Historiae Philippicae*», написанное около 7 г. н. э., утрачено и сохранилось лишь в кратком изложении Марка Юниана Юстина (II или III в.). В этом сочинении была представлена история развития всего человечества от царствования легендарных Семирамиды и Нина до времени Августа. Считается, что этот труд является, в свою очередь, переработкой сочинения неизвестного автора, и поэтому вопрос о предшественнике Трога Помпея остается открытым. Вместе с тем в сюжете о царствовании последнего ассирийского царя Сарданапала, о его женоподобии, о заговоре против него мидийского наместника Арбакта, о войне, в результате поражения в которой Сарданапал сжег себя во дворце [Юстин, I. 3, 1—6], прослеживается влияние Ктесия у Диодора [Diod., II. 23. 1—3; 24. 1; 27. 3—4], этот сюжет сохранился также у Афиней (II/III в. н. э.; II. 2—16). Но, в отличие от этих авторов, у Трога Помпея мидийцы одни, без союзника, победили ассирийцев: эта деталь присутствует у Бероса и восходит к Геродоту. Рассказ Помпея Трога о последнем мидийском царе Астиаге и его взаимоотношениях с внуком Киром близок рассказу Геродота, хотя и отличается от него в деталях, и значительно отличается от изложения Ктесия у Николая Дамасского, что подразумевает использование Трогом Помпеем при создании его сочинения дополнительного источника.

Записки участников похода Александра Македонского — Аристобула и Птолемея, сына Лага, будущего царя Египта, стали важным источником сочинения Арриана «Поход Александра» (II в. н. э.). Но в этом произведении, как и в «Истории Александра Македонского» Курция Руфа (I в. н. э.), который пользовался сочинениями александрийского писателя Клитарха, упоминания о Мидии крайне редки и не дают новой информации.

К плеяде греческих авторов римского периода, последователей Полибия, относится также географ и историк Страбон (ок. 64/63 до н. э.—ок. 27 н. э.). Он родился в Малой Азии, в Амасии Понтийской. Получил блестящее философское образование, много путешествовал [Страбон, II. 5. 11]. В своих политических взглядах придерживался, как и большинство греческой элиты того времени, проримской ориентации. Страбон — автор несо-

хранившихся «Исторических записок», которые задумывались как продолжение «Всеобщей Истории» Полибия. Его «География» в 17 книгах является, в свою очередь, продолжением «Исторических записок». Она должна была служить практическим руководством римским государственным деятелям, полководцам, провинциальной администрации, торговцам и т. д. (I. 1. 16, 18). Замысел Страбона был грандиозен: он задумал, основываясь на сопоставлении всех доступных данных, описать ойкумену и исправить карту мира Эратосфена — основателя математико-астрономического направления в географии — в соответствии с новыми научными данными. Источники его были многочисленны [Стратановский, 1964, с. 780—788]. Именно поэтому его сочинение рассматривается в историографии как итог географических знаний античности. Тем более что он, пожалуй, был последним автором, который располагал еще всем богатством эллинистической культуры, и сохранением этих знаний мы в значительной степени обязаны ему. Аккуратность и точность сведений Страбона во многом доказана.

Страбон внес ясность в связи с Атропатеной: Мидия у него делится на Великую Мидию и Мидию Атропату (XI. 13. 1), и он четко указал, что на востоке Великая Мидия граничила с Парфией (XI. 13. 6). По его словам, Мидия господствовала над всей Азией, и хотя персы лишили ее столь великого могущества, она, тем не менее, продолжала сохранять «прадедовскую славу», и именно ее имя сохранилось в названиях самой страны в Иране, гор, горных проходов, рек и пр. (II. 1. 17; XI. 13. 5, 7, 8; XV. 3. 6). Страбон описал природу, ландшафт страны (XI. 13. 7—11), указал на сходство мидийского и персидского языков с бактрийским, согдийским и языком карманиев (совр. Керман) (XV. 2. 8, 14). У него можно найти сведения о религии и некоторых обычаях мидийцев (XI. 13. 9—11; XV. 3. 13, 15).

Современники Страбона редко обращались к его «Географии»; это сочинение было настолько мало известно, что ни Плиний Старший (I в. н. э.), ни Птолемей (II в. н. э.) не пользовались им, как и Арриан и Курций Руф. И по данным, например, Птолемея локализовать Мидию уже невозможно [Ptol., VI. 2, 5; Латышев, 1893, с. 244]. Забвению древней истории способствовали новое время и другие интересы римских правителей. Мировая история превратилась в историю Римского государства [Ксенофонов, 2002, с. 22].

Тем не менее классические авторы не были окончательно забыты, и в период ренессанса греческой культуры (III в.) им сознательно подражали. К числу таких произведений относится сочинение о военных хитростях — «Стратегемы» греческого автора из Македонии Полиэна (III в.). Это сборник анекдотов из военной жизни греческих, римских и варварских царей и полководцев. Седьмая из восьми сохранившихся книг посвящена военным хитростям варваров иранского происхождения: мидийцев, персов, скифов. Источники Полиэна многочисленны [Ксенофонов, 2002, с. 28—32]. Но сведения, связанные с мидийской историей, восходят к Геродоту, Ктесию (через Николая Дамасского), Ксенофону, Юстину. Однако, например, эпизод с воцарением Дейока, прибегнувшего к хитрости, чтобы получить желаемое царство, отсутствует у Геродота (VII. 1, 6, 7, 9, 45/2) и у других авторов.

Последним римским и первым византийским историком был Аммиан Марцеллин, сирийский грек, родившийся в Антиохии (ок. 333—400). Принадлежа к кругам языческой греческой интеллигенции, он был воспитан в лучших традициях античной образованности. Его благородное происхождение предопределило его военную карьеру. Его военная судьба была связана с двумя яркими личностями той поры — магистром конницы Востока Урзицином и императором Юлианом Отступником. Под их началом Аммиан Марцеллин служил в Месопотамии, где в г. Нисибисе находилась штаб-квартира магистра. Он участвовал в войне Рима с сасанидским царем Шапуром II, в Армении находился в осажденной персами Амиде, позднее, в 363 г., участвовал в походе Юлиана на Ктесифон. После гибели императора вернулся в Антиохию и жил как частное лицо. В эти годы он много путешествовал. Позднее, в Риме, начался новый период его жизни — творческий. Он смог влиться в новую для него культурную среду и проникнуться ее традициями. Влияние многих римских авторов на его творчество очевидно. Его «История» (или «Деяния») была написана на латинском языке в 80-е гг. IV в. Сохранились последние 18 книг (14—31), посвященные событиям 353—378 гг., а первые 13 книг (о событиях, происходивших с 96 по 352 г.) утрачены. Основой исторического повествования автора послужили его собственные наблюдения и рассказы очевидцев. Среди многих авторов он упоминает Геродота и Полибия (XXIV, 24, 2.16; см. также: [Удальцова, 1974, с. 22]). Хотя в самой Персии Аммиан Марцеллин не был, но, находясь поблизости, в Месопотамии, вероятно, в результате расспросов какие-то сведения об этом регионе он получил. Исторических сведений о Мидии он специально не сообщает, ограничиваясь географическими справками. Примечательно, что в его время старая топонимия этого региона стала забываться и путаться. Так, у Аммиана Марцеллина уже вся Мидия носит название Атропатена (XXIII, 6, 27), а парфяне соседствуют с Персией (XXIII, 6, 43), тогда как у Полибия и Страбона — с Мидией. Отмечаются расхождения и в связи с фактами, сообщенными Геродотом и Полибием. У Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 36) семь магов владели царством до низвержения их партией Дария, а у Геродота (III, 76) из семи человек состояла именно партия Дария. Камбиз не был в Карфагене [Геродот, III, 17, 19], но Марцеллин сообщает (XVII, 4, 3—4) подробности его смертельного ранения в этом городе; Полибий вообще не упоминает Камбиза.

Как уже отмечено, жанр всеобщей истории, восходящий к Полибию, в римскую эпоху в начале новой эры заменился римской всеобщей историей. Однако позднее в христианской литературе уже в начале V в. была предпринята попытка возрождения этого жанра. Таким трудом стала «История против язычников» Павла Орозия, в которой он описал как прошлое, так и настоящее всего человечества (об исторической ситуации того времени и мотивации написания этого сочинения см.: [Тюленев, 2001, с. 5—9]). Основными источниками для написания истории Ассирии, Мидии и отчасти Персии послужили «История» Геродота и «Эпитама Помпея Трога» Юстина; пересказ им отдельных фрагментов этих сочинений очевиден. Однако схема мидийской династии у Орозия выглядит любопытно. Начало этой схемы заимствовано у Юстина, а основная часть — у Геродота. По Оро-

зию, последнего ассирийского царя Сарданапала сверг Арбат (Арбак или Арбакт у античных авторов), «который тогда управлял мидийцами», и власть перешла к ним (I. 19, 1). Но эту власть мидийцы получили не сразу, некоторое время она принадлежала халдеям и скифам (I. 19, 2). Лишь при Фраорте, который 22 года своего правления провел в войнах с персами и ассирийцами, власть закрепилась за мидийцами. Следующим правил Диокл, при котором расширились границы империи, последним — Астиаг (I. 19, 4). Захват власти персами описан Орозием по Геродоту и Юстину (I. 19, 6).

Поскольку Юстин описал только возвышение Мидии при Арбакте и падение ее при Астиаге, то Орозий творчески попытался соединить эти сведения с историей мидийской династии у Геродота. В результате Арбат, свергший Сарданапала, был вынесен за пределы геродотова списка, но, чтобы сохранить четырех царей мидийской династии, Орозий убрал из этого списка имя Киаксара. Третий царь у Орозия (хотя он не применяет этот титул) — Диокл/Дейок, сын второго царя Фраорта; у Геродота же отец Дейока Фраорт не был царем. Но деяния царей Фраорта и Диокла/Киаксара описаны точно по Геродоту. Предлагаемый Орозием перерыв в мидийском правлении после Арбата заполнен борьбой со скифами и халдеями/вавилонянами. В первом случае могло иметься в виду 28-летнее господство скифов над мидийцами, как оно описано у Геродота. Но что подразумевал Орозий, говоря о временном переходе власти от мидийцев к халдеям? Ни о каких союзнических отношениях мидийцев и вавилонян в антиассирийской борьбе ни Геродот, ни Юстин не сообщают. Был ли известен Орозию дополнительный источник, из которого он мог узнать о роли Вавилонии в разгроме Ассирии, о союзнических взаимоотношениях Мидии и Вавилонии, ухудшившихся после 612 г. до н. э., сказать трудно.

I.2. Библейские источники

Среди незначительных, на первый взгляд, сведений о Мидии и мидийцах, имеющих в Ветхом Завете, обнаруживаются при пристальном их рассмотрении свидетельства важной роли этой страны в политической истории стран Древнего Востока. В «Таблице народов» и в книгах Хроник Мадай (т. е. Мидия) назван сыном Иафета, а значит, внуком Ноя (Быт. 10:2; 1 Пар. 1:5). Мидия находится в одном ряду с Лидией, Фригией, Табалом, Ионией и киммерийцами. Важные свидетельства сохранились в книгах пророков Наума (вторая половина VII в. до н. э.) и Иеремии (между 626 и 582 гг. до н. э.). Правда, Наум, описывая страшную картину разрушения Ниневии в 612 г., не называет Мидию в связи с крушением врага Иудеи — Ассирии. Пророк Иеремия (51:11, 28) называет «царей Мидии», которые поднимутся против Вавилона в наказание за разрушение Иерусалима и Иерусалимского Храма в 586 г. до н. э. (51:11, 27—28). Пророк выражает надежду на то, что Мидия — сильнейшая страна того времени — уничтожит наконец врага Иудеи. Иерархическое подчинение мидийских царств, которое подразумевает Геродот (I. 134), говоря о владычестве мидийцев над ближайшими соседями и другими народами, по-видимому, подтверждается сообщением Иеремии о «царях Мидии». Он имел в виду царства Арарат-

ское (Урарту), Минийское (Мана), Ашкеназское (Скифское) (Иер. 51:27—28; перевод этого текста И. М. Дьяконовым и его же комментариев см.: [Медведская, 1992а, с. 231]).

Если Геродот и Ктесий отразили в своих сочинениях представление о трёх мировых империях, последовательно сменявших друг друга (Ассирия, Мидия, Персия), то в библейской литературе эллинистического периода эта схема стала четырехчастной. Её отражение исследователи находят в книге Даниила, в его толковании сна Навуходоносора (2:32—45; см. также: [Wiesehöfer, 2003, p. 391 ff.]). Книга Даниила (сборник чудесных историй и пророчеств) составлена в дошедшем до нас виде около 165 г. до н. э., но, вероятно, первые главы (1—6) относятся к более раннему времени — до правления селевкидского царя Антиоха IV Эпифана. Привидевшийся царю во сне истукан (голова истукана — из чистого золота, грудь и руки — из серебра, чрево и бедра — из меди, голени — железные, ноги — частью железные, частью глиняные) олицетворяет четыре империи (золото — Нововавилонская, серебро — Мидийская, медь — Персидская, железо-глина — Греко/Македонская), после гибели которых наступает Царство Божие. В I в. до н. э. эта схема была дополнена пятой империей — Римской. У Даниила Ассирия была заменена Нововавилонским царством (о причинах этого, а также вопросы хронологии, интерпретации сновидений, литературу см.: [Wiesehöfer, *ibid.*]).

Книги Даниила и Эсфири (повесть с историческим фоном, создана на рубеже V и IV вв. или несколько позднее, дополнена во II в. до н. э.), основанные на достоверной традиции, сохранили некоторые стереотипы восприятия Мидии и мидийцев, отражающие реальности забытой к этому времени истории Мидии. Так, в книге Даниила Мидия и Персия составляют единое целое: Вавилон, завоеванный в действительности Киром II, разделен между мидийцами и персами (5:28); Дарий говорит о законе мидийцев и персов (6:8, 12, 15). Показательно видение Даниила об овне и козле (8:1—7, 20—21). Козел — это царь Греции, а овен воплощает страну мидийских и персидских царей, растоптанную козлом. Речь идет об Александре Македонском и гибели Ахеменидской державы, которую Даниил, по существу, представляет как Мидийско-Персидское государство; поэтому персидский царь Дарий считается происходящим из мидийского рода (9:1; 11:1).

Примеры мидо-персидского единства имеются также в книге Эсфири. Так, семь знатных персидских родов, игравших, как известно, важную роль в истории и политике Ахеменидского царства, перечисляются поименно как семь мидийских и персидских родов, приближенных царя Артаксеркса (1:14). Общими были войско и законы страны (1:3, 19), мидийскими и персидскими названы цари и вельможи (1:18; 10:2).

В книге Товит (новелла создана, судя по кумранским находкам, на арамейском языке не ранее середины IV в. до н. э., греческая версия — в эллинистический период) Мидия, Рага Мидийская и Экбатаны упомянуты в связи с переселением израильтян ассирийским царем в «города Мидийские», как об этом рассказано в Четвертой книге Царств, в правление Салманасара (V) (4 Цар. 17:6; 18:10—11). Крушение Ниневии в книге Товита приписано Вавилонии и самой Ассирии (14:15).

В книге Юдифи (III—I вв. до н. э.) рассказано о героическом подвиге иудейки Юдифи, спасшей свою родину от нашествия ассирийской армии под командованием полководца Олоферна, которому она отрубила голову. Причиной ассирийского похода «против всей земли на западе» стало нежелание народов прийти на помощь ассирийцам в их войне против мидийского царя, с описания которой и начинается новелла. Извлечь из этого описания ничего нельзя: ассирийским царем назван Навуходоносор, а мидийский царь получил имя Арфаксад, взятое из «Генеалогической таблицы народов», где оно, будучи географическим термином, обозначает территорию Месопотамии возле Вавилона (Быт. 10:22). Сам же мидийский царь, побежденный Навуходоносором, погиб (1:1—13).

Некоторые из этих сведений, иногда с искажениями, приводятся в сочинении писавшего по-гречески иудейского историка I в. н. э. Иосифа Флавия «Иудейские древности». Впрочем, эти искажения могут предполагать и другой источник помимо Библии. Так, если в Четвертой книге Царств и Первой и Второй книгах Хроник в связи с переселением взятых в плен жителей Дамаска Тиглатпаласаром (III) Мидия не упомянута (4 Цар. 16:7, 9; 2 Пар. 28:20—21; 1 Пар. 5:26), то у Флавия они переселены в Верхнюю Мидию — достаточно позднее географическое понятие (9:12, 3). Переселение при Салманасаре (V) у Флавия было в Мидию и Персию (9:14, 1), в Библии — в Ассирию и мидийские города (4 Цар. 17:6; 18:10—11). С наибольшей точностью Флавий использовал книгу Даниила, например, в связи с разделением Вавилона между мидийцами и персами (10:11, 3—4), хотя его 62-летний Дарий Мидянин, взятый из книги Даниила (5:31), назван сыном Астиага, который «известен у греков под другим именем» (10:11, 4). Это уточнение Флавия указывает как будто бы на Ксенофонта, в «Киропедии» которого Кир служил у Киаксара II, сына Астиага. Написанное на стене пророчество у Даниила прочитано по просьбе Валтасара, у Флавия — по просьбе Новоандила/Набонида (10:11, 2). У Флавия имеется также пространная цитата из Бероса, в которой сообщается, в частности, об устройстве Навуходоносором висячего сада по желанию его жены, бывшей родом из Мидии (10:11, 1).

Заканчивая обзор источников, содержащих сведения о Мидии, нельзя не остановиться на «Истории Армении» Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), армянского историка, творившего в V в., в период «культурного взрыва», во многом связанного с изобретением армянской письменности. Он попытался рассмотреть историю Армении с древнейших времен на фоне всемирной истории, стараясь для начального ее этапа согласовать сведения Ветхого Завета, ранневизантийских источников и собственно армянские сказания. Считается, что он не использовал оригинальную греко-римскую литературу, а опирался лишь на поздние компиляции, в частности, Мар Абаса Катины (конец III—начало IV в.). В результате в изложении древнего периода истории много неточностей и путаницы [Саркисян, 1986, с. 8 и след., с. 32 и след.; Дьяконов, 1956, с. 42 и след., с. 350 и след.]. Но не только это отличает, в частности, главы, посвященные истории Мидии и современных ей стран.

Мидийская династия насчитывает, по Мовсесу Хоренаци, 8 царей: четыре имени — Варбакес, Модакес, Сосармос, Артикас, названные им пер-

выми в мидийском царском списке, — взяты у Ктесия; остальные четыре — Деокис, Праортис, Кваксарес, Аждахак/Астиаг — у Геродота [Моисей Хоренский, I. 22]. Аждахак — имя мидийского царя у Бероса/Абидена. Это смешение царских имен восходит к Евсевию Кесарийскому (III—IV вв.; [Дьяконов, 1956, с. 37—38]).

Моисей Хоренский касается лишь двух, но краеугольных моментов в истории Мидии: становления мидийской династии и ее падения. В обоих случаях именно Армении отводится решающая роль в связанных с этим событиях. Так, мидиец Варбак был, по словам автора, хитрым в житейских делах и отважным в бою. Узнав о робком нраве, лености, сластолюбии ассирийского царя Сарданапала, Варбак с помощью нахарара Паруйра, сына Скайорди, овладевает ассирийским царством и становится царем. В награду за помощь Паруйр также получает царский сан. Варбак, оставив другим управлять Ассирией, переносит центр государства в Мидию (I. 21). Весь этот рассказ до мельчайших подробностей (облик Сарданапала, вращение мидийца Варбака в военной ассирийской среде, плата за помощь в получении царской власти) восходит к Ктесию у Диодора и Николая Дамасского. Сходится все, за исключением личности сподвижника Арбака: у Ктесия им был вавилонянин (как и в других античных источниках, союзниками мидийцев были вавилоняне), у Моисея Хоренского — армянин Паруйр.

Конец мидийской династии наступил, согласно Моисею Хоренскому, в результате разгрома армянским царем Тиграном войска Аждахака. Причем если сначала говорится, что Тигран разгромил владычество маров при помощи Кира (I. 24), то в описании самой войны и последнего сражения Кир не упомянут (I. 29). Мало того, кроме мидийцев, Тигран, оказывается, покорила еще и греков и долгое время держал их в повиновении (I. 24). В подтверждение версии о дружбе Кира с Тиграном, приведшей к разгрому Мидии, приводится сообщение Ксенофонта об этой дружбе [Киропедия, II. 4, 22—32; III. 1, 1—8, 14—37 и др.; Саркисян, 1986, с. 49; Дьяконов, 1956, с. 43, 353—354]. Но у Ксенофонта эта дружба не приводит к гибели Мидии, ибо Кир, находясь на службе у мидийского царя, делал все во благо Мидии. Предполагать использование Моисеем Хоренским независимой восточной традиции о Мидийском царстве, не использованной его предшественниками, нет оснований, ибо уже в сасанидскую эпоху (III—VII вв.) память об Ахеменидском государстве, не говоря уже о Мидии, почти изгладилась.

Ксенофонт и Мовсес Хоренаци создали оригинальные, но весьма различные версии мидийской истории. Их сближает только само желание интерпретировать эту историю согласно своим творческим замыслам: в первом случае — для создания образа идеального монарха, во втором — для создания образа Великой Армении.

Подводя итоги, следует подчеркнуть следующее: античная историческая и отчасти библейская традиции сохранили ряд устойчивых представлений древних об истории, хронологии и географии Мидийского царства. Согласно им, возвышение страны началось после свержения мидийцами многовекового ассирийского владычества и установления царской династии, падение которой стало результатом захвата власти персами (Геродот, Ктесий; знал это и Ксенофонт, но рассказал он об этом иначе).

Отмечается главенствующая роль Мидии в разгроме Ассирии: у Геродота Мидия вообще не имела союзников (так же и у Иеремии), у Ктесия ее союзником была Вавилония, у Бероса в одном тексте Ассирия была разгромлена Мидией, в другом — Вавилонией. Символом крушения Ассирии было падение Нина/Ниневии; ряд достоверных деталей этого события описаны Ктесием и Беросом. Преемником Ассирии считалась Мидия (Ктесий).

Геродот описал события правлений всех четырех мидийских царей; Ктесий подробно описал приход к власти мидийцев и события мидийско-персидской войны. Причем свержение мидийской династии описано у Ктесия более подробно и с деталями, отсутствующими у Геродота и в определенной мере подтверждаемыми теперь вавилонскими источниками. Именно вариант Ктесия тиражировался последующими авторами, за исключением, пожалуй, только Орозия, который частично использовал схему мидийской династии по Геродоту. Античная историко-литературная традиция считала Мидию империей, в греко-римской концепции о преемственности империй Мидия занимала второе место: Ассирия, Мидия, Персия, Селевкидская и Римская империи.

Греки воспринимали персов как мидийцев (Эсхил, Геродот, Фукидид, Полибий), по-видимому, в результате того, что в Мидии после победы Кира II над Астиагом произошла лишь смена династий, но не было гибели государства, подобной гибели Ассирии. Это единство Мидийско-Персидского государства отмечается и библейскими сочинениями (книги Даниила и Эсфири).

Географические представления греков позволяли им локализовать Мидию в современном Иране, к югу от Каспийского моря и Каспийских ворот. Западные пределы изначальной Мидии ими не фиксировались, разве что район Экбатан естественно входил в ее первоначальные пределы. Позднее, согласно Страбону, горы Загроса на западе отделяли Мидию от Вавилонии и Ассирии. Мидия Атропатена — это северный район Ирана между Урмией и Каспием, одним из первых вошедший в состав Мидии после начала ее экспансии. На востоке границы Мидии, по-видимому, также установившиеся в период её экспансии, определялись ее соседством с Парфией. На юге Мидия, согласно Полибию, простиралась вплоть до границ Персиды.

Эти сведения древних авторов о Мидии вплоть до середины XIX в. оставались единственным источником, позволяющим изучать историю этой страны, изложение ее ограничивалось пересказом этих сведений, а собственно «изучение» состояло в согласовании данных Геродота, Ктесия, Библии и попытках домыслить то, что отсутствовало в их трудах.

Если античные авторы первыми попытались взглянуть на события древневосточного прошлого и мидийской истории, в частности, с позиций стороннего наблюдателя, то ассирийцы и вавилоняне сами участвовали в этих событиях, способствуя их развитию и фиксируя их в своих анналах.

1.3. Клинописные источники

Ассирийские тексты IX—VII вв. до н. э. имеют основополагающее значение для реконструкции мидийской истории, исторической географии Се-

веро-Западного Ирана и локализации Мидии. Их принято делить на несколько категорий:

1. «Анналы» в основном описывали по годам военные походы царей, они составлялись на основе первичных реляций. В них описывались маршруты походов с указанием названий местностей, городов, населенных пунктов, гор, рек и т. д. Отмечались также победы ассирийцев над теми или иными государствами, царями, различными владельцами, перечислялись полученные трофеи и т. п. О поражениях умалчивалось, но анализ текстов позволяет в некоторых случаях предполагать поражения ассирийцев (например, если в ближайшее после «победы» время новый поход пролегал по тому же маршруту или упоминался новый разгром только что покоренного населения, см. 4).

2. «Письма к Богу» — подробные реляции наиболее успешных походов царя, которые адресовались в храм верховного ассирийского бога Ашшура. Эти тексты составлялись искусными писцами, и их художественный стиль отличается от текстов анналов и других надписей. Одно из таких «писем», почти полностью сохранившееся, описывает поход Саргона II против Урарту в 714 г. до н. э. Оно позволяет судить, в частности, о политической обстановке в Северо-Западном Иране этого времени, хотя Мидия в нем и не упомянута [Thureau-Dangin, 1912; Mayer, 1983].

3. «Сводные надписи» (Summary Inscriptions), в отличие от хронологически составленных анналов, представляют собой сводку военных походов, составленную по географическому принципу.

4. «Торжественные надписи» содержали краткие итоги побед, изложенные в произвольном порядке. Сопоставление их с анналами позволяет иногда предположить поражения ассирийцев в тех случаях, когда в этих надписях не упомянуты те или иные победы, отмеченные в анналах.

5. Тексты на стелах представляют варианты первых трех категорий. В досаргоновский период (и, как исключение, в саргоновское время, например, стела Саргона из Наджафехабада близ Кангавара) события в текстах на стелах описывались в хронологическом порядке. Начиная с саргоновского времени, эти надписи составлялись в географическом порядке (1, 3). Стелы устанавливались на территории побежденных стран, и в них подробно описывался конкретный поход, приведший к победе над этой страной (2). Иногда, правда, во вступлении перечислялись походы предшествующих лет, как, например, на упомянутой стеле Саргона (1).

Все эти надписи были официальными документами, составленными с целью прославления ассирийских царей, деятельность которых выставлялась в самом выгодном для них свете. Хотя большинство надписей находилось в публичных местах и все их могли видеть, но мало кто мог их читать — посвящались эти надписи богам и потомкам. Надписи имелись также на глиняных таблетках, цилиндрах, конусах, призмах; они хранились в библиотеках, закладывались в фундаменты зданий и предназначались для потомков.

В этих текстах описываются вторжения ассирийцев в страны Древнего Ирана, на территорию Мидии и ее соседей. В ряде случаев удастся проследить развитие внешней и, изредка, внутривластной и хозяйственной жизни мидийских территорий. Значительный этнотопонимический и оно-

мастический материал позволяет рассматривать вопросы исторической географии и этноязыкового состояния этого региона.

В настоящее время заново сверенные с оригиналами ассирийские тексты, равно как и вновь обнаруженные в последние десятилетия, издаются в серии «The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian periods» [RIMA 1, 2, 3: Grayson, 1983; 1991; 1996]. Все надписи Тиглатпаласара III (744—727) переизданы Х. Тадмором [Tadmor, 1994]. Тексты призм Ашшурбанапала переизданы Р. Боргером [Borger, 1996] (списки прежних изданий см.: [Parpola, 1970, p. XX ff.]).

Особое значение для понимания отдельных событий этого периода имеют деловые документы, не предназначавшиеся богам и потомкам и лишённые специальной идеологической обработки. К ним относятся документы, значительная часть которых в настоящее время объединены в издающейся серии «State Archives of Assyria» (SAA, опубликовано 18 томов). Они включают корреспонденцию ассирийских царей, в частности, деловые и военные донесения из различных регионов страны и из-за рубежа, переписку с храмовой администрацией, донесения шпионов, дипломатическую переписку и т. п. В серию включены предсказания астрологов, а также запросы царей к оракулу бога Шамаша с просьбой ответить на вопросы, связанные с различными военными и политическими проблемами, а также с проблемами, касающимися здоровья царя и его родственников. Эти документы отражают политическую и военную реальность, с которой сталкивались правители; в них отсутствует обычная для анналистики тенденциозность. Чрезвычайно важны для нашей темы запросы к оракулу в связи с событиями в Мидии в царствование Асархаддона.

В основе датировки всех клинописных текстов лежат так называемые «эпонимные хроники» и «списки эпонимов» — ассирийских чиновников, которые поочередно в течение одного года занимали обрядовую должность «лимму». В одном из этих списков (в эпонимат чиновника по имени Бур-Саггиле) указано солнечное затмение, дата которого установлена астрономически — 763 г. до н. э. Это точка отсчета, на основании которой получили абсолютные даты все остальные имена и события эпонимных хроник, список их охватывает 910—649 гг. до н. э. [Millard, 1994, p. 2, 58]. Среди событий, занесенных в эти списки, часто упоминаются походы в Мидию и соседние страны.

Ассирийские источники после 630-х гг. неизвестны, поэтому так важны вавилонские хроники, которые велись по годам правления царей, по видимому, с середины VIII в. и до 539 г. до н. э. (№ 1—7, 14, 15), но дошли не все их части. А. К. Грейсон осуществил полное, заново проверенное издание всех вавилонских хроник, в том числе относящихся к более позднему времени [Grayson, 1975]. Для истории Мидии особо важны так называемая Хроника Гэдда (№ 3) за 616—609 гг. и Хроника Набонида/Кира (№ 7, 550 г.—после 539 г. до н. э.). Вавилонские летописи сообщают лишь наиболее важные события без каких-либо подробностей, свойственных ассирийским анналам.

Урартские клинописные источники — надписи урартских царей на скалах, стелах, зданиях, на различных предметах, а также письма и разного рода документы, заверенные печатями, — практика, введенная Русой II.

Помимо разнообразных строительных надписей, известны надписи типа анналов, но изложение событий в них очень краткое. Хотя Мидия в них ни разу не упомянута, но урартские тексты VIII в. до н. э. проливают свет на события в странах, соседствовавших с Мидией, и помогают понять политическую ситуацию, определявшую поведение мидийских владык того времени. Эти тексты имеют важное значение для локализации ряда стран приурмийского района и соседних стран. Недавно осуществлено дополненное издание урартских текстов [Арутюнян, 2001]. В последние годы открыты очень важные надписи урартских царей VII в. до н. э. (см. гл. IV.3).

Взаимоотношения Мидии и Персии в составе Ахеменидской державы отражены в посвященной событиям 522—521 гг. до н. э. трехязычной (древнеперсидской, вавилонской, эламской) клинописной монументальной надписи Дария I на Бехистунской скале. В ней повествуется о низвержении Дарием I Гауматы, который выдавал себя за сына Кира Бардию, и последовавшей за этим череде восстаний против персидского царя. Успешное восстание в Мидии, где некий Фравартиш объявил себя Хшатритой/Каштарити из рода мидийского царя Киаксара, привело к восстановлению на короткое время власти мидийцев на значительной части Ахеменидской державы [Дандамаев, 1963, ч. II, гл. 2; Бехистунская надпись, 2002, с. 389 и след.].

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИДИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Историография Мидийского царства до середины 1950-х гг. обстоятельно представлена в «Историй Мидии» И. М. Дьяконова (1956). Поэтому, по-видимому, целесообразно выделить только общие направления и достижения в изучении Мидии за этот период и сосредоточиться на анализе исследований в этой области за последние 50 лет.

До последней четверти XIX в. история Мидии целиком основывалась на сообщениях античных авторов, и ее изучение ограничивалось пересказом их сочинений с попытками согласования сведений Геродота, Ктесия и Библии. Очевидно потому, что поздние античные авторы доверяли Ктесию больше, нежели Геродоту, обвиняя последнего в «злокозности», в Новое время исследователи поначалу брали сведения Ктесия за основу, но постепенно такой основой стала полностью сохранившаяся «История» Геродота.

Первые сведения клинописных источников о странах Древнего Востока, которые стали известны науке в середине XIX в., были немногочисленны, не всегда понятны, и их поначалу рассматривали в лучшем случае как дополнение к данным античных авторов и Библии. Поэтому до середины XIX в. Мидия была примерно в равном положении с другими странами Древнего Востока, о ней, как и о ее соседях, имелись лишь скудные, полуполюгендарные и обрывочные сведения греческих авторов [Дьяконов, 1956, с. 9], но вскоре положение стало меняться. Открытие ассиро-вавилонских текстов, хотя и не сразу, легло в основу изучения Ассирии и Вавилонии. Но лишь со временем стало возможным изучение соседних стран, вовлеченных в орбиту этих государств, но не имевших или не сохранивших своих письменных источников. Среди них оказалась и Мидия. Хотя еще в 1871 г. Ф. Ленорман высказался в пользу необходимости использования клинописных текстов для изучения Мидии [Lenorman, 1871], до конца XIX в. сделать это было трудно. Контексты, в которых Мидия упоминается в клинописных текстах, оставались неясными, и еще не были обнаружены сообщения о разрушении Ассирии мидийцами, как не была известна и дата гибели Ниневии в 612 г. до н. э. Эти сведения стали доступными только после публикации так называемой Хроники Гэдда [Gadd, 1923]. Отсутствовало в текстах само понятие «Мидийское царство». Его впервые отметил Э. Форрер [Forrer, 1921], но это наблюдение, по словам И. М. Дьяконова, осталось не замеченным историками [Дьяконов, 1956, с. 73, примеч. 6]. Не было очевидных параллелей между сообщениями греческих авторов и теми обрывочными сведениями о Мидии, которые уже удалось извлечь из

клинописных источников. Первый опыт в этом направлении был сделан Дж. Смитом в 1869 г. Он отождествил геродотову царя Дейока с маннейским правителем саргоновского времени Дайукку, упомянутым в 715 г. до н. э. Почти 100 лет это отождествление признавалось большинством исследователей и легло в основу так называемой «длинной хронологии» мидийской династии, приведшей к существенным искажениям мидийской истории [Smith, 1869, p. 98].

Начиная с 1870-х гг. получили известность тексты с запросами ассирийского царя Асархаддона к оракулу бога Шамаша, которые после начала систематической их публикации И. А. Кнудтзоном [Knudtson, 1893], продолженной Э. Клаубером [Klauber, 1913], стали важнейшим источником по истории антиассирийского восстания Мидии конца 670-х гг. и начала становления мидийской государственности. Но поначалу события, о которых сообщалось в запросах, и исторический контекст оставались непонятыми (см., например, ниже о работе Масперо).

Обобщающей работой начального периода изучения Мидии, отражающей открытия и достижения этой поры, можно считать работу известного египтолога Г. Масперо, посвященную истории народов Востока (первое издание осуществлено в 1875 г.). Книга выдержала несколько изданий и была переведена в 1895 г. на русский язык с 4-го издания 1886 г. Хотя в ней использованы все достижения в области изучения истории Мидии, Масперо, отметив, что ее история «остаётся наиболее темной в пределах истории народов Азии», предпочел излагать ее по Геродоту и Ктесию. Но хотелось бы отметить несколько его замечаний и наблюдений. Так, он считал существование Дейока поэтическим вымыслом, «льстящим тщеславию арийских племен», но опровергнутое историей, ибо реальный Дайукку был всего лишь мелким владельцем, а сама Мидия была раздроблена на мелкие княжества. При этом он приводит мнения Ф. Ленормана, Ф. Шпигеля, А. Делаттра, допускавших достоверность Дейока [Масперо, 1895, с. 500—501]. Описание Дейока у Геродота Масперо воспринимал как соответствующее описанию эпонимного царя. Используя «недавно открытые документы», Масперо ошибочно попытался отождествить Каштарити (имя одного из восставших мидийских лидеров из запросов Асархаддона) с Киаксаром Геродота и отнес само восстание ко времени падения Ниневии и гибели последнего ассирийского царя «Ассурахеиддина II, Саракоса античных источников» (= Асархаддона) в 608 или 600 г. до н. э. [Там же, 1895, с. 521 и след.]. Но уже в 1906 г. Ю. Прашек на основании текста Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария предложил считать Каштарити геродотовым Фраортом. Теперь считается установленным, что восстание Каштарити произошло в конце 670-х гг. Масперо также признал цифру 28 преувеличенной, считая, что скифское господство не могло длиться более 7—8 лет; скифы уничтожили Урарту (точка зрения, существующая до сих пор, хотя в последние годы появились аргументы против нее). Любопытно, что у него киммерийцы шли из Причерноморья вместе с фракийскими племенами и через Балканы дошли до подошвы Кавказа [Там же, с. 515]. Действительно, археологические материалы в Иране фиксируют сильный культурный импульс из Малой Азии в VIII в. до н. э. [Медведская, 2005, с. 109 и след., 120]. Сами же мидийцы, как отметил Масперо, двигались в

Иран с востока вдоль гор, окаймляющих берега Каспийского моря [Масперо, 1895, с. 495]. Заключительные слова о Мидийском царстве хотелось бы привести полностью: «Мидийская монархия пала (549 г.), но это была скорее перемена династии, чем иноземное завоевание. Астиаг и его предшественники были царями Мидии и Персии, а Кир и его преемники — царями Персии и Мидии» [Там же, с. 571].

В эти годы более других историей Мидии и Персии занимался чешский исследователь Ю. Прашек [Prášek, 1906]. В историографических работах его критиковали за «оголтелый индоевропеизм»; следуя «арийской теории», Прашек полагал, что приход арийцев (= индоевропейцев) в Иран, и в частности в Мидию, был началом цивилизованного развития этого региона, поскольку «туземцы не были пригодны для самостоятельной исторической жизни» [Дьяконов, 1956, с. 74—76; Алиев, 1960, с. 33]. Что касается научной критики его труда, то прежде всего отмечаются главные недостатки: ассирийский материал приведен суммарно, географически не дифференцирован, историческое значение ассирийских походов не показано [Дьяконов, 1956, с. 76]. Запутана хронология введением дополнительного царя Киаксара I. Все эти недостатки отражают существовавшую тогда источниковедческую базу и состояние изученности стран Древнего Ирана в целом. Что касается иранской ономастики и основанного на ее анализе положения об абсолютном преобладании арийского элемента в Западном Иране задолго до образования Мидийского царства, то, по мнению Э. А. Грантовского, сторонника этой точки зрения, труд Прашека не дает ничего принципиально нового по сравнению с работами Ф. Юсти, П. Роста и И. Шефтеловица [Грантовский, 1970, с. 8]. Но в любом случае надо отметить, что Прашек первым предложил поменять ориентиры и базироваться при изучении истории Ирана на данных клинописных источников. Но, как показало время, сделать это было трудно, и клинописные тексты еще долго продолжали привлекаться лишь в качестве дополнения к сведениям античных источников.

В эти годы значительное внимание исследователей уделялось определению путей проникновения ираноязычных племен в Иран. Господствующим стало мнение о продвижении их с востока, из Средней Азии. Наиболее важной в этой области считается работа Э. Мейера [Meuser, 1908]. Другое дело, как использовались эти исследования в связи с арийской теорией, абсолютизацией исторической роли этих племен и игнорированием культурной и исторической роли местного населения региона.

После работы Прашека специальных исследований истории Мидии не было около 30 лет. И, по-видимому, не случайно, что они появились в 1930-е гг., ибо в 1920-е гг. активно возобновился исследовательский процесс, прерванный Первой мировой войной. В опубликованной в 1923 г. Хронике Гэдда [Gadd, 1923; Grayson, 1975, Chr. 3], описывающей события 616—609 гг. до н. э., сообщалось об участии Мидии совместно с Вавилоном в разгроме Ниневии в 612 г., а по существу — о падении Ассирии.

Публикация этой Хроники положила начало длительной дискуссии о значении термина «умман-манда», который, начиная с описания событий 612 г., встречался в Хронике наряду с упоминаниями мидийцев. Сам С. Дж. Гэдд считал, что этот термин означал скифов. Но уже в нескольких

работах 1924—1927 гг. доказывалось, что он означает тех же мидийцев (литературу см.: [Zawadzki, 1988, p. 69 f., 99 f.]). Это толкование имело принципиальное значение для понимания роли Мидии в разгроме Ассирии. В Хронике также был назван царь умман-манда Умакиштар (= Киаксар), что подтвердило сведения Геродота и усилило доверие к нему. Наверно, поэтому предложение Прашека поменять источниковедческие приоритеты завоевывало позиции с таким трудом.

Важным событием этого времени стало первое полное издание переводов ассирийских текстов на английский язык, осуществленное Восточным институтом Чикагского университета [Luckenbill, 1926—1927] и сделавшее их доступными широкому кругу историков.

В 1934 г. Ф. Кёниг опубликовал «Древнейшую историю мидийцев и персов» [König, 1934]. Автор утверждал, что в X в. до н. э. мидийцы и персы пришли в Иран с севера через Восточное Закавказье и район к востоку от оз. Урмия. Мидийцы осели в районе Экбатан (Хамадана), а персы по долинам Загроса прошли далее на юг. Важным положением Кёнига стало утверждение о том, что еще в IX в. на северо-западе Ирана, судя по топонимам и этнонимам, преобладало неиранское население. «Арийские иммигранты» перемещались небольшими группами во главе с вождями по странам Передней Азии, где иногда им удавалось захватить власть, принадлежавшую местным владетелям, как это случилось в Иране. Иранский язык был первоначально языком новых господ и их окружения, но постепенно стал заменять местные языки. В отличие от Прашека, Кёниг подчеркивал, что местное население в IX—VIII вв. не было вытеснено пришельцами и оставалось преобладающим. Он первым подчеркнул, что понятие «мидийцы» означает смешение пришлых иранских племен с местными, «субарейскими» народами [König, 1934, S. 8].

В период своего продвижения в Иран мидийцы, а через них и персы, каким-то образом познакомились и даже заимствовали элементы урартской культуры. Эти и другие положения Кёнига начали активно разрабатываться исследователями. Однако И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев со временем подвергли резкой критике «безудержный полет фантазии» Кёнига [Дьяконов, 1956, с. 79 и след.] и его «индогерманский образ мыслей» [Алиев, 1960, с. 39, 91], хотя разбора главных положений автора сделано не было. Дьяконов отметил только «фантазии» относительно толкования термина «умманманда» и неприемлемых этимологий ряда мидийских собственных имен. Вместе с тем основное положение Дьяконова о миграции мидийцев с востока в конечном счете не противоречит выводу Кёнига (если не базируется на нем) о преобладании в X—VIII вв. на западе Иранского плато местного неиранского населения. Это касается и его положения о неиранском происхождении мидийского племенного союза. Примерно таково же понимание этого вопроса и у Алиева (см. ниже).

Надо признать, что в целом «полет фантазии» Кёнига относится к построению мидийской династии и толкованиям Ктесия. Э. А. Грантовский, не вполне разделяя положения о преобладании неиранского населения в этом районе Ирана в начале 1-го тыс. до н. э. и доказывая обратное, смог, однако, выделить главные положения труда Кёнига [Грантовский, 1970, с. 27 и след.], давшие толчок исследованиям по истории Ирана этого периода в 1930—1950-е гг.

В 1936 г. была опубликована «История раннего Ирана» Дж. Камерона. До этой публикации не было работ, в которых бы исчерпывающим образом описывалась история Древнего Ирана до времени Кира Великого; она излагалась лишь в общих работах по истории классического Востока в качестве вступления к истории Ахеменидской Персии. Эту монографию можно рассматривать как современную первичную сводку материалов по истории Мидии [Cameron, 1936; Дьяконов, 1956, с. 80—81]. В ней отсутствуют несутрастности, свойственные, например, работе Масперо. Но хотя в работе использованы все достижения предшествующего периода, в основе истории Мидии по-прежнему лежат сведения Геродота, в том числе о 28-летнем господстве скифов. Камерон четко обозначил «длинную хронологию» мидийской династии на основе отождествления Дейока с маннейским наместником, поместив все правления мидийских царей между 728 и 550 г. до н. э. Однако он понимал, что Дейок не мог быть основателем Мидийского царства, поскольку еще в 715 г. его вместе с семьей депортировали в Сирию (но по каким-то причинам он был назван в качестве эпонимного царя). Но подлинная история царства началась с правления его сына Фраорта (вероятно, поэтому Дейок и мог быть назван основателем династии), так как, судя по запросам Асархаддона, первоначально Фраорт/Каштарити не был царем, но лишь одним из правителей в Центральном Загросе. На основании Бехистунской надписи Камерон окончательно признал тождество Каштарити с геродотовым Фраортом [Cameron, 1936, p. 176—178]. В отличие от своего учителя А. Т. Э. Олмстеда, Камерон не считал нужным включать дополнительного царя Киаксара I, который связал бы правления Дейока и Фраорта и имя которого, Uksatar, упоминается среди правителей Ирана в 714 г. до н. э. [Ibid., p. 153]. Правление Каштарити/Фраорта, отнесенное им к 675—653 г. до н. э., укрепило позиции «длинной хронологии» мидийской династии, начавшейся в 728 г. с правления Дейока (см. гл. IV.4, схема II).

Анализ запросов Асархаддона позволил Камерону сделать вывод о возросшей при Фраорте в ходе восстания мощи Мидии. Но возвышение династии было прервано вторжением киммерийцев и скифов [Cameron, 1936, p. 180], хотя, согласно текстам запросов, он описывал союз киммерийцев, маннеев и мидийцев во главе с Каштарити [Ibid., p. 178].

Для истории царствования Киаксара, наступившего после 28-летнего скифского господства, Камерон использовал вавилонские хроники и сообщения Бероса: описано взаимодействие Мидии и Вавилона в войне против Ассирии, хотя чье-либо лидерство не подчеркивается. Для понимания последующего развития их отношений Камерон привлек сведения Александра Полигистора (у Евсевия), сохранившего данные об участии мидийцев в качестве союзников в походе Навуходоносора против Иерусалима в 597 г. до н. э. Вместе с тем, по мнению автора, Вавилония опасалась своего сильного соседа [Ibid., p. 220—221]. Приведенные им библейские пророчества против Вавилона могли это подтвердить. Из двух версий — Ктесия и Геродота — о войне Кира против Астиага Камерон выбрал вторую, ибо, по его мнению, лаконичность Геродота больше соответствует характеру вавилонской хроники, описывающей приход Кира к власти.

Камерон обозначил границы изначальной Мидии от Хамадана/Экбатан на западе до Рея возле Тегерана на востоке и от Иранского Азербайджана

на севере до Исфахана на юге. Камерон придерживался мнения о существовании Мидийской империи, границы которой на западе пролегли по р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак) в Малой Азии.

В целом предложенные Камероном хронологические рамки мидийской династии в пределах 178 лет, характер согласования всех письменных источников, просуществовав в науке 25 лет, легли в основу будущих дискуссий о роли киммерийцев и скифов в истории Древнего Востока, о достоверности «длинной хронологии» мидийской династии, об исторической географии Мидии, о связи со скифами так называемых «луристанских бронз», которые сам Камерон был склонен считать иранскими [Ibid., p. 184], и открытого позднее саккызского клада, о путях проникновения индоиранских племен в Иран.

В 1930-е гг. сложилось новое направление в изучении истории Древнего Ирана — археологическое. Очевидно, что на него возлагались большие надежды в первую очередь в связи с определением путей проникновения и направления передвижения иранских племен на Иранском плато, с определением их культуры, а также с поисками археологических свидетельств присутствия скифов в местных культурах, что могло бы подтвердить их активную роль в регионе.

Огромное влияние на сложение связанных с этими проблемами гипотез оказали раскопки и исследования Р. М. Гиршмана. В 1938—1939 гг. им были опубликованы материалы могильника Сиалк А (V) и В (VI) близ Кашана. Главной характеристикой Сиалка В, датированного Гиршманом X—началом VIII в. до н. э., служит расписная керамика с сюжетными изображениями. Кроме того, примечательны напомнившие Гиршману крыши русских изб «коньковые» перекрытия каменных могил, конкретные аналогии которым он находил в курганах кобанской культуры Северного Кавказа [Ghirshman, 1938—1939, p. 104]. Опираясь на исторические выводы исследователей, работавших с письменными источниками, прежде всего с трудами Ф. Кёнига, Гиршман пришел к заключению, что археологический материал из могильника Сиалк В подтверждает проникновение иранцев в Иран из Южной России через Кавказ [Ibid, p. 104—105]. Иранцы вместе с новым антропологическим типом принесли культуру, в которой большую роль сыграли коневодство и всадничество. Изображение крылатого коня на сосудах, конская узда в инвентаре погребений, сообщения ассирийских царей о мидийской коннице позволили Гиршману считать культуру Сиалк В мидийской. Учитывая локализацию первоначальной Мидии, предложенную Камероном (хотя последний полагал, что иранцы пришли из Туркестана), Гиршман посчитал, что Сиалк находится в той части Мидии, которая принадлежала паретакенам, одному из мидийских племен, названных Геродотом (I. 101; см. также: [Ghirshman, 1938—1939, p. 107—108; 1974/1977, p. 46]). Впрочем, позднее, учитывая археологические работы в Средней Азии, он допускал движение мидийцев и персов и из Средней Азии [Ghirshman, 1964, p. 3—5].

Серо-черная керамика из более раннего некрополя Сиалк А (конец 2-го тыс. или XII—XI вв. до н. э.) первоначально была отнесена им к местной традиции, но позднее Гиршман допускал ее принадлежность индоиранским племенам, пришедшим в Иран с северо-востока (из Средней Азии) и

через Кавказ во второй половине 2-го тыс. [Ghirshman, 1974/1977, p. 41—42]. Позднее он назвал население Сиалка В иранцами, а носителей культуры Сиалка А предпочел обозначить «пришельцами» [Ghirshman, 1977, p. 45—47, 62]. Р. М. Гиришман выделил две фазы проникновения иранцев на плато. К первой фазе отнесено движение через Кавказ западной группы иранцев. Они оставили некрополь Сиалка А. Некрополь Сиалка В принадлежал, по его мнению, восточным иранцам, которые двигались в Иран из Средней Азии [Гиришман, 1981, с. 142—143].

Раскопки Гиришманом «персидской деревни» на окраине Суз (конец VIII—начало VII в. до н. э.) и обследование руин возле Масджид-и Сулейман и Бард-и Нишанде в Хузистане позволили ему предложить прямой путь движения персов с севера через Хузистан прямо в Фарс — родину Ахеменидов [Ghirshman, 1950; 1954, с. 75; 1964, с. 129]. Позднее Д. Стронах, с учетом раскопок в Пасаргадах, уточнил их маршрут [Stronach, 1974, с. 247—249].

Выявленные Гиришманом архитектурные и строительные параллели между урартской и ахеменидской строительными практиками легли в основу его гипотезы, согласно которой персы на своем пути через Кавказ получили знания и навыки непосредственно от урартов, что также отмечалось в работе Ф. Кёнига [Ghirshman, 1950, p. 205—220; 1962, p. 85—88]. Механизм подобного заимствования, впрочем, не вполне ясен. Хронологическая нестыковка и появившаяся лишь позднее, в период возвышения Ахеменидского царства, необходимость новых архитектурных решений предполагает более вероятным существование уже в Древнем Иране посредника, которым могла быть Мидия.

Предложенные Гиришманом датировки этих памятников, их интерпретация и различные гипотезы долгие годы дебатировались, подтверждались или пересматривались. Почти в каждой работе, посвященной доахеменидскому Ирану, так или иначе затрагивались вопросы хронологии, происхождения или этнической принадлежности Сиалка В.

Вторым краеугольным камнем историко-археологических реконструкций предвоенного периода стали так называемые луристанские бронзы (ЛБ). Интерес к ним возник еще в XIX в., когда Британский музей и Лувр приобрели несколько бронзовых идиолов (позднее этот тип был назван «укротителем диких зверей»). Подобные вещи стали приобретаться и другими музеями, но их происхождение стало известным лишь в конце 1920-х гг. Обнаружилось, что они добывались в ходе грабительских раскопок могильников в Луристане, в Центральном Загросе. ЛБ включают разнообразные предметы вооружения, орудия труда, конскую упряжь, предметы культа, сосуды и являются произведениями искусства, поражающими богатством фантазии, художественным вкусом, многообразием и сложностью форм.

Первым в поисках научной информации о ЛБ в Луристан в 1930 г. проник глава Археологической службы Ирана А. Годар. Работа научных экспедиций в этом районе в обстановке кладоискательской лихорадки была небезопасна. Хотя Годару не удалось вскрыть ни одной неограбленной могилы, он смог ознакомиться с коллекцией ЛБ у торговцев древностями. В своей книге «Бронзы Луристана» [Godar, 1931], давшей название этим

предметам, Годар предположил, что их создателями могли быть касситы — горный народ, издревле обитавший в Луристане. Американская экспедиция, возглавляемая Э. Шмидтом, открыла святилище на холме Сурх-и Дум (долина Кух-и Дашт). В нем было найдено большое число посвященных бронзовых булавок, огромные диски которых были покрыты разнообразными изображениями [Schmidt, 1938, p. 205—216]. Постепенно, уже после Второй мировой войны, сопоставительный анализ собранного материала позволил выделить четыре периода производства ЛБ от 2500 г. до 800/700-х гг. до н. э. ([Schaeffer, 1948, p. 477—495], здесь же см. литературу). Стилистический анализ, проведенный Э. Порадой, определил иконографическую связь ЛБ, отнесенных к четырем этапам между 1200 и 600 гг., с искусством стран древнего Ближнего Востока — наиболее ранним было влияние касситского, северо-месопотамского и митаннийского, а затем эламского искусства [Porada, 1964 p. 9—31; 1965, p. 75—89]. Оба исследователя выделили группу предметов, которые не имели не только аналогий за пределами Луристана, но и следов влияния других художественных стилей. Позднее эту группу Л. Ванден Берге назвал «типичными» ЛБ. Но они датировались согласно К. Шефферу — 1500—1200, согласно Э. Пораде — 800—600 гг. до н. э. Необходимы были археологические раскопки, которые позволили бы обозначить для этой группы четкие хронологические рамки. Эту задачу осуществил Л. Ванден Берге в ходе раскопок 1965—1979 гг. Его исследования завершили тот этап исследования ЛБ, когда первостепенными были ответы на вопросы, где и когда они были сделаны. Имеются в виду уже только «типичные» ЛБ, датированные XII—VII вв. до н. э., а время их наивысшего расцвета следует помещать между IX и VII вв. до н. э. [Vanden Berghe, 1973, p. 75; Ванден Берге, 1992]. Теперь можно было перейти к решению вопросов, кто их сделал и для чего.

Вопрос об этнокультурной принадлежности ЛБ встал с самого начала. Уже А. Годар в 1931 г. и независимо от него В. Минорский [Minorsky, 1931; Минорский, 1959] предложили их касситское происхождение. Но Минорский допускал, что при более поздней дате можно допустить их принадлежность иранским племенам мидийцев. Хотя в окончательном виде его гипотеза предполагает принадлежность «коневождеческих древностей Северного Луристана» различным эпохам, в каждую из которых местное касситское искусство ЛБ испытывало различные влияния, в том числе и мидийское. При разной атрибуции ЛБ из Лувра и Британского музея (каппадокийские, армянские) уже в 1922 г. М. И. Ростовцев сравнивал их со скифскими древностями и предполагал их принадлежность фракийско-иранскому населению той же Каппадокии ([Rostovzeff, 1922, p. 11 f.], развитие этой идеи см.: [Rostovzeff, 1931, p. 45—56]). Другими словами, сразу встал вопрос, кто создал «типичные» ЛБ — местное население — касситы или пришлое — иранцы. Гиришман в свете своей иранской концепции связывал развитие основных черт ЛБ с появлением как в самом Луристане, так и в соседних районах иранских племен, которым принадлежала и культура Сиалка В. Он объяснял, в частности, наличие общих черт ЛБ и культур Малой Азии приходом в Луристан скифо-киммерийских групп, уже побывавших в Каппадокии и Армении. В этой же связи он рассматривал и скифоидную группу предметов из комплекса Зивийе (= Саккызский клад), ко-

торые, по его убеждению, были принесены сюда скифами [Ghirshman 1950a, p. 183, 201 f.]. Однако после исследований Л. Ванден Берге гипотеза Р. М. Гиршмана относительно киммерийского происхождения ЛБ может считаться опровергнутой. Согласно Л. Ванден Берге, затухание производства ЛБ и фактическое их исчезновение происходит накануне или в период расцвета Мидийского царства, что свидетельствует о независимости двух явлений: сложения иранской культуры и государственности и существования традиции производства ЛБ. Следует добавить, что наблюдается определенная культурная изолированность Луристана от остального Северо-Западного Ирана в период распространения там традиции серо-черной керамики на фоне традиционной его связи с месопотамо-эламским культурным кругом. Те иконографические и смысловые параллели отдельным ЛБ, которые находятся в культуре Передней Азии, возможны в том объеме, в каком они имеются в культурах Месопотамо-Эламского региона. На данном этапе наших знаний создание ЛБ местным населением Загроса кажется более вероятным. Впрочем, это предположение имеет своих оппонентов. Именно в работах отечественных исследователей продолжает разрабатываться связь ЛБ со скифами [Погребова, Раевский, 1992, с. 157 и след.].

В связи с поисками региона, в котором сложился скифский звериный стиль, важное значение придавалось предметам из так называемого клада Зивийе, или Саккызского клада. Выделенная среди них группа вещей, имеющая очевидное сходство с произведениями скифо-сибирского звериного стиля, поставила исследователей перед дилеммой — были ли принесены эти вещи скифами с собой (вариант — свидетельствуют ли они о влиянии искусства Древнего Востока на стиль, который сложился где-то в евразийских степях), или этот стиль сложился здесь на древневосточной основе и затем был перенесен скифами в области к северу от Кавказа. Эта дилемма оформилась сразу же после публикации этого клада А. Годаром [Godard, 1950], который считал, что часть вещей из Зивийе доказывает переднеазиатское происхождение скифского звериного стиля. Гиршман же, напротив, посчитал, что их принесли сюда скифы и что свое искусство они передали затем мидийцам [Ghirshman, 1950a, p. 204].

Не имея возможности останавливаться здесь на историографии происхождения скифского звериного стиля, отмечу, что альтернативное решение этой проблемы существует до сих пор. Так, например, развитием гипотезы Годара является выдвинутое М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским следующее положение: «Искусство скифского пласта Зивийе является продуктом трансформации зооморфных образов и мотивов, издавна бытовавших в Передней Азии»; среди ряда художественных традиций, оказавших влияние как на состав репертуара образов, так и на их стилистику, первостепенной являлась культура ЛБ [Погребова, Раевский, 1992, с. 159].

С другой стороны, разбор главных составляющих этого репертуара (образы оленя, кабана, кошачьего хищника, орлиного грифона) дает основания отрицать переднеазиатскую концепцию происхождения данного стиля [Курочкин, 1989; 1992]. Важно иметь в виду, что сложение этой концепции во многом зависело от хронологии скифской архаики, существовавшей до конца 1980-х гг. и значительно омолаживавшей произведения скифского звериного стиля, обнаруженные к северу от Кавказа. Например,

Келермес датировался VI в., тогда как Зивийе — VII в. до н. э. Соответственно реконструировалась и схема развития иранского искусства на базе Зивийе [Луконин, 1977, с. 13, 24 и след., 30—34]. Теперь Келермес датируется в пределах первой половины—середины VII в., а появление киммерийцев и скифов в Иране относится, в соответствии с письменными источниками, к еще более раннему времени [Kossak, 1987; Медведская, 1992; 1994; Галанина, 1997].

Возвращаясь к довоенному периоду изучения истории Мидии, можно подвести предварительные итоги. Были определены хронологические рамки существования Мидийского царства на основе согласования данных Геродота с абсолютными датами, установленными по данным ассиро-вавилонских источников. Это согласование привело к утверждению «длинной хронологии» мидийской династии, по Камерону — между 728 и 550 гг. до н. э. Определены территориальные пределы первоначальной Мидии, занимавшей равнину Хамадан от гор Загроса на западе до горы Демавенд и пустыни Деште-Кевир на востоке. Преобладающей была гипотеза о проникновении мидийцев с другими иранскими племенами в Иран через Кавказ. Оттуда позднее пришли и скифы, сломив на 28 лет мидийское могущество. Важными для этого периода стали исследования Р. М. Гиришмана, археологические раскопки которого выявили материальную и духовную культуру мидийцев и взаимодействие ее с другими культурами. Его исследования подтвердили территориальные пределы Мидии в рамках представления античных авторов и пути проникновения иранских племен. Если сам Гиришман в своих исторических выводах опирался на мнение Кёнига относительно проникновения иранцев через Кавказ, а археологические данные использовал как дополнительное доказательство его положений, то после его публикаций некоторые индоевропейцы, археологи, этнологи стали считать, что именно археологические данные доказывают эту миграцию (см.: [Грантовский, 1970, с. 39 и след.]). В исторических построениях Гиришман следовал Камерону.

В русской научной литературе самостоятельных исследований по истории Мидии не было до середины прошлого века. Существовали общие курсы по истории Древнего Востока, в которых, как было принято, истории Мидии уделялось несколько страниц перед изложением истории Ахеменидского царства. Наиболее полно сведения о Мидии учтены в труде Б. А. Тураева (1914). Но в целом изучению истории Мидии не уделялось специального внимания.

Труду Б. А. Тураева предшествовала «История Мидии» З. А. Рагозиной (ок. 1903). Эта монография в определенном смысле предшествовала книге Камерона, считавшего еще в 1931 г., что истории доахеменидского Ирана не уделяли достаточного внимания и места. Уже хотя бы поэтому ее книгу не стоит обходить вниманием. И. М. Дьяконов назвал эту работу слабой компиляцией, что не вполне справедливо; Рагозина компилировала не более других, разве что, в отличие от Масперо, была более осторожна. Во всяком случае, история Мидии рассмотрена ею от падения Ассирии до 549 г., идентификация Каштарити с Киаксаром, искажившая историю предшествующего периода у Масперо, ею была отклонена. В библиографии ею были упомянуты работы А. Деллатра, Ж. Опперта, Дж. Раулинсона, А. Г. Сэйса, Г. Масперо и др.

История Мидии рассмотренного Рагозиной периода искусно вплетена в историю других стран Древнего Востока. Много места уделено зороастризму, открытию и изучению рукописей Авесты и т. п., присутствует разумная критика Геродота. Мидийские племена постепенно двигались с востока, заняв в результате Загросское нагорье. Здесь арийские племена составили правящее сословие — военную аристократию. Из шести мидийских племен, названных Геродотом, только одно — аризанты, говоря современным языком, было иранским, остальные — «неарийские». Со временем, когда «племенная вражда стала теряться в общем национальном сознании», все население стало одинаково называть себя мидийцами [Там же, с. 300]. Далее Рагозина пишет, что мидийцы и персы в глазах «иностранцев» были одним народом, и после поражения Астиага Мидийское царство стало называться Персидским [Там же, с. 334, 341]. Эта мысль, но иначе оформленная, была высказана Масперо.

Раздел «ассирийского наследства» (термин, в отечественной литературе введенный, по-видимому, Рагозиной) был произведен поровну между победителями. Мидии досталось все, что лежало к востоку от Тигра [Там же, с. 198], в современных исследованиях это положение продолжает обсуждаться. Нужно отдать должное Рагозиной: книга написана увлекательно, грамотно, снабжена хорошими иллюстрациями и для своего времени, безусловно, была хорошим источником знаний по истории Мидии.

В советский период отечественной истории история Мидии в общих работах по истории Древнего Востока излагалась в качестве вступления к истории Персии или в связи с ней [Струве, 1941; Авдиев, 1948; 1953].

С выходом в 1956 г. «Истории Мидии» И. М. Дьяконова приоритет в ее изучении на некоторое время переходит к отечественным историкам. Прежде всего следует подчеркнуть, что исследование Дьяконова является наиболее полным изложением истории Мидии на фоне глубокого и всестороннего исследования древней истории населения Западного Ирана. Нет нужды говорить, что она основана на тщательном исследовании всех имевшихся к тому времени первоисточников. Пожалуй, впервые предъявлены все обоснования высказываемых положений и гипотез, поэтому их можно дополнять, соглашаться с ними или отклонять. Поскольку работа Дьяконова содержит огромный всесторонний материал, то пока следует выделить лишь те положения, которые лежат в русле традиционного изучения Мидии и иная трактовка которых или их развитие будут способствовать дальнейшему изучению истории Мидийского царства.

Итак, хотя Дьяконовым и было заявлено о приоритете клинописных источников, которые представляются наиболее достоверными, будучи современными описываемым в них событиям, однако в основе историко-хронологической схемы истории Мидии лежат сведения Геродота и разработанная на их основе предшественниками Дьяконова «длинная хронология» мидийской династии. Другими словами, была подтверждена идентификация греческого царя *Dēiokēs* и ассирийского царя *Dājaukku* из др.-иран. *Dahyāuka, правление которого относится к VIII в. до н. э. [Дьяконов, 1956, с. 20, 177—178, примеч. 1]. Между тем Дейок, как уже отмечалось Камероном, не мог быть царем всей Мидии, как он назван у Геродота. Он был лишь одним из мелких мидийских владетелей, на него лишь «отраженно лег блеск истории его потомков» [Там же, с. 179].

Главным обоснованием «длинной хронологии» являлось господство скифов над мидийцами по Геродоту. Скифам в книге уделено значительное место, локализация Скифского царства предложена приблизительно в районе между Араксом и Урмией. В дальнейшем Скифское царство, как и Манна, стало основной составляющей собственно Мидии [Там же, с. 242—254, 280]. Если в 670-е гг. в ходе антиассирийского восстания скифы были союзниками мидийцев, то затем, в результате интриг ассирийцев, они сделались союзниками последних [Там же, с. 272—273]. Позднее они смогли завоевать мидийцев, и их господство длилось между 652 и 625 гг. до н. э. [Там же, с. 289 и след.]. Причем это были скифы не новой волны, пришедшей из степей Евразии, а жившие все в том же царстве. Правда, Дьяконов отмечает, что скифское господство не предполагало «уничтожение или поглощение Мидийского государства», а ограничивалось лишь сбором с него дани [Там же, с. 290]. Отметим, однако, что подчинение скифам произошло после победоносного восстания мидийцев против Ассирии по ассирийским источникам, и, сбросив ее иго, Фраорт стал завоевывать, согласно Геродоту, народ за народом (I. 102). Это противоречие — одновременный подъем страны и ее внешняя экспансия, с одной стороны, и подчинение скифам, с другой стороны, — Дьяконов разрешил следующим образом: Геродот передвинул описанные им события на одно правление, и все завоевания Фраорта теперь должны быть отнесены ко времени Киаксара [Дьяконов, 1956, с. 294]. Одним из доказательств этого служит военная реформа Киаксара, ибо, как считал Дьяконов, племенное ополчение при Фраорте не могло бы привести к столь значительным победам. Но если возможна такая корректировка Геродота, то почему не подвергнуть ей и его утверждение о 28-летнем господстве скифов? (См. гл. V.2, 4).

Дьяконов определял пути проникновения иранских племен в Иран из Средней Азии. Обоснованием для этой модели служит малочисленность ираноязычного элемента в северо-западных областях Ирана в IX—VIII вв. до н. э., что утверждалось еще Кёнигом. Их главным оппонентом в этом вопросе стал Э. А. Грантовский, который, напротив, считал, что многочисленность иранской ономастики в этих областях, которую он обосновал по данным ассирийских текстов в своей монографии 1970 г., доказывает приход этих племен через Кавказ. Забегая вперед, отмечу, что последние исследования Р. Цадока все-таки дают основания предполагать движение иранских племен из Средней Азии на восток Ирана [Zadok, 2002, p. 90, 140].

Если Дьяконов, как и некоторые его предшественники, и прежде всего Ф. Кёниг, считал, что по своему происхождению мидийский племенной союз был неиранским и состоял из местных «каспийских» племен, перенявших иранский язык позднее, то Грантовский ориентировался на сообщение Геродота (VII. 62), согласно которому все мидийцы прежде назывались ариями. Следовательно, мидийский союз был первоначально союзом шести ираноязычных племен, сложившимся, возможно, еще до прихода в Иран [Грантовский, 1958]; подробное обоснование см.: [Грантовский, 1970, с. 57 и след., 334 и след.]). Согласие с основными положениями и гипотезами Дьяконова высказали в своей рецензии Г. А. Меликишвили и В. И. Абаев, но отождествление Дейока с маннейским наместником Дайукку они отклонили [Меликишвили, Абаев, 1958, с. 166—172]. Дьяконов не занимался

специально исторической географией Северо-Западного Ирана, полагая, что ассирийские названия областей и стран должны соответствовать долинам. Под Мидией он подразумевал территорию Западного и Центрального Ирана [Дьяконов, 1956, с. 87 и след.].

В 1960 г. была опубликована «История Мидии» И. Г. Алиева, которая писалась одновременно с книгой Дьяконова. Собственно, Мидии в этом труде уделено места меньше, нежели анализу материала, который, на первый взгляд, не связан с Мидией, но который, как оказывается, должен был обосновать главные выводы автора — автохтонность мидийцев и их культурно-историческую связь с Атропатеной, сохранившей, в конечном счете, язык, культуру и память о Мидии.

Много места в книге уделено вопросам языка и этногенеза древнейшего населения Передней Азии и Иранского плато [Алиев, 1960, гл. IV, с. 49—114]. Выступая против «буржуазной» теории о культуртрегерстве арийцев (Ю. Прашек, Ф. Кёниг, Э. Херцфельд), автор в результате отвергает теорию о миграции мидийцев в Иран, полагая, что «нет данных, позволяющих считать собственно мидийские племена пришлым элементом. Можно... говорить только о приходе каких-то ираноязычных племен на территорию Мидии, ставших известными впоследствии как мидийские» [Там же, с. 91]. Сами же мидийцы принадлежали к неиранским каспийским (= загро-эламским) племенам. Надо отметить: с таким же успехом можно предполагать, что пришлые иранские племена заимствовали у местного населения, на территории которого они стали жить, лишь самоназвание. Главным доводом в пользу того, что первоначально мидийский племенной союз, известный в ассирийских текстах как *matâi*, был союзом местных племен, служит невозможность этимологизировать этот термин из иранских языков [Там же, с. 92, 99]. Об этом же писал и Дьяконов, и это было оспорено Грантовским [Грантовский, 1958, с. 154]. Но если Дьяконов считал, что иранский (= мидийский) язык стал межплеменным языком мидийского союза, то Алиев выступил против полной иранизации Мидии, мидийских языков [Алиев, 1960, с. 102]. Он считал, что единого мидийского языка не было, а существовали различные племенные языки, «над которыми превалировал язык господствующего племени, имевший потенциальные возможности со временем превратиться в иранский язык мидийской народности». Это, по-видимому, и произошло в Атропатене, где вследствие концентрации мидийского этноса образовался язык атропатенцев [Там же, с. 114]. Только в составе Мидии-Атропатены (IV в. до н. э.—I в. н. э.), по мнению автора, создалась «мидийско-атропатено-азерийская народность, генетически связанная с кутийско-маннейско-луллубейскими и мидийскими племенами предшествующей эпохи» [Там же, с. 113]. По мнению специалистов, лингвистические, этнонимические и топонимические положения Алиева в целом остаются недоказанными [Массон, Лившиц, 1962, с. 134].

По-видимому, имея в виду именно автохтонность мидийцев, автор описывает археологические культуры на территории Мидии и Иранского плато с эпохи палеолита (!) до эпохи бронзы [Алиев, 1960, с. 43—48, 115—168]. Однако самим автором цель этих очерков не сформулирована, выводы отсутствуют, и кроме того, не рассмотрены памятники, синхронные

мидийскому племенному союзу и Мидийскому царству. Конкретные замечания по этим главам сделаны В. М. Массоном [Массон, Лившиц, 1962, с. 130—136].

Хронологию Мидийской династии Алиев строит следующим образом. Он отсчитывает годы правления мидийских царей, указанные Геродотом, от 550 г., следовательно, два последних царя, Киаксар и Астиаг, правили, соответственно, в 625—585 и 585—550 гг. Но в этом случае Алиев не считает возможным включать 28 лет скифского господства в правление Киаксара, ибо Ассирия уже была разгромлена, и помещает эти годы между правлениями Киаксара и Фраорта, в 653—625 гг. Фраорт/Каштарити правил в 675—653 гг. [Алиев, 1960, с. 229]. Но Геродот указал 128 лет господства мидийцев над Азией, следовательно, в 678 г. началось мидийское восстание, но в таком случае оно началось не при Каштарити [Там же, с. 194, 225]. Это противоречие источников остается непреодолимым, и годы правления Дейока в результате не указываются [Там же, с. 194]. Видимо, сомнения в «длинной хронологии» приводят автора к следующим предположениям. Если восстание началось в 678 г., то это было время правления Дейока, но он в качестве царя не фигурирует (не совсем ясно, что имеет в виду автор, может быть — отсутствие завоеваний, подобных тем, что были у последующих царей?). Предполагается, что в это время было несколько мидийских владетелей, которых позднее в различных традициях называли основателями мидийской династии. Помимо Дейока, таким владетелем мог быть Киаксар (I), о котором сообщает Диодор (II. 32, 2), относивший начало его правления ко 2-му году XVII Олимпиады, т. е. к 711 г. до н. э. [Там же, с. 195]. Не совсем понятна ссылка автора в этой связи на Киаксара, якобы упомянутого Эсхилом в «Персах» (ст. 765; см. также: [Алиев, 1960, с. 242, 249]), но у него назван Мид, и, судя по контексту, имелся в виду, очевидно, другой Киаксар — отец Астиага. Другими словами, если Мидийское царство образовалось в 670-е гг., то, согласно Алиеву, эпонимные основатели династий в разных версиях могли быть различными, и Геродот знал только одну из них [Там же, с. 196]. Правда, неясно, зачем тогда предполагать, что Диодор использовал «первоначальный вариант геродотова труда», в котором шла речь о [Киаксаре] Дейокиде, и в процессе последующих искажений он стал зваться Дейоком [Там же, с. 195].

Если исключить эти неясные моменты, то в целом хронология мидийской династии по Алиеву отражает окончательно сложившуюся в первой половине XX в. концепцию: восстание 670-х гг., не приведшее к возвышению страны, 28-летнее скифское господство, которому автор не уделяет специального внимания, затем возвышение страны при Киаксаре и падение Ассирии в 612 г. Здесь Алиев подчеркивает важную роль Мидии [Там же, с. 235—236]. В умманн-манда он предпочитал видеть не мидийцев, а объединенные силы мидийцев и кочевников [Там же, с. 240, примеч. 4].

Алиев критикует античную традицию за негативный портрет Астиага и пытается реабилитировать его. Он формулирует причины, приведшие к падению Астиага: невозможность в условиях сложившегося политического и военного равновесия держав продолжения завоевательных войн, ведших к обогащению знати, и борьба родовой знати против «центральной власти царя» [Там же, с. 249]. Алиев резко не согласен с точкой зрения, согласно

которой смещение Астиага было династическим переворотом (Г. Масперо, Ю. Прашек, Б. А. Тураев, В. В. Струве). Он настаивает на том, что захват Мидии персами являлся в буквальном смысле завоеванием, в результате которого мидийцы потеряли государственную самостоятельность. Равноправие персов и мидийцев было скорее видимостью, чем фактом [Там же, с. 251]. Но почему эта «видимость» возникла, Алиев не объясняет. (Возражения Г. А. Меликишвили на многие положения Алиева см.: [Меликишвили, 1962, с. 126—129].)

В 1985 г. в «Кембриджской истории Ирана» был опубликован краткий вариант «Истории Мидии» И. М. Дьяконова. В нем отсутствуют источниковедческий и историографический разделы, анализ археологического материала и этнического состава Ирана 3—2-го тыс. Им приведены новые материалы, подтверждающие движение ираноязычных племен на Иранское плато с востока. Отметим небольшую уступку Грантовскому: теперь Дьяконов писал, что, вопреки его первоначальному утверждению о полном отсутствии иранцев в VIII в. до н. э. к западу от линии Тебриз-Хамадан, можно говорить, что до конца VIII в. до н. э. ираноязычный элемент здесь еще не возобладал [Diakonoff, 1985, p. 56]. Придерживаясь прежней историко-хронологической схемы мидийской истории, он, тем не менее, отметил, что Геродот ошибался, приписывая Дейоку основание Мидийского царства [Ibid., p. 90]. По-прежнему он считал, что для согласования сведений Геродота и клинописных источников возможен только один путь — прибавление 28 лет к годам правления Киаксара, а замечание Геродота о включении этих лет в 40 лет его правления было либо его опiskой, либо ошибкой переписчиков [Ibid., p. 112—113]. И хотя в списке литературы у Дьяконова упоминается статья Р. Лабата 1961 г., после которой исследователи перестали исключать эти годы из правления Киаксара, в тексте комментарии отсутствуют. Прочие противоречия источников по-прежнему объяснялись сдвигом событий у Геродота на одно правление [Ibid., p. 109].

Заканчивая рассмотрение этого периода изучения истории Мидии, следует подчеркнуть, что «длинная хронология» помогла отождествить имена двух первых мидийских царей (помимо двух последних, уже известных по вавилонским источникам), чем и подтвердила, как казалось, окончательно достоверность *Médikos logos* Геродота. Вместе с тем эта концепция, главной составляющей которой было 28-летнее скифское господство над мидийцами, зашла в тупик. Оставалось множество нерешенных вопросов, а также несогласованность со сведениями других источников. Новые исследования второй половины XX в. показали несостоятельность этой концепции, хотя некоторые ее звенья сохраняют свое значение.

Первым исследованием, определившим новое направление, можно считать статью Р. Лабата, сломавшую «длинную хронологию». Согласно Лабату, не все рукописи Геродота (I. 106) имеют ремарку о включении 28 лет скифского господства в 40 лет правления Киаксара. И поскольку в этом отрывке сначала говорится о 28-летнем владычестве, а дальше — о сорокалетнем правлении Киаксара, это позволяло исследователям суммировать обе цифры (40 + 28) и удлинять продолжительность мидийской династии (150 + 28 = 178). Правление Дейока относилось, в этом случае, к 728 г. до н. э., что позволяло идентифицировать его с Дайукку, а Фравартиша —

с Фраортом. Лабат, напротив, настаивал на том, что построение мидийской хронологии должно основываться на ремарке Геродота о включении 28 лет в 40 лет правления Киаксара, которая имеется в некоторых рукописях [Labat, 1961, p. 5—7]. Следовательно, Киаксар правил в 625—585, а Фраорт — в 647—625 гг. до н. э. Обе идентификации первых двух царей с Дайукку и Фравартишем, соответственно, отпали сами собой. Эту точку зрения поддержали Э. Кавеньяк [Cavaignac, 1961], П. Хельм [Helm, 1981], С. Браун [Brown, 1988]. Грантовский [1970, с. 249—250] считал, что цифровые определения Геродота имеют искусственное происхождение, но сами имена и события — несомненно подлинные. Он предложил собственную хронологию мидийской династии ([Грантовский, 1994]; см. также гл. IV.4). Об искусственности чисел Геродота писал и Хельм, полагавший, что сам рассказ Геродота о правлении двух первых царей состоит из нескольких отдельных саг, основанных на жизни загросских героев. Поэтому рассказ Геродота вводит историков в заблуждение придуманной хронологией и неисторичностью рассказа ([Helm, 1981, p. 88]; подробнее см.: [Грантовский, 1994]).

Таким образом, начиная с 1960-х гг., растет недоверие к рассказу Геродота, ибо после века интенсивного изучения новоассирийского периода стало, по словам Брауна, «мучительно очевидно, сколь мало сходжений между конкретными сведениями новоассирийских источников и *Mêdikos logos* Геродота» [Brown, 1988, p. 71]. Но и от «длинной хронологии» не все отказались, и преувеличенная роль скифов в истории Древнего Востока продолжала доминировать в исследованиях не только скифологов. Тем не менее в 1980-е гг. выдвигается новый методологический подход — новоассирийские источники должны быть базой исследований, результаты которых затем могут быть сопоставлены с данными античных авторов [Zawadzki, 1988, p. 98; Brown, 1988, p. 71].

В эти годы дискуссии разворачивались вокруг конкретных положений истории Мидии, основанных на рассказе Геродота. Снова была сделана попытка обосновать неизбежность прибавления 28 лет к правлению Киаксара [Scurlock, 1990], но она уже не была принята исследователями. Было заявлено о необходимости пересмотра преувеличенной роли скифов в истории Мидии и всего древнего Ближнего Востока. Эта проблема стала одной из составляющих скифской дискуссии на страницах журнала «Российская Археология» начала 1990-х гг. (1992, № 3; 1993, № 2; 1994, № 3) и последовавших за ней статей [Грантовский, 1994; Медведская, 2000]. В основе дискуссии была моя статья, в которой предлагалось, с учетом работы Г. Коссака, удревнение скифской архаики по данным письменных и археологических памятников Древнего Востока [Медведская, 1992; 1994]. Необходимость в этом давно назрела, и в целом проблема хронологии в настоящее время разрешена. Но вопрос пересмотра роли скифов у ряда исследователей вызвал возражения (см. ниже).

Эти и другие вопросы, связанные с историей Мидии, были подняты уже С. Брауном [Brown, 1986; 1988]. В его работах суммированы главные проблемы в изучении истории Мидии, а также выявлены те слабые места, которые должны исследоваться в дальнейшем. В них был заявлен новый методологический подход, согласно которому новоассирийские источники,

современные событиям, которые они описывают, должны иметь приоритет в любой реконструкции ранней истории Мидии [Brown, 1988, p. 71]. Однако полностью этот метод не был им реализован. Это сделал Ст. Завадский, опубликовавший свое исследование в том же году (см. ниже). Являясь сторонником «короткой хронологии» мидийской династии, Браун отклонил все аргументы, предлагавшиеся в пользу отождествления Каштарити с Фраортом [Brown, 1988, p. 77—78]. Он полагает, что а priori маловероятно господство скифов над Мидией, и высказывает остроумное объяснение причины преувеличения Геродотом их роли. Это преувеличение явилось результатом «полемиической» гипотезы Геродота, попытавшегося объяснить происхождение греко-азиатского конфликта и похода Дария в Скифию. Последнему он приписал желание отомстить скифам за обиды, якобы причиненные ими мидийцам [Геродот, IV. 1; Brown, 1988, p. 82].

Если Хельм [Helm, 1981], по словам Брауна, выплеснул с водой и ребенка, полностью отказав в историчности рассказу Геродота, Браун сам попытался объяснить, почему этого делать нельзя [Brown, 1988, p. 73]. Это относится прежде всего к цифровым определениям Геродота. Их противоречивость является результатом использования Геродотом двух хронологических систем, одна из которых, являющаяся мидо-персидской, сохранила годы правления этих царей. При помощи греческой хронологии им строился общий каркас, связующий хронологии Востока и Запада [Ibid., p. 83]. Принципиальны некоторые положения Брауна относительно мидийской географии (см. ниже). Однако представляется маловероятной его гипотеза о существовании двух Мидий. Одна из них, согласно Брауну, была расположена к западу от Эльвенда, в горах Загроса. Эта Мидия стала известна ассирийцам сравнительно рано, их сведения отражают ранний этап ее развития. Другая Мидия находилась к востоку от Эльвенда, на равнине Хамадан. Геродоту стали известны рассказы об этой, более поздней, Мидии, сохранившиеся в персидских преданиях. Именно этим Браун объясняет невозможность полностью согласовать сведения клинописных и греческих источников [Ibid., p. 84]. Тезис о двух Мидиях, развивавшийся Брауном и раньше [Brown, 1986], базировался, в конечном счете, на исторической географии этого периода, разработанной Л. Левином [Levine, 1974]. Отсутствие в клинописных источниках упоминания о столице Мидии Экбатанах объяснялось им неглубоким проникновением на Иранское плато ассирийцев, не доходивших до столицы. Соответственно, смещались на запад соседние с Мидией страны. Вместе с тем в исследовании Брауна можно видеть скрытое возражение построению Левина, поскольку он допускал локализацию Мидии на Хамаданской равнине. Именно там, по мнению Брауна, шел процесс образования Мидийского государства, который ассирийцы не могли наблюдать, поскольку их доступ вглубь страны был ограничен Эльвендом. Однако тезис о невозможности проникновения ассирийцев за пределы Эльвенда вызывает возражение. Позднее Э. А. Грантовский и И. Н. Медведская подвергли сомнению историческую географию, разработанную Левином. Учтя приведенные этими исследователями новые доказательства локализации первоначальной Мидии [Грантовский, 1983; Медведская, 1995], Дж. Рид ограничил территорию Мидии прежними пределами, включавшими равнину Хамадан к востоку от Эльвенда и гор Загроса [Reade, 1995].

Другой вопрос, который начал дебатироваться в эти годы, не решен до сих пор и ставит под сомнение существование вообще Мидийской империи, пределы которой после гибели Ассирии, как предполагали многие исследователи, простирались от р. Галис на западе до Средней Азии на востоке. Главный вывод, к которому пришла Х. Санчизи-Верденбург, формулируется следующим образом: в клинописных источниках и в археологическом материале нет свидетельств имперской структуры Мидии. Идею Брауна о том, что включение западных пределов Мидии в состав ассирийских провинций создало условия для социальной стратификации, по мнению Санчизи-Верденбург, можно развить следующим образом. В тот момент, когда Ассирия пала, и следовательно, главный механизм, который генерировал развитие этой стратификации, исчез, история Мидии могла пойти по двум направлениям. Или социальная дифференциация окончательно преобразовалась в стратификацию и стала самодостаточной, или ее развитие прекратилось, и она исчезла. Крупные мидийские городские центры типа Нуш-и Джан, Баба Джан и Годин тепе не могли быть построены без аппарата угнетения, что, как полагал Браун, и доказывало его идею. Но одновременно с гибелью Ассирии или чуть позднее жизнь на них прекратилась, что, согласно Санчизи-Верденбург, и доказывает отмену этого аппарата угнетения [Sancisi-Weerdenburg, 1988, p. 203]. По мнению П. Бриана, основа мидийской власти формировалась контролем над крупным торговым путем Древнего Востока, названным позднее Хорасанским [Briant, 1984, p. 40]. Но в эти годы, как отмечает Санчизи-Верденбург, затухает и он [Sancisi-Weerdenburg, 1988, p. 206—207]. Если Я. Харматта пытался реконструировать мидийский административный и бюрократический аппарат на базе мидизмов в древнеперсидских текстах [Harmatta, 1971, p. 13], то Санчизи-Верденбург считает, что эти титулы и терминология соответствуют племенной структуре [Sancisi-Weerdenburg, 1988, p. 208—210]. Анализируя работу Хельма, в которой он показал, в частности, что отдельные народные саги были соединены вместе и вставлены в мидийскую историю в важный момент ее объединения, она приходит к противоположному выводу — мидийская история Геродота не может приводиться в качестве доказательства ее унификации [Ibid., p. 211]. Все эти положения работы Санчизи-Верденбург получили дальнейшее развитие в исследованиях «негативного» направления изучения истории Мидии, в которых отрицается не только существование Мидийской империи, но и ее сколько-нибудь заметная роль в истории стран древнего Ближнего Востока.

В 1988 г. была опубликована монография С. Завадского, посвященная взаимоотношениям Мидии и Вавилонии в связи с падением Ассирии в свете вавилонской Хроники Гэдда [Zawadzki, 1988]. До публикации Хроники Гэдда, описывающей события 616—609 гг. до н. э. и названной так по имени ее издателя (1923), исследователи не сомневались в том, что Ассирию уничтожили мидийцы и вавилоняне. В Хронике же, помимо них, впервые появляются некие умман-манда, которых отдельные исследователи стали считать скифами и, соответственно, стали интерпретировать события этих лет согласно Геродоту. В книге Завадского разобраны доказательства сторонников как двойственной антиассирийской коалиции [Zawadzki, 1988, Chp. IV], так и тройственной [Ibid., Chp., III]. Находясь на позициях пер-

вых, Завадский представил доказательства того, почему под умман-мандой в хронике следует понимать только мидийцев. Одним из аргументов про служит интерпретация событий 613 г. до н. э., впервые получивших внятное объяснение. Дело в том, что в хронике за 613 г. мидийцы не упомянуты, что сторонниками тройственной коалиции объяснялось вторжением скифов. Оно-де прервало осаду мидийцами Ниневии, о чем сообщал Геродот, и могло быть отнесено к 614 г.; это вынудило мидийцев к сопротивлению скифам. Между тем хроника под этим годом сообщает о проассирийском восстании в провинции Суху (на Среднем Евфрате), которое вавилонский царь подавил. Объяснение событий 613 г. является важным аргументом Завадского в его концепции развития отношений между Мидией и Вавилонией после 612 г. Он считает, что они ухудшились настолько, что Хроника Гэдда была переписана с целью преуменьшить роль Мидии в событиях этих лет, и с этой целью был введен термин «умман-манда». Для объяснения истинного характера событий 613 г. автор использует фрагмент надписи царя Набонида на стеле из Хиллы, которую он также датирует 613 г. [Ibid., Chp. IV, col. II:5]. В ней как раз и сообщается, что города, которые не помогли вавилонскому царю в войне с Ассирией (т. е. восстали), были разрушены царем умман-манды. По его мнению, неудачные действия Набопаласара в Суху привели к расширению восстания, царь фактически терял власть, но пришедшие на помощь мидийцы спасли положение [Ibid., Chp. IV, p. 111]. Наблюдение Завадского убеждает, что текст на стеле из Хиллы и Хроника Гэдда за 613 г. фиксируют одно и то же событие, и следовательно, скифы должны быть исключены из участия в событиях мидийской истории этого периода.

Исследование Завадского продемонстрировало результаты нового методологического подхода к источникам, из которых приоритетное значение имеют клинописные тексты. В задачу исследователя, как мы видим, входит их анализ, позволяющий преодолеть краткость, тенденциозность, намеренное искажение в описании событий, что и было блестяще проделано автором (см. также рецензию на его книгу: [Медведская, 1992a]). Так спустя 82 года было реализовано предложение Прашека поменять источниковедческие приоритеты.

Особое место в историографии Мидии последнего времени занимают исследования Э. А. Грантовского. Он остался, в значительной мере, сторонником традиционной исследовательской модели. Он настаивал на достоверности и приоритете *Mêdikos Logos* Геродота. Тем не менее он отказал Геродоту в достоверности его цифровых определений, хронологическими привязками служат даты, установленные по клинописным источникам.

Историко-хронологическая схема по Грантовскому выглядит следующим образом. Начало династии и воцарения Дейока отнесено ко времени антиассирийского восстания 672/71 г., ее конец обозначен 550 г. до н. э. Годы скифского господства сокращены — около 635 г. или середины 620-х гг. до 615 г. до н. э. [Грантовский, 1994, с. 41 и след.; 1998, с. 139, 176—182]. Это была очередная попытка согласовать сведения Геродота о мидийских царях с абсолютными датами. Главным в этой связи стало правление Фраорта, отнесенное им примерно к 640—620-м гг. до н. э. Таким образом, эти годы исключали идентификацию Фраорта с Каштарити, но включали за-

воевание им персов [Геродот, I. 102], которое могло случиться не ранее 630-х гг. Статья 1994 г. была написана «по следам дискуссии „Периодизация скифской архаики и Древний Восток“, начало которой было положено одноименной статьей И. Н. Медведской» (1992). Предложенная Грантовским хронология мидийской династии (гл. IV.4, схема III) исключала возвышение Мидии вскоре после восстания конца 670-х гг. и завоевание ею Урарту не позднее 640-х гг., что доказывалось некоторыми участниками дискуссии, в том числе Медведской, поскольку до 640-х гг. длилось правление Дейока, который не вел завоеваний за пределами Мидии [Грантовский, 1994, с. 40 и след.]. С его правлением во второй половине VII в. до н. э. Грантовский связывал возникновение Мидийского царства, представлявшего собой объединение не племенных, но территориальных единиц [Грантовский, 2004, с. 90—91].

В издании 1998 г. собраны важные работы Грантовского, посвященные доахеменидскому Ирану. Это и высказанная им в 1988 г. идея о нравственно-юридическом начале государственности при Дейоке [Грантовский, 1998, с. 139 и след.], и анализ гипотезы об иранской принадлежности серо-черной керамики (работы 1977—1981 гг.), с атрибуцией которой он не был согласен [Там же, с. 37 и след.]. Авторы этой концепции Т. К. Янг и Р. Дайсон связывали появление этой керамики, в значительной степени сменившей расписную керамику в последней четверти 2-го тыс. до н. э., с приходом на Иранское плато иранских племен. Но лингвисты фиксировали этот приход не ранее IX в. до н. э. В настоящее время эта концепция оставлена [Medvedskaya, 1982; Cleuziou, 1990—1992, p. 299].

Что касается материальной культуры иранцев, то идея Гиршмана о мидийской принадлежности могильника Сиалк В в эти годы не разрабатывалась. Предлагались более поздние, чем у Гиршмана, датировки. Одна из них была предложена на основании сходства этой керамики с керамикой греческого геометрического стиля и анализа конской узды и ее украшений, что обосновывало дату могильника не ранее середины VIII в. до н. э. [Медведская, 1983; Medvedskaya, 1986]. Имеются дополнительные основания для определения западной ориентации культурных связей Сиалка В, в том числе с Малой Азией [Медведская, 2005, с. 107—124].

В современных исследованиях мидийскими считаются всего несколько памятников в Иране. Их атрибуция основывается не на выделении и изучении специфических черт материальной культуры, а на локализации в пределах так называемого «мидийского треугольника» (термин, используемый Д. Стронахом и П. Калмейером). Он ограничивается Хамаданом, Малайером (Нуш-и Джан) и Канговаром в Загросе (Годин тепе). Иногда к ним относят Баба Джан тепе, памятник, находящийся западнее этого треугольника, в Загросе. Но сравнение керамики и архитектуры этого памятника не позволяет относить его к культуре, представленной в Нуш-и Джан и Годин тепе [Medvedskaya, 1992].

Подводя итоги изучения истории Мидии в конце XX в., следует признать, что ученые не пришли к общему представлению о ее развитии. Напротив, как никогда, исследователи резко разошлись в ее оценке. Причем возобладала позиция сторонников Санчизи-Верденбург, которые даже преувеличили ее сомнения в существовании Мидийской империи со всеми

вытекающими из этого выводами. Другие исследователи, учитывая античную традицию, продолжают интерпретировать все источники, пытаясь найти новые подтверждения не только существования этой империи, но и важной роли ее в истории Древнего Востока.

Такое противоречивое состояние современного понимания мидийской истории в зарубежных исследованиях нашло отражение в посвященном разным аспектам истории Мидии сборнике статей, изданном в Падуе ([Lanfranchi, Roaf, Rollinger (eds.), 2003]; обзор сборника см.: [Waters, 2005]). В нем преобладают статьи, авторы которых считают, что Мидийского царства, по существу, не было и что скорее всего была федерация, не обладавшая средствами для управления государством на огромной территории от р. Галис на западе до Средней Азии на востоке. В самом названии сборника сквозит сомнение в том, отражает ли античная концепция последовательности империй, в которой Мидия занимала второе место после Ассирии, историческую действительность.

Наиболее ярко это направление представлено в работах М. Ливерани, Дж. Ланфранки, К. Раднер, Дж. Рида, В. Хенкельмана, М. Юрсы и отчасти Р. Роллингера. Следует также отметить, что в некоторых из них рассматриваются не столько те или иные вопросы мидийской истории, сколько ассирийские проблемы на фоне мидийской истории (например, статья Ланфранки). Нет погружения в проблемы собственно истории Мидии, присутствует скорее взгляд на нее со стороны.

Традиционное представление о важной исторической роли Мидии, первоначально основанное на античных источниках, а теперь подтверждаемое новыми исследованиями, отражено в немногочисленных статьях Д. Стронаха, М. Роафа, Х. Гопник, Дж. Кёртиса. Поскольку подробная рецензия уже опубликована [Медведская, Дандамаев, 2006], здесь имеет смысл продемонстрировать лишь общие выводы в каждом из направлений изучения мидийской истории и принципиально новые ее интерпретации.

Ярким примером «негативного» направления служит экстравагантная модель развития Мидии, предложенная известным ассириологом М. Ливерани [Liverani, 2003, p. 1—12]. В ней чувствуется влияние идей Брауна и Санчизи-Верденбург, но Ливерани идет в своих выводах гораздо дальше. Он находит существенное противоречие между постулируемым на основании античных источников периодом расцвета и усиления Мидии после 612 г. и запуском процветавших прежде мидийских центров Нуш-и Джан I, Годин II/5, к которым он относит и Баба Джан III. Археологическая характеристика этого периода подтверждается и молчанием вавилонских источников о Мидии как могущественном государстве. Следовательно, по мнению Ливерани, информация античных источников имеет два существенных искажения относительно истории Мидийского царства после 612 г. и его политической структуры. Расцвета на самом деле не было, а был упадок. Греческие историки неверно рассматривали Мидию как универсальную империю, модель которой соответствовала персидской и вообще восточной модели государства. Но Ливерани сомневается в принятой последовательности империй и предлагает выводить мидийскую модель не из персидской, а из предшествующей модели «вторичных государственных образований» района Загроса («secondary state formations» — понятие, вве-

денное Брауном). Вторичными эти образования были потому, что их существование зависело от Ассирии. Исходя из этого характеризуются выделяемые автором три этапа развития «мидийских племен». Первые два (750—670 и 670—610 гг.) включают время ассирийского господства: пастушеские племена, жившие вдоль торгового Хорасанского пути, поставляли в Ассирию скот и коней, что привело к процветанию определенных слоев населения и названных выше поселений. Возникновение ассирийских городов (видимо, имеются в виду города в ассирийских провинциях, образованных в Загросе. — *И. М.*) послужило «экономическим и идеологическим» образцом для местной элиты. После 670 г. ассирийцы *de facto* передали власть местным вождям, которые богатели, контролируя Хорасанский путь и поставляя военный контингент ассирийскому царю. Но в 612 г. в союзе с Вавилонией мидийцы уничтожили Ассирию. Парадокс модели Ливерани состоит в характеристике третьего этапа (610—550): разрушив Ассирию, мидийцы уничтожили основу своего благосостояния и снова вернулись к примитивному существованию пастушеских племен. Города были заброшены, никакой империи не было, как и «ассирийского наследства», полученного мидийцами. То значение, которое в персидском культурном наследии приписывалась Мидии, в действительности, согласно Ливерани, принадлежало Эламу. Эту точку зрения разделяет В. Хенкельман [Henkelman, 2003, p. 181—231], в статье которого рассмотрено эламо-персидское культурное взаимодействие. По его мнению, именно Элам был связующим звеном между культурами Месопотамии и Ахеменидского Ирана.

Эта модель Ливерани не выглядит убедительной и порождает множество вопросов: каким образом разрозненные пастушеские племена и элита, благосостояние которой зависело от Ассирии, могли подготовить силы для разгрома Ассирии и почему они пошли на это? Против кого и зачем Кир II вел три года войну? Почему греки не знали даже названия царства Элам? Почему сами персы выделяли среди прочих народов именно мидийцев, а не эламитов?

Статьи Дж. Ланфранки [Lanfranchi, 2003, p. 79—118] и К. Раднер [Radner, 2003, p. 37—64] посвящены политике Ассирии на Востоке, но цели и результаты их исследований предстают принципиально различными. Ланфранки, как и *И. М. Дьяконов*, полагает, что ассирийская агрессия в район Загроса усиливалась накануне радикальных конфликтов Ассирии с Урарту или с Вавилонией и Эламом. Целью завоевания было изъятие потенциальных союзников у противостоящей стороны и включение в сферу ассирийского влияния местной элиты, часть которой становилась военным контингентом ассирийской армии. Единственной экономической выгодой была стабилизация поставок коней, но приоритетными были военно-политические результаты.

К. Раднер, напротив, считает, что усиление ассирийской агрессии было связано с необходимостью поставки коней, так как другие источники или уже были перекрыты урартами (во Внутренней Анатолии), или еще не были доступны Ассирии (Египет, Куш/Нубия с начала VII в. до н. э.). Далее она характеризует мидийцев как оседлый народ, живущий в городах, которые были обиталищами «грабителей-баронов», вымогавших дань/пошлину у проходящих по Хорасанскому пути караванов. Мидийцы, таким образом,

наживали капитал на наиболее ценном своем преимуществе — проходящем через их земли торговом пути, а также на владении конями и искусством верховой езды. Выводы Раднер, таким образом, отклоняют гипотезу Брауна, согласно которой племенные кочевые общества Загроса жили, по существу, за счет Ассирии и на которой в значительной степени основываются построения Ливерани и Ланфранки.

Если Ланфранки настаивает на том, что ассирийская политика на востоке не была нацелена на создание системы эффективного и продолжительного контроля, то А. Греко, анализируя ассирийскую экспансию, приходит к противоположным выводам [Greco, 2003, p. 65—78]. Территорию Загроса, где существовали пути для сезонного перегона скота, можно было взять под эффективный контроль, только установив власть над конечными пунктами этих путей (городами, селениями, становищами), а также над горными проходами. Только захватив их, можно было контролировать всю систему полукочевого хозяйства региона. Это позволяло ассирийцам наладить регулярный приток дани и выполнение повинностей местным населением. В итоге это вело к увеличению спроса на продукты скотоводства и к основанию новых городов, что было выгодно местному населению.

Не совсем понятны основания для нового взгляда Ланфранки на запросы Асархаддона к оракулу бога Шамаша, которые всегда рассматривались как важный источник по истории Мидии 670-х гг. По мнению автора, они не отражают конкретной реальности — беспокойства ассирийцев по поводу засад и военных операций в мидийских районах, краж коней, предназначенных для отправки в Ассирию. Эти запросы — результат предвзятого взгляда элиты Месопотамии на горную периферию, где постоянно существовали эти негативные стереотипы: следовательно, их не стоит рассматривать как реакцию ассирийской власти на растущий беспорядок в восточных провинциях [Lanfranchi, 2003, p. 89].

Как мы видим, уже эти несколько статей, по существу, анализируют проблемы Ассирии, связанные с ее агрессией в район Загроса, где, согласно исторической географии Левина, и локализовалась доступная ассирийцам Мидия. Но если Мидия, напротив, располагалась восточнее, на равнине Хамадан, то все социально-экономические аспекты горного района, рассмотренные авторами, не имеют отношения к собственно Мидии. К тому же выводы одних исследователей исключают выводы других.

Дж. Рид [Reade, 2003, p. 149—156] доказывает, что мидийцы были всего лишь наемниками вавилонян. Противоречивы выводы Роллингера [Rollinger, 2003, p. 289—319]: с одной стороны, Мидия, представлявшая некое «племенное единство» без политической стабильности и средств для сдерживания, не могла владеть и управлять обширным государством, которое ей приписывают античные источники и исследователи. Но, с другой стороны, он затрудняется утверждать, что граница по р. Галис была фикцией.

Д. Стронах [Stronach, 2003, p. 233—248], который всегда с сомнением относился к исторической географии Левина, вводя в научный оборот материалы мидийского памятника тепе Озбаки близ Тегерана, подтверждает локализацию Мидии далеко на восток от Экбатан. Кроме того, отсутствие в этом памятнике слоя запустения свидетельствует против категоричного

вывода Ливерани относительно ослабления Мидии после 612 г. Что касается «запустения» Нуш-и Джан тепе, то Стронах, раскопавший этот памятник, подчеркивает, что город около 600 г. до н. э. был мирно оставлен его жителями, которые предварительно тщательно законсервировали свой храм. Это обстоятельство можно рассматривать как результат изменения религиозной практики или даже как эпизод местного значения, но не как результат развала государства.

Полагая, что в период 612—550 гг. мидийцы постоянно присутствовали за пределами своей родины, Стронах на основе археологического материала предлагает локализации мидийского магистрального пути на запад вплоть до Каппадокии. Вместе с тем он полагает, что пока нет подтверждения существования сильного Мидийского царства до 615 г.

В отличие от Хенкельмана, М. Роаф, прослеживая некоторые элементы ассирийского искусства, заимствованные персами, считает гипотезу о мидийском посредничестве наиболее вероятной [Roaf, 2003, p. 13—22]. А Х. Гопник [Gopnik, 2003, p. 249—259], анализируя керамику из Годин тепе II, предполагает возросшую в мидийский период централизацию керамического производства или, по крайней мере, высокий уровень взаимодействия между гончарами. Создание сети экономических взаимосвязей позволило распространить эту керамику в пределах от Анатолии до Средней Азии и юга Ирана. Именно этот керамический горизонт стал базой для производства керамики ахеменидского периода, и политические перемены не повлияли на эту преемственность. Вполне вероятно, что данные Х. Гопник станут важным аргументом в будущих дискуссиях, поскольку ее выводы подтверждают существование обширного Мидийского царства в период его расцвета.

Вместе с тем отсутствие четких представлений о мидийской архитектуре и искусстве не позволяет М. Р. Саррафу датировать мидийским временем открытую в Хамадане крепость с мощными оборонительными сооружениями, что подчеркивает военное и политическое значение города [Sargaf, 2003, p. 269—279]. Это же не позволяет говорить о мидийском влиянии в Закавказье, где, однако, прослеживается влияние и урартского, и ахеменидского времени [Kroll, 2003, p. 281—287].

Резюмируя этот, в значительной степени итоговый в историографии Мидии, труд, отмечу те вопросы и проблемы, которые остаются открытыми и разработка которых должна быть продолжена:

1. Хотя вопрос о причинах и времени возвышения Мидии в этом сборнике не рассматривался, но именно от его решения зависит последующая интерпретация мидийской истории и тот или иной взгляд на Мидийскую империю.

2. Способ получения власти Ахеменидами — разгром Мидии или преемственность власти — косвенно может обозначить форму Мидийского государства.

3. Хотя авторы сборника придерживаются противоположных позиций, но его редакторы однозначно считают, что описание Геродотом мидийцев как огромного этноса не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками, хотя необходимо добавить, что и не опровергается этими источниками.

4. Редакторы также отмечают, что сходство между Ассирийской и Ахеменидской империями очевидно, но, по их мнению, неясно, кем оно передано. Предложение Элама в качестве культурного посредника, очевидно, их не убедило. Но ведь если посредник существовал, то кроме Мидии к 550 г. никого уже не было. В данном случае можно сказать только, что отсутствие свидетельства не есть отсутствие факта.

5. Локализация коренной территории Мидии — в Загросе или на равнине Хамадан — напрямую влияет на выводы авторов. Но от «короткой» географии Левина в западной литературе начинают отказываться [Reade, 1995], а в отечественной историографии ее изначально не разделяли. В этом сборнике Д. Стронах подтвердил восточную локализацию Мидии новыми данными.

6. Необходимо попытаться найти в рамках «короткой хронологии» мидийской династии вариант согласования сведений Геродота с данными клинописных источников.

Анализ историографии Мидийского царства обнаруживает, что базой, на которой может основываться дальнейшее изучение Мидии, являются: а) историческая география Северо-Западного Ирана в новоассирийский период, в рамках которой необходимо локализовать изначальную Мидию, и б) результаты максимально полного согласования данных о Мидии, полученных в ходе исследования клинописных источников, с мидийским рассказом Геродота и другими античными авторами.

Решение этих задач предлагается в главах III, IV и V.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА IX—VII вв. до н. э.³

Источником для изучения исторической географии Ирана новоассирийского периода являются главным образом ассирийские клинописные и, отчасти, урартские и вавилонские тексты. В них представлены описания маршрутов походов ассирийских царей в Иран, документы государственного архива Ассирии (донесения шпионов, деловые и военные отчеты, копии царских распоряжений, переписка царей с ассирийскими наместниками в завоеванных владениях в Древнем Иране), обращения царей к оракулам с политическими и хозяйственными вопросами. В источниках упоминается огромное число названий стран, городов, рек, гор; их локализация определяет историческую географию Ирана этого периода. Приоритетными являются тексты с описаниями походов в анналах; постулируется, что описания в них соответствуют реальному прохождению армии по названным территориям и, следовательно, отражают взаиморасположение пройденных стран. Чрезвычайно ценными являются немногочисленные описания почтовых маршрутов и переписка по поводу учреждения почтовых станций в ассирийских провинциях, в том числе на территории Ирана. Сопоставительный анализ текстов позволяет реконструировать относительную локализацию стран.

Ключом к построению исторической географии рассматриваемого периода служит прежде всего подробное изучение топонимии маршрутов. Выявляемая повторяемость групп топонимов обусловлена небольшим выбором путей, ведущих в страны Иранского нагорья через горы Загроса. Затем следует сопряжение выявленного взаиморасположения стран с дорожной сетью современного Ирана, которая из-за сложности рельефа страны не менялась тысячелетиями. И на этом этапе в работе учитываются орография, рельеф местности и т. п. Привязки к местности возможны в тех немногочисленных случаях, когда, например, лингвистический анализ древнего топонима позволяет идентифицировать его с современным; то же относится и к гидронимам, горам и горным проходам, а также к упоминаниям на стелах, найденных *in situ*, места их установки. Археологические данные иногда также дают основание предполагать или подтверждать ту или иную локализацию. Сопоставительный анализ всех этих данных и позволяет реконструировать историческую географию Северо-Западного Ирана первой трети 1-го тыс. до н. э.

---

³ См. карты 1, 2.

Иранское нагорье отделено от низменной Месопотамии широкой полосой (до 200 км) параллельных горных цепей, именуемых в совокупности горами Загрос. Между тянущимися с северо-запада на юго-восток хребтами расположены параллельные замкнутые долины. Сообщение между ними затруднено, так как ущелья, связывающие их, узки и неудобны для передвижения. К тому же поверхность склонов в древности была сплошь покрыта густыми зарослями леса и кустарников. Только две реки, Дияля и Нижний, или Малый, Заб, глубоко врезаясь в горные ущелья, позволяют сравнительно легко пересечь эти горы. Вдоль Диялы, немного отклоняясь от ее верховьев на юг, пролегал Большой Хорасанский путь. Пересекая Загрос, через сравнительно большие и удобные долины, где расположены современные города Шахабад, Керманшах и горный проход Эседабад, он выходил на равнину Хамадан и через прикаспийские области Ирана шел к границам Средней Азии и далее на восток.

Анализ описаний проложенных на восток маршрутов ассирийских походов обнаруживает последовательное прохождение одних и тех же стран; это показывает, что ассирийцы пользовались двумя или тремя путями для проникновения в Иран. Часто упоминаемые в анналах страны лежали вдоль древних путей торговли, обмена и культурного взаимодействия. Ассирийцы, правда, нередко отклонялись от этих путей, отсюда использование в их анналах редких топонимов. Из верховьев Нижнего Заба через современные Сердешт и Секкез (Саккыз) можно было попасть на север в район оз. Урмия. Через современные Сулейманию и Сенендедж попадали на равнину Хамадан, откуда также шел путь в сторону Урмии через Биджар, Текаб, Миандоаб. Восточнее равнины Хамадан начинался караванный путь на север через современные Такестан, Зенджан, Миане, Тебриз в Закавказье и Малую Азию. Большой Хорасанский путь связывал все эти магистрали: с него можно было свернуть на караванный путь Зенджан—Тебриз, а через Керманшах — Паве — Сулейманию или Сенендедж попасть в район озера Урмия. Судя по средневековым источникам, эти пути служили тысячелетиями, вдоль них возникали селения и города, они и теперь служат основными магистралями Ирана.

В современном понимании исторической географии Ирана новоассирийского периода сложились две тенденции, формирующие ее построение. Традиционное построение взаиморасположения стран было основано на представлении о глубоком проникновении ассирийцев на Иранское плато вплоть до Каспийского моря («моря восхода солнца»), горы Демавенд и пустыни Деште-Кевир. Основной привязкой к местности было принятое многими исследователями отождествление упоминаемой в ассирийских источниках горы Бикни, или Лазуритовой горы, с горой Демавенд недалеко от Тегерана и Соляной пустыни с пустыней Деште-Кевир. Они обозначали предел проникновения ассирийцев на востоке. В целом протяженность ассирийских походов в страны Иранского нагорья была сопоставима с протяженностью их маршрутов на север в Урарту и в страны на западе.

Однако в начале 1970-х гг. была предложена принципиально иная реконструкция исторической географии, которая в результате значительно сократила протяженность ассирийских походов на восток, по существу, ограничив их горами Загроса [Levine, 1974]. В основе такой «короткой» гео-

графии лежит локализация Мидии не на равнине Хамадан, а к западу от нее, в горах Загроса. Основанием для такой локализации Мидии стало, по сути, отсутствие упоминания ассирийцами столицы Мидии Экбатан (совр. Хамадан). Гора Бикни была отождествлена Л. Левином с горой Эльвенд на востоке Загроса.

Следует подчеркнуть, что в зарубежной литературе 1970—1990-х гг. использовалась, за редким исключением [Reade, 1978; 1995], именно эта реконструкция исторической географии Ирана новоассирийского периода. В отечественной историографии она не была принята. Напротив, была еще раз подтверждена «длинная» география [Грантовский, 1983; Медведская, 1995].

Другой проблемой, решение которой существенно влияет на построение исторической географии Ирана новоассирийского периода, является локализация стран в районе озера Урмии на северо-западе Ирана. В ее основе лежит анализ второй антиурартской части VIII похода Саргона в 714 г. до н. э. Исследователями предложено три варианта его движения: вдоль восточного и северного берегов Урмии, вокруг всего озера или вдоль южного и западного его берегов. Второй вариант, предложенный в 1963 г., в последние годы активно разрабатывается зарубежными исследователями [Hulin, 1963]. Однако при таком варианте построения географии приурмийской зоны часть стран, пройденных Саргоном в конце похода, когда после Урмии он ушел на запад и затем на юг в Ассирию, перенесена в Иран. Кроме того, из первых двух вариантов следует, что ассирийцам был известен район к востоку и северу от озера и что восточная часть зоны какое-то время принадлежала урартам. В 1989 г. был предложен новый аргумент, исключающий первые два варианта маршрута ([Медведская, 1989], см. ниже).

И. М. Дьяконов считал, что ассирийские названия областей и стран в основном должны соответствовать долинам, и «ключом к исторической географии Мидии является изучение ее рельефа и орографии» [Дьяконов, 1956, с. 87]. Не занимаясь специально локализацией отдельных стран региона, опираясь на немногочисленные исследования своих предшественников, он выделил на территории Северо-Западного, Западного и Центрального Ирана 12 основных географических регионов, которые ограничиваются водоразделами долин. Каждый из этих районов, за исключением района II, был соотнесен им с той или иной страной, областью или отдельным топонимом, известными из ассирийских источников [Там же, с. 87—93].

Безусловно, с рельефом и орографией были связаны как древние пути проникновения в Иран извне, так и пути сообщения внутри него. Не следуя схеме И. М. Дьяконова, целесообразно, тем не менее, для удобства изложения предлагаемой схемы исторической географии Ирана новоассирийского периода разделить территорию Северо-Западного Ирана на пять районов. 1. *Приурмийский район*. Принятие одного из трех существующих вариантов локализации стран возле озера позволит согласовать топографию приурмийских стран со странами 2-го района. 2. *Верховья Малого, или Нижнего, Заба*. 3. *Район Хорасанского пути на его Загросском участке*. 4. *Равнина Хамадан*. Здесь располагалась основная территория Мидии. Определение ее северо-западных, западных и юго-западных пределов позволяет

уточнить локализацию ряда стран 3-го и 5-го районов. 5. Названные четыре района окружают большую часть *Южной Атропатены*. Значительную часть этого района занимало Маннейское царство.

III.1. Приурмийский район (карта-схема 1)

Соперничество между Ассирией и Урарту на востоке выразилось в борьбе за гегемонию над раздробленными странами на территории Ирана. По существу, борьба обоих государств шла тогда за стратегически важный приурмийский район. В IX в. до н. э. здесь господствовала Ассирия. Уже Салманасар III совершал походы в приурмийскую страну Гилзан. Однако завоевание этого района ограничивалось грабительскими походами. Сохранение самого названия «Гилзан» на протяжении IX в. и неоднократность походов сюда свидетельствуют об определенной независимости края. Но уже в конце IX в. урарты, воспользовавшись ослаблением Ассирии, вторглись в приурмийский район и закрепились здесь. В течение почти ста относительно мирных лет здесь был создан плацдарм, необходимый урартам для завоевания в первую очередь Манны и соседних стран. В VIII в. политика урартских царей на востоке была очень активной. Имея в виду дальнейший захват Манны, урартские цари организуют антиманнейские коалиции, захватывают страны, находившиеся на подступах к Манне. В 10-е гг. VIII в. им даже удалось организовать антиассирийскую коалицию, в которую входила и сама Манна [Дьяконов, 1956, с. 206—208]. Все это не могло не беспокоить Ассирию. Неустойчивость проассирийской позиции Манны ввиду непосредственной близости Урарту особенно мешала собственной захватнической политике Ассирии на востоке. Лишь объективные причины затянули эту борьбу почти на сто лет. Но когда в Ассирии во второй половине VIII в. сложились условия для политического и военного ее усиления [Дьяконов, Медведская, 1987, с. 203 и след.], ассирийско-урартское соперничество на востоке достигло максимальной остроты и его кульминацией стал поход Саргона II в 714 г. Результатом похода, как было принято считать, явилось поражение Урарту в борьбе за политическую гегемонию как на востоке, так и на западе: Саргон подвел черту под периодом политического расцвета Урарту. Новые данные позволяют пересмотреть эту точку зрения (см. гл. IV.3).

Вопрос о том, где находились приурмийские владения урартов, является ключевым в реконструкции как маршрута Саргона 714 г. до н. э., так и исторической географии Ирана в целом. Долгое время представление о маршруте этого похода базировалось главным образом на работах Ф. Тюро-Данжена и К. Ф. Леманн-Хаупта, основанных целиком на анализе письменных источников [Thureau-Dangin, 1912; Lehmann-Haupt, 1916; 1918]. Реконструированный ими маршрут похода пролегал по огромной территории: из Ассирии на восток значительно южнее озера Урмия, затем через территории к востоку и северу от озера на запад к озеру Ван. Оттуда вдоль северного и южного берегов Вана, согласно Тюро-Данжену, или вдоль его восточного берега с возвращением в сторону Урмии, по Леманн-Хаупту, — обратно в Ассирию. На обратном пути Саргон с небольшим отрядом раз-

громил Муцадир. В той части маршрута, которая касалась движения возле Урмии, разногласий между обоими исследователями не было: маршрут Саргона, по их мнению, пролегал в районе восточного и северного берегов озера, где и находились, согласно их реконструкции, урартские владения.

Маршрут вокруг южного и западного берегов Урмии, предложенный в свое время Н. Адонцем и Я. Манандяном на основе иной локализации топонимов, исследователями долго не признавался [Adontz, 1946, p. 105 ff.; Манандян, 1956, с. 44 и след.; Арутюнян, 1970, с. 299].

Уже Г. Ригг высказал сомнение в вероятности столь большой протяженности маршрута [Rigg, 1942, p. 130—138]. Он максимально сократил маршрут Саргона; предложенный им вариант не совпадал с общепризнанной тогда реконструкцией и включал западные районы Ирана и подход к Урмии с юга, затем маршрут пролегал по части западного побережья и далее через перевалы по долине р. Большой Заб в Ассирию (схему его маршрута см.: [Zimansky, 1990, fig. 1]). За исключением начальной части маршрута, в целом близка предложенному Риггом маршруту реконструкция Левина [Levine, 1977, p. 135—151]. В этой работе локализация стран, пройденных Саргоном, основывалась исключительно на данных письменных источников, хотя ко времени написания этой работы археологические исследования определили достаточно точно, где именно в приурмийском районе должны были находиться владения, завоеванные урартами в конце IX в. до н. э.

Археологи, активно работавшие в 1960—1970-е гг., обнаружили на территории Северо-Западного Ирана 97 урартских памятников. Из них свыше 30 на западном (а не на восточном) берегу озера Урмия [Zimansky, 1985, p. 34; Kroll, 1976, S. 171—173, Abb. 45—46, карты]. Диагностическая урартская керамика с характерным красным ангобом найдена на памятниках по всему западному побережью и южнее озера, но на территории между Мехабадом и Миандоабом отсутствует (она не обнаружена в разведках восточнее р. Татау до г. Бенаба на севере [Swiny 1975, p. 89, note 30]). находки урартских надписей определяют, по-видимому, максимальное продвижение урартов по западному берегу на южный — по линии Келешин, Мехабад, Миандоаб (надпись из Таш тепе). Однако вряд ли эта линия стала юго-восточной границей Урарту, как считает М. Сальвини [Сальвини, 1983, с. 229]. Во-первых, потому что красноангобированная урартская керамика сюда не проникает, а во-вторых, те несколько крепостей, что обнаружены в районе Мехабата, относятся к VII в., а в таком случае их урартская принадлежность сомнительна. Кроме того, в VIII в. между Урарту и Манной существовали буферные страны Ушкайа/Ашкайа, Уишдиш/Угишти, которые переходили из рук в руки и считались то урартскими, то маннейскими. Поскольку линия от Келешина до долины Солдуз, несомненно, была южной границей приурмийских владений урартов, эти буферные страны могли занимать территорию к югу от Урмии. В районе восточного побережья Урмии урартские надписи, крепости и керамика не обнаружены.

Археологи указывали на расхождения между археологическими данными относительно приурмийских владений урартов и первоначальной реконструкцией похода 714 г. до н. э. Так, урартская крепость Хафтаван III (долина Салмас, недалеко от г. Шахпура) на западном побережье была раз-

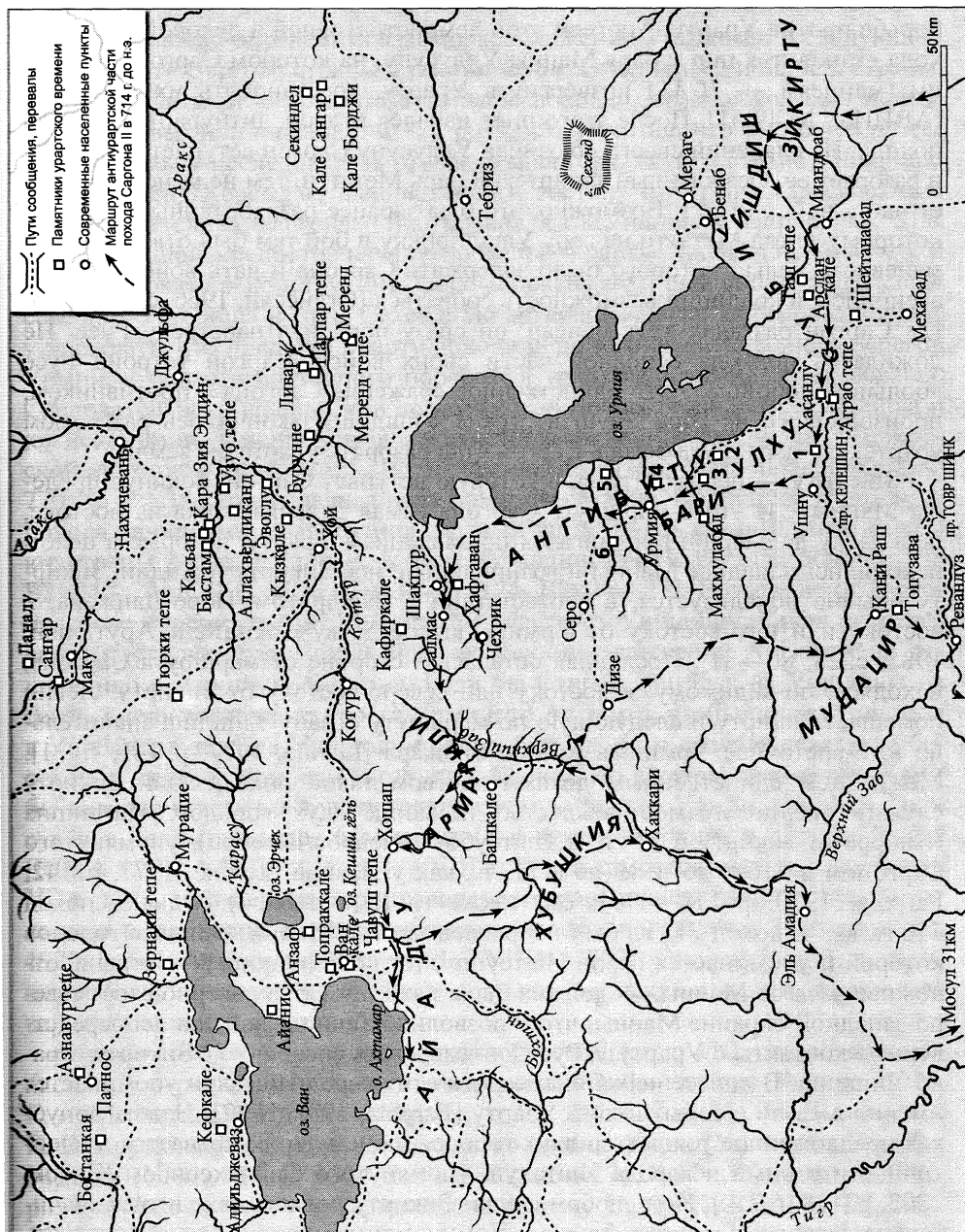
рушена в конце VIII в. Саргоном II. Но если, как отмечал исследователь памятника Ч. Бёрни, Саргон шел вдоль северного берега Урмии, то, следовательно, он должен был «оставить Хафтаван невредимым на своем левом фланге» [Bugney, 1972, p. 142]. Такого же рода недоумение высказал О. Мускарелла, исследователь крепости Калатгах, расположенной значительно южнее на западном берегу Урмии [Muscarella, 1971, p. 49]. Археологические данные позволяют связывать гибель Хасанлу IV с походом Саргона в 714 г., а не с завоеванием этого района урартами в конце IX в. до н. э., как принято считать [Medvedskaya, 1988, p. 1—15; 1991, p. 72—80]. Уничтожение Саргоном приурмийского плацдарма урартов в 714 г. означает, что единственно возможным был его маршрут по западному побережью Урмии. Письменные источники не только не противоречат археологическим данным, но и подтверждают их.

Обратимся к письменным источникам и проверим наиболее важные звенья в цепи локализаций стран, пройденных Саргоном в 714 г. до н. э. Коротко о походе. Расстановка сил к 714 г. была следующая: приурмийский район принадлежал Урарту, это было обеспечено как внутренней политикой Урарту, в частности характером освоения приурмийских земель⁴, так и благоприятной политической ситуацией — Ассирия на протяжении почти всего VIII в. не вмешивалась в политику Урарту на востоке. Манна переживала трудный период: страны Зикирту и Андия отложились от нее и заключили антимааннейский союз с урартским царем Русой I. А Уишдиш, одно из наместничеств Манны, Руса завоевал. Ассирия, окрепшая в результате реформ Тиглатпаласара III, вновь вступает в борьбу за гегемонию на востоке. В этой ситуации антимааннейская коалиция, в сущности, превращается в антиассирийскую, а сама Манна становится союзником Ассирии в борьбе против Урарту.

Итак, в 714 г. Саргон из царского города Кальху (совр. Нимруд), переправившись через Верхний Заб, пройдя Замуа, перевалив несколько горных перевалов, спустился в маннейскую область Сурикаш, которая соседствовала с Аллабрией и Караллой (см. гл. III.5). Первый этап похода проходил намного южнее Урмии, в основном по стране маннеев, и был довольно мирным. Саргон собирает дань, устраивает смотры войскам,

---

⁴ Этот район был стратегически важным для урартов. Сохранив население и ресурсы края, они быстро превратили его в плацдарм. Судя по незначительности разрушений Хасанлу IV при завоевании его урартами (первый пожар, разделяющий подпериоды IVC и IVB) и той огромной строительной деятельности, которая фиксируется археологами в VIII в., урарты уделяли большое внимание экономическому процветанию края. Оросительную систему и цветущие сады, дворцы и многочисленные крепости — вот что застал здесь Саргон в 714 г. и описал в своем «Письме к богу Ашшуру». Приурмийская территория стала частью урартской державы. Это следует из того, что после 820 г. названия стран, упоминаемых ассирийцами в IX в. при неоднократных походах сюда, перестают встречаться в текстах (в частности страна Гилзан). Будучи включены в состав Урарту, они переименовываются. В VIII в. при описании походов в юго-восточном направлении урартские цари, перечисляя чужие страны, пропускают названия тех стран, которые в 714 г. Саргон упоминает в составе собственно урартской территории в приурмийском районе (Бари, Улху, Сангибуту) (см. об этом ниже).

Карта-схема 1. Страны приурмийского и приванского районов (авторская разработка карт из: [Zimansky, 1985, pls. 9B—11B; 13B—15B]):

1 — Калатгах; 2 — Кале Камана; 3 — Кале Зендан; 4 — Геой тепе; 5 — Кахраманлу; 6 — Кале Исмаил Ага

принимает в крепости Сирдакка/Зирдиака знаки дружбы и преданности. Некоторые страны делают это для того, чтобы избежать новых кровопролитных походов ассирийского царя. Манна же мечтает получить помощь в

борьбе против Урарту. Апогеем этой демонстративной и деловой части похода становится пир у царя Манны Уллусуну, на котором Саргон «обещал им (маннеям. — *И. М.*) низвергнуть Урарту, восстановить их границы» [АВИИУ, № 49:51]. После этого пира начался второй, антиурартский, этап похода. Из владений своего союзника Уллусуну Саргон вступает в Зикирту и разоряет ее. Осажденный зикиртский царь Метатти, тем не менее, посылает часть войск Русе I. Возможно, это был заранее разработанный план, по которому отход Метатти на гору Уашдирикку и бой там был отвлекающим маневром, целью которого было задержать Саргона и дать войскам анти-ассирийской коалиции возможность собраться [Оганесян, 1966, с. 113]. Когда Саргон разгадал этот маневр, он сразу повернул навстречу Русе. Не дожидаясь подхода основной части своих войск, Саргон устроил Русе «большое побоище». Это единственное сражение Саргона с противником, произошедшее на горе Уауш в стране Уишдиш, закончилось разгромом урартского царя. Руса бежал, Саргон стал разорять урартские земли.

Зикирту — первая страна, в которую вступает Саргон, покинув пределы Манны⁵. И это в маршруте Саргона самая дальняя точка на востоке, поскольку дальше он продвигался по владениям Урарту, которые в целом находились западнее Манны и граничащих с ней Зикирту и Андии. Зикирту обычно локализуется, в соответствии с маршрутом Тюрю-Данжена, к востоку или юго-востоку от Урмии, по соседству с Андией [Арутюнян, 1985, с. 28, 80—81]. Последняя осталась в стороне от маршрута Саргона, находясь, по-видимому, к востоку или северо-востоку от Зикирту. Левин помещает Зикирту и следующую по маршруту страну Уишдиш значительно юго-восточнее Урмии, в районе Биджара [Levine, 1977, p. 141, fig. 1]. Между тем единственным доказательством такой локализации Зикирту служит предполагаемое тождество названий двух городов: Иштаиппа (Iṣṭaippa) в Зикирту в 714 г. и Иштеуббу (Iṣṭeubbu/Iṣṭeuppu), упомянутого Саргоном в 716 г. до н. э. (не в 713 г., как у Левина [Levine, 1977, p. 142; Parpola, 1970, p. 178—179]; см. также гл. III.4, табл. 2). Однако поход 716 г., как и поход 713 г., был направлен против Мидии, в списке городов которой и упоминается город Иштеуппу, тогда как Зикирту — страна, отложившаяся от Манны, — должна была находиться на северной или северо-западной окраине Манны, что и позволило Зикирту войти в непосредственные контакты с Урарту, а Русе I — завоевать соседнюю с Зикирту страну Уишдиш. В донесениях Синаххериба отцу город Иштахуп упоминается именно в связи с событиями в Урарту [Parpola, 1987, N 32]. Цадок, допуская предложенное тождество двух городов, почему-то сомневается в идентичности с ними и города Иштахуп, упомянутого Синаххерибом [Zadok, 2002, p. 118, 6.7.4.]. Но в любом случае Зикирту должна находиться значительно севернее Биджара, ближе к Урмии, примерно там, где ее локализовали Ф. Тюрю-Данжен и К. Ф. Леманн-Хаупт: где-то юго-восточнее Урмии. Между Зикирту и Урмией находилась соседняя страна Уишдиш, куда, повернув навстречу Русе, вступил Саргон. С такой локализацией Зикирту согласуется и последующая история этой страны и ее населения — сагартиев [Грантовский, 1962; 1970, с. 272].

⁵ Определение границ Манны будет возможно после локализации Замуа, Парсуа и соседних с ними стран (см. гл. III.5).

Очень важно определить взаиморасположение Уишдиша и следующей по маршруту Саргона страны Ушкайи/Суби. Именно из Уишдиша, страны, наиболее близкой к Урмии, Саргон для обхода озера должен был повернуть на север или на запад. Ф. Тюрро-Данжен считал, что он пошел на север, поскольку исследователь отождествлял гору Уауш в стране Уишдиш с горой Сехенд/Херемдаг, находящейся к востоку от Урмии. Здесь важны следующие слова Саргона: «Я отправился от Уишдиша и прибыл к Ушкайе, большой крепости, началу пределов Урарту» [АВИИУ, № 49:167]. Если следовать реконструкции Тюрро-Данжена, то Ушкайа находилась еще севернее Уишдиша и горы Сехенд. Но археологические данные позволяют утверждать, что пределы Урарту доходили до южного и западного берегов Урмии, в области восточного побережья урарты не засвидетельствованы. Следовательно, Ушкайа/Суби должна локализоваться западнее Уишдиша и южнее Урмии. Именно такая локализация Ушкайи и следует из Хорхорской летописи Аргишти I. В декларации десятого года правления (ок. 770 до н. э.) указана главная цель похода — Манна. Подробное изложение похода начинается с завоевания страны Бушту (очень важно), затем следуют страны Ашкайа/Ушкайа, Угишти/Уишдиш [УКН, 127, IV, 50—60; 128 В2, 24—27; КУКН, 173, IV, 53—55; 174, В2, 24—27]. В отличие от саргоновского перечня стран, Ушкайа предшествует Уишдишу. Такая последовательность возможна лишь при «встречном» движении Аргишти по отношению к маршруту Саргона. Если бы Саргон двигался из Уишдиша на север, вдоль восточного берега Урмии, то Аргишти, чтобы попасть сначала в Ушкайю, а затем в Уишдиш, должен был бы идти сначала северным берегом, а затем восточным и оттуда в Манну. Но в таком случае он не мог бы сначала попасть в Бушту, локализуемую южнее Урмии, севернее Парсуа и в целом западнее Манны. В IX в. Бушту входила в состав Парсуа [RIMA 3, 71, A.O.102.14: 186], в VIII в. — это самостоятельное владение, в VII в. до н. э., в период территориального расширения Манны, Бушту находилась на территории ассиро-маннейского пограничья [Грантовский, 1970, с. 141; Арутюнян, 1985, с. 61; КУКН, с. 502]. Таким образом, локализация Бушту становится главным аргументом, исключающим первые два варианта движения вдоль Урмии.

Кроме того, в Хорхорской летописи сообщается: «Шатирарагани, область (?) страны Угиштини, я пощадил, salmatḫe страны Ушини» (пер. Г. А. Меликишвили,) или «salmatḫe горы Уауш» (пер. И. М. Дьяконова), Н. В. Арутюнян предполагает соседство страны Ууши (Ушини, г. Уауш) с Угишти [УКН, 127, IV, 54—56; 128 В2, 25—27; Diakonoff, Kashkai, 1981, p. 103 (Wūše соответствует новоассирийскому Uauš); КУКН, 173, IV, 54—56; 174 В2, 25—26]. Предлагались различные переводы слова salmatḫe(i) (литературу см.: КУКН, с. 460; Loon, 1983, p. 38/11). Однако все предложенные переводы ('по соседству', 'рядом', 'в сторону', 'сбоку', 'вместе с', 'с другой стороны', 'слева', 'к северу', 'севернее') не помогают определить местонахождение г. Уауш. Эти значения не противоречат движению урартов вдоль как восточного, так и южного побережья Урмии. В решении этого вопроса скорее могут помочь данные ассирийских текстов.

На более южное, чем гора Сехенд, местонахождение горы Уауш, видимо, указывает свидетельство, связанное со страной Аллабрия. Находясь в

стране Уишдиш, Саргон получает от своего агента Белиддина, царька Аллабрии, сведения о том, что Руса стягивает войска к своему лагерю. Очевидно, что этот лагерь мог находиться недалеко от горы Уауш, где произошла единственная битва ассирийцев и урартов в 714 г. [АВИИУ, № 50:17; Lanfranchi, Parpola, 1990, N 164]. Аллабрия примыкала к Манне непосредственно с запада и находилась вблизи Парсуа ([Грантовский, 1970, с. 141 и след.]; см. также гл. III.5). Не совсем понятны основания для локализации Аллабрии к востоку от Манны [Арутюнян, 1985, с. 23—24, карта]. Расстояние между горой Сехенд/Уауш и Аллабрией в таком случае значительное, и если бы Руса двигался вдоль северного берега Урмии, Белиддину было бы трудно собирать о нем сведения, к тому же между ними находился бы и сам Саргон в стране Уишдиш. Другое дело, если Руса спешил к горе Уауш, находясь с южной стороны озера, тогда бы он проходил недалеко от Аллабрии, и Белиддину было бы удобнее получить и доставить сведения о нем Саргону. По мнению Э. А. Грантовского, гора Уауш может быть отождествлена с горой Кара-кая к югу от Мераге [Грантовский, 1970, с. 274].

В урартских источниках есть еще одно свидетельство, исключаяющее движение Саргона на север со стороны восточного побережья Урмии, через район современного Тебриза. Сын Русы I Аргишти II совершил поход на восток в сторону Каспия. О походе повествуют две наскальные надписи в долине р. Аджичай, в районе Сераба, возле селений Разлик и Наштебан [Benedict, 1965, p. 35—40; Diakonoff, Kashkai, 1981, p. 10; УКН, 445, 446; КУКН, 409, 410] и обнаруженная сравнительно недавно надпись в районе Ахара в одноименной долине, возле селения Шише [Khanzaq, Discione, Hejebri-Novari, Salvini, 2001, p. 25—37]. Водоразделом служит хребет Себелан. Согласно двум первым надписям, маршрут похода локализуется вдоль современной дороги Тебриз — Сераб — Ардебиль. Если третья надпись повествует о том же походе, то маршрут похода должен был также пролегать в обход гор Себелана с севера, через современный Ахар. В надписях Аргишти перечислены завоеванные страны: Арху, Ушулу, Буку, Гирду и др. Страна Арху локализуется на восточном берегу Урмии [Diakonoff, Kashkai, 1981, p. 10]. Основанием для ее локализации севернее хребта Себелан, к востоку от Ахара, служит лишь устное сообщение Дж. Ланфранки [Parpola, Porter, 2001, p. 6]. Архи упомянут в одном из донесений Саргону, контекст которого не помогает локализации этого топонима [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 145]. Трудно сказать, в какой точке похода были высечены эти надписи и откуда начинается их перечень. Едва ли названия стран в этом районе изменились со времени отца Аргишти II, но ни одно из них Саргоном не упомянуто.

Совокупность всех этих данных позволяет утверждать, что Саргон, покинув Уишдиш и направляясь в Ушкайю, повел свою армию в сторону южного берега Урмии ⁶.

---

⁶ Несколько слов относительно статуса Ушкайи. В Хорхорской летописи она названа ^{kur}as-qa-ia-i hubi 'долина страны Ашкайа' [УКН 127, IV, 54]. Дьяконов считал, что в данном случае детерминатив kur не означает 'страна' и что это просто долина Ашкайа. Но в любом случае это название некоторого пространства, тогда как у Саргона Ушкайа это только крепость в области Суби. Что же произошло за

Из Ушкайи/Суби Саргон прошел по большой области Сангибуту, состоящей из трех стран: Бари, Улху и собственно Сангибуту. Они должны последовательно располагаться на западном берегу Урмии, на территории бывшего Гилзана. Описывая разорение этой страны, Саргон впервые начинает подчеркивать уничтожение садов и, главное, каналов, в сооружении которых урарты славились особым умением; до Улху уничтожения каналов Саргон не упоминает (о строительстве каналов урартами см.: [Zimansky, 1985, p. 66—69]). За сто лет мирного владения этой территорией урарты превратили ее в цветущий край, описанный Саргоном с нескрываемым восхищением, но уничтоженный им в «ярости сердца». На севере Сангибуту включала долину Салмас; именно там находится разрушенная Саргоном крепость Хафтаван III. Оттуда Саргон через перевалы ушел на запад, в страну Армарили. Согласно Л. Левину, Саргон повернул на запад в районе г. Урмия, но в таком случае он не мог бы достичь урартской крепости Хафтаван. Что касается Сангибуту, то Левин не считает ее урартским владением. Он локализует ее южнее долины Ушну, на границе с Урарту, полагая, что страна Сангибуту лишь находилась под урартским контролем [Levine, 1977, p. 143, 147]. Его смущают близкие по форме названия, связанные с Мидией (Бит-Сангибуту, Бит Санги). Но уже отмечалось, что это омонимы [АВИИУ, № 49, примеч. 15]. Сангибуту в походе Саргона — это урартская страна с крепостью Сардурихурди и великолепным каналом в Улху. Поэтому урартские цари ее не упоминают, отправляясь в поход, а первой называют вражескую страну, например Бушту.

Армарили, следующая по маршруту Саргона страна, это собственно урартская, т. е. коренная территория Урарту, где находились «поселение рода Урсы» (Русы), «поселение Сардури», селения, «где были поселены его братья, семя его царственности... его святилище» [АВИИУ, № 49:233]. Левин поместил Армарили в районе долин Ушну и Солдуз, севернее Сангибуту, по двум причинам. Это, как он пишет, «первая бесспорная территория Урарту». За ней Саргоном пройдена Айаду, согласно клинописным источникам, — страна, лежащая на «берегу волнующегося моря», как полагает Левин, озера Урмия. Если бы это было озеро Ван, тогда, согласно порядку прохождения стран, для Армарили оставалось бы слишком большое пространство между Урмией и Ваном [Levine, 1977, p. 146—147]. Однако место для Армарили следует искать не между Ваном и Урмией, а между хребтами к западу от Урмии и страной Айаду, лежавшей на юго-восточном берегу Вана (см. ниже). Кроме того, Сангибуту, состоявшая из

время между походами Аргишти I и Саргона? Хотя Аргишти и дошел до горы Уауш в стране Уишдиш, но он не смог закрепить ее за собой, поскольку Руса I снова завоевывает Уишдиш. Ушкайя же находилась, по словам Саргона, на урартской земле. Следовательно, эту землю Аргишти смог закрепить за Урарту, но название Ушкайя сохранилось только за главной крепостью, а территорию страны он включил во вновь образованную область Суби, название которой впервые упоминается только в 714 г. Это не единственный пример уничтожения урартами местных названий. То же самое произошло, по-видимому, и с Гилзаном, который вошел в состав Сангибуту, и со страной Ида во Внутренней Замуа, которая в IX в. простиралась до южного берега Урмии (море Внутренней Замуа). «Город» Ида, вероятно, соответствует Хасанлу IX в. [Грантовский, 1981, с. 268].

трех стран, должна была занимать территорию значительно ббльшую, чем отведенная ей Левиным к востоку от Ревандуза, в районе Кане. Следовательно, для Армарили и Айаду на западном побережье не остается места.

Необходимо также различать понятия коренной урартской территории и бесспорных для современников урартских владений. Периферийная часть последних не входила в коренную страну Урарту, т. к. была присоединена к ней в ходе экспансии Урарту. Саргон обязательно фиксировал законное и незаконное с точки зрения ассирийцев владение урартами какой-либо землей: Уишдиш, маннейская область, отнятая Урсой: «я прибыл к Ушкайе... началу пределов Урарту» [АВИИУ, № 49:91, 167]. Он отмечает также момент вступления в пределы Урарту и ухода из них (перед Хубушкой). Последнее обстоятельство также не позволяет считать Сангибуту неурартской страной, раз этого не отмечает Саргон. Находясь на урартской территории и переходя из одной области в другую, он перестает упоминать их урартскую принадлежность. Для Саргона началом пределов Урарту была уже страна Суби (Ашкайа), хотя законным урартским владением она, судя по словам Саргона, стала сравнительно недавно, ибо, с одной стороны, «люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении обучать коней для конницы», а с другой стороны, эта область — «Суби, которую люди Урарту называют Страной маннеев» [АВИИУ, № 49:167]. Сангибуту для ассирийцев была продолжением «пределов Урарту». С археологической точки зрения, наиболее освоенной урартами была территория западного побережья Урмии, где эта область и могла находиться. Южное побережье, где археологические признаки присутствия урартов выражены слабее, было занято областью Суби. В таком случае с Армарили можно связывать только понятие коренной урартской территории, начиналась которая не ближе истоков Большого/Верхнего Заба. Именно на коренной территории, а не на территории военного аванпоста, каким оставался западный берег Урмии, тем более та его часть, где Левин локализовал Армарили, должны были находиться царские святилища и царские поселения, разрушение которых Саргон считает нужным подчеркнуть. Но Саргон отмечает, что он «мимоходом» прошел эти места. Это позволяет предполагать, что он предпочел не углубляться в западную часть Армарили, пройдя только по ее восточной окраине.

Кроме того, в ассирийских источниках IX в. в перечнях соседствующих стран упоминаются Арамале (Армарили, VIII в.)⁷, Гилзан (Сангибуту, VIII в.) и Хубушкия. Гилзан упоминается довольно часто, тогда как смежная с ним страна Арамале — один или два раза. Если бы они располагались рядом в южной части западного побережья Урмии, как считает Левин, то при любом маршруте ассирийских царей в приурмийский район — с севера или с юга — они упоминались бы вместе, будучи зажаты между горными проходами Говр Шинк на юге и Серо примерно на широте г. Урмия. Такая ситуация в источниках не отмечается. Напротив, в маршруте похода Салманасара III в 856 г. до н. э. мы находим подтверждение более северной локализации Арамале. Совпадение топонимики в описании похода Салма-

⁷ Идентификация обоих названий принимается всеми; ср., например: [Арутюнян, 1970, с. 107—109; Kessler, 1986, S. 70].

насара III в 856 г. после района Вана (Арцашку) и Саргона после Сангибугу уже отмечалось⁸. Салманасар попадает в Арцашку (где, по-видимому, находилась резиденция Араму — вероятно, не единственная) из страны Дайэни, локализуемой севернее/северо-западнее озера Ван. Поблизости от Вана локализуется и Арцашку [Kessler, 1986, S. 69—70; Russel, 1984, p. 189—191]. Трудно представить себе, что в середине IX в. резиденция царя Араму (как и его государство) находилась далеко на восток от Вана. Но в таком случае мог ли Салманасар, двигаясь с северо-запада на юго-восток, пройдя севернее Вана и миновав Арцашку, сразу попасть в следующую по маршруту страну Арамале, находящуюся, как считает Левин, на юго-западном берегу Урмии? Очевидно, нет⁹. Саргон попадает в Армарили после Гилзана/Сангибугу из долины Салмас (где разрушил Хафтаван), а Салманасар — перед тем как вступить в Гилзан; чтобы и то и другое оказалось возможным, Армарили, вероятнее всего, надо локализовать от верховьев Большого Заба на востоке и до границ Айаду на западе (или юго-западе). Айаду, как сообщают источники, лежит на берегу «волнующегося моря».

Из долины Салмас в верховья Большого Заба сравнительно нетрудно попасть за несколько часов. Этот участок пути был подробно описан во время турецко-персидских разграничений 1849—1852 и 1911, 1914 гг. [Чириков, 1875, с. 476—484; Минорский, 1915, с. 219—432; 1916, с. 35; Минорский, Шипле, 1915, с. 1—132]. Если следовать основным коммуникациям, то путь Салманасара после прохождения им северных приванских районов можно локализовать (в соответствии с современными обозначениями) таким образом: от г. Мурадие возле северо-восточного угла Вана дорога поворачивает на юг до озера Эрчек, а оттуда на восток, на главную магистраль на Хой. Возле г. Котур, не входя в трудный горный проход, можно пройти по западным склонам Сураванских гор через Чехрик в долину Салмас (именно этим путем за 12 ч. 30 мин. прошел караван русской комиссии в 1911 г. [Минорский, Шипле, 1915, с. 11]). Можно было спуститься по долине Большого Заба до Башкале и через тот же Чехрик попасть в долину Салмас. П. Зимански не отмечает путь между Котуром и Башкале. Этот путь описан Е. И. Чириковым и пройден им за 11 час. 45 мин., то есть за два перехода [Чириков, 1875, с. 480—483]. Затем можно было спуститься еще ниже по реке и, не доходя до Хаккари (бывший Чёлемерик), переправиться на левый берег Заба и через Дизе и перевал Хан Гедике у деревни Серо спуститься к современному г. Урмия. Это самый удобный путь сообщения между Урмией, Дизе (путь проходит по долине речки Баджирге [Минорский, 1915, с. 403]) и Ваном. При спуске с гор в сторону Урмии стоит крепость (Кале) Исмаил Ага, раскопки которой показали, что в течение нескольких тысячелетий, в том числе и в урартский период, здесь осуществлялась защита этого важного прохода. Путь от Башкале до Урмии за-

⁸ Гора Эрития/Иртия упоминается в 856 г. между Арцашку и городом Арамале, в 714 г., во время разорения Сангибугу, — перед Армарили [Kessler, 1986, S. 70].

⁹ М. Сальвини высказал гипотезу, согласно которой в надписи Салманасара III 856 г. слились описания двух походов — в район к северу от Муратсу и в приурмийский район. Гипотеза поддержана Кесслером, хотя последний привел важный довод против нее: в связном поэтапном повествовании текста незаметен «шов», соединяющий разные тексты [Kessler, 1986, S. 70—71].

нимает 36 час. 30 мин. В любом случае Салманасар проходил через Армарили. Тот факт, что Армарили упоминается реже Гилзана, объясняется, по-видимому, тем, что ассирийские цари попадали в Гилзан непосредственно из Ассирии, двигаясь вдоль Большого Заба и через Дизе — Серо, оставляя Армарили севернее. Другой путь в Гилзан шел через Ревандуз и перевал Говр Шинк.

Саргон из долины Салмас мог выйти в верховья Большого Заба выше Дейри или сразу к Башкале [Минорский, 1915, с. 405]. Чириков отмечал, что «вся дорога (в том числе от Чехрика до Башкале. — *И. М.*) проходима для легких отрядов с артиллерией; но спуски и подъемы тяжелы; на лошадях невозможны» [Чириков, 1875, с. 476]. Вероятно, именно на таких участках дороги Саргон ставил «колесницы на затылки людей». Учитывая последнюю возможность, южную границу Армарили нужно доводить, во всяком случае, до Башкале. Отсюда через Хошап лежит прямая дорога к южному побережью озера Ван, где, очевидно, и находилась страна Айаду.

Локализация Айаду имеет такое же принципиальное значение для определения маршрута Саргона на его заключительном этапе, как и локализация Суби для определения его маршрута в районе Урмии. Здесь, помимо археологических данных, решающим доводом стало упоминание урартскими царями страны Бушту. Для локализации Айаду в районе юго-восточного побережья Вана таким доводом служат открытия на острове Ахтамар, находящемся в 3 км от южного берега. Еще в 1828 г. Ф. Шульц обнаружил на острове в стене церковного двора фрагмент стелы с надписью царя Менуа (810—781), сообщавшей о сооружении канала в стране Айду (= ассир. Айаду) и в городе Уиши [УКН, 62; КУКН, 79]. Поскольку на небольшом скалистом острове, окруженном соленой водой озера, явно невозможно и незачем было проводить канал, то исследователи единодушно признали, что камень с надписью был привезен с берега. Откуда конкретно — зависело от локализации Айаду. Тюрро-Данжен поместил ее на северном берегу озера. Надо отметить, что Тюрро-Данжен, первый издатели «письма Саргона к богу Ашшуру», описывающего поход Саргона против Урарту в 714 г., не занимался специально локализацией упомянутых в нем стран. Он исходил из общих представлений, полагая, в частности, что путь по северному берегу Вана легче, чем по южному. Однако Леманн-Хаупт изменил предложенный Тюрро-Данженом на этом участке маршрут Саргона. Он полагал, что после Армарили Саргон повернул на юг и, перевалив через хребет Зымзымдаг, где есть выходы цветного мрамора (у Саргона — гора Уизуку «из пестрого мрамора»; [АВИИУ, № 49:280]), вышел к озеру недалеко от Ахтамара. Хотя саму надпись он в этой связи не упомянул [Lemann-Haupt, 1916, S. 119—151; 1918, S. 439 ff.]. Если Саргон обошел Тушпу (совр. г. Ван), что следует из текста, то выход к озеру возможен только таким образом.

Саргон сообщает, что в Айаду он завоевал и сжег в огне 30 городов, что «расставлены на берегу волнующегося моря» [АВИИУ, № 49:116, 280]. В отличие от Урмии, на озере Ван наблюдаются большие волнения. Входил ли остров в состав прибрежной страны или стела с надписью Менуа была привезена на остров в качестве строительного материала много веков спустя? Ответить на этот вопрос помогают оставшиеся фактически не извест-

ными исследователям открытия И. А. Орбели, который был здесь в 1912 г. На острове Орбели обнаружил следы урартского строительства [Март, 1917, с. 115 и след.]. Напротив острова на берегу недалеко от Махраберда, в селе Норгюх, найдены в кладке дома фрагменты еще двух стел с надписями царя Менуа, сообщающими о постройке царем «величественных ворот бога Халди» [УКН, 76—77, КУКН, 96—97]. Одна из них (77/97), по данным Белька и Орбели, была найдена на Ахтамаре [Belck, 1892, S. 125, § 15; 1901, S. 286, § 12—13; Март, 1917, с. 113, Орб. III]. Три стелы были главной составляющей так называемого храма под открытым небом, который урарты называли «ворота Халди». Представление о таком храме дают раскопки на Алтын тепе в Турции и изображение на печати из Топраккалы [Forbes, 1983, figs. 44, 45]. Не могли ли все эти стелы первоначально находиться в храме на острове? Жизнь на нем фиксируется еще в доурартский период, естественные условия острова делали его неприступной крепостью.

В связи с текстом ахтамарской стелы следует подчеркнуть характер распределения надписей Менуа. Основная их часть сосредоточена в восточной части приванской области, в районе его побережья. Из них, помимо найденных в Норгюхе, строительная надпись найдена в юго-восточной части берега озера, на полуострове Хуркум, возле устья р. Хошар [УКН, 86; КУКН, 111]. Основная часть надписей о строительстве каналов также происходит из этой области (17 из 20). Из них 14 надписей касаются строительства канала имени Менуа («Менуи канал» имя (его); совр. Шамирамсу [УКН, 43—56; КУКН, 60—73]). Этот канал длиной свыше 70 км был проведен от долины р. Хошар до города Тушпы/Вана. Он питался водами из многочисленных родников в скалах к югу от русла реки, в районе села Верхний Мешинкерт. На небольшом полуострове возле устья реки имеются следы урартских укреплений, которые, вероятно, были возведены для охраны канала [Lehmann-Haupt, 1926, p. 95; Пиотровский, 1959, с. 138—139]. Отсюда и происходит упомянутая хуркумская строительная надпись. Поблизости найдено еще пять надписей о строительстве этого канала, остальные — ближе к Тушпе. Все эти надписи обнаружены вдоль русла канала, и в них нет иных сведений, кроме имен богов и царя, чьим могуществом проведен канал. Ахтамарская надпись носит иной характер, в ней сообщается о городах и странах, где были проведены каналы. Из контекста следует, что речь может идти о двух или даже трех каналах. В восточной части приванской области, согласно надписям, как раз и было проведено три канала: один канал имени Менуа и два к северо-востоку от озера [УКН, 57—58; КУКН, 74—75]. Поскольку в ахтамарской надписи сказано, что канал проведен по всей стране Айду, можно думать, что ее территория включала помимо острова Ахтамар значительную часть юго-восточного побережья озера, где проходит канал Шамирамсу.

Последним, бесспорным доводом в пользу приванской локализации Айду служит упоминание Саргоном р. Каллания, которую он пересек, покинув Айду [АВИИУ, № 49:297]. Эту реку упоминает и Тиглатпаласар III, который в ходе одного из походов в 740-е гг. завоевал урартские крепости «до реки Каллания» [Tadmor, 1994, Summ. 1: 35; Меликишвили, 1951, с. 178, примеч. 4]. Но, как известно, Тиглатпаласар никогда не бывал в приурмийском районе, первым сюда после почти столетнего перерыва

пришел Саргон в 714 г., и следовательно, здесь нельзя локализовать Калланию. Но если этот довод бесспорен, то восстановленное чтение «море» возле Улху [Loon, 1987, p. 259] можно толковать по-разному. Сторонники маршрута Саргона вокруг всего озера считают, что первый раз море названо возле Улху на восточном берегу, а страна Айаду и ее 30 городов на море — на западном берегу Урмии. Соответственно, при другой реконструкции Улху помещается на западном берегу Урмии, Айаду возле Вана. Если Саргон дважды упомянул море, то логичнее думать, что этим он подчеркнул пребывание на берегах двух морей.

В работах последнего времени, однако, Айаду локализируют на западном берегу Урмии, что одинаково используется в реконструкции маршрута Саргона как только вдоль части западного побережья [Levine, 1977], так и вокруг Урмии [Reade, 1978; 1995; Zimansky, 1990; Lanfranchi, 1995]. Из всех приведенных выше в пользу приванской локализации Айаду доводов в этих работах фигурирует только Ахтамарская стела. Предполагается, что первоначально она была установлена на берегу Урмии. Доказательством этому служит надпись совместного правления Ишпуини и Менуа, найденная возле юго-западного побережья Урмии, в Калатгахе [Loon, 1975, p. 201 f., КУКН, 39:5]. В ней упомянут город Уише, который отождествляется с одним из двух Уайаисов, названных Саргоном. Прежде чем покинуть Айаду, он упоминает Старый Уайаис, а покинув ее и перейдя через р. Калланию, он «прибыл в Уайаис, его (т. е. Русы) опорную область, конец пределов Урарту» [АВИИУ, № 49:280—297]. Издатель этого текста считал, что Старый Уайаис в стране Айаду находился возле Вана. Затем Саргон через район Башкале вернулся к Урмии в район современного города Ушну, где и находился Новый Уайаис, и через переход Келешин вышел в Муцацир, возле совр. г. Ревандуз [Loon, 1975, p. 205—207]. Однако все последующие авторы исключили район Вана из маршрута Саргона, полагая, очевидно, что между двумя странами находится несоразмерно большая территория, поэтому Айаду локализуется возле современного г. Урмия, в долине Ошновийе (Ушну) — Уайаис ([Zimansky, 1990, p. 15—17]; здесь же см. литературу).

Из приванской страны Айаду через Уайаис Саргон попадает в Хубушкию, локализация которой важна для определения маршрутов ассирийских царей в 856 и 714 гг. до н. э.

Хубушкия многократно упоминается в источниках, начиная с царствования Ашшурнацирапала вплоть до Асархаддона. Ее локализовали от бассейна р. Бохан(су) (Ботан) южнее оз. Ван (Тюро-Данжен) до верховьев Малого Заба на востоке и в промежутке — в районе Хаккари/Чёлемерика в верховьях Большого Заба. Левин колеблется в отношении ее локализации, хотя и отмечает, что верховья Большого Заба больше всего соответствуют имеющимся данным об этой стране [Levine, 1977, p. 144]. Наиболее полно ее локализация рассмотрена в работе Г. Рассела, где приведена подробная история вопроса [Russel, 1984, p. 194—198]. Близость Хубушкии к Муцациру и принимаемая теперь всеми локализация последнего в районе Муджеси́ра и Топузавы, западнее прохода Келешин, исключает локализацию Хубушкии в районе к югу от озера Ван. По Расселу, остаются три возможности ее локализации — к северу, к западу или к юго-востоку от Муцаци-

ра. Первые две возможности он исключает из-за трудности подхода к Муцациру. Он считает невероятным путь ассирийской армии из Северо-Западного Ирана через непроходимый, по его словам, массив Хаккари, лежащий сразу к северу от Муцацира, тогда как есть гораздо более удобные подходы к нему с юга [Russel, 1984, p. 197]. Для Рассела единственная возможность локализации Хубушкии — долина реки Ревандуз, где имеется удобный проход на восток, — Говр Шинк. Теоретически для перечня стран, пройденных Салманасаром в 856 г., такая локализация Хубушкии возможна, поскольку он двигался вдоль Урмийского побережья с севера на юг, хотя она увеличивает и без того гигантский маршрут этого похода. Но это совершенно невозможно для маршрута Саргона, поскольку он двигался в Муцацир «дорогою трудной», «где не проходил ни один еще царь» [АВИИУ, № 46:121; 49:309]. На пути в Муцацир Саргон пересек один раз Большой Заб/Эламунию, а чтобы попасть с берегов Ревандуза в Муцацир, нет необходимости пересекать Эламунию. Рассел как будто бы склонен считать Эламунией речку Ревандуз. Он полагает, что Саргон двигался по южному берегу Ревандуза и затем, согласно клинописному тексту, пересек реку по дороге на Муцацир [Russel, 1984, p. 198]. Отметим, что современная дорога проходит вдоль северного берега реки и пересекает ее, поворачивая на юг. Неясно, зачем Саргон, если следовать Расселу, двигаясь с севера на юг, прошел в Хубушкию в долине Ревандуз, минуя находившийся на его пути проход Келешин, непосредственно связанный с Муцациром.

В подтверждение маршрута Саргона вокруг Урмии приводится локализация Хубушкии в верховьях Малого Заба, между современными Кане и Сердештом. В отличие от других исследователей, Дж. Ланфранки опирается не столько на анализ маршрутов ассирийских царей, сколько на корреспонденцию Саргона и предлагаемую автором локализацию ряда топонимов, упоминаемых в связи с доставкой дани в Ассирию царями Хубушкии и Муцацира [Lanfranchi, 1995]. Но, в конечном счете, доказательства, приводимые Ланфранки для локализации Хубушкии, основываются на ее близости с Маннейским царством, которая следует из обращенного к богу Шамашу известного запроса Асархаддона. В нем выражено опасение в связи с возможным вторжением находящихся в Манне скифских войск, проникновением их через перевалы Хубушкии и нападением на города Харранию (недалеко от Хубушкии) и Анису (в Хабху, недалеко от Муцацира) [Starr, 1990, N 23]. Однако Ланфранки не учитывает изменение геополитической ситуации в регионе в начале VII в. После Саргона ассирийские цари до 677 г. не совершали походов в Иран (а в приурмийскую зону — никогда). В период этой мирной передышки в Иране сформировалась антиассирийская коалиция во главе с Мидией и Манной, приведшая к успешному восстанию против Ассирии в конце 670-х гг. (см. гл. IV.2). В ходе восстания Манна смогла захватить некоторые территории ассирийских провинций. Ничто не мешало ей захватить и приурмийские земли, часть которых еще в 714 г. Саргон обещал ей вернуть, наказав «злого урартийца». «Урартская» керамика VII в. до н. э. и вновь построенные «урартские» крепости на западном побережье Урмии свидетельствуют не об урартском присутствии, как считают немецкие исследователи [Kroll, 1976, S. 174], а только об урартском культурном наследии, которое могло быть воспринято

и маннейцами. Урартское присутствие здесь в VII в. невозможно, ибо тогда политические события в регионе разворачивались бы иначе [Medvedskaya, 1989, p. 446]. Подробный разбор приведенных Ланфранки доказательств локализации Хубушкии в верховьях Малого Заба и предложенные контр-аргументы позволяют настаивать на локализации ее в верховьях Большого Заба, в районе Хаккари ([Medvedskaya, 1997]; см. также: [Zadok, 2002, p. 107—108, 3.7.1.1]). В верховьях Малого Заба локализуется Внутренняя Замуа (см. ниже).

Итак, двигаясь из страны Айаду, расположенной возле озера Ван, на юго-восток в Хубушкию возле Большого Заба, а оттуда в Муцадир, Саргон «выполняет» оба условия клинописного текста — одно пересечение Эламунии и проход в Муцадир мимо обычных перевалов. Хубушкия должна лежать к западу от Большого Заба, так как Эламунию Саргон пересекает, покинув Хубушкию. Если Саргон попадает в Айаду по дороге Башкале — Хошап (по дороге Котур — Эрчек он не мог двигаться, так как вышел бы к Тушпе, чего, видимо, он хотел избежать), то в Хубушкию можно попасть по дороге от юго-восточного берега Вана на Хаккари [Zimansky, 1985, fig. 5]. Локализация Хубушкии возле Большого Заба согласуется с маршрутом Салманасара III в 856 г. и сокращает его протяженность. Логичным представляется, в таком случае, описание Салманасаром захваченной им территории от одного края до другого: от Арцашку в северном районе озера Ван до страны Гилзан на западном побережье Урмии (через Армарили в верховьях Большого Заба), от Гилзана до Хубушкии (через перевал Серо, Дизе), с выходом на правый берег Большого Заба выше Хаккари. Иначе бы Гилзан и Хубушкия находились рядом и описание «от» — «до» не имело бы смысла.

И последнее: локализация Хубушкии в верховьях Малого Заба не согласуется с результатами ассирийского завоевания в этом регионе. Ассирийцы создали здесь провинции, границы которых вплотную подошли к Мидии и Манне. Этот процесс не мог бы не затронуть и Хубушкию, если она находилась в верховьях Малого Заба. Однако она сохраняла свою независимость и свое название на протяжении IX—VII вв. до н. э. — случай не такой уж частый в ту эпоху. В VII в. Хубушкия упоминается наравне с такими крупными царствами, как Урарту, Страна маннеев, Мидия. Очевидно, что именно близость Хубушкии к коренной территории Урарту помогла сохранить ее независимость.

Таким образом, ассирийские, урартские источники и археологические данные дают основание локализовать страны Уишдиш, Суби и Сангибуту в районе юго-восточного, южного и западного побережья Урмии, а страны Армарили, Айаду и Хубушкию вынести за пределы Ирана (подробнее см: [Медведская, 1989; Medvedskaya, 1997]). Но в IX в. до н. э. на западном берегу Урмии до завоевания его урартами находилась страна Гилзан, а в районе юго-западного побережья находилась страна Ида.

III.2. Верховья Малого/Нижнего Заба (карта-схема 2)

Страна Замуа находилась сравнительно недалеко от Ассирии и первой подверглась завоеванию, когда ассирийские цари в IX в. до н. э. начали

стремительное продвижение на восток. Замуа подробно описана в маршрутах ассирийских царей и поэтому имеет особое значение в системе локализации стран этого региона. Имея достаточно убедительные географические ориентиры, Замуа могла бы стать надежной опорой в локализации более восточных стран Ирана. Но этому мешает одно существенное обстоятельство. В ассирийских текстах, помимо Луллуму, использованы три названия: Замуа, Мазамуа и Внутренняя Замуа (*zamuā ša bītāni*). Существует два различных понимания связи между ними: 1) все три названия относились к одной и той же территории; 2) это разные страны, объединенные в некоторых случаях общим названием. Последняя точка зрения была господствующей, начиная с А. Г. Сэйса, М. Штрека и других исследователей. Они исходили из того, что из трех названий Замуа и Внутренняя Замуа, как следует из дополнительного определения, различались самими ассирийцами. Но уже Э. Форрер совместил все три топонима, а Л. Левин представил развернутое доказательство этой точки зрения [Forrer, 1921, S. 43—44, 48, 88—89; Levine, 1974, p. 16—22].

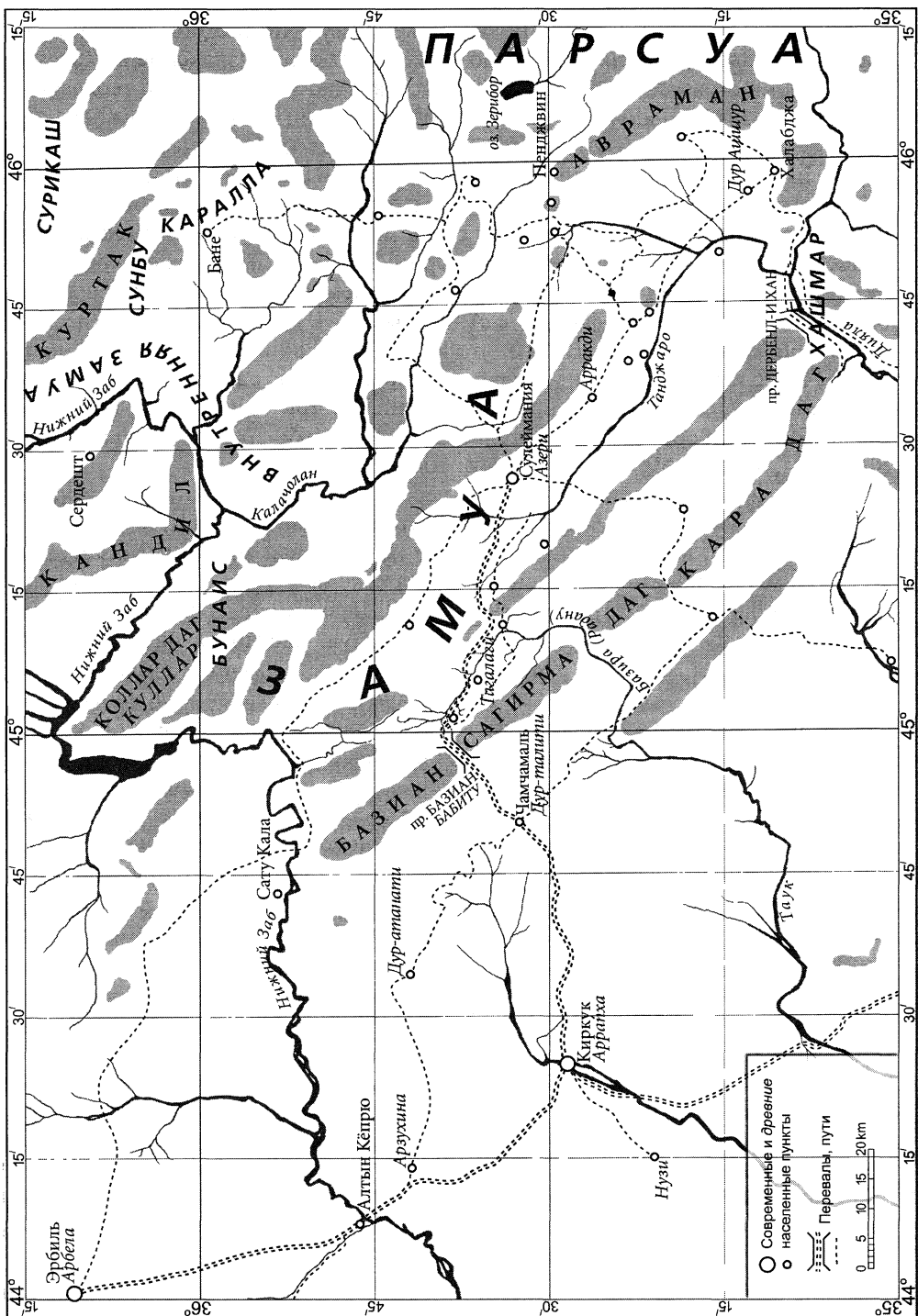
Левин исходит прежде всего из вероятной идентичности Мазамуа и Внутренней Замуа, следующей из вариантов описания маршрута Салманасара III в 855 г.: в надписи на Монолите использован топоним Мазамуа, а на Черном обелиске — Внутренняя Замуа (схема 2). Это тождество было отмечено ещё Штреком [Levine, 1974, p. 17]. Левин идет дальше и пытается доказать тождество Замуа и Внутренней Замуа, настаивая на том, что в обе страны вел один и тот же путь. Он использует принятое еще А. Олмстедом, Э. Форрером и Э. Спайзером отождествление древнего названия прохода Бабиту, через который Ашшурнацирапал проникал в Замуа, с современным проходом Базиан через одноименный горный хребет (другое его название — Сагирма). Отмечая, что проход Базиан/Бабиту — единственный проход в горы на восток от Ассирии и на юг через Нижний Заб, Левин заключает, что Бабиту, следовательно, должен был быть проходом также и через гору Куллар. С этой горы Салманасар III проникал во Внутреннюю Замуа и Мазамуа, а Саргон, как полагает Левин, — в Замуа. Если Куллар тождествен Бабиту, то Замуа, как следует из предлагаемой им схемы, — Внутренней Замуа (схема 1).

Схема 1. Подходы к Замуа (по Л. Левину)

Ашшурнацирапал II	Салманасар III	Саргон II
Проход Бабиту	г. Куллар	г. Куллар
Замуа	Внутренняя Замуа	Замуа

Идентичность Замуа и Внутренней Замуа доказывается также наличием двух топонимов, которые, по мнению Левина, упоминаются ассирийцами и в Замуа, и во Внутренней Замуа: Бируту/Бирту и Бунаси/Бунаис/Буниса(у) [Levine, 1974, p. 18]. Рассмотрим оба доказательства тождества Замуа и Внутренней Замуа/Мазамуа.

Что касается Бируту/Бирту, то, согласно Левину, в 881 г. до н. э. Ашшурнацирапал, пройдя через проход Бабиту, завоевал среди прочих городов Замуа город Бируту, а Салманасар III в 843 г. завоевал город Бирту во

Карта-схема 2. Междуречье Нижнего Заба и Диялы (авторская разработка карты-схемы из: [Speiser, 1926—1927])

Внутренней Замуа [Levine, 1974, p. 18]. Однако в 881 г. было завоевано два города Бируту: один в начале похода, он упоминается Левином вместе с двумя другими городами в стране Дагара [RIMA 2, 203, A.O.101.1 29; 244, A.O.101.17 ii:94], другой — в конце похода, среди «отдаленных» городов, лежащих между горами Гамру и Эдину [RIMA 2, 205, A.O.101.1:49a]. Первый из них упомянут также и Тукульти-Нинуртой I в Луллуму (= Замуа) вместе с Аррапхой и соседними территориями [Weidner, 1959, S. 27, l. 27]. А. Кирк Грейсон переводит название города как 'страна Бирите' [RIMA 1, 273, A.O.78.23:79]. Вторым город Бируту, «отдаленный» и расположенный между горами, как раз и мог находиться во Внутренней Замуа, которая локализуется за Главным хребтом Загроста (см. ниже).

Вместе с тем, поскольку аккадский термин *birtu* означает 'крепость', то в ряде случаев им могли обозначать просто укрепленный пункт без уточнения названия. Действительно, если в тех случаях, когда из контекста прямо не следует, что URU. *birtu* — это название города (рядом нет названий других городов), как, например, в текстах времен Салманасара III, то Э. Михель, Дж. Камерон и А. К. Грейсон переводят его как 'крепость' [Cameron, 1950, p. 24, III 58—59; Michel, 1952, p. 470—471, l. 60; RIMA 3, 40, A.O.102.6 iii:60]. Если в письме времени Саргона Левин рассматривал URU. *birtu* как имя собственное, то теперь оно переведено именно как 'крепость' [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 199].

Но в любом случае, если в 881 г. «отдаленный» город Бируту и упомянутая ассирийцами в 843 г. крепость — один и тот же пункт во Внутренней Замуа, то Бируту в Дагаре — это город в Замуа, расположенный гораздо западнее. Следовательно, этот аргумент Левина в пользу идентичности Замуа и Внутренней Замуа не может быть принят.

Другим топонимом, помогающим идентифицировать обе страны, служит, согласно Левину, название города Бунаси/Бунаис/Буниса(у). В царствование Ашшурнацирапала II г. Бунаси/Бунису был крепостью в Замуа. В 881 г. он входил в состав владений замуанского царька Муцаины. Его владения находились возле горы Ницир, «которую люди страны Луллу называют Киниба» [RIMA 2, 204, A.O.101.1 ii:33b—35, ii:39—40]. Возле владений Муцаины и горы Ницир находились владения другого замуанского царька, Киртиары, с центром в Ларбусе. Как отмечает ассирийский царь, эти владения в долине горы Ницир никто прежде не видел [RIMA 2, 245, A.O.101.17 iii:2—3]. Именно это уточнение указывает на удаленность этих владений в пределах Замуа, что и подтверждается повторяющимися описаниями максимальных пределов завоеваний Ашшурнацирапала на востоке: от прохода горы Киррури до Гилзана, от противоположного берега Нижнего Заба до города Тиль-Бари, находящегося выше по течению от страны Забан... от прохода горы/города Бабите до страны Хашмар [RIMA 2, 212, A.O.101.1 ii:129a—130a; 221—222, A.O.101.1 iii:122—125; 225, A.O.101.2:13—16 и др.]. Крепость Бари (Тиль Бари, Бара), находившаяся в верховьях Верхнего Заба, отмечает самый отдаленный предел завоеваний в Замуа. В этих описаниях подчеркивается, что Замуа завоевана полностью [RIMA 2, 222, A.O.101.1 iii:134; 245, A.O.101.17 iii:19—22 и др.]. Крепость Бара входила во владения того же Киртиары [RIMA 2, 246, A.O.101.17 iii:53]. Таким образом, владения Муцаины, и в частности Бунаис, соседствующие с вла-

дениями Киртиары, на восточной окраине Замуа, могли одновременно находиться между Замуа и Внутренней Замуа.

Окраинное положение Бунаси согласуется с маршрутом похода Салманасара в 855 г. Хотя Ашшурнацирапал уверяет, что включил всю Замуа в пределы Ассирии, возможно, что окраинная её часть осталась независимой или позднее отпала от ассирийской провинции. Действительно, Салманасар, с одной стороны, уже не упоминает Замуа, ставшую ассирийским владением, он имеет дело с другой страной — Внутренней Замуа, или Мазамуа. Но вот в каком контексте, с другой стороны, упоминается Бунаис (схема 2):

Схема 2. 4-й год правления Салманасара III (855 до н. э.)

Я выступил против страны Мазамуа, я вступил в проход (страны) Бунаис, приблизился к городам Никдеме и Никдере ...битва на море [RIMA 3, 22, A.O.102.2 ii:75b—78a]

Я перевалил через гору Куллар, спустился во Внутреннюю Замуа (и) завоевал города Никдера из Иды и Никдеме [RIMA 3, 65, A.O.102.14:50b—52a]
--

Я... перевалил через гору Куллар, спустился во Внутреннюю Замуа (и) завоевал города Никдера из Иды... битва на море [RIMA 3, 36 A.O.102.6 ii:10—12:45, A.O.102.8:8'b—10']

Я перевалил через гору Куллар, спустился во Внутреннюю Замуа (и) завоевал города Никдера, и другого Никдера (RIMA 3, 75, A.O.102.16:24b—26a); одинаковое написание двух имен, возможно, ошибка писца: note 25, p. 75)

...Анаре из страны Буниса и Никдера из страны Ида убежали в горы, спасая свои жизни... битва на море [RIMA 3, 104, A.O.102.28:42]

Конечным пунктом похода в 855 г. было море, а последним событием — битва на нем. Участники этого сражения: Никдера — правитель страны Ида, Анаре — правитель Буниса/Бунаиса, третий участник сопротивления — Никдеме. Салманасар двигался в Мазамуа/Внутреннюю Замуа, уйдя из Ашшура, затем, пройдя либо через г. Куллар, либо через проход страны Бунаис, начал разорять города Никдеме и Никдера. Но откуда следует, что Бунаис находился, как полагает Левин, на территории Внутренней Замуа/Мазамуа? В одном случае он назван в качестве пункта на пути завоевания новой страны, в другом — его правитель назван в числе противников Салманасара и только. Напротив, всё свидетельствует в пользу того, что Бунаис был пограничным с Внутренней Замуа владением Замуа, не вошедшим окончательно при Ашшурнацирапале в состав ассирийских владений. Поэтому владетель Бунаиса — враг Салманасара, пытавшийся объединиться с другими владетелями соседней страны Внутренней Замуа/Мазамуа, которой стал угрожать ассирийский царь; поэтому Бунаис назван как пункт прохождения ассирийской армией, а следовательно, объект нападения. Но следует помнить, что Замуа была уже ассирийской провинцией и таковой оставалась до конца ассирийского царства. Салманасар не завоевывал замуанские территории, что следовало бы из предлагаемого Левином отождествления Замуа с Мазамуа/Внутренней Замуа. Он завоевал новую страну, и маршрут 855 г. определенно отличался от маршрутов замуанских войн Ашшурнацирапала.

Ашшурнацирапал попадал в Замуа, идя из Килизи (город между Кальху и Арбелой) на юг через Нижний Заб. По-видимому, он переправлялся через реку возле совр. Алтын Кёпрю и далее не шел прямой дорогой на Аррапху, а сворачивал на восток и выходил на дорогу Киркук — Сулеймания возле Чамчамала. Оттуда войска через проход Бабиту/Базиан попадали в Замуа. Такой маршрут Спайзер объяснял тем, что в период замуанских войн район Аррапхи находился под вавилонским верховенством [Speiser, 1926—1927, p. 17]. Отметим, что горы Куллар Ашшурнацирапал не знает.

Во всех описаниях похода Салманасара III в 855 г., целью которого было завоевание Внутренней Замуа/Мазамуа, не названы пункты, пройденные ассирийскими войсками от Ашшура до г. Куллар или прохода (страны) Бунаис. То же самое отмечается и в 843 г.: от Арбелы до г. Куллар [RIMA 3, 40, A.O.102.6 iii:58—59]. Салманасар не упоминает и пересечения р. Нижний Заб. Эта краткость может означать, что описание прохода армии по территории собственной провинции Замуа можно было опустить. Отмечается пункт исхода армии и пункт, после которого, или начиная с которого, осуществилось вторжение в страну Внутренняя Замуа. Но попасть в Замуа, судя по маршруту Ашшурнацирапала II, можно было, только перейдя Нижний Заб. Саргон, идя из Кальху, также попадает в район Куллара, перейдя реку Нижний Заб [АВИИУ, № 49:8—11]. Наиболее удобное место для пересечения реки находится возле Алтын Кёпрю ('Золотой мост').

Необходимость пересечения реки подтверждается локализацией горы Куллар в левобережье Нижнего Заба. Название в форме Коллар-даг сохранилось для отрога Главного хребта Загроса, огибаемого Нижним Забом, ниже места его слияния с притоком Кала-Чулан (Калачолан). Спайзер полагал, что в этом месте и находилась северо-восточная часть Замуа [Speiser, 1926—1927, p. 19—20; Adonz, 1946, p. 100, карта]. Левин отказался принять эту привлекательную, по его словам, идентификацию, исходя из местоположения Коллар-дага и локализации им Замуа в районе Сулеймании. Его объяснения в этой связи остаются маловразумительными [Levine, 1974, p. 18, note 61]. Однако важно подчеркнуть близость Коллар-дага к Главному хребту Загроса, называемому на этом участке Кандил. В этом месте имеется, по крайней мере, пять проходов через хребет, самый известный из них — Канираш, ведущий к Сердешту. Здесь Нижний Заб и его притоки, разрывая горный хребет, создают удобные проходы в верховья Нижнего Заба между хребтами Кандил и Куртак. Именно отсюда удобно проходить в сторону озера Урмия. Севернее этих проходов и вплоть до прохода Говр-Шинк Загросский хребет представляет собой неприступный барьер. Другими словами, пройдя одним из этих проходов, Салманасар мог вступить в незавоеванную часть страны Замуа, которая, находясь за высоким хребтом, могла быть названа «Замуа, которая внутри».

В районе одного из этих перевалов и могла находиться страна Бунаис. Будучи пограничной территорией между Замуа и Внутренней Замуа/Мазамуа, она могла упоминаться Ашшурнацирапалом, дошедшим до крайних пределов Замуа, и Салманасаром, который, пройдя по территории Замуа, бывшей уже собственно ассирийской территорией, вышел к перевалу Бунаис, после чего осуществилось завоевание нового района Замуа — страны Внутренней Замуа. Таким образом, упоминание Бунаиса в походах

обоих царей не является доказательством тождественности Замуа и Внутренней Замуа/Мазамуа, на чем настаивает Левин.

Вернемся к главному тождеству Бабиту = Куллар, которое доказывает, согласно Левину, идентичность Замуа и Внутренней Замуа. Согласно анналам, Салманасар перед спуском во Внутреннюю Замуа был на горе Куллар. Куллар является самым главным козырем Левина, когда он, опираясь на сведения Саргона, доказывает тождественность Замуа и Внутренней Замуа. В 714 г. Саргон, уйдя из Кальху, переправился через Верхний Заб, далее его войска «перепрыгнули», как через арык, через Нижний Заб, «чья трудна переправа». Затем Саргон «вступил в перевалы Куллара, высокой горы страны луллумейской, называемой Замуа» [ARAB II, § 142]. Левин рассуждает следующим образом: поскольку Саргон, как и Ашшурнацирапал, переправился через Нижний Заб, а гора Куллар находится в Замуа, то, следовательно, Куллар — это и есть Бабиту, приведший обоих царей в Замуа [Levine, 1974, p. 17—18]. Но откуда следует, что Куллар, как и Бабиту, открывает вход в Замуа? Саргон дает лишь пояснение, что Куллар находится в Замуа.

Для идентификации и локализации Куллара необходимо еще раз вернуться к маршруту Салманасара в 855 г. Перед тем как он вступил во Внутреннюю Замуа и приблизился к городам Никдеме и Никдера, он, согласно одним текстам, перевалил Куллар, согласно другим — прошел через перевал Бунаис (схема 2). Таким образом, Салманасар сам определил идентификацию Куллар = Бунаис. Идентификация Куллар = Бабиту, следовательно, отклоняется. Куллар, согласно Саргону, находился в Замуа, но и Бунаис — это еще владение Замуа, хотя и пограничное с Внутренней Замуа. Как и Салманасар, Саргон, пройдя по северной окраине ассирийской провинции Замуа, вступил в перевалы Куллар, откуда он направился в сторону области Сумбу, а Салманасар пошел в еще не завоеванную тогда Внутреннюю Замуа. Таким образом, и сведения Саргона не дают оснований для идентификации Замуа и Внутренней Замуа/Мазамуа.

Походы Шамши-Адада V (823—811) также уточняют предложенную локализацию Куллара и Внутренней Замуа¹⁰. Первые три похода этого царя были направлены против Наири. Нужно отметить, что еще при Тукульти-Нинурте II Луллуме/Замуа понималась как страна, лежащая вне пределов Наири [RIMA 2, 180, A.O.100.6:3—6]. Ашшурнацирапал II описывает раздельно завоевания в Замуа и в Наири, хотя один текст, по-видимому, не исключает возможность включения Замуа в Наири [RIMA 2, 212, A.O.101.1 ii:128—131a]. Итак, в третьем походе Шамши-Адад перевалил Куллар и вступил в Наири, где в предыдущем походе ассирийцы завоевали владения Шарцины, сына Мекдиара (= Никдера, правителя страны Ида во Внутренней Замуа, упоминаемого Салманасаром III [RIMA 3, 184, A.O.103.1 ii:20—24, 34b—38; см. также примеч. на с. 184, ii:24]). Если бы идентификация Куллар = Бабиту была правомерна, то, перевалив его, Шамши-Адад очутился бы в своей провинции Замуа. Однако, поднявшись на гору Куллар, ассирийцы вступили в страну Наири, среди царств которой была и Внутренняя Замуа.

¹⁰ Даты походов Шамши-Адада не установлены, первые три предположительно отнесены к 819, 818, 815 гг. до н. э.

Внутренняя Замуа. Если Бабиту и Куллар локализируются в разных местах, а Бунаис, Бирту/Бируту не доказывают территориального единства Замуа и Внутренней Замуа, то, следовательно, надо вернуться к исходному моменту, определенному самими ассирийцами: Замуа территориально не соответствует Внутренней Замуа.

Для локализации Внутренней Замуа в верховье Малого Заба, к востоку от Главного хребта Загроса, и для определения её территориальных пределов необходимо обратиться к идентификации моря Внутренней Замуа. Существуют две версии: либо это озеро Зерибор к востоку от Сулеймании, за хребтом Авраман, либо это озеро Урмия. В этом регионе нет других крупных водоемов, и речь действительно может идти только об этих двух. Левин настаивает на первой версии. В этом случае ему удастся соединить вместе Замуа и Внутреннюю Замуа на территории между Сулейманией и Зерибором. Доводы против этого отождествления, наподобие того, что «море» — это большая водная поверхность, на которой разыгралось сражение 855 г., а Зерибор — сравнительно маленькое озеро, действительно не имеют большого смысла, их нетрудно оспорить, что и делает Левин [Levine, 1974, p. 20]. Однако именно потому, что водные просторы — большие и маленькие — редкость в этом регионе, странно выглядит отсутствие упоминания «моря» в анналах Ашшурнацирапала. Он, уверяющий нас в том, что завоевал всю страну Замуа, первым из ассирийских царей прошедший её до самых отдаленных пределов, нашел бы повод отметить эту достопримечательность, если бы это море действительно находилось в Замуа, и Ашшурнацирапал был на его берегах. Тем не менее «море Внутренней Замуа» появляется впервые только в царствование Салманасара вместе с новым названием этой страны. Резонное, на первый взгляд, возражение Левина, что, мол, Урмия уже имеет название «Нижнее море Наири» (Тукульти-Нинурта I называет его «Нижнее море Востока» [RIMA 1, 245, A.O.78.5:67—68]), и следовательно, «море Внутренней Замуа» должно относиться к другому водному бассейну в регионе, а именно к Зерибору [Levine, 1974, p. 20—21], можно отвести на основании анализа титулатуры Салманасара III.

Салманасар называет себя завоевателем стран «от Верхнего и Нижнего морей Наири, и Великого моря запада...» [RIMA 3, 41, A.O.102.6 iv:26—27]. Название «Великое море запада» иногда уточняется как «Великое западное море страны Хатти» [RIMA 3, 28, A.O.102.5 ii:2b—3]. В титулатуре возможна замена одного из морей Наири на «море Внутренней Замуа» [RIMA 3, 28, A.O.102.5 ii:2b—3]. Важно также, что море страны Внутренняя Замуа упоминается и в связи с победами над Урарту, когда Салманасар III отмечал территориальные пределы своих побед в Урарту [RIMA 3, 95, A.O.102.23:18—19a; 96, A.O.102.24:8—10]. Включать озеро Зерибор в урартские владения, да и в территориальное понятие Наири нет оснований.

Таким образом, бесспорно, Салманасар пользовался двумя эпитетами — море Наири или море страны Внутренняя Замуа — для моря/озера Урмии. Этому теперь есть и другие подтверждения «автохтонного», по выражению Э. А. Грантовского, происхождения.

Речь идет о находке каменной чаши в Хасанлу IV (к юго-западу от Урмии). На чаше имеется клинописная надпись, в которой названы страна

Ида и дворец Баури [Dyson, 1989, p. 123, fig. 21; Medvedskaya, 1988, p. 1, note 3]. Эта находка позволяет утверждать, что страна Ида, владетель которой Никдера в 855 г. спасал свою жизнь на море, находилась в районе того места, где и была найдена чаша, то есть возле Урмии. Левин не придает этой находке большого значения, полагая, что чаша могла быть изготовлена где угодно, и лишь затем ее привезли в Хасанлу. Неубедительность этой находки для локализации Иды он обосновывает тем, что вместе с чашей найдены другие разновременные предметы, явно изготовленные в другом месте [Levine, 1974, p. 19, note 74]. Действительно, вместе с чашей был найден фрагмент каменного сосуда с частично сохранившейся надписью, упоминающей вавилонского царя Кадашман-Энлиля I (начало XIV в. до н. э.) или Кадашман-Энлиля II (ок. 1275 до н. э.). Найдено также 15 каменных булав, три из которых надписаны: две именем Тан-рухуратера, правившего в столице Элама Сузах между 2036 и 1850 гг. до н. э., третья сохранила часть имени Син-. Все эти предметы хранились вместе на втором этаже здания ВВ II, которое по ряду признаков называют храмом [Dyson, 1989, p. 116—123]. Согласно Р. Дайсону, ассирийцы, которые ценили и хранили такие раритеты в качестве освященных богами символов преемственности власти своих правителей, могли подарить их в храм Хасанлу в знак особого расположения к своим друзьям или союзникам в этой стране. Дайсон иллюстрирует свое предположение изображением рельефа из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде, на котором ассирийцы несут четыре культовые статуи [Ibid., p. 123, fig. 20]. Такое объяснение не представляется убедительным. Во-первых, среди перечисленных вещей нет собственно ассирийских раритетов, во-вторых, знакомство ассирийцев со страной Ида было сравнительно кратким. Впервые с ней познакомился лишь Салманасар III в 855 г. Описание войны во Внутренней Замуа и самой битвы на море не оставляет иллюзий насчет дружеского расположения Салманасара к Никдере, то же самое относится и к походу 843 г. Примечателен комментарий Дайсона под упомянутым рельефом из Нимруда: «According to Mesopotamian custom, the gods of a defeated city were taken captive by the victors». Итак, ассирийцы скорее уносили, чем приносили.

Вряд ли эти предметы были военными трофеями правителей Иды из Вавилона и Элама. Мы ничего не знаем о взаимоотношениях этих стран со странами приурмийского района. Однако найденные в Хасанлу предметы позволяют предполагать, что эти отношения существовали и что роль приурмийских стран могла быть существенной. Город Хасанлу, существовавший еще во 2-м тыс. до н. э., в IX в. до н. э. переживал пору расцвета. Монументальные здания, размах строительства, торговые и культурные связи красноречиво об этом свидетельствуют. Никакими подобными данными из района озера Зерибор мы не располагаем. Что касается самой чаши, то вполне вероятно, что владетель Иды в честь какого-то события мог подарить её в храм своего города с соответствующей случаю надписью.

Недавно была предложена локализация страны Иду в правобережье Малого Заба ниже по течению от хребта Коллар-даг, где на поселении Сату Кала были обнаружены два кирпича с клинописной надписью. В ней названы «Абби-зери царь страны Иду, сын [...]шани, также царь Иду». Хотя автор статьи учитывает, что одноименный город был известен на Евфрате

ещё во времена Тукульти-Нинурты I (890—884), а само его название имеется в списках жертвоприношений ещё более раннего времени, тем не менее он считает возможным объединить сведения Адад-нерари II (911—891) о включении в границы Ассирии города Иду и завоеваний в стране Иду Салманасара III, о которых говорилось выше [Soldt van, 2008, p. 72—74]. Против этого отождествления и локализации страны Ида в районе Нижнего Заба прежде всего свидетельствуют упоминания Салманасаром моря и тростниковых плотов, на которых царь Иды пытался скрыться, но был разгромлен ассирийцами. Кроме того, только Салманасар III начал завоевание земель за горой Куллар во Внутренней Замуа. Поэтому находка на Сату Кале может свидетельствовать лишь об одинаковых названиях разных городов/стран.

Политическое значение Внутренней Замуа, можно думать, отражено в анналах преемника Салманасара III Шамши-Адада V. Его три похода были направлены против стран Наири, которые включали Внутреннюю Замуа. Во втором походе он завоевал множество городов Ишпуини и Шарцины, сына Мекдеры. Их владения не названы, хотя первый из них царь Урарту. В третьем походе ассирийцы, перевалив через Куллар, поднялись в страны Наири. На этом месте описание маршрута прерывается и далее называются правители и страны, принесшие дань ассирийскому царю. Перечислены они примечательным образом. Сначала назван правитель Хубушкии Дади. Следующим был Шарцина, сын Мекдиара. Далее перечислены страны без имен их правителей: Сунбу, Манна, Парсуа, Таурла [RIMA 3, 184, A.O.103.1 ii:34b—40]. Как мы видим, Шамши-Адад снова не называет владения Шарцины, сына Мекдиара, как раньше не назвал владения Ишпуини — Урарту. Само упоминание отчества очень редко встречается в ассирийских анналах и свидетельствует о важности и знаменитости персоны, очевидно, это исключало необходимость называть всем известное его владение. Таких важных персон при Шамши-Ададе было три: урартский царь Ишпуини, царь Хубушкии Дади и Шарцина, сын Мекдиара, владельца страны Ида во Внутренней Замуа.

Внутренняя Замуа, состоявшая из нескольких владений, была сильным объединением, мешавшим Салманасару в его продвижении вглубь Ирана. Не исключено, что ее усиление связано с возросшей после присоединения Замуа к Ассирии опасностью. Лишь завоевав Внутреннюю Замуа, он впервые смог проникнуть в Манну в 843 г. [RIMA 3, 40, A.O.102.6 iii:58; 54, A.O.102.10 iii:33b—37a]. Непосредственное проникновение ассирийцев из Внутренней Замуа в Манну в IX в. возможно было только при условии локализации Внутренней Замуа за Центральным хребтом Загроста и близости ее к Урмии.

Между тем Салманасару III не удалось присоединить Внутреннюю Замуа к Ассирии, и она какое-то время оставалась независимой при Шамши-Ададе V. В конце IX в. урарты завоевали западные и южные приурмийские территории, в частности город Хасанлу IV, и таким образом часть Внутренней Замуа, включая Иду, отошла к ним. Вероятно, поэтому название Внутренняя Замуа, наряду с Гилзаном и Идой, перестает упоминаться в источниках. Войдя в состав Урарту, эти страны получили новые названия, с которыми и познакомился Саргон в 714 г. Не завоеванная урартами часть

Внутренней Замуа, которая с этого времени стала называться только Мазамуа, осталась под властью Ассирии (табл. 1).

Взаимоотношение понятий Луллуму, Замуа и Мазамуа остается спорным. Луллуму и жители этой страны луллумейцы ранее других появляются в аккадских текстах и фигурируют в них на протяжении шести веков (табл. 1, здесь же ссылки на тексты)¹¹. Замуа появляется на четыре века позднее — при Адад-нерари II, причем из контекста следует, что Луллуму и Замуа — две разные страны. Еще до появления в источниках Замуа в них упоминается река Радану, которая, очевидно, находилась на территории Луллуму, «полностью» завоеванной Тиглатпаласаром I. Еще раньше упоминается страна или город Бирите. Позднее оба названия известны в Замуа. Тукulti-Нинурта II, не упоминая Замуа и имевший дело с луллумейцами, знает гору Бабиту, которая позднее открывала путь в Замуа. Перейдя эту гору, Ашшурнацирапал II пересекал р. Радану. Э. Спайзер идентифицировал её с рекой Таук, верховья которой огибают хребет Базиан с востока [Speiser, 1926—1927, карта]. Л. Левин уточнил, что огибает хребет река Базира, приток Таука (см. ниже). Ашшурнацирапал II вел войну уже в Замуа, при этом страну Луллуму он, как правило, не называет, используя обозначения «луллумеи», «армия луллумеев» (табл. 1). Очевидно, к этому времени либо Замуа подчинила себе Луллуму, либо это было объединением луллумейских племен, одно из которых, Замуа, дало название всей стране. Оба названия со временем стали синонимами одной страны, что подтвердил Саргон: «...страна луллумеев, которую они также называют Замуа». Луллуму упоминается в качестве названия страны и провинции (дублируя название провинции Замуа) только при Тиглатпаласаре III и Саргоне II. Замуа упоминается в качестве страны и ассирийской провинции до времени Ашшурбанапала.

Мазамуа, как и Внутренняя Замуа, впервые упоминается Салманасаром III, но, в отличие от последней, продолжает встречаться в текстах до VII в. до н. э. В списке эпонимов Мазамуа бесспорно названа под 810 и 733 г.¹² Мазамуа упомянута и в известном списке, который Форрер считал списком ассирийских владений (K 4384) времени Ашшурбанапала. Теперь оба его вывода подвергнуты сомнению. И хотя дата составления именно этого списка не устанавливается, но подобные списки могут быть отнесены ко времени Саргона II [Fales, Postgate, 1995, p. XIII—XV, N 1].

Соотношение Мазамуа и Замуа остается наиболее трудноразрешимым вопросом. При Салманасаре III Мазамуа была определено тождественна Внутренней Замуа (схема 2). Менялось ли положение позднее? Х. Кленгель, как в свое время и Форрер, предположил, что при Тиглатпаласаре III правитель Луллуму, упомянутый в анналах 738 г., и Ашшур-даянани, правитель провинции Мазамуа, эпоним 733 г., посланный царем в Мидию в 737 г., одно и то же лицо [Klengel, 1966, S. 368; Forrer, 1921, S. 88—89].

¹¹ Племя лулубеев впервые упомянуто на победной стеле Нарам-Суэна в XXIII в. до н. э. [Klengel, 1966, S. 349—371].

¹² Под 783 и 768 г. восстановление Мазамуа или Замуа спорное [Millard, 1994, p. 40, pl. 12, B1; pl. 14, B2; p. 37, pl. 11, B1 K51; pl. 13, B2]; во всех четырех табличках перед начальным за — или лакуна, или знаки разрушены.

Из этого предположения мог бы последовать вывод о том, что образованная Шамши-Ададом V провинция Мазамуа, часть которой была вскоре захвачена урартами, была слита с провинцией Луллуму/Замуа. Укрупнение провинций действительно имело место в VIII в. Но в данном случае это предположение плохо доказуемо. Действительно, в 737 г. Тиглатпаласар III посылает в страну «могучих мидийцев востока» своего полководца Ашшур-даяннани [Tadmor, 1994, Summ. 3:13'; 7:42; Ann. 15:16]. События 737 г. в Мидии описаны Тиглатпаласаром несколько раз, в том числе и в связи с Сильхази, «которую они называют крепостью вавилонян» [Ibid., Ann. 1: 9—12, note 11; Ann. 16: 2, 9; Summ. 7: 38]. Но 738 г. был связан с покорением Северной Сирии. Пока царь находился там, арамейские племена в районе Тигра были покорены и депортированы в Северную Сирию [Ibid., p. 272]. События этого года были сосредоточены в противоположном от Ирана регионе. В этом контексте остаются неясными место и цель действий правителя провинции Луллуму в 738 г., в частности в районе крепости вавилонян (в Мидии?!). Тиглатпаласар III как будто бы различает Мазамуа, названную провинцией — *pihat KUR Mazamua* [Ibid., Ann. 19:10], и страну Луллумейскую [Ibid., Ann. 19:18]. Но, как кажется, в любом случае, поскольку речь идет о двух разных годах — 738-м и 737-м, невозможно доказать, что обе упомянутые персоны — правитель Луллуму и Ашшур-даяннани — являлись одним и тем же лицом.

В эпоху Саргона II Мазамуа упомянута трижды — и только в письмах и хозяйственных документах (табл. 1). В письме № 227 [ABL 408] правитель Арзухины, эпоним 710 г., оправдываясь перед царем, по-видимому, за недостаточное обеспечение царских гонцов мулами, сообщает ему об учреждении двух почтовых станций и необходимости устройства еще одной в Дур-атанати. Поскольку их устройство и обеспечение — забота правителя Арзухины, можно полагать, что все они находились на территории этой провинции. И возникает попутный вопрос о восточной границе Арзухины: это связано со станцией в Лаг(а)лаги/Тагалаги [SAA V, N 227:16]. Этот город находился восточнее прохода Бабиту, т. е. на исконной территории Луллуму/Замуа [Levine, 1989, p. 86, fig. 3]. Существует мнение, что провинция Арзухина простиралась и далее на восток до реки Радану (совр. Базира/Adhem, приток р. Таук; см.: [Levine, 1989, p. 84; Postgate, 1974, p. 38]). Можно ли думать, что она простиралась и далее, вплоть до последнего названного в письме пункта царской дороги — Арракди? Этот город находился лишь в одном перегоне от р. Радану и г. Азри [Levine, 1989, fig. 3; Fales, Postgate, 1995, N 14] и входил в состав страны Замуа [RIMA 2, 207, A.O.101.1 ii:77]. Итинерарий K.4675+, который, по мнению Левина, является «дополнением к письму ABL 408» [Levine, 1989, p. 90], перечисляет после Арракди еще 9—10 станций на царской дороге. Они находились за пределами Арзухины, и ее правитель не нес за них ответственности, поэтому они в письме не названы.

Между тем в письме № 408 [SAA V, N 227] сказано: гонец «арбаилец» (вместе с царским телохранителем) через Арзухину проследовал в Аррапху и уже оттуда отправился в KUR ma-za-mu, «куда послал его царь». Из письма бесспорно вытекает, что арбаилец обеспечивался мулами только до

станции Арракди, которая находилась в Арзухине на пути его следования в Мазамуа. Доказательств того, что Мазамуа начиналась сразу после Арракди и пункты, перечисленные в итинерарии K.4675+ после Арракди, находились на ее территории, нет. Конечная цель гонца Мазамуа могла находиться за пределами Замуа (правда, в том случае, если часть Замуа не была уже включена в Арзухину).

В письме № 54 [ABL 556] упоминание страны Мазамуа в связи с Бит-Хамбаном, Мидией и Манной вполне нейтрально.

Список ткачей № 23 [ADD 950] и список K 4384 порождают некоторую двусмысленность в локализации Мазамуа. В них Мазамуа названа в первом случае — вместе с Арзухиной и Аррапхой, во втором — среди восточных владений Ассирии: Аррапхи, Арзухины, Парсуа и Мидии. В первом случае территории Арзухины и Аррапхи определено соседствовали с Замуа, поэтому упоминание вместе с ними Мазамуа можно истолковать как тождественность Замуа и Мазамуа. Но если значительная часть Замуа отошла к Арзухине, то другая ее часть, отошедшая к Мазамуа, могла получить и ее название. Во втором случае — при том же соседстве, правда, можно заметить, что названы не все (или не все названия сохранились) восточные провинции и среди них могла бы быть и Замуа. Но всё-таки в этих двух случаях вероятность тождества не исключена.

Но как же в таком случае понимать известное отождествление Саргоном в анналах Луллуму = Замуа? Ведь он сделал его при наличии Мазамуа, не кроется ли в этом тождестве противопоставление Мазамуа? Вероятность такого противопоставления можно обосновать следующим образом. В эпоху Саргона продолжалось административное перераспределение территорий провинций. Так, Луллуму/Замуа на западе потеряла часть своих исконных владений, включенных в юрисдикцию Арзухины. На востоке же, напротив, в нее была включена Каралла [Levine, 1972, p. 39, l. 32]. Повидимому, происходили и другие присоединения тогда и потом. Граничила с Замуа и Мазамуа, также утратившая часть своих территорий ещё в конце IX в. Возможно, что в исключительных случаях (на деле всего в двух) этот конгломерат стран и назывался в неофициальных документах для краткости Мазамуа.

Но когда, например, в письме Шарру-эмуранни (правителя Замуа, эпохи 712 г.), в котором речь идёт о перемещениях этого правителя в Парсуа и обратно, KUR Zamua истолкована как Мазамуа, основания для этого остаются непонятными [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 199]. Между тем все случаи упоминания Замуа в письмах и документах времени Саргона издателями серии SAA переведены как Мазамуа, без каких-либо комментариев. Видимо, безоговорочно приняты выводы Левина о тождественности Замуа с Мазамуа и Внутренней Замуа. Выше были предложены контраргументы его выводам. Дж. Н. Постгейт в одном из этих писем переводит KUR Zamu-u-a как Mat-Zamua, пользуясь в тексте статьи термином Замуа [Postgate, 2000, p. 89, 90, 94].

Уверенность исследователей в идентичности понятий Замуа и Мазамуа, по-видимому, отчасти восходит к филологическим наблюдениям Форрера. Он отмечал, что Замуа всегда имеет только детерминатив страны и ни-

когда — города¹³. Видимо, поэтому он трактовал единственный случай [ADD 942], когда перед Замуа стояли оба детерминатива — «ālu» и «mātu», как передачу начального слога Мазамуа — āl mad-za-mu-a (не al māt-za-mu-a). Он полагал, что в луллумейском языке название страны Замуа произошло как Дзамуа, а столицей страны, соответственно, была Мадзамуа [Forrer, 1921, S. 43]. Однако столицей Замуа назван город Замру (табл. 1).

Отметим, что это единственный случай употребления перед Замуа двух детерминативов, использование которых могло быть обусловлено специфическим требованием текста. В новоассирийских текстах иногда встречаются случаи использования двойных детерминативов: KUR. URU. AR-PAD-DA3, URU. KUR. BIT-AM-MA-NA-AJA, KUR. URU. NA-GI-I-TI [Parpola, 1970, p. 31, 76, 255]. Засвидетельствованы названия с двойными детерминативами и позднее: URU. KUR. A-GA-MA-TA-NU [Strassmaier, 1890, N 60:16]. В документе ADD 942 перечислены только города, из которых ожидалось поступление каких-то небольших пожертвований. Поэтому перед KUR Zamuа мог появиться дополнительно детерминатив города, означая в данном случае известный авторам документа какой-то «город страны Замуа». Предложенное Форрером филологическое обоснование тождества Замуа и Мазамуа не обязательно.

Таким образом, термин Мазамуа нельзя толковать как орфографический вариант ассирийского KUR Za-mu-a = Māt Za-mu-a, что сделано издателями SAA. По мнению И. М. Дьяконова, элемент ma, вероятно, относится к местному языку и соответствует элементу «внутренняя» (Zamuа ša bītāni = Mazamuа), но Zamuа ša bābāni (Внешняя Замуа) не соответствует Мазамуа (устный комментарий И. М. Дьяконова).

Подводя итоги, подчеркнем следующее: 1. Замуа и Внутренняя Замуа территориально различны. Основания: ассирийские цари проникали на их территории разными путями; гора Куллар не тождественна горе и проходу Бабиту; Куллар идентичен горе и проходу Бунаис; море Внутренней Замуа не тождественно озеру Зерибор; море Внутренней Замуа соответствует Нижнему морю Наири и современному озеру Урмия. 2. Луллуму/Замуа территориально не равна Мазамуа. Когда с Мазамуа познакомились ассирийцы, она, вероятно, была тождественна Внутренней Замуа. Со времени Саргона термин Мазамуа, по-видимому, иногда имел значение, обобщающее ряд стран.

Таким образом, Замуа локализуется приблизительно в пределах, определенных Спайзером, от верховьев Диялы, где она граничила со страной (и проходом) Хашмар, до левобережья Нижнего Заба, от хребта Сагирма — Кара Даг с проходом Базиан (= Бабиту) до Главного хребта Загроса, исключая район озера Зерибор. Внутренняя Замуа находилась за Центральным хребтом Загроса, в верховьях Нижнего Заба и его притоков, и первоначально простиралась до юго-западного побережья Урмии. Из Замуа туда можно было попасть через перевал горы Куллар, название которой сохранилось в форме Коллар-даг для отрога Центрального хребта Загроса, огибаемого Нижним Забом.

---

¹³ Отметим, однако, чтение Милларда ša URU [ ] -za-mu-a в списках эпонимов 768 г. (см. примеч. 12), следовательно, детерминатив города мог использоваться перед Замуа.

Страны Луллуму, Замау, Мазамау, Внутренняя Замау в ассирийских источниках XIV—VII вв. до н. э.

Цари	Луллуму	Замау	Мазамау	Внутренняя Замау
Алад-нерари I 1307—1275	I, A. O. 76.1:4			
Салманасар I 1274—1245	I, A. O. 77.17:3 I, A. O. 77.18:6			
Тукульти-Нинурта I 1244—1208	I, A. O. 78.1 iv:30	Страна Бирите: I, A. O. 78.23:79		
Ашшур-реша-иши I 1133—1116	I, A. O. 86.1:7			
Тиглатпаласар I 1114—1076	II, A. O. 87.2:23 II, A. O. 87.4:22 II, A. O. 87.10:26 II, A. O. 87.12:17', 21'	Река Радану: II, A. O. 87.4:38 II, A. O. 87.10:38		
Ашшур-бел-кала 1073—1056	II, A. O. 89.7 iv:18			
Алад-нерари II 911—894	II, A. O. 99.2:23 II, A. O. 99.4:14'	II, A. O. 99.2:24 II, A. O. 99.4:14'		
Тукульти-Нинурта II 890—884	II, A. O. 100.5:35	Гора Бабиту: II, A. O. 100.6:5		
Ашшурнацирапал II 883—859	II, A. O. 101.1 ii:34, 77 II, A. O. 101.1 iii:119 II, A. O. 101.3:31 II, A. O. 101.17 iii:16, 102 II, A. O. 101.23:6	II, A. O. 101.28 iv:10 II, A. O. 101.52:7'-8' Город Беруту: II, A. O. 101.1 ii:29 Страна Замау: II, A. O. 101.1 ii:24, 46, 51, 78, 80, 84 II, A. O. 101.1 iii:134		

Салманасар III 858—824	II, A. O. 101.26:17 II, A. O. 101.67:4	II, A. O. 101.2:54 II, A. O. 101.17 ii:80; iii:19, 31, 103, 110; II, A. O. 101.26:51 II, A. O. 101.28 v:5 II, A. O. 101.30:34 II, A. O. 101.33:13', 23' II, A. O. 101.52:8' II, A. O. 101.53:4 II, A. O. 101.67:5 Замру — столица Замуа: II, A. O. 101.1 ii:61, 62, 69, 72, 76 II, A. O. 101.17 iii:79, 98		
			III, A. O. 102.2 ii:75	III, A. O. 102.6 ii:11 III, A. O. 102.8:9' III, A. O. 102.10 ii:7 III, A. O. 102.14:50— 51 III, A. O. 102.16:24— 25 Гора Куллар: III, A. O. 102.8:9' III, A. O. 102.10 ii:6 III, A. O. 102.10 iii:34 III, A. O. 102.13:2' III, A. O. 102.14:50 III, A. O. 102.16:24 Море Внутренней Замуа: III, A. O. 102.5 ii:2 III, A. O. 102.23:18

						Ш,А.О.102.24:9—10 Ш,А.О.102.29:39— 40
Шамши-Алад V 823—810					810 г. — правитель Мазамуа, список эпо- нимов	Гора Куллар: Ш,А.О.103.1 iii:67 Ш,А.О.103.1 ii:35
Алад-нерари III 809—782			783 г. (?) — правитель (восстановлено), список эпонимов	Замуа	783 г. (?)	
Ашшур-дан III 771-754			768 г. (?) — правитель (восстановлено), список эпонимов	Замуа	768 г. (?)	
Тиглатпаласар III 744—727	Апп. 19:18 (Тад- мог, 1994) ARAB I, § 771				733 г. — правитель Мазамуа, список эпо- нимов; Апп. 9:10 [Тадмог, 1994]	
Саргон II 721—705	«страна луллумеев, которую они называют Замуа» ARAB II, § 142					
	Стела. II, стк. 32; ARAB II, § 208, 209		712 г. — правитель Замуа, список эпонимов; SAA V, N 199, 215, 234 SAA VII, N 136,172 SAA XI, N 16, 18	Замуа, список эпонимов; SAA V, N 199, 215, 234 SAA VII, N 136,172 SAA XI, N 16, 18	SAA V, N 227 SAA VII, N 23 SAA XV, N 54	
Асархаддон 680—669			SAA II, 6 (VTE, pl. 11, 43.4) ABL 684		SAA XVI, N 150	
Ашшурбанапал 668—635/27			SAA XI, N 135 (р. XXVIII) ABL 1244		SAA XI, N 1 (K4384)	

Примечание: I, II, III = RIMA 1, RIMA 2, RIMA 3

В верховьях Диялы между хребтами Джебел Хамрин и Кара Даг был расположен **Намар**. Выше по течению Диялы в районе горного прохода Дербенд-и хан находилась известная ассирийцам гора и проход **Хашмар** (литературу см.: [Levine, 1974, p. 19, 22—23, notes 84, 103, 104]). В трафаретных описаниях завоеваний Ашшурнацирапала II обычно говорится: «от прохода горы (или города) Бабиту до прохода горы Хашмар» (в одном случае — «до страны Хашмар», см.: [RIMA 2, 222, A.O.101.1 ii:124b—125a; 225, A.O.101.2:16 и др.]), но однажды Хашмар заменен страной Намар [RIMA 2, 309, A.O.101.40:24b]. Это могло означать, что Намар включал округ Хашмар и одноименные гору и проход. Намар находился за пределами Загроста, но его бесспорная локализация помогает локализации других загросских стран района. На северо-востоке через округ Хашмар Намар соседствовал с Парсуа (пятый район), к югу — со странами третьего района. На севере его соседом была Аррапха, с Замуа Намар не граничил. В локализации Намара не оговорен вопрос о принадлежности левобережья Диялы, но для его уточнения целесообразно определить расположение стран вдоль горного участка Хорасанского пути, а также локализацию Мидии. Это позволит определеннее говорить о локализации между верховьями р. Диялы и равниной Хамадан стран, которые, как правило, связывались с проникновением ассирийцев вглубь Ирана и именно в Мидию.

III.3. Страны в районе Загросского участка Большого Хорасанского пути и Луристана (карта-схема 3)

На горном участке Хорасанского пути, в его западной части, и на подступах к нему со стороны предгорья локализуются страны Хальман, Тук(г)лиаш/Туп(б)лиаш и Бит-Хамбан; Аразиаш, Хархар и юго-западный район Мидии — на его восточном участке. Связующим звеном этих двух триад служила страна Эллипи, точнее, ее северная часть — Бит-Барру(а).

Локализация западной триады стран зависит непосредственно от локализации Намара, с которым все три страны соседствовали. В 843 г. Намар был включен в юрисдикцию Бит-Хамбана, а до этого в его состав входил Туклиаш [RIMA 3, 40, A.O.102.6 iv:13—15; 367, A.O.102.14: 93b—95]. В 702 г. Намар вместе с Хальманом были отданы под власть Аррапхи, эти страны фигурируют под названиями, соответственно, «страна касситов» и «страна язубигалийцев» [Luckenbill, 1924, p. 27, ll. 2—6]. Поскольку Хальман определенно локализуется в горном районе Сепе-Поле-Захаб [Levine, 1974, p. 24—27; RIMA 3, 71, A.O.102.14:187, 190] и не включал верховья Диялы, то ее левобережье могло принадлежать Намару¹⁴. Непосредственное соседство Намара с Бит-Хамбаном также требует этого условия.

Туплиаш/Туклиаш обычно локализуется южнее Диялы и восточнее Тигра, на территории, включающей Дер (Бадра), Джамутбал, Хафаджу, Мандали и Эшнунну [Kinnier Wilson, 1962, p. 113—114]. Такая локализация Туглиаша, если исключить Дер, в целом соответствует требованиям

¹⁴ О том, что Хальман был горной страной, свидетельствует новый перевод текста «Черного Обелиска», см.: [Russel, 1984, p. 196; Reade, 1978, p. 141, note 29].

источников, прежде всего соседству Намара и Туглиаша, но требует некоторых уточнений восточных его пределов. Он должен граничить с Бит-Хамбаном. Их сближает область Сумурзу. В 843 г. она входила в состав Туглиаша, который, в свою очередь, находился под властью Намара [RIMA 3, 40, A.O.102.6 iv:13—20]. Но позднее область Сумурзу вышла из состава Туплиаша; в 744 г. она перечисляется среди завоеванных стран наравне с Бит-Барруа и Бит-Хамбаном, отдельно от города Никку страны Туплиаш [Tadmor, 1994, Ann. 16:5; Summ. 1:17; 2:18; 3:4'—5'; 7:29, 34—35; 11:20]. Тогда же Сумурзу была завоевана и присоединена к Ассирии [Ibid.. Ann. 12:4, 6], точнее, к провинции Бит-Хамбан, как и Бит-Барруа. Таким образом, область Сумурзу должна локализоваться северо-восточнее Мандала, в районе долины Шахабад. Поблизости находился перевал в стране Туглиаш, где в 843 г. ассирийцы получили дань эллипийца Бару. С его именем связано и название области Бит-Барруа, граничащей с Бит-Хамбаном и бывшей поблизости от Туглиаша. Точного указания на границу между ними нет.

Что касается района Дера, то он вряд ли входил в страну Туглиаш. Впервые, Дер был пограничной зоной между Эламом и Вавилонией, в которую не включалась Мандала [Brinkman, 1986, p. 200]. Здесь происходили частые военные столкновения между Вавилоном, Эламом и Ассирией, но Туглиаш в этой связи никогда не упоминается. Во-вторых, в списке чиновников Навуходоносора II чиновники из Дера и Туглиаша названы отдельно [Unger, 1970, N 26, IV, 23, 26]. Это свидетельствует об их административно-территориальном разделении, во всяком случае, для конца VII в. до н. э.

Существует неясность в локализации реки Туплиаш и в ее связи с одноименной страной. В 710 г. Саргон сообщает, что после завоевания им шести провинций Гамбулу на юго-востоке Вавилонии племена ряда (соседних?) провинций убежали ночью в сторону бурной реки Укну/Керхи; С. Парпола называет Укну р. Карун [Parola, 1970, p. 406]. Далее Саргон продолжает, что он запрудил «Туплиаш, реку их защиты» [Winckler, 1889, Ann. II. 265—266; ARAB II, § 32]. По-видимому, описываются события на территории к югу от страны Туплиаш. Предполагалось, что Укну в районе описываемых событий названа «рекой Туплиаш» потому, что она течет из страны Туплиаш, как Евфрат наван «рекой Сиппар» [Albright, 1925, p. 216—217]. У. Ф. Олбрайт сделал вывод, что страна Туплиаш лежала в верховьях Укну/Керхи примерно в 65 км к северо-востоку от Мандала, другими словами, речь может идти о северных притоках Сеймерре южнее Шахабада. Это хорошо согласовалось бы с предложенной локализацией Сумурзу. Однако Дж. А. Бринкман, как и С. Парпола, полагает, что Укну и Туплиаш — две разные реки. Реку Туплиаш помещают в эламо-вавилонской пограничной зоне, Парпола называет так левый приток Тигра Nahr at-Tib [Parola, 1970, p. 406, map; Brinkman, 1986, p. 200]. Но где в таком случае находилась страна реки Туплиаш, вожди которой сообщают в Ассирию о поддержке своего царя? Среди имен упоминается некий Набушаллим, которого Асархаддон, вероятно в благодарность за поддержку, назначил правителем вавилонской области Бит-Даккури [RCAE II, N 906, 1112; RCAE III, p. 302]. Об этом назначении сообщается в надписи на цилиндре А и уточняется, что Набушаллим был сыном Баласу [ARAB II, § 535]. Этот Баласу был владельцем Даккури еще при Тиглатпаласаре III [Tadmor, 1994,

Summ. 7:26; 11:18]. В ахеменидское время река и страна Дуплиаш упомянуты в связи с храмом Эанна в Уруке [Дандамаев, 1966, с. 27: YOS 3, 117, 8; YOS 7, 86]. Эти данные не позволяют идентифицировать страну Дублиаш со страной Туплиаш, о которой речь шла первоначально. Тот Туплиаш находился севернее вавилоно-эламской пограничной зоны [Brinkman, 1968, p. 275, note 1773], где он граничил на северо-востоке с Бит-Хамбаном.

Поскольку **Бит-Хамбан** соседствовал не только с Туплиашем, но и с Намаром, то единственным районом, где его можно локализовать, остается долина Махидашт с прилегающими территориями. Поэтому локализация Дж. Киннер Вильсона — от р. Сирван, левого притока Диялы, до района Керманшаха — является наиболее подходящей [Kinnier Wilson, 1962, p. 113]. В северной части этой долины Левин локализовал Парсуа [Levine, 1974, p. 112]. Хотя эта локализация отвечает одному из требований текстов, а именно непосредственной близости Парсуа к Намару (походы 834, 827 гг. до н. э.), она не согласуется с другими данными источников. Прежде всего, она не оставляет места для Бит-Хамбана. А между тем эта страна была достаточно обширной и стратегически важной, чтобы стать ассирийской провинцией наравне с Парсуа в 744 г. Одним из признаков стратегической важности провинции является прохождение магистральных путей через ее территорию. Бит-Хамбан лежал на Хорасанском пути. Парсуа и Бит-Хамбан, бесспорно, находились недалеко друг от друга. Но Парсуа входила в расположенную севернее группу стран (Аллабрия, Каралла, Абдадани, Хундир, Бит-Капси), тяготевших к Манне, Гизильбунде и северным пределам Мидии. Маршруты ассирийских царей определенно свидетельствуют о том, что Парсуа не входила в состав стран, тяготевших к Хорасанскому пути. Парсуа находилась севернее Бит-Хамбана, а с Намаром ее связывали проход и округ Хашмар. Таким образом, Парсуа также занимала стратегически важную позицию, контролируя выход на Иранское плато через долину р. Дияла.

Локализацию Бит-Хамбана в районе Бехистуна можно отклонить. Дело в том, что название Хамбан известно во всех трех версиях Бехистунской надписи: др.-перс. ka-ra-da/ka-^mpa-ⁿda; элам. ka-um-pa-ⁿtaš; вав. ha(?)-am-ba-ni. Камп(б)анда многими исследователями отождествлялась с Камп(б)аденой Исидора Харакского — небольшой областью между Керманшахом и Кангаваром, и там локализовался Бит-Хамбан. Но это отождествление устарело [Calmeuеr, 1989, p. 611]. Название области Кампадена еще в XIX в. передавалось персидским названием *Āmābādān*, чему и соответствует греческая форма *Καμβάδηνι*. Таким образом, две иранские формы *Kamranda* и *Āmābādān* не имеют между собой ничего общего, они обозначали две различные территории [Грантовский, 1970, с. 107]. Бит-Хамбан находился западнее Бехистуна.

Мидия локализуется в целом за пределами Загроса, на Хамаданской равнине, где ее восточные пределы доходили до горы Демавенд и пустыни Деште-Кевир. Некоторые юго-западные ее районы входили в горный массив Загроса. Левин помещает если не всю Мидию, то значительную ее часть, известную ассирийцам, в горы Загроса [Levine, 1974, p. 117—119] (обоснование этого положения и контраргументы будут рассмотрены ниже). Западнее Мидии в горах Загроса находились Хархар и Аразиаш.

Хархар упоминается в маршрутах ассирийских царей вслед за Мидией и в связи с ней, с ее территории ассирийцы возвращались домой по горному участку Хорасанского пути (поход 834 г., третий поход Шамши-Адада V, поход Саргона в 716 г. и др.). Хархар находился в районе Хорасанского пути между спуском на равнину Хамадан на востоке и Бехистунном на западе. Это проистекает из следующего. В 716 г. Саргон, согласно анналам, установил две стелы, что означало образование двух новых провинций — Кишесу и Хархар [ARAB II, § 10, 11].

Хархарская стела найдена возле Хорасанской дороги в долине Асадабад, в 15 км к северо-востоку от Кангавара. Асадабад — последний горный перевал перед спуском на равнину Хамадан. Текст на стеле подробно описывает маршрут 716 г. Сначала описана процедура образования провинции Кишесу, сопровождавшаяся возведением там стелы; другая стела, согласно тексту, была установлена в конце похода, но не в Хархаре, а в стране Ураттус, последнем пункте маршрута [Levine, 1972, II. 39—40, 68—70]. Это расхождение можно объяснить тем, что в подробном описании похода на стеле перечислены все завоеванные в этом походе страны и города, тогда как в анналах указаны сводные и обобщенные данные, говорится об образовании провинций, в которые уже были включены мелкие завоеванные владения.

Почему именно в Ураттусе, одной из стран, включенных в новую провинцию Хархар, была воздвигнута стела? Вероятно потому, что владение Ураттусом означало владение горным проходом, который открывал выход на равнину, в Мидию. Саргон собирался превратить Хархар в плацдарм для ее завоевания [ARAB II, § 15, 58]. В 716 г. к Хархару было присоединено шесть областей [ARAB II, § 11], но уже в анналах 715 г., в которых говорится о событиях 716 г., их названо всего пять, причем совпадают только три названия [ARAB II, § 14] (см. ниже). Подобной неточностью могло быть и пропущенное название маленькой страны Ураттус, вошедшей в состав Хархара. Но в любом случае бесспорными фактами остаются образование в 716 г. двух провинций и находка стелы практически *in situ* (ее вес около двух тонн) в районе прохода Асадабад, где и должны были проходить восточные границы Хархара. Следовательно, и граничившая с Хархаром Мидия при Саргоне еще не выходила в этом районе за пределы равнины Хамадан (см. ниже).

Маршрут Тиглатпаласара III в 744 г. дает основание думать, что западные пределы Хархара не доходили до Бехистуна. В этом году ассирийцы, находясь на территории к востоку от Парсуа в Абдадани, Бит-Капси и ряде других стран, свернули прямо на юг, минуя Мидию, вероятнее всего, по дороге Сенендедж — Керманшах [Tadmor, 1994, Ann. 10:7—12; 11:1—12]¹⁵. Владелец **Аразиаша**, Раматея, узнав о приближении ассирийцев, бежал в горы [Ibid., Ann. 12:2]. Следовательно, его страна находилась на пути продвижения ассирийцев. Очевидно, что из областей, присоединен-

---

¹⁵ Непосредственно из Парсуа, вероятно, можно было пройти на юг по дороге Паве-Керманшах, но Бит-Капси, из которой двигался Тиглатпаласар, располагалась значительно восточнее Парсуа, ибо в 737 г. она находилась в составе Мидии, неясно, были ли ассирийцы в восставшем Кишесу [Tadmor, 1994, Ann. 11:12].

ных в 716 г. к Хархару, Аранзеш (иначе — Верхняя Речка) и Бит-Раматуа (или Нижняя Речка) — две части владений Раматеи в 744 г., они должны были находиться западнее Хархара, в районе Бехистуна. Тогда же Тиглатпаласар захватил восставший город Эринзиашу; этот же город, но названный Элензаш, Синаххериб назвал в 702 г. главным городом округа Бит-Барруа [Tadmor, 1994, St. IV:5'—12'; Ann. 11:12, note 12; Luckenbill, 1924, p. 28, ll. 25—28]. Таким образом, Тиглатпаласар, идя на юг к Эринзиашу в Бит-Барруа, оставил по левую руку как Кишесу, которая локализуется севернее Хархара где-то в районе дороги Сенендедж-Хамадан, так и сам Хархар. Не тронул он и владений Раматеи в Аразиаше, которые, судя по поведению последнего, были ближе к пути следования Тиглатпаласара, чем земли Хархара¹⁶.

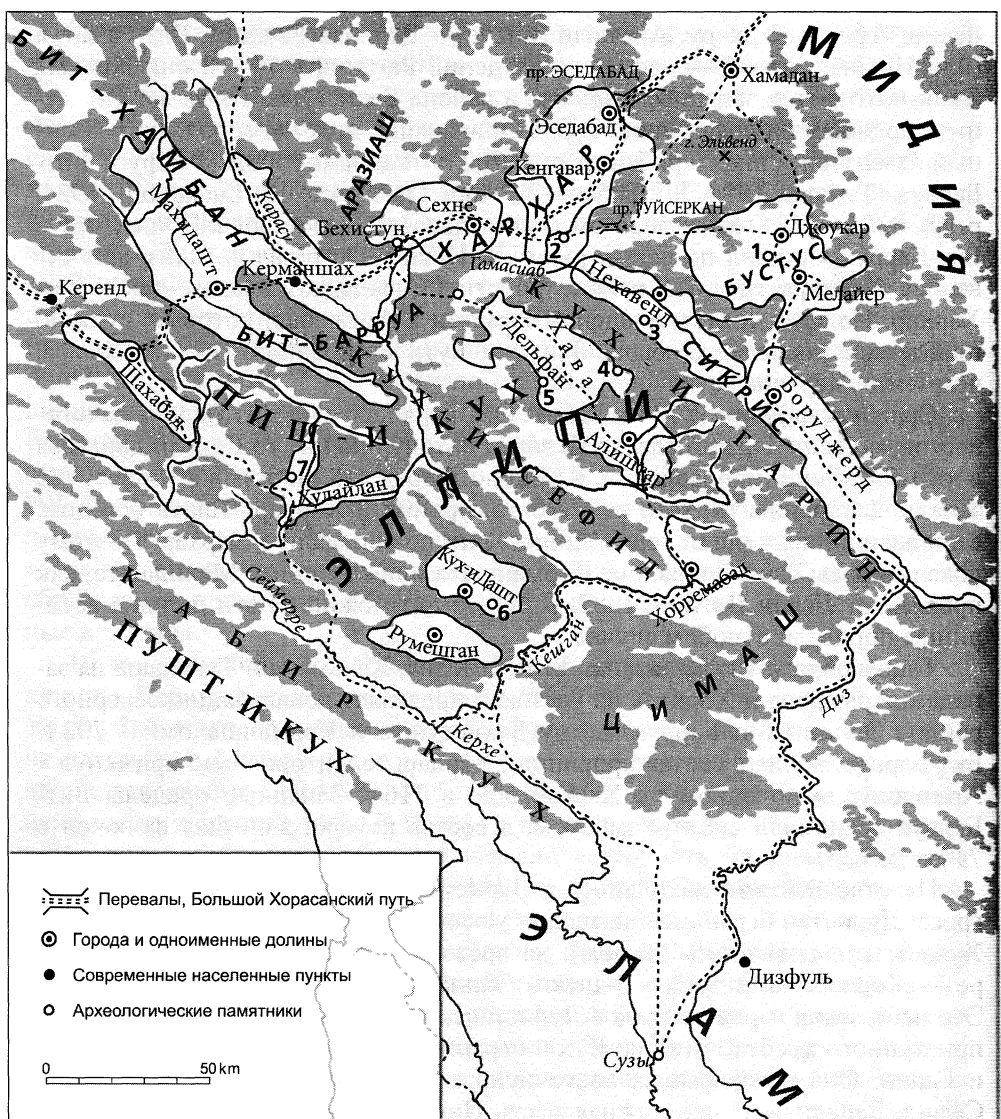
Сравним маршруты 744 и 716 гг. Оба царя двигались из Парсуа на юго-восток, но если Тиглатпаласар III затем свернул на юг, то Саргон двигался в юго-восточном направлении, в Мидию. Перед ней он попал в Кишесу и с западной окраины Мидии, из Сагбата, проник в Хархар. Таким образом, если ассирийцы не шли через Мидию, они не попадали в Хархар. Поэтому локализовать Хархар в районе Керманшаха или восточнее Махидашта, как предлагает Левин [Levine, 1987, p. 230], невозможно. В эти долины ассирийцы попадали в любом случае.

Таким образом, локализация Бит-Хамбана, Хальмана и Туглиаша на западе и Аразиаша и Хархара на востоке определяет локализацию северного района Эллипи Бит-Барруа между Бехистуном и Керманшахом. В 702 г. Бит-Барруа, войдя в состав провинции Хархар, территориально примкнул к Аразиашу, включенному в Хархар еще в 716 г. Западные пределы Бит-Барруа граничили с Бит-Хамбаном, в состав которого он был включен в 744 г. до н. э.

Царство Эллипи находилось в Луристане, обширной провинции в Загросе. Луристан ограничен на западе Месопотамией, на юге — провинцией Хузистан (в древности Эламом), на востоке — Иранским плато, на севере — Хорасанским путём. В целом Эллипи локализуется в Пиш-и Кухе. Это небольшая горная страна в Луристане, расположенная к востоку от неприступного хребта Ка(е)бир Кух и ограниченная на востоке хребтом Кух-и Гарин. Она разделена на восточную и западную части хребтом Кух-и Сефид. Западная, более нижняя часть Пиш-и Куша занята зимними пастбищами Гармсир; восточная — высокогорными, хорошо обводненными летними пастбищами Сардсир [Goff, 1968, p. 105—108] (в другом месте

---

¹⁶ Эти сведения вместе с локализацией Бит-Барруа, который был близок к Аразиашу на востоке и к Бит-Хамбану на западе, исключают некоторую неясность относительно взаиморасположения Хархара и Аразиаша. Некоторые тексты как будто бы меняют их местами. Так, в анналах 834 г. последовательно перечислены: Парсуа, Месу, Мидия, Аразиаш, Хархар [RIMA 3, 68, A.O.102.14: 120—121]. Шамши-Адад V называет Гизильбунду, Мидию и, «при возвращении», Аразиаш, но Хархар не назван (пропущен?) [RIMA 3, 185—186, A.O.103.1 ii:59, iii:27—44]. В титулатуре Адад-нерари III в обратном порядке названы Намар, Эллипи, Харахар, Аразиаш, Месу, Мидия, Гизильбунда. Здесь переставлены и Месу с Мидией. Можно по-разному объяснять эти перестановки, но сказанное выше определяет более западную, по отношению к Хархару, локализацию Аразиаша.

Карта-схема 3. Луристан и соседние области в VIII—VII вв. до н. э. (авторская разработка карты-схемы из: [Henrickson, 1984, fig. 4]):

1 — Нуш-и Джан; 2 — Годин тепе; 3 — тепе Гиян; 4 — тепе Джамшиди; 5 — Баба Джан; 6 — Сурх-и Дум; 7 — тепе Гуран

К. Гофф почему то летними пастбищами называет, наоборот, район вокруг Румешгана и Кух-и Дашт, а зимними — район вокруг Нурабада [Goff, 1971, p. 133]. Гофф подчеркивает культурные различия Гамсира и Сардсира. Только в последнем процветала культура расписной керамики типа Баба Джан III—II в VIII—VII вв. до н. э. [Goff, 1978, p. 34—35]. Однако культурные различия не отрицают существования единого государства. Эллипы, очевидно, состояло из нескольких областей, хотя известна только область Бит-Барруа. Вряд ли в этом регионе политическое объединение означало и культурное слияние, но, может быть, последнее не успело произой-

ти. Политическое же сплочение Эллипи, помимо внешних факторов, имело хорошую природную базу для экономического объединения на основе отгонного животноводства. Эта территория была замкнутой хозяйственной зоной.

Территориальная близость Эллипи к Эламу и Мидии имела политические последствия. Усиление ассирийской агрессии на востоке определило проэламскую ориентацию Эллипи в VIII в. Наиболее ярко она проявилась в правления Саргона и Синаххериба. Это совпадает по времени с новым возвышением Элама, с одной стороны, и усилением Эллипи в Загросе — с другой. Еще в 744 г. Тиглатпаласар III захватил Бит-Барруа, которая, по-видимому, вошла в состав новой провинции Бит-Хамбан. Но при Саргоне Бит-Барруа вновь стала частью Эллипи. Синаххериб называет Эллипи «обширной страной» — KUR gars̄tu [Luckenbill, 1924, p. 28, l. 15]. Ее усиление могло, с одной стороны, обусловить поведение других владельцев в этом регионе (так, хархариты, опасаясь нашествия ассирийцев в 716 г., хотели получить подданство Эллипи [ARAB II, § 11]), а с другой — заставить Саргона попытаться подчинить этого сильного союзника Элама. В 720 г. Саргон потерпел поражение от эламитов при Дере [Grayson, 1975, Chr. 1, i:33—37]. Эламский царь Шутрук-Наххунте II, по-видимому, продвинулся в район Хорасанской дороги, где завоевал Каринташ/Керенд и спустился в сторону Месопотамской низменности, блокировав таким образом магистральный путь через Загрос [Хинц, 1977, с. 139—142]. При Саргоне главным был восточный фронт, борьба с проэламской Эллипи должна была закрепить его завоевания и обезопасить Хорасанский путь. Эта борьба продолжилась при Синаххерибе, его противниками, наравне с Вавилоном и Эламом, была Эллипи [Levine, 1982, p. 28—55]. В 702 г. ассирийцы разорили Эллипи и вновь отрезали от нее Бит-Барруа, присоединив ее с рядом эллипских городов, в том числе Элензаш, к Хархару. Но антиассирийские настроения в Эллипи не были подавлены. В 691 г. она вошла в состав новой антиассирийской коалиции, наибольшим успехом которой стала битва с ассирийцами на Тигре, при Халуле [Levine, 1982, p. 48—51]. Последнее упоминание Эллипи связано с антиассирийским восстанием Мидии при Асархаддоне. Судя по всему, Эллипи была на стороне восставших, о чем ниже.

Для определения границ между Эллипи и Мидией необходимо вновь вернуться к событиям 716 г. Тогда Саргон присоединил к новой провинции Хархар шесть областей: две области Аразиаша, страны Урикату, Сик(г)рис, Сапарду, Уриаку. В 715 г. эти области восстали, но из названных пяти областей со списком 716 г. совпадают только три названия: Уриаку, Сапарда и Сикрис [ARAB II, § 11, 14]. Сопоставление названий стран на стеле 716 г. и на призме А, которая должна относиться к 716, а не к 713 г.¹⁷, обнаруживает совпадение на отрезке маршрута Саргона от Сапарды до Бустуса только четырех названий: Сикрис, Укута, Уппурия/Упурия и сам Бустус. Маршрут 713 г. из Эллипи и далее на восток совпадает с маршрутом 716 г.

---

¹⁷ На них совпадают основные пункты обоих списков; особенно важно совпадение названий в конце; в 713 г. после Бустуса (общий пункт для всех списков) маршрут пролегал в Восточную Мидию через страны Агази, Амбанда, Данану, которые в 716 г. еще не были известны (см. табл. 2).

в пунктах Уриаку, Упурия и Бустус. Если принять в списке 713 г. восставление И. М. Дьяконовым [Сигри]су перед Ба'ит-или [Дьяконов, 1956, с. 219; АРАБ II, § 23], то Сигрис фигурирует во всех трех списках 716 и 713 гг., так же как и в анналах за 716 и 715 гг. По-видимому, эти страны были наиболее значительными в этом небольшом районе. Между ними могли находиться столь мелкие владения, что в записи допускались неточности и перечень владений не был полным.

Для определения границы между Эллипи и Мидией важны страны Сикрис, Упария/Упурия, С(Ш)апарда и Уриаку. Первые три названы в списке мидийских данников в 737 г. [Тадмор, 1994, St. ПВ:25'—43'] (Сикрис назван в нем Сикра). Этот список, как кажется, позволяет уточнить юго-западные границы Мидии. Если в районе Сагбата/Хангматаны (см. ниже) её западные границы не выходили за пределы равнины Хамадан, то южнее её владения распространились в пределы Загроса южнее Хорасанской дороги, но не западнее хребта Кух-и Гарин. Это следует из того, что локализация Хархара вдоль Хорасанской дороги от прохода Асадабад, а с присоединением Аразиаша — вплоть до района Бехистуна, позволяет предполагать присоединение Сапарды, Сикриса, Упарии и Уриаку только с его южной стороны, поскольку эти области находились поблизости от Эллипи или даже граничили с ней. Общую границу с Хархаром достаточно было иметь хотя бы для одной из них. Скорее всего, ее имела Сапарда. Если в запросе к богу Шамашу по ошибке вместо Sa-par-du было написано Sa-an-du [АВИИУ, № 68, 13, с. 229, примеч. 16; Starr, 1990, N 51], то Хархар и Сапарду связывал горный проход, блокированный со стороны Хархара городом Килман. На их общую границу указывает и тот факт, что до начала мидийского восстания при Асархаддоне Сапарда была составной частью Хархара, откуда снаряжались отряды за сбором дани вглубь Мидии [Starr, 1990, N 65, 71]. А во время самого восстания осаде подверглись города Сапарды Килман и Цубара [Ibid., N 48, 51]. Сикрис и Упурия после восстания 715 г., очевидно, не были снова включены в Хархар и в списке ассирийских данников 714 г. отсутствуют [АРАБ II, § 147]. При Асархаддоне в Сикрис снаряжались отряды за сбором дани, что было связано со многими трудностями [Starr, 1990, N 65]. Видимо, это свидетельство того, что и позднее Сикрис едва ли входил в ассирийские владения. Согласно Грантовскому, Сик(г)рис соответствует названию страны Тигракка — Шиграки времени Тиглатпаласара III [Грантовский, 1970, с. 242—243]. Однако в мидийском списке 737 г. Тиглатпаласар называет и страну Сикра (= Сикрис) [Тадмор, 1994, St. ПВ:42'], следовательно, идентификация Э. А. Грантовского необязательна.

Из Упурии в 716 г. Саргон через одноименный горный проход между «мощными» горами Патташун и Даруе попадает в долину, где находились города страны Бустус. В описании этого маршрута единственный раз обращено внимание и на горный проход, и на долину [Levine, 1972, p. 42, II. 56—57]. С учетом локализации Хархара можно полагать, что Саргон описал выход в долину Джоукар-Мелайер, которая находится западнее южной границы равнины Хамадан и в центре которой находилась мидийская крепость Нуш-и Джан тепе с храмом огня. Следовательно, эта крепость находилась в стране Бустус. В таком случае, страны, по которым проходил Саргон в 716 г. после Хархара и в 713 г. после Эллипи до Бусту-

са, занимали территорию между хребтом Кух-и Гарин (в долине Нехавенд и части долины Буруджерд) и равниной Хамадан.

В списке мидийских данников 737 г. разброс перечисленных мидийских областей весьма значителен и, очевидно, определяет границы западной части Мидии от Цибара/Цибура и Бит-Капси на севере и северо-западе (в IX в. Цибар входил еще в Гизильбунду, а Бит-Капси в 744 г. еще не числился мидийской территорией) через Садбат/Сагбат до Сапарды/Шапарды, Упарии и Сикры/Сикриса на юге. Хребет Кух-и Гарин в VIII в. и до начала VII в. (по-видимому, до мидийского восстания 670-х гг.) был юго-западной границей Мидии. В данном случае можно предложить археологическое обоснование этому положению. Западнее этого хребта вплоть до хребта Кух-и Сефид была распространена культура расписной керамики типа Баба Джан III, которая не может считаться мидийской ввиду отличия ее от нерасписной керамики типа Нуш-и Джан. Последняя, в силу своего местонахождения, бесспорно, является мидийской [Medvedskaya, 1992, p. 73—75]. Проникновение мидийской керамики к западу от Кух-и Гарин начинается в VII в. до н. э. [Goff, 1978, p. 36—38]. Трудно сказать, насколько археологические процессы отражают процессы политические, но в данном случае это отражение просматривается. Речь идет о победе мидийцев в ходе антиассирийского восстания и начале их экспансии уже с 660-х гг. (см. гл. IV.2).

Описываемая юго-западная территория Мидии граничила с Эллипи. В ходе мидийского восстания захват Хархара был одной из стратегических задач восставших — необходимо было перерезать главную ассирийскую коммуникацию в Загросе. Одно из направлений этого удара было с юга через восставшую Сапарду. В результате соседняя Эллипи оказалась втянутой в военные действия [Starr, 1990, N 76, 79, 80]. На близость стран Уриаку и Эллипи или даже на их общую границу указывает контекст трех писем времени Саргона [Fuchs, Parpola, 2001, N 85, 95, 101]. Очевидно, что они написаны в Хархаре/Кар-Шаррукине в относительно мирный период, когда «все соседи» или «мидийцы, которые вокруг нас», находятся в мире. Такая ситуация была возможной после 713 г., когда Уриаку вошла в состав Хархара и должна была регулярно платить дань, за этим следили ассирийские чиновники, о чем сказано в одном из писем. Страна Ба'ит-или, как было отмечено, возможно, соседствовала с Сикрисом и имела общую границу с Эллипи, она была также захвачена ассирийцами в 713 г. [ARAB II, § 23, 58]. К Сикрису мы еще вернемся в связи с локализацией южной границы Эллипи.

Эллипи на юге граничила с Эламом [Winckler, 1889, S. 85, 23]. Для уточнения этой границы необходимо рассмотреть спорный вопрос о местонахождении эламской области **Симашки**. Ее помещали к северу от Сузианы в Луристане, в районе Хорремабада. Эта гипотеза В. Хинца принималась многими исследователями. Но предлагались также ее локализации между Шушем (Сузами) и Исфаханом, к юго-востоку от Хузистана, севернее Хузистана и Фарса. Позднее Ф. Валла предложил локализовать Симашки далеко на востоке в районе Кермана [Vallat, 1993, p. CXIII f., CXVII f., 243 (здесь же литература); 1985, p. 49—54]. Следует отметить, что, согласно исторической карте Валла, Элам в целом значительно отодвинут от

Месопотамии. Только Сузы остались на своем историческом месте, все остальные области смещены к востоку и юго-востоку. Решающим аргументом в пользу новой локализации Симашки Валла считает археологические находки в провинции Керман (протоэламские таблички, керамика, иконография [Vallat, 1993, p. CXIV, CXVII f., 243]).

Не имея возможности рассматривать аргументацию всех предложенных локализаций Симашки, остановлюсь на решающих, с моей точки зрения, аргументах, предложенных М. Столпером. Они исключают восточную локализацию Симашки и позволяют поместить ее к северу от Сузианы. Во-первых, Симашки лежала в зоне частых контактов с Уром и была достаточно близка к территории, находившейся под прямым контролем Ура, пусть даже степень этого политического контроля можно оценивать по-разному [Stolper, 1982, p. 45, note 15]. Во-вторых, надпись царя Šu-Sin (конец 3-го тыс.) уточняет, что Симашки включала в себя шесть стран, в том числе Забшали и Шикриш. Идентификация последнего с Сикрисом новоассирийского времени принимается всеми. Хотя Валла и снижает важность этого документа предположением, что вхождение этих стран было не постоянным, а лишь временным завоеванием [Ibid., p. 45; Vallat, 1993, p. 243], в любом случае, Симашки не могла находиться от них на значительном расстоянии. Выше была уточнена локализация Сикриса — к югу от Хорасанской дороги; но Керман, где, согласно Валла, располагалась Симашки, находится слишком далеко от него. Однако самым убедительным доводом Столпера против восточной локализации Симашки является «шумерский царский гимн, восхваляющий деяния Ишби-Эрра из Иссина». В нем отмечены максимальные пределы Элама: от Башиме/Пашиме на побережье моря... до границ Забшали; от Арава/Уруа, запора Элама... до границы Мархаши [Stolper, 1982, p. 46]. Здесь зафиксированы две оси: юг—север — Башиме—Забшали и запад—восток Арава—Мархаши. П. Стейнкеллер обосновывает локализацию Пашиме/Мишиме на северо-восточном берегу Персидского залива, а Аравы — на западе Элама. Арава, ставшая провинцией государства III династии Ура, занимала стратегическую позицию, которая контролировала переход из Южной Вавилонии в долину Сузианы, что и было отмечено в гимне как запор (sag-kul) Элама [Steinkeller, 1982, p. 239—246].

Таким образом, одна из стран, названная в тексте Шу-Сина в составе Симашки, — Забшали локализуется на севере Элама, неподалеку от нее находился и Шикриш/Сикрис. А текст гимна заставляет отказаться от локализации Мархаши на северо-западе Элама и требует ее локализации на восток от него, хотя и не на юго-восток, как предлагает Валла. Следует отметить, что обе оси неприложимы к исторической карте Элама, предложенной Валла, и утрачивают всякий смысл. Примечательно, что Валла не комментирует текст гимна в связи с предлагаемой им локализацией Симашки, хотя и упоминает его, перенося Мархаши на юго-восток от Элама.

Район Хорремабада, предложенный Хинцем для локализации Симашки, представляется предпочтительным. Он соответствует оси Башиме-Забшали и находится недалеко от Сикриса. Эта территория соседствовала с Сузианой. Приток реки Керха, Кешган/Кешганруд, протекающей через долину Хорремабад, является естественной границей между Пиш-и Кухом и горной страной к югу от Кешгана, расположенной между реками Керхе и

Диз севернее Сузианы. Насколько можно судить по археологическим данным, этот водораздел был и культурной границей. Здесь могла проходить естественная граница между Эллипи и Эламом.

Если для начала 3-го тыс. отмечаются культурные связи Сузианы с горными народами (имеются в виду лишь территории западнее хребта Ка(е)бир Кух, Пушт-и Кух и Дех Лоран), то ближе к концу 3-го тыс. Сузиана обнаруживает все более заметную западную ориентацию [Carter, 1985, p. 45—47]. Именно в это время власть над Эламом переходит к династии царей из Симашки. Ареал памятников типа Годин III (2600—1600 до н. э.), локализуемого в долинах Мелайер и Кенгавар на востоке до Кабир Куха на западе, не распространился непосредственно к югу от Кешгана, хотя и обнаруживает ограниченные параллели в расписной керамике Суз [Henrickson, 1984, p. 98—122, fig. 1—4]. Р. Хенриксон считает, что область этой керамической традиции совпадала с эламской областью Симашки [Ibid., p. 100]. Это предположение спорное. В новоассирийский период исторические области Элама, в большинстве своем утратив бывшее значение, тем не менее существовали на своем историческом месте. Нет оснований полагать, что Элам имел выход к Хорасанскому пути, как это следовало бы из локализации Симашки в ареале керамической традиции Годин III. Ассирийские цари вели борьбу за овладение этой магистралью со странами, названия которых известны и о которых говорилось выше. Начал эту борьбу Тиглатпаласар III образованием провинции Бит-Хамбан, а закончил Саргон, образовав провинцию Хархар и «надев ярмо Ашшура» на страну Эллипи [Winkler, 1889, 83, 18]. Последнее утверждение не столько соответствовало действительности, сколько отражало необходимость борьбы с этой проэламски настроенной страной.

В связи с временным поражением Эллипи при Саргоне хотелось бы обратить внимание на один топоним, называемый Саргоном как предел его завоеваний: «...от страны Хашмар до страны Цимаш, области, граничащей с отдаленными мидийцами востока» [Winkler, 1889, 3, 18]. Эта ось, ориентированная с северо-запада на юго-восток и проходящая через Эллипи, достигала на юго-востоке страны Цимаш. Локализация Симашки/Цимаш к юго-востоку от Эллипи в междуречье Кешган (Кешганруд) и Диз (Аби Диз) согласуется с локализацией Сикриса к югу от Хорасанского пути и к востоку от Эллипи где-то в районе Буруджерда в долине р. Диз и в районе Нехавенда в долине р. Гамасиаб. По соседству с Сикрисом находились и другие области Юго-Западной Мидии: Упурия и ближайшая к Хархару — Сапарда. Они могли занимать территории в долине р. Гамасиаб между Нехавендом и горным проходом Туйсеркан. Уже отмечалось, что из Упурии через одноименный горный проход между «мощными» горами Патташшун и Даруе Саргон попал в долину с городами страны Бустус.

Таким образом, историко-географическое исследование позволяет отождествлять Симашки 3—2-го тыс. со страной Цимаш новоассирийского времени. Для Э. Херцфельда их тождественность была очевидной, хотя специально этот вопрос он не рассматривал [Herzfeld, 1968, p. 179—180]. С филологической точки зрения такое отождествление также вероятно, с чем соглашались И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон (подробнее см.: [Medvedskaya, 1999, p. 67—68]).

III.4. Хамаданская равнина

На этой территории¹⁸ находились мидийские владения, еще с IX в. до н. э. известные ассирийцам под общим названием Мадай. Пока предложены только две географические привязки к современной карте Ирана, которые могли бы определить пределы изначальной Мидии. Это, прежде всего, название столицы Мидии, сохранившееся в текстах VI в. до н. э.: в вавилонской Хронике Набонида (середина VI в.), где она названа KUR A-gam-tanu [Zadok, 1985, p. 3], и в Бехистунской надписи Дария I (ок. 520 до н. э.), текст которой написан на четырех языках. В вавилонской версии — A-ga-ma-ta-nu, в эламской — Ag-ma-da-na, в арамейской — 'ḥmtn (чтение восстановлено [Greenfield, Porten, 1982, p. 58]), в древнеперсидской — h-g-m-t-a-n, в фонетической транскрипции — Ha^gmatāna [Schmitt, 1991, col. II:77, 78, p. 34, 61]. В V в. Геродот передал это название как 'Αυβάτανα/ 'Εκβάτανα. В ассирийских источниках под таким названием столица Мидии неизвестна. Древнеиранское название Ha^gmatāna — от han- (ham-) 'вместе', 'с' и причастия прошедшего времени от глагола gam- 'ходить' *han-gmata, — по мнению специалистов, означает '[место] собрания', 'схождение вместе' [Дьяконов, 1956, с. 179; Gershevitch, 1979, p. 125, 147, note 35]. В современном персидском языке древнее название Ха(н)гматана преобразовано в Хамадāн, этот город лежит на пересечении главных магистралей Ирана и Ближнего Востока, и прежде всего на Большом Хорасанском пути.

Второй привязкой к карте может служить гора Бикни, или Лазуритовая гора «в стране далеких мидийцев», возле которой ассирийцы знали также страну Патуш'арра. Ее название соответствует др.-иран. *patišhvāra [Herzfeld, 1968, p. 194]. Эту гору отождествил с горой Демавенд уже Г. Винклер [Winckler, 1889, S. XXVII]. Сторонники такой идентификации исходили из античных представлений об исторической области Мидии в широком понимании этого термина, а также из значительной протяженности ассирийских походов в этот регион. В отечественной историографии таких представлений всегда придерживался И. М. Дьяконов. Он не приводил специальных доказательств отождествления г. Бикни именно с Демавендом и даже полагал, что ассирийцы ошибочно называли эту гору Лазуритовой, поскольку «весь известный на Древнем Востоке лазурит — бадахшанского происхождения, т. е. вывозился (через Мидию) из Бактрии» [Дьяконов, 1956, с. 85]. Однако Херцфельд считал, что название горы Bīkni сохранилось как Bīnah Kūh, эта гора находится севернее небольшой долины Khwāg, орошаемой водами р. Хеблеруд, стекающей с гор Эльбруса и теряющейся в Соляной пустыне [Herzfeld, 1968, p. 25, 194—196]. В этом случае известная ассирийцам Лазуритовая гора находилась чуть восточнее Демавенда, что принципиально не меняет сути дела — определения пределов изначальной Мидии.

Основным доводом против отождествления г. Бикни с Демавендом для Левина, как уже говорилось, послужило главным образом отсутствие упо-

¹⁸ Наименование этого района условно и включает, помимо самой Хамаданской равнины, земли к востоку от нее (см. карты 1, 2).

минания ассирийцами Экбатан, из чего следовало, что они не бывали даже в западной части равнины Хамадан, и следовательно, ассирийская экспансия на Иранское плато ограничивалась горами Загроса. В результате вся мидийская топонимия, известная по ассирийским текстам, была локализована западнее Хамадана, что повлекло за собой смещение всей древней топонимики Ирана на запад. Гора Бикни была идентифицирована с горой Эльвенд на востоке Загроса [Levine, 1974, p. 117—119]. Эта идентификация восходит еще к В. Кёнигу [König, RLA II, p. 28—29]. Левин допускает, что часть Мидии восточнее Загроса могла остаться неизвестной ассирийцам. Он строит следующее умозаключение: если Бикни = Эльвенд отмечает самую восточную точку ассирийской экспансии, то естественно, что мидийцы построили свою столицу в безопасной зоне, т. е. на равнине Хамадан [Levine, 1974, p. 119, note 167].

Нетрудно заметить, что столь короткие маршруты ассирийских походов в Иран выглядят странно при сравнении с протяженностью походов в Урарту севернее озера Ван или в район Средиземноморья, не говоря уже о Египте. Какой смысл имела ассирийская экспансия на восток, если, пересекая с таким трудом горный массив Загроса, ассирийцы останавливались, не доходя до широкой плодородной равнины Хамадан? Построенная Левином география превращает основную часть Иранского плато в белое пятно. Принимая выводы Левина, некоторые исследователи определяют материальную культуру той части Луристана, где он поместил Мидию, как мидийскую. Эта атрибуция вызывает большие сомнения [Medvedskaya, 1992, p. 73—75]. Выводы Левина также легли в основу многих спорных гипотез по истории Мидии (см. гл. II).

После приведения Э. А. Грантовским дополнительных аргументов в пользу идентификации Бикни с Демавендом дискуссия по этому вопросу можно считать законченной. Эти аргументы таковы: возле Лазуритовой горы ассирийцы помещали страну Патуш'арра, в раннем Средневековье в Мазандеране у Демавенда зафиксировано название иранской области Патишхвар, которое точно передает аккад. Патуш'арра. В Патишхваре, согласно Казвини, еще в раннем Средневековье добывали лазурит [Грантовский, 1983, с. 28—29]. Некоторые уточнения в этой связи были сделаны, по моей просьбе, П. Б. Лурье. Ассирийское название Патуш'арра передает др.-перс. *patiš'uvari* = (прилагательное «происходящий из Патишхвара»). Эта область локализуется в восточной части гор Эльбурса, ее название в исламское время (до XV в.) передавалось как Паришвар(гар). Следует добавить, что Левин упустил из виду также и то, что Патуш'арру Асархаддон помещал на границе Соляной страны (Bit-tābti, современная пустыня Деште-Кевир). Возражения Х. Тадмора против этой общепринятой идентификации были основаны на «короткой» географии Левина [Tadmor, 1994, p. 164, note 72].

В 1995 г. был предложен новый аргумент в пользу положительного ответа на вопрос — бывали ли ассирийцы в Экбатанах? [Медведская, 1995]. Уже в IX в. ассирийцы упомянули в Мидии «царский город» *Sagbita* [RIMA 3, 186, A.O.103.1 iii:35]. В 737 г. они побывали в мидийской области

Sagbat [Tadmor, 1994, Ann. 15:9; Summ. 7:31]¹⁹. Тот же топоним неоднократно встречается в надписях Саргона как Сагбат, Бит Сагаби, Хагабта [Parpola, 1970, p. 298; Zadok, 2002, p. 118, 121, 124, 131]²⁰. Надо отметить, что ассирийцы редко упоминают города в Мидии, особенно до царствования Саргона, но Сагбат до 716 г., когда он был завоеван и включен в состав ассирийской провинции, упоминался почти во всех описаниях походов в Мидию, причем при разных подходах к нему. Это обстоятельство может говорить о расположении Сагбата на пересечении всех возможных путей и проходов в Мидию. На пересечении большинства дорог, ведущих в центр Ирана, лежал, как мы знаем, и город Экбатаны (= Хамадан).

Идентификация Sagbat = Haⁿgmatāna объяснима и с лингвистической точки зрения. В топониме Сагбита/Сагбат узнается Хагмата. Как известно, индоиранское *s перешло в *h в иранских языках; s соотносится с индоиранской формой, тогда как h — с древнеиранской. Сагбат представляет аккадскую передачу арийского топонима *Sam-gmāta до перехода *s > *h [Стеблин-Каменский, 1999, с. 25], и следовательно, эта форма могла предшествовать древнеперсидскому Haⁿgmatāna. Что касается суффикса -па-, вариант -āпа-, то он характеризует уже только древнеперсидскую форму этого топонима [Kent, 1953, p. 51, § 147]. Можно заметить, что в греческой передаче древнеперсидское сочетание -gm- (Haⁿgmatāna) передано через -gb-: 'Αυβάτανα/ 'Εκβάτανα, хотя топоним произносился как [A/Ēḡmātana] (фонетическая суперкоррекция, уточнение С. Р. Тохтасьева). Хотя в аккадском языке и не зафиксировано другого случая передачи иранского -gm-, пример с Сагбатом предполагает, что и ассирийцы могли передать -gm- как -gb-, поскольку вариации m и b в некоторых позициях, особенно после заднеязычных смычных, обычны во многих языках.

Р. Цадок не согласился с предложенной идентификацией, полагая, что Sa-ag-bi-ta, Sa-ag-ba-at, Sad-bat «не может предшествовать др.-иран. *Hn-gmata-, поскольку имеющийся в Западном Иране древнеиранский материал (в новоассирийской передаче) показывает, что индоарийское *s- уже перешло в др.-иран. *h-» [Zadok, 1997, N 1, p. 7]. Обсуждая комментарий Цадока, И. М. Дьяконов подчеркнул, что процесс перехода *s->*h- не был одномоментным явлением и должен был занять какое-то время; оба варианта могли быть услышаны в IX—VIII вв. (в различных диалектах?). И. М. Стеблин-Каменский также полагает, что переход *s->*h- в различных индоиранских языках произошел не одновременно. По его мнению, заслуживает внимания тот факт, что в некоторых индоарийских языках (например в сингальском) чередование s/h существует до сих пор. Этот вывод поддержал В. А. Лившиц, считающий, что две последовательные с

¹⁹ Восстановление Роста и Лукенбилля Bit-Sa[an-gi-bu-ti] [Rost, 1893, p. 30:173; ARAB I, § 774, 795] было исправлено на Бит-Сагбит Дьяконовым [1956, с. 201], Парполой и Тадмором [Parpola, 1970, p. 298, «Sagbat»; Tadmor, 1994, p. 72,9].

²⁰ Находясь в Ураттусе в 716 г., Саргон получил дань с окрестных владений, одно из которых названо ḡagabta [Levine, 1972, l. 69, pl. XI]. Первые знаки не сохранились, но, по заключению И. М. Дьяконова, ими могли быть не начальные знаки названия топонима, а предлог ḡa и детерминатив KUR. Если это так, то это слово могло быть вариантом написания топонима Сагбат/Сагаби, но уже с начальным ḡ [Медведская, 1995, с. 155, примеч. 58].

точки зрения исторической фонетики формы одного и того же топонима могли сосуществовать в один и тот же период в разных языковых средах. Действительно, встреченные на стеле Саргона варианты написания «Сагбат» как Бит Сагаби и Хагапта, по-видимому, отражают этот процесс (см.: примеч. 20; [Medvedskaya, 2002, p. 54]).

Другим примером, подтверждающим незавершенность процесса перехода *s- >*h- в Иране еще в VIII—VII вв. до н. э., служит ассирийский текст этого времени, содержащий список богов разных стран. В нем упоминается имя Ассара Мазаш. По мнению О. Семереньи, это имя в аккадском языке является закономерной формой для имени иранского верховного божества Ахура Мазда ([Szemerényi, 1966, с. 190—194]; литературу см.: [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 306]).

Позднее Р. Цадок учел предложенную идентификацию, хотя он не исключает касситское происхождение топонима Сагбат, которое основано, по-видимому, только, согласно Левину, на локализации Мидии в горах Загроса [Zadok, 2002, p. 121, 124, 131].

Все сказанное позволяет считать, что будущая столица Мидии существовала в качестве главного города одной из западных мидийских областей уже в IX—VIII вв. до н. э. под названием Сагбита/Сагбат. Ассирийцы не только бывали на равнине Хамадан, но некоторое время владели здесь этим городом и областью. Предложенная идентификация Сагбат = Экбатаны дает вторую, помимо Бикни/Демавенда, привязку к современной карте и позволяет вернуться к первоначальной локализации Мидии на Хамаданской равнине.

Основная часть Мидии находилась на Хамаданской равнине, и следовательно, не могут быть приняты локализация Мидии в Загросе и историческая география всего Северо-Западного Ирана, разработанная Левином. Некоторые события VII в. до н. э. подтверждают предложенную локализацию Сагбата и благодаря ей сами, в свою очередь, становятся более понятными. Имеются в виду события в конце 670-х гг. — антиассирийское восстание в Мидии (см. гл. IV.2). Археологический материал подтверждает этот вывод (см. гл. II).

На территории Хамаданской равнины и примыкающих к ней районов находился ряд мидийских владений, упоминаемых Саргоном в описании маршрутов 716, 714 и 713 гг. до н. э. Перед тем как попасть сюда, Саргон проходил в страну Бустус, минуя проход между горами, одна из которых называлась Даруе. Как уже отмечено, Бустус локализуется в южной части Хамаданской равнины, называемой долиной Малайер-Джоукар, примерно в 60 км к югу от Хамадана. Подробно описание похода 716 г. приведено на стеле из Асадабада. Большая часть названий перечисленных стран совпадают со списком данников, приводимым Саргоном на призме А, что позволяет относить этот список к 716 г. (табл. 2), а не к 713 г., как принято считать (см., например: [Дьяконов, 1956, с. 221; Radner, 2003, p. 56]). В описании похода на стеле после Бустуса перечислены страны: Датумбу, Карзину, П/Бирнакан, (?), Сака [Levine, 1972, l. 60—62]. Затем ассирийцы перешли через реку Даруе, что могло бы подразумевать совершение некоего обхода вокруг одноименной горы возле Бустуса. Затем следуют страны Раманда, Ирниси и Уратас/Ураттус [Ibid., l. 63—68]. Кроме того, в списке также названы страны, из которых Саргон получал дань.

В Уратасе, как следует из текста, была поставлена вторая стела. В 716 г. были возведены две стелы: одна в Кишесу/Кишесиме, о которой упомянуто также и в тексте на стеле [ARAB II, § 56—57; Levine, 1972, l. 39—40, 70], а другая в Хархаре. Возведение стелы и назначение правителя означало образование провинции в составе Ассирии. Очевидно, что Ураттус был включен в состав провинции Хархар, переименованной Саргоном в Кар-Шаррукин. Владение Ураттусом означало владение горным проходом, который открывал выход на Хамаданскую равнину, в Мидию — ведь Саргон собирался превратить Хархар в плацдарм для завоевания Мидии [ARAB II, § 15, 58]. Образование новых провинций сопровождалось присоединением соседних территорий, и, таким образом, Ураттус мог войти в состав Хархара. Пребывание Саргона в Ураттусе свидетельствует о том, что, побывав однажды в Хархаре после Кишесима и Сагбата/Сагаби [Levine, 1972, ll. 39—46], он снова, совершив круг, вернулся в Хархар через Уратас, где установил стелу [Ibid., ll. 68—70].

В 713 г. ассирийцы, пройдя ряд стран, включая Бустус, как и в 716 г. прошли через страны Агази, Амбанда, Данану, прежде им неизвестные. Затем сказано, что ассирийцы прошли также области «могучих» мидийцев, которые «сбросили ярмо бога Ашшура», то есть восстали против ассирийского владычества, что случилось в 715 г. [ARAB II, § 12, 23]. Речь идет о мидийцах, завоеванных в 716 г. Таким образом, можно считать, что в 713 г. ассирийцы после стран Агази, Амбанда, Данану вернулись в страны на Хамаданской равнине, в которых они были в 716 г., и затем через Хархар вернулись в Ассирию по горному участку Хорасанского пути (табл. 2).

Как далеко проникли ассирийцы вглубь Хамаданской равнины, уйдя из Бустуса? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть используемые ассирийцами определения мидийцев как «могучих» и «далеких», а также ряд связанных с ними территорий.

В эпоху Тиглатпаласара III ассирийцы использовали определение «могучие мидийцы», а название горы Бикни служило обозначением восточного предела их завоеваний [Tadmor, 1994, Summ. 7:3; Summ. 11:3; 12:3]. Причем они не связывали «могучих мидийцев» (или «могучих мидийцев востока») с районами возле Бикни; и те и другие в текстах упоминаются раздельно [Ibid., Summ. 1:18; 3:12'—13'], и в сообщении о получении дани от местных владельцев «вплоть до горы Бикни» дополнительное определение мидийцев отсутствует [Ibid., Summ., 3:12'; 7:38].

Соляная пустыня, которая позднее связывалась с горой Бикни и страной Патуш'ара (= Патишхвар в Мазандеране) и уже с мидийцами, называемыми «далекими» (см. ниже), в эпоху Тиглатпаласара III относилась к другой территории. Эта Соляная пустыня находилась на территории стран Шикраки и Ушаккан. Именно их владельцы назывались «могучими мидийцами» [Ibid., Summ. 3:9'; 7:32]. Х. Тадмор считал, что в данном случае словосочетание «соляная пустыня» используется в качестве специального термина для обозначения географических особенностей Ирана, где много засоленных земель, соленых озер и т. п., и отклонял отождествление ее с пустыней Деште-Кевир [Ibid., p. 165, note 32]. Поэтому упоминание «соляной пустыни» вместе с владениями «могучих мидийцев» не дает основания локализовать их в районе Бикни.

Походы Саргона II в Мидию (716, 714, 713 гг. до н. э.)

716 г. до н. э.	716 г. до н. э.	714 г. до н. э.	713 г. до н. э.
БУСТУС Дань из стран: Уппурия, Аратишта	Буштус Аратиста	 Аратпати = Аратишта	Бустус Агази Амбанда Данану
ДАТУМБУ Дань из: Ка(н)забакани	Канзабкану	Канзабакани	
КАРЗИНУ	Карзину	Карзину	
П/БИРНАКАН Дань из: Барикану	Барикану	Барикану	
САКА Дань из: Харзиани, Кай[тану], р. Даруе	Харзиану Каитану	Харзиану Кантау	
РАМАНДА			
ИРНИСА Дань из: Кабси, Алайя	Арнасия	Бит-Капси	
УРАТАС/УРАТТУС Дань из: Хагабта (= Сарбат), Каркасия, Гинкир, Рурку	Каркасия	Бит-Сарбат	
Стела Саргона II: Levine 1972, II. 57—69 Zadok 2002, p. 116—117	Призма А: ARAB II, § 191—192; Fuchs 1998, VI.b, 26—37	Thureau-Dangin 1912, II. 46—49	ARAB II, § 23

«Могучим мидийцам» приписывается владение городами Закрути и Бит-Иштар [Ibid., Summ. 1:18; 7:35—36]; помимо них представлен длинный список провинций [Ibid., Summ. 7:30—32]. Поскольку определение «могучие» не всегда использовалось даже с названными мидийскими владениями (как, например, в списке мидийских данников, хотя в нем названы и Бит-Иштар, и Закрути, см.: [Ibid., St. II B:30'—43']), то в ряде случаев неясно, имелись ли в виду «могучие мидийцы» в других списках завоеваний Тиглатпаласара III.

В ходе завоеваний Тиглатпаласара III земли возле горы Бикни не были включены в состав ассирийских провинций, с их владельцев (мидийцев без дополнительного определения) была собрана лишь дань [Ibid., Summ. 1:19—20; 3:11'—12'], тогда как часть западных владений «могучих мидийцев» вошла, во всяком случае по заявлению Тиглатпаласара III, в состав вновь образованных ассирийских провинций [Ibid. Summ. 1:18—19; 3:6'—11'; 7:35—36].

В эпоху Саргона II происходят некоторые изменения в определении ассирийцами мидийцев и их владений. Район горы Бикни, по-прежнему определяющей пределы завоеваний ассирийцев на востоке [ARAB II, § 79], начинает связываться с «далекими мидийцами»; такое определение прежде

не использовалось (вариант — «далекие мидийцы восхода солнца», т. е. востока, см.: [ARAB II, § 54, 82, 96—99, 102]). Названия их владений не обозначены.

«Могучие мидийцы» продолжают упоминаться, но без указания их владений, хотя названия их, по-видимому, можно установить, сопоставляя маршруты походов 716 и 714 гг. [ARAB II, § 15, 24, 146, 150]. В итогах завоеваний за 716 г. [ARAB II, § 11] сообщено о получении дани от 28 начальников поселений «могучих мидийцев», а на стеле Саргона [Levine, 1972, l. 46—49] перечислены как раз 28 владельцев между Хархаром и Ураттусом, вошедшим в Хархар. В описании маршрута 713 г. «могучие мидийцы» названы в не очень ясном контексте, но он, как кажется, позволяет отличать «область могучих мидийцев», сбросивших «ярмо бога Ашшура» (см. выше), от стран Агази, Амбанда, Данану, которые названы «далекими провинциями у пределов Ариби востока» [ARAB II, § 23; Дьяконов, 1956, с. 219—220]. В другом тексте сказано: «...страны Агази, Амбанда, Мидия на восточной границе Ариби» [ARAB II, § 58]. Если здесь не ошибка — Мидия вместо Данану, то в любом случае «далекие» провинции Агази — Данану не имеют отношения к «могучим мидийцам». Эти страны должны локализоваться возле «Ариби востока», но неясно, насколько далеко от «могучих мидийцев».

После Саргона «могучие мидийцы» не упоминаются. Синаххериб называет только «далеких мидийцев» [ARAB II, § 238, 282, 308, 432].

Асархаддон предельно уточняет локализацию страны «далеких мидийцев». Она располагается на краю горы Бикни (Лазуритовой горы), и в нее входит район Патуш'арра, который, в свою очередь, находится на границе Соляной пустыни (совр. Деште-Кевир) [ARAB II, § 519, 540, 566]. Среди этих «далеких мидийцев» названы владения трех персон, попросивших защиты у ассирийского царя от своих соседей. По его приказу правители соседних с ними ассирийских провинций оказали помощь Уппису из города Партакка, Занасане из Партукка и Раматее из Ураказабарны. Это уточнение свидетельствует о том, что ассирийские провинции (очевидно, что только Хархар и Кишесу, которые при Саргоне поглотили часть владений «могучих мидийцев») при Асархаддоне граничили с «далекими мидийцами» или находились сравнительно недалеко от них. После Асархаддона дополнительные определения мидийцев больше не встречаются.

Следует обратить внимание на то, что и «могучие» и «далекие» мидийцы находились неподалеку от Соляной страны (Бит-табти). Уточнения Асархаддона позволяют считать, что обе группы мидийцев жили у разных границ пустыни Деште-Кевир: «могучие мидийцы» времени Тиглатпаласара III — в районах у западных пределов пустыни, а «далекие мидийцы» — у ее северных границ, как их определил сам Асархаддон. В таком случае, «далекие» провинции Агази — Амбанда — Данану находились недалеко от мест обитания одной из групп «могучих мидийцев».

В 716 г. в провинцию Кишесим, переименованную в Кар-Нергал, вошли соседние территории, в том числе Бит-Сагбат, Бит-Хирмани, Бит-Умарги, города Хархубарбан, Киламбати, Армангу [ARAB II, § 10]. В провинцию Хархар, переименованную в Кар-Шаррукин, помимо Бит-Раматуа, Ураттуса и Аранзешу, вошли страны Урикату, Сигрис, Сапарда и Уриаку;

эти территории в целом находились с южной стороны Хархара в Загросе (см.: гл. III.3; [ARAB II, § 11]). Именно в провинцию Кар-Нергал был включен ряд владений «могучих мидийцев», которые находились в западной части Хамаданской равнины и центром которых был Сагбат/Экбатаны.

При Тиглатпаласаре III Сагбат соседствовал с городом Сильхази, жители которого называли его «крепостью вавилонян», и с Тилашурри [Tadmor, 1994, Ann. 15:11,12; Summ. 3:9'; 7:31, 38 и др.]²¹. В 676 г. до н. э. Асархаддон сообщает, что он «сокрушил страну Парнаки... чьи жители живут в Тилашурри» [Heidel, 1956, col. ii, ll. 16—19]. Не исключено, что Парнаки — это страна П/Бирнакан 716 г. (табл. 2). Если это так, то маршрут 716 г. не мог отклониться далеко на восток от района Экбатан, поскольку после Бустуса П/Бирнакан был третьей страной, а впереди было четыре страны (название одной из них не сохранилось). Пройдя их, Саргон вступил в Загрос, в страну Уратас. Здесь он получил дань из соседних городов Сагбата/Хагабты и Каркасии. Каркасия — это, очевидно, Кар-Кашши [Zadok, 2002, p. 117, 6.2.3], которая при Асархаддоне была, по мнению И. М. Дьяконова, центром области Бит-Кари [Дьяконов, 1956, с. 266, примеч. 4, с. 267, примеч. 3, с. 276]. Последняя соседствовала с Сильхази и Тилашури. Э. А. Грантовский не согласился с идентификацией Дьяконовым Сильхази ('крепость вавилонян') с Кар-Кашши ('крепость касситов') и включением последней в область Бит-Кари. Он исходил из отождествления Сильхази с Тилашур(р)и и идентификации Б/Парнаку с Бит-Бурнаку/Бунаку, локализуемой за пределами Мидии, к северо-западу от Элама [Грантовский, 1970, с. 114]. Однако первое теперь исключается (см. примеч. 21), а после публикации стелы Саргона предпочтительней становится идентификация Б/Парнаку с Б/Пирнаканом.

Р. Цадок предложил идентифицировать следующую за странами П/Бирнакан и Сака страну Раманда с современным Рамендом (Rāmend из др.-иран. *Rāmanta-, средневековый Rāmand [Zadok, 2000, p. 9, N 5]). Раменд находится в районе Зиаабад в провинции Казвин, недалеко от дороги Такестан — Зенджан. В целом эта идентификация согласуется с общим направлением похода 716 г. из юго-западного угла Хамаданской равнины на северо-восток, восточнее округа г. Хамадан. Отождествление Раманды с Рамендом лингвистически вероятно. Но таких топонимов, название которых означает что-то вроде «места отдыха», могло быть несколько. И такие названия известны, например, в районе Бухары, в Хорасане (устное сообщение П. Б. Лурье). Тем не менее предложенная локализация Раманды не противоречит общему направлению движения Саргона в 716 г. и сопоставлению его с маршрутом 713 г. Правда, в этом случае реку Дарую, пересеченную ассирийцами в 716 г., вряд ли можно отождествлять с одноименной горой. Кроме того, из Раманды через Ирнису Саргон попадает в Уратус, в Загрос. Но расстояние между Асадабадом (место находки стелы 716 г.) и Зиаабадом слишком значительное для локализации одной только Ирнисы (карта 1). Это, пожалуй, наиболее существенная несогласованность в локализации маршрута 716 г. до н. э.

²¹ Перевод Лукенбилля предполагал взаимозаменяемость топонимов Сильхази и Тилашур(р)и, что неверно [ARAB II, § 811; Tadmor, 1994, Summ. 3:9'].

Тем не менее если принять предложенные привязки к современной карте Ирана, то страны, пройденные Саргоном в 716 г., можно локализовать примерно следующим образом: Бустус в районе Джоукар — Мелайер, затем, в северо-восточном направлении, Датумба и Карзину, восточнее Сагбата/Хамадана, учитывая близкое соседство последнего с Тилашурри/Бирнаканом. Ближе к району Зиаабада помещаются Сака и Раманда. Возвращение, вероятнее всего, проходило по Хорасанскому пути; правда, Саргон не проходил через Сагбат. Ирнису можно локализовать возле этого пути, но до района дороги Биджар — Хамадан. Это обусловлено тем, что по этой дороге ассирийцы с севера проникали в Мидию неоднократно, но Ирнису упоминается только в 716 г. Войдя в горы Загроса, Саргон в Уратасе получил дань от соседних с ним городов Хагабты/Сагбата и Каркасии/Каркашши. В целом маршрут этого похода пролегал в стороне от «далеких мидийцев».

Обращаясь к локализации маршрута 713 г., следует ответить на вопрос, можно ли связывать «далекие» провинции Агази, Амбанду и Данану со страной «далеких мидийцев», локализация которых обозначена Асархаддоном. Ответ на него можно было бы найти в локализации «Ариби востока», с которыми граничили названные провинции, но, к сожалению, пока невозможно предложить сколько-нибудь точную локализацию Ариби. Но с большой долей вероятности можно предполагать, что эти провинции находились к востоку от Бустуса, в направлении скорее Кума, чем Кашана, в стороне от стран, пройденных ассирийцами в 716 г. до н. э., тогда как две провинции «могучих мидийцев», Ушкаккана и Шикраки, граничили с районами расположенных западнее границ Деште-Кевир (ближе к району Кашана?) и, по-видимому, не были завоеваны ассирийцами.

Севернее Мидии, за горами, ограничивающими равнину Хамадан, находилась страна Гизильбунда, а к северо-западу от района Сагбата локализуется первоначальная Кишесу, существовавшая до образования одноименной ассирийской провинции, расширившей ее территорию. Через эти страны пролегалли дороги, ведущие в Мидию. Ассирийцы, проникая в Мидию с севера, из Манны, проходили через Гизильбунду, но не попадали в Кишесу. По-видимому, они шли через земли, лежащие вдоль современной дороги Миандоаб — Текаб — Биджар — Хамадан, тогда как через Кишесу в Мидию они попадали из стран, близких к Парсуа, по дороге Сенендедж — Хамадан до ее пересечения с участком дороги Биджар — Хамадан.

Для уточнения северных и северо-западных границ Мидии и локализации стран, образующих эти границы, необходимо рассмотреть расположение трех стран, бесспорно соседствовавших между собой, — Парсуа, Гизильбунды и Абдаданы.

III.5. Южная Атропатена

Этот район занимали Гизильбунда, Парсуа, Маннейское царство и ряд соседних с ними стран. Об общих границах Гизильбунды, Парсуа и Бит-Абдадани свидетельствует то, что они попеременно владели двумя городами — Сассиашу и Китпаттия. При Шамши-Ададде V Сассиашу принадле-

жал Гизильбунде, но в 744 г. он был уже владением Парсуа [RIMA 3, 185, A.O.103.1 iii:5; Tadmor, 1994, Ann. 10:12]. Город Китпаттия, который Тунаку из Парсуа отвоевал у Бит-Абдадани, в 714 г. принадлежал уже Гизильбунде [Tadmor, 1994, Ann. 11:4; ARAB II, § 149]. В 714 г. Саргон передал Гизильбунду под власть областеначальника Парсуаша [Thureau-Dangin, 1912, 14, 71; ARAB II, § 149], что также указывает на общность их границы.

Можно предположить, что образование границы между этими странами происходило в период максимального расширения границ Парсуа при Тунаку и продолжалось после создания ассирийской провинции Парсуа, последовавшего в результате ассирийских походов в 744 и 737 гг. Тогда в границы Ассирии были включены Парсуа, Бит-Капси, Бит-Санги, Бит-Урзакки, Бит-Затти и, видимо, Бит-Абдадани или ее часть вместе с городом Китпаттия. Вместе с завоеванным в 737 г. мидийским городом Бит-Иштар назван и Цибур/Цибар [Tadmor, 1994, Ann. 14:6, 9, 12; St. II В:34']. Если это тот же город в Гизильбунде, что и упомянутый еще Шамши-Ададом V Цибара [RIMA 3, 185, A.O.130.1 iii:20], то можно предположить, что западная часть Гизильбунды тоже считалась включенной в ассирийские владения Тиглатпаласара III, хотя в списке мидийских данников, перечисленных Тиглатпаласаром в 737 г., упомянут и Цибар, который, следовательно, принадлежал к тому времени уже мидийцам, а не гизильбундцам.

Гизильбунда впервые упомянута Шамши-Ададом V, когда он из города Цибара в Гизильбунде вступил в Мидию [RIMA 3, 185, A.O.103.1 iii:20, 25]. Его преемник Адад-нерари III помещает Гизильбунду между Мидией и Манной, перечисляя страны в направлении с юга (Мидия) на север (Манна). После Манны им названы Каралла и Аллабрия [ARAB II, § 144], из которых Аллабрия граничила с маннейской провинцией Сурикаш. В 714 г. Саргон дает описание стратегического положения Гизильбунды: она, по его словам, находится «в отдаленных горах в далеком месте и вдоль страны маннеев и страны мидийцев» и «преграждает путь как засов» [ARAB II, § 149]. Можно полагать, что при движении с юга из Мидии Гизильбунда преграждала путь в Манну и наоборот. Для того чтобы отвечать этим условиям, Гизильбунда должна была лежать в месте пересечения дорог, идущих с запада через Загрос и с севера на юг из Манны в Мидию. Район совр. Биджара отвечает этим условиям для локализации здесь западной части Гизильбунды. Здесь сходятся дороги Киркук — Сулеймания — Мариван — Сенендедж — Биджар и Эрбиль — Ранья — Бане — Саккыз — Дивандере — Биджар, а также ответвление от Хорасанской дороги из Керманшаха через Сенендедж — Биджар. Из Биджара идет прямая дорога в Хамадан/Сагбат (150 км).

Южнее Биджара, по дороге в Хамадан, на пересечении ее рекой Тальвар, притоком Кизилузена, находится поселение Саламатабад, на котором обнаружена керамика ЖВ I—II, а также маннейская керамика VII в. до н. э. [Swiny, 1975, p. 96]. С. Свайни называет ее важным поселением стратегического значения. Не находился ли здесь город Цибар/Цибур, который, по определению Саргона, находился «у пределов» (или «напротив») страны мидийцев» [Грантовский, 1970, с. 108—109]. Отсюда до Сагбата около 100 км.

Все эти свидетельства предполагают локализацию Гизильбунды между Манной и Мидией. Западными пределами страны могли служить районы

Биджара и Дивандере, восточные ее пределы, по-видимому, ограничивались долинами рек Зенджан и Абхар. Название одного из владений Гизильбунды — Аппатар, упомянутое Саргоном в 714 г. [Thureau-Dangin, 1912, I. 64], по мнению Херцфельда, сохранилось в современном персидском в форме Абхар/Эбхэр (современный город и одноименная река в южной части долины Зенджан) (др.-иран. *Арравага > Abhar; [Herzfeld, 1968, p. 242—243]). Однако с отождествлением Херцфельдом другого гизильбундского владения, Китпаттия, названного вместе со страной Аппатар (др.-иран. *Каθwat > Каквад: [Ibid.]), возникают трудности. Во-первых, неясно, почему ассир. *i* отразилось как *a* в иранском. Во вторых, локализация Кахваза недалеко от Абхара вызывает сложности в связи с более западной локализацией Абдадани, которой Китпаттия первоначально принадлежала. Последняя, следовательно, должна локализоваться в западных районах Гизильбунды. Так называемый Зенджанский коридор, который, по данным Свайни, служил восточным пределом Манны (за ним, во всяком случае, не обнаружена маннейская керамика), мог служить восточным пределом и для Гизильбунды. Во всяком случае, он всегда служил культурной границей между прикаспийскими районами и странами к западу от него. Локализовать Гизильбунду только в районе Зенджана (внутри гор Эльбурса или южнее их [Reade, 1995, p. 41, fig. 3, 5]) — значит не учитывать соседство Гизильбунды с Парсуа и близость последней с Намаром и с другими странами, локализуемыми в Загросе. Следовательно, определенные выше западные пределы этой страны предпочтительнее. Границы Гизильбунды с Манной будут рассмотрены ниже.

Из трех соседних стран Гизильбунда была самой восточной, а Парсуа — самой западной. Возникает вопрос — с какой стороны от них находилась третья страна — Абдадани(у). Она упоминается Салманасаром III, Адад-нерари III, Тиглатпаласаром III и Саргоном II наравне с такими странами, как Манна, Парсуа, Гизильбунда, Мидия, на протяжении почти 130 лет, что должно свидетельствовать о значимости этой страны в регионе. Порядок перечисления стран ассирийцами позволяет считать, что в целом Абдадани находилась юго-западнее Гизильбунды и южнее или юго-восточнее Парсуа. Так, в 843 г. ассирийцы, идя с севера из Манны и соседней с ней Аллабрии, прошли в Абдадани через Парсуа ([RIMA 3, 40, A.O.102.6 iii:59—iv:5; 54, A.O.102.10 iii:33b—37a; 61, A.O.102.13:2'b—4'a]; но в одном случае трафарет изложения нарушен и Парсуа поменяна местами с Аллабрией, что, впрочем, не меняет положение Абдадани [Ibid., 60, A.O.102.12:19 f.]). Затем, через территорию Абдадани, ассирийцы прошли в Бит-Хамбан, локализуемый в долине Махидашт, куда ведет дорога Сенендедж — Керманшах [Ibid.]. В 744 г. ассирийцы, идя с запада из Намара через Никур (город в Парсуа), попадали в Абдадани и затем также сворачивали на юг в Аразиаш [Tadmor, 1994, Ann. 10:7—10; 11:1—2]. Адад-нерари и Саргон упоминают Абдадани в неясном для локализации контексте [RIMA 3, 212, A.O.104.8:5b—9; Thureau-Dangin, 1912, I. 39]. Эти сведения дают основание предполагать, что Абдадани находилась где-то в районе Сенендеджа. Этому не противоречит более восточное расположение Кишесу.

Кишесу часто упоминается в источниках, начиная со времени Тиглатпаласара III и особенно при Саргоне II. В 744 г. ассирийцы, как уже отме-

чено, захватили город Эринзиашу, восставший вместе с Бисихадиром — владельцем города Кишесу. Предположения исследователей, тот ли это Элензаш, который входил в Бит-Барруа (область в Эллипи), или нет [Дьяконов, 1956, с. 193, примеч. 2, с. 244, примеч. 3; Tadmor, 1994, Ann. 11:12, p. 49, note 12], имели значение лишь в том случае, если И. М. Дьяконов вслед за Д. Д. Лукенбиллем считал, что Эринзиашу восстал *против* Кишесу. Этот перевод допускал определенную взаимосвязь обоих городов и, следовательно, их соседство. Но поскольку они восстали *вместе* (ša it-ti), то их соседство не обязательно, и сообщаемые Тиглатпаласаром сведения не влияют на локализацию Кишесу.

В 716 г. Саргон, двигаясь из Манны через Караллу, Парсуа (Никкар/Никур), попадает в Шургардию, которую он присоединяет к Парсуа [ARAB II, § 10, 56; Levine, 1972, p. 38, l. 32—40], и затем в Кишесу (Хундир). Ее он превращает в ассирийскую провинцию, переименовав в Кар-Нергал. Отсюда через Бит Сагаби/Сагбат он уходит в Хархар [Levine, 1972, l. 23—41].

Сравнение этих отрезков маршрутов 843, 744 и 716 гг. показывает, что из Парсуа через Абдадани (843, 744) ассирийцы шли на юг в район Хорасанской дороги, не заходя в Кишесу, что потребовало бы от них для возвращения домой выхода на Хамаданскую равнину. Попадая через Аразиаш на Хорасанскую дорогу, они оставляли по левую руку и Харахар. В 716 г., двигаясь из Парсуа далее на восток через Шургардию в Кишесу, Саргон вышел на Хамаданскую равнину в районе Сагбата. Восстание хархаритов заставило его повернуть на запад и войти в горы Загроса. Наведя в Хархаре порядок, он снова, но уже через Бустус, вышел на равнину (см. табл. 2).

Таким образом, Кишесу находилась в районе к востоку от дороги Сенендедж — Керманшах, но западнее дороги Биджар — Хамадан. Поскольку, двигаясь непосредственно с севера через Гизильбунду, ассирийцы не заходили в Кишесу, оставляя ее по правую руку, то, следовательно, она находилась в районе дороги Сенендедж — Хамадан, на подступах к равнине.

Локализация Гизильбунды, Абдадани и соседних с ними стран, включая Намар, позволяет наметить границы одной из самых крупных стран этого региона — **Парсуа** (Barsua, Parsuaš, Parsumaš, Parsamaš [Parpola, 1970, p. 274]). Эта страна упоминается со времени правления Салманасара III (в 843 г.) вплоть до Асархаддона (у Ашшурбанапала и Синаххериба речь идет о другой стране, см. ниже). Парсуа представляла собой обширное объединение мелких владений, при Салманасаре их было не менее 27. Позднее Парсуа, или, возможно, только ее часть, была объединена под властью правителя по имени Туаки, который, как уже отмечено, расширил территорию страны, захватив, в частности, владения соседних стран Гизильбунды и Абдадани. После образования Тиглатпаласаром III провинции Парсуа при нем и затем при Саргоне в нее были включены соседние владения (см. выше; [ARAB II, § 56]).

Парсуа входила в группу стран, локализуемых в целом севернее Большого Хорасанского пути. На западе ее ближайшим соседом был Намар, точнее, часть его, называемая Хашмар, в верховьях Диялы. Эта близость следует из описания маршрутов 843 г. и особенно 827 г. [RIMA 3, 71, A.O.102.14:185—187], а также маршрута Тиглатпаласара III в 744 г. [Tad-

мор, 1994, App. 10:7—10] через Никур в Парсуа (ср.: [Грантовский, 1970, с. 137]). К югу от Парсуа, в долине Махидашт, локализуется Бит-Хамбан, который, в свою очередь, соседствовал с Намаром (см. гл. III.3, карту-схему 3). Судя по запросам Асархаддона к оракулу бога Шамаша, две соседние провинции Парсумаш и Бит-Хамбан подверглись в 670-х гг. набегам киммерийцев и скифов [Starr, 1990, N 37, 39, 40]. На юго-востоке и востоке Парсуа граничила с Абдадани и Гизильбундой и, соответственно, ее границы проходили в районе Сенендеджа и к западу от Биджара. На севере и северо-востоке Парсуа первоначально отделяли от Манной страны Бушту, Аллабрия, Мисси и другие. Но со временем, в результате как расширения территории ассирийской провинции Парсуа, так и экспансии Манной, начавшейся после 714 г. до н. э., их границы сомкнулись. На северо-западе от Парсуа находилась Замуа, севернее между ними, по-видимому, можно локализовать Караллу, которая при Саргоне была включена в состав Замуа.

Исследователи различали три страны Парсуа, которые локализовались ими, соответственно, к югу от озера Урмия, в горах Загроса и на юго-западе Ирана в современном Фарсе. Это представление о трех странах с одинаковым названием лежало в основе различных построений, главным образом в реконструкции миграций иранских племен (историю вопроса см.: [Грантовский, 1970, с. 133—148; Levine, 1974, p. 106—116; Zadok, 2002, p. 99—100]). Что касается южной Парсуаш/Парсумаш, о которых сообщают тексты Синаххериба (691), и Ашшурбанапала, то они представляют собой первое упоминание персов и их будущей страны Персиды/Парса (Фарс). Эти сведения не имеют отношения к истории и локализации Парсуа в Загросе ([Zadok, 2002, p. 142, note 23], со ссылкой на: [Diakonoff, 1985, p. 88]).

Основанием для локализации Парсуа в приурмийском районе послужило упоминание в текстах времени совместного правления Ишпуини и Менуа между 820 и 810 гг. до н. э. [УКН, 24; КУКН, 35] и Аргишти I (781—760) [УКН, 127, III; КУКН, 173, III] города Меишта в Парсуа/Баршуа. В первой надписи сообщается о завоевании нескольких городов, в том числе и города Меишта в стране Баршуа. Он же упомянут и в наскальной надписи Менуа (810—781) из Таш тепе, в 21 км к северо-западу от Миандобаба [УКН, 29; КУКН, 45]. В ней сказано: «Эту крепость построил (у Арутюняна — «разрушил»), (город) Меишту завоевал, завоевал ... (страну) Мана». С местностью возле Таш тепе связывают местонахождение именно города Меишту, который находился в Парсуа и, следовательно, определял ее локализацию в целом. Но с таким же успехом возле Таш тепе можно локализовать первый не названный царем Менуа город или считать этот район частью Манной. Часто для подтверждения локализации Парсуа в приурмийском районе приводится предложенное В. Ф. Минорским отождествление названия Парсуа с современным названием крепости и холма у южного притока р. Гадир — Пасвэ (Paswē) [Minorsky, 1957, p. 78—79]. Грантовский, имея в виду обе надписи, согласился с мнением исследователей о существовании приурмийской страны Парсуа. Он признал как предлагаемую локализацию Меишты и Парсуа в районе Таш тепе, так и отождествление Paswē/Paswa с древним именем, переданным через ассир. Parsua и урарт. Paršua [Грантовский, 1970, с. 142—143].

Что касается локализации города Меишты в Парсуа, то Дьяконов отметил, что это утверждение основано на ошибочной интерпретации урартского текста [Diakonoff, 1985, p. 69, note 1]. Не разделяет эту точку зрения и Н. В. Арутюнян, который полагает, что это был скорее периферийный город на окраине или Парсуа, или Манны, находившийся между ними [Арутюнян, 1985, с. 139]. Действительно, упоминание обоих топонимов можно понимать как последовательное завоевание сначала города Меишта, затем Баршуа [КУКН, 35, I, 6—7], то же и в другой части этого текста, где перечисляются завоеванные города, сначала назван Меишта, затем еще два, и потом «город Нигиби Баршуа страны» [Там же, стк. 18—20]. Проблему, возникающую с *Paswē*, Дьяконов объяснял следующим образом. Термин, передаваемый ассирийцами как *Parsuā*, а в современном персидском языке, с потерей *g*, — как *Paswē*, означал в древнеиранских языках 'пограничную область', 'окраину' и был применим к разным границам ираноязычного массива. Этимологию Грантовского **Parsava-* «те, кто имеет сильные бока/ребра», он считал неубедительной [Diakonoff, 1991, p. 14, notes 4, 5]. Следовательно, можно заключить, что сохранный в названии крепости и холма топоним *Пасвэ* может свидетельствовать лишь о пребывании здесь в прошлом иранских племен. Но страна с таким названием в данном случае может локализоваться лишь из контекста описаний походов ассирийских царей.

Надпись Менау бесспорно может свидетельствовать лишь о том, что район Таш тепе входил в Манну, где в конце похода им и могла быть сделана победная надпись. Но начало похода и завоевание города Меишты могло быть связано с завоеванием других земель, и с Парсуа в частности. Левин выдвинул убедительное возражение против локализации Парсуа в приурмийской зоне. Если она была завоевана урартами уже в конце IX в., то повторная попытка завоевать Парсуа, предпринятая Аргишти I, свидетельствует о том, что Парсуа не входила в приурмийские владения урартов. Он также подчеркивает, что рейды урартов в ассирийские владения на востоке, в том числе и в Парсуа, которую он локализует в Загросе, были возможны только в период ослабления Ассирии [Levine, 1974, p. 112], что справедливо для первой половины VIII в. до н. э.

Именно в это время и совершил свой поход Аргишти I. Он сообщает: «Отправился (я) в страну (города) Бабилу(ини)... в (страну) Баруата, в (страну) Баршуа» [УКН, 127, III, 11—12; КУКН, 173, III, 11—12]. Сын Аргишти Сардури II (760—730) также совершил поход в страны Бабилу и Баруата, но Парсуа им не названа [УКН, 155 A, 4—6; КУКН, 241 A, 4—6]. Баруата соответствует Бит-Барруа ассирийских источников, а Баршуа соответствует Парсуа [Арутюнян, 1985, с. 54, 55]. Бабилу рассматривался И. М. Дьяконовым как Намар [АВИИУ, № 28, примеч. 20, № 38, примеч. 6; Дьяконов, 1956, с. 161, примеч. 2]. На работу Дьяконова [1956] ссылается Левин, называя эту идентификацию заманчивой, но не доказанной гипотезой [Levine, 1974, p. 111, note 92]. Но ее доказательство, по-видимому, состоит в том, что анализ ассирийских походов в Загрос свидетельствует о непосредственном соседстве Намара и Парсуа. В область Бит-Барруа, находившейся в районе Хорасанского пути, ассирийцы могли попасть непосредственно из Парсуа, через Аразиаш. Поэтому неслучайно Аргишти на-

зывает все три страны вместе. Бабилу/Намар, по словам И. М. Дьяконова, был единственной областью, население и культура которой в это время были вавилонизированными и которая только и могла быть доступна урартскому нападению [АВИИУ, № 28, примеч. 20, 38, примеч. 6]. Он полагал, что в это время Намар с его вавилонским населением был, очевидно, в зависимости от Вавилонии [Diakonoff, 1985, p. 70]. Дж. Бринкман согласился с мнением Дьяконова относительно идентификации Намара и Бабилу [Brinkman, 1968, p. 395—396]. Его уточнения заключаются в том, что Намар, будучи вавилонской провинцией, находился под властью II династии Иссина с XII в. до н. э. и, вероятно, около середины IX в. получил независимость, но, тем не менее, сохранил проавилонскую ориентацию. Вместе с Намаром в сфере политического и культурного влияния Вавилонии находились также Бит-Хамбан, Хальман и Туклиаш [Brinkman, 1968, p. 107, note 577, p. 111, 114, 195, note 1195, p. 200, 259, note 1649, p. 261, 297, 317]. Намар был из них самой северной областью.

Неслучайно также, что в ходе ответного похода ассирийцев, разгромивших урартов, о чем сообщено в надписи на фигурах львов из Тил-Барсиба, упомянут именно Намар [АВИИУ, № 38], называемый урартами Бабилу.

Таким образом, можно утверждать, что и урарты и ассирийцы имели дело с одной страной — Парсуа/Баршуа, локализуемой в Загросе к северу от Хорасанского пути. В период ослабления Ассирии урарты смогли проникать далеко на юг до верховьев Диялы и района Хорасанского пути.

Как было отмечено, лишь завоевав Внутреннюю Замуа, хотя и не окончательно, Салманасар III смог проникнуть в Манну в 843 г. Начиная с этого года, Манна упоминается почти во всех походах на восток каждого из ассирийских царей. Для определения западных границ Маннейского царства наиболее четкие данные предоставляют маршруты двух походов ассирийцев в 843 и 714 гг. до н. э. в страны Древнего Ирана (схема 3).

Схема 3. Восточные походы Салманасара III и Саргона II (843 и 714 гг. до н. э.)

843 г. Арбаил — гора Куллар — Внутренняя Замуа — Манна — Аллабрия — Парсуа — Абдадани — Хабан (= Бит-Хамбан) — Намар — Туглиаш [RIMA 3, 40, A.O.102.6 iii:58—iv:25; *ibid.*, 54, A.O.102 iii:33b—37a].

714 г. Кальху — Верхний Заб — Нижний Заб — гора Куллар — Сумбу — среди прочих горы Никиппа и Упа — маннейская область Сурикаш — маннейская крепость Синихини — Аллабрия — Парсуа — Мисси — Панзиш — Зикирту [Thureau-Dangin, 1912, l. 6—79; АВИИУ, № 49:6—79].

Внутренняя Замуа, которая находилась в верховьях Нижнего Заба, куда ассирийцы попадали через Куллар, после правления Салманасара III перестает упоминаться. Шамши-Адад V (табл. 1) и Саргон II знают лишь гору или перевал Куллар и страну или область Сунбу/Сумбу. Из нее Саргон попадает в маннейскую область Сурикаш. А Шамши-Адад V в третьем походе называет Сунбу наряду с Манной, Парсуа и Таурла, с которых он получил дань, но дань была им получена и от Шарцина, владение которого не названо, но им определено была Ида во Внутренней Замуа (см. гл. III.2). В предшествующем походе он также разгромил как Шарцина, так и, при воз-

вращении, страну Сунбу [RIMA 3, 184, A.O.103.1 ii:20—40]. Очевидно, что Сунбу следует рассматривать как отдельное от Внутренней Замуа владение — в тексте нет и намека на вероятное включение Сунбу в территорию Внутренней Замуа или Замуа. Однако Левин называет Шарцина владельцем Сунбу и включает его в территорию Замуа (см.: гл. III.2; [Levine, 1974, p. 19, 114; Zadok, 2002, p. 134]). По-видимому, Сунбу находилась восточнее Внутренней Замуа, где-то севернее г. Бане (карта-схема 2).

Маннейское царство состояло из нескольких областей: помимо самой Манны к нему причисляются Уишдиш, Сурикаш, Мисси, Кумурду, Зикирту и Андия [Levine, 1974, p. 113, note 109]. К ним следует добавить Суби, «которую люди Урарту называют Страной Маннеев» [АВИИУ, № 49:167 и след.]. Маннейские правители смогли в какой-то момент объединить эти области, но некоторые из них позднее были захвачены урартами. **Зикирту и Андия** были наиболее независимыми в этом объединении; ведя самостоятельную политику, они в союзе с Урарту пытались выступить против Манны [Арутюнян, 1985, с. 80—81].

Зикирту и ее население отождествляются с Сагартией/Асагартией и сагартиями, которые известны с VI в. до н. э. по ахеменидским надписям. Сагартия примерно совпадала с территорией будущей Атропатены, находившейся между Юго-Западным Прикаспием и территорией к югу от Урмии. Стефан Византийский помещал Сагартию у Каспийского моря [Грантовский, 1970, с. 170—171, 272—273]. Зикирту локализуется к юго-востоку от оз. Урмия, Андия где-то восточнее ее, Уишдиш — между озером и Зикирту (см. гл. II.1).

Область **Сурикаш** упоминается только один раз Саргоном в 714 г. с уточнением, что она граничит с Караллой и Аллабрией [Thureau-Dangin, 1912, l. 31]. Дьяконов считал, что Сурикаш была одной из областей, захваченных Русой I или уступленных ему маннейским царем Уллусуной, и ее Саргон не отвоевал у урартов в 716 г. Тогда он смог вернуть Манне часть ее владений, захваченных урартами [ARAB II, § 56; Дьяконов, 1956, с. 213]. Это предположение подтверждается дополнением Саргона, сделанным им в конце письма/реляции 714 г., которое, как кажется, не учитывалось при локализации и характеристике Сурикаша. Если в начале письма сказано, что из Сумбу после долгого прохождения через многочисленные реки и горы Саргон попадает в Сурикаш, область страны Маннеев, то в конце его отмечено, что из области Сумбу между трудными горами Никиппой и Упой, названными наряду с другими и в начале письма, Саргон вступил сразу в Урарту. После сказанного в обратном порядке следует перечень пройденных Саргоном стран: снова названо Урарту, затем Зикирту, страна Маннеев, Наири [Thureau-Dangin, 1912, ll. 418—419]. Следовательно, Сурикаш в 714 г. входил в приурмийские владения урартов, но этот захват осуществился недавно, так как, с точки зрения «справедливости», это владение Саргон считал еще маннейским. Сурикаш находился на некотором расстоянии от Сумбу, будучи отделен от него многими горами и реками. Сама страна Сумбу находилась восточнее Магистрального хребта Загроса. Левин же помещает Сурикаш в районе Бане недалеко от этого хребта [Levine, 1974, p. 114], исходя из того, что Куллар находился на западе Замуа. Выше было предложено помещать Куллар на востоке Замуа перед вы-

ходом во Внутреннюю Замуа (см. гл. III.2). В верховьях Нижнего Заба за перевалом Куллар в IX в. до н. э. находилась Внутренняя Замуа и ближе к Урмии — ее часть страна Ида. Но позднее, при урартах, юго-западное побережье занимала уже страна Бари/Улху, а южное побережье — область Суби (не путать с Сунбу/Сумбу). Поэтому, скорее всего, Сурикаш следует помещать к югу от Ушкайи/Суби (см. карты 1, 2), южнее современного города Мехабад и западнее долины реки Татарчай/Татау.

Маршруты Салманасара III, Шамши-Адада V и Саргона II в этом районе различались. Первые два царя шли через Куллар к озеру Урмия, направляясь по территории Внутренней Замуа в верховье Нижнего Заба. Отсюда Салманасар шел в Манну, очевидно, по дороге Кане — Мехабад — Миандоаб. Саргон же через Куллар и Сумбу пошел в Сурикаш по горам, минуя дороги, ведущие, например, в сторону Саккыза. По-видимому, его путь пролегал по горам между долинами Нижнего Заба и Татарчая. Вероятно, поэтому первые два царя не знали страну Каралла; уходя на север, они обходили ее.

Страны **Каралла** и **Аллабрия**, находясь южнее Сурикаша, разделяли Манну и Парсуа. Из них Аллабрия находилась ближе к Манне. Каралла, упоминаемая только Саргоном, находилась ближе к Луллуму/Замуа, в состав которой она и была включена в 716 г. Поэтому ее нет в списке данных 714 г. До 717—716 г. урарты были очень активны в этом районе, захватывая соседние с приурмийскими территории. Так были захвачены Сурикаш и Суби. Так и Каралла с Аллабрией, восстав против Саргона, вынуждены были стать вассалами Урарту [ARAB II, § 10, 202]. Все это свидетельствует о территориальной близости всех этих стран на тот момент и подтверждает, что Сурикаш уже был урартским владением, и поэтому через его территорию можно было присоединить к Урарту эти две страны.

Таким образом, Каралла находилась по соседству с Сумбу, возможно, окружая ее с юга (что обеспечивало близость с Замуа) и востока, что сближало ее с Сурикашем. Насколько далеко на юг простиралась ее территория, уточнить трудно. Но определенно Караллу нельзя помещать в районе к юго-западу от Сенендеджа. Здесь, в 50 км от последнего, в местечке Танги-Вар (в 75 км южнее озера Зерибор) были обнаружены скальный рельеф и надпись, повествующая о многочисленных победах Саргона. В конце надписи рассказано о яростном сопротивлении жителей Караллы Саргону в 706 г. до н. э. [Frame, 1999, p. 41, ll. 37—44, p. 48 ff.]. Г. Фрейм помещает здесь Караллу, ориентируясь на предложенную Левином локализацию ее в районе озера Зерибор, что, в свою очередь, согласовано с его же локализацией Замуа в районе Сулеймании [Ibid., p. 49]. Но даже если не учитывать предложенную выше локализацию Замуа, более отдаленную от Сулеймании, помещать Караллу к югу от Сенендеджа невозможно без учета близости последней к Урарту и Манне. Их южные пределы ни при каких условиях не могли находиться так далеко на юге. Нет никаких оснований даже в период максимальной активности урартов в начале VIII в. до н. э., когда им удавалось совершать походы в Намар и Парсуа, предполагать закрепление за ними территорий поблизости от этих двух стран. Они утвердились только в приурмийской зоне.

Помимо Караллы и Аллабрии, можно назвать крепость и область **Бушту**, которая уже упоминалась в связи с локализацией антиурартской части

похода Саргона в 714 г. (см. гл. III.1). При Салманасаре она была в составе Парсуа, позднее упоминается как самостоятельное владение, у Ашшурбанапала город Бусуту, название которого, по-видимому, передает термин Бушту, встречен среди маннейских крепостей [Zadok, 2002, p. 101]. Последнее могло стать результатом территориальной экспансии Манны и захвата ею ряда пограничных районов Парсуа. Согласно маршруту похода Ашшурбанапала против маннейского царя Ахсери, Бушту находилась западнее Манны. Царь отправился в Манну «прямой дорогой» и, не доходя до маннейской столицы Изирту, разрушил множество городов, в том числе и Бусуту [Pierkorn, 1933, p. 51, ll. 16—38]. Прямым путем из Ассирии в Манну могла служить дорога через Эрбиль — Ранью — Сердешт на Саккыз, от которой отказался Саргон в 714 г. Учитывая также маршруты урартских царей в Баршуа, Бабилу, локализовать Бушту можно в северных пределах Парсуа, где-то возле Аллабрии.

Возвращаясь к определению границ Манны, следует учесть и то, что Уллусуну пришел на встречу с Саргоном в 714 г., уйдя из своей столицы Изирту и придя в маннейскую пограничную с Урарту крепость Синихини. Из текста реляции неясно, где произошла их встреча, — в Синихини, куда, следовательно, должен был прийти Саргон, или в Сурикаше, где он уже находился. Поскольку Саргон говорит, что он «ежегодно не переставал мстить за него» (то есть за Уллусуну), то не исключено, что крепость Синихини находилась в Сурикаше (так у Цадока [Zadok, 2002, p. 95, 1.9]). Но странно, что в этом случае Саргон не похвастался тем, что вернул Сурикаш Уллусуну. Впрочем, военные действия Саргона начались позднее, когда он вступил в Уишдиш, маннейскую область, отнятую Русой I.

Исследователи отмечают, что маннейская столица Изирту/Зирта, упоминаемая еще Салманасаром III, позднее, при Саргоне и Ашшурбанапале, называется вместе с городами-крепостями (И)Зибия/Узбия/Узибия и Армета/Армет/Урмета, что должно подчеркивать их территориальную близость [Zadok, 2002, p. 92, 1.1.1.]. Изибия/Зибия была отождествлена А. Годаром с современным тепе Зивийе в 24 км к юго-востоку от г. Саккыз/Секкез в верховьях Джегету [Godar, 1950, p. 5—7, 127, fig. 3]. Саккыз лежит на древнем пути через Загрос из Раньи в Бане — Саккыз — Миандоаб и далее в Тебриз. Идентификация Годаром Изирту с Кап(ф)ланту в 5 км к юго-востоку от Зивийе основана исключительно на близости этих двух поселений и на сравнении с окружающими это место горами, которые, как и в других столицах — Персеполе и Хамадане (имеется в виду город Экбатаны), служат дополнительной защитой крепостей [Ibid.]. То же относится и к идентификации Армета/Армет с местечком Ашаб неподалеку от Кафланту.

Несмотря на то что высказывался скептицизм в отношении современного названия Зивийе, которое, будучи арабским, было дано этому поселению, когда о древней крепости на холме было уже забыто [Wilkinson, 1975, p. 9], и предлагалось отождествлять древние названия Изирту, Зибия и Синихини с населенными пунктами в районе Бане — Сердешта [Adonz, 1946, p. 101, note 1; Арутюнян, 1984, с. 102—105], предложение Годара, по-видимому, остается в силе [Zadok, 2002, p. 92, 1.1.1.]. В противном случае столица и центр Маннейского царства были бы смещены на запад, к центральному хребту Загроса, и частично совместились бы с территорией Замуа. Но в источниках нет намека на территориальную близость Манны и

Замуа в IX—VIII вв. до н. э. Если столица Маннейского царства находилась в районе Саккыза, то Сурикаш, который находился западнее, функционировал в качестве пограничной зоны царства.

Мисси (не путать с Месу в Замуа), очевидно, была самой южной областью Манны и находилась возле Парсуа и Гизильбунды. Однако маннейской Мисси стала называться только Саргоном, с 714 г. (прежде она называлась отдельно). В 834 г. Салманасар из Намара через Парсуа спустился в Мисси и затем ушел в Мидию [RIMA 3, 67—68, A.O.102.14:110—125]. Шамши-Адад из Мисси ушел в Гизильбунду [Ibid, 184, A.O.103.1 ii:34—59]. Адад-нерари III называет Мисси среди завоеванных стран востока [Ibid, 212, A.O.104.8:7]. Саргон из Парсуаша прибывает в Мисси, где в крепости Сирдакка принимает начальников поселений соседней Гизильбунды. Отсюда он уходит на север в сторону Зикирту и Андии; этот путь составил свыше 200 км (30 беру) [АВИИУ, № 49:51—74]. Судя по ассирийским текстам, Мисси не входила в состав Парсуа. Она находилась в непосредственной близости как от Парсуа, так и от Гизильбунды и Манны. Следовательно, ее нужно локализовать севернее границы между Парсуа и Гизильбундой, севернее района Биджара.

Вряд ли ассирийское Мисси соответствует урартскому Меиште (литературу см.: [Zadok, 2002, 94, 1.7]), которую связывают с завоеваниями урартов в Баршуа/Парсуа. Даже если считать Меишту только периферийной областью и городом между Парсуа и Манной, нет оснований предполагать столь глубокое проникновение урартов на территорию Древнего Ирана, к югу от Манны, в район Биджара. Их завоевания в Парсуа связаны с западными странами Намаром и Бит-Барруа.

Страна **Кумурду**, возможно, также локализуется в южных пределах Манны, недалеко от Парсуа [Дьяконов, 1956, с. 117 и след., 282, примеч. 3; Zadok, 2002, р. 94—95, 1.8].

Существенную, но пока предварительную роль в определении границ Маннейского царства играет археологический материал. Хотя Свайни и определяет границы Манны согласно с построениями Левина, тем не менее его наблюдения относительно ареала керамики типа Зивийе, которую предположительно можно считать маннейской, корректируют локализацию Манны Левином (исключают, например, район озера Зерибор). Согласно наблюдениям исследователя, эта керамика не выходит на западе и юго-западе за пределы дороги Хамадан — Биджар — Саккыз, на севере — далее района Бонаба (юго-восточный угол Урмийского побережья), на востоке — за пределы зенджанского коридора [Swiny, 1975, р. 95]. Правда, следует учитывать, что эта керамика датируется первой половиной VII в. до н. э., и следовательно, может отражать культурный ареал более широкий, нежели первоначальная территория Манны в IX—VIII вв. до н. э. Экспансия Манны началась с конца VIII в. Постепенно Манна проникла на западное побережье Урмии, о чем свидетельствует ее соседство с Хубушкой (см. гл. III.1), захватила часть парсуанских владений Ассирии. Примечательно в этой связи, что маннейская керамика зафиксирована в Хасанлу ШВ и в Калатгахе к юго-западу от озера Урмия [Ibid., р. 93]. По-видимому, ареал этой керамики, очерченный Свайни, действительно согласуется с границами Манны, которые можно наметить, исходя из данных письменных источников.

ИСТОРИЯ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА

IV.1. Ассирийские походы в страны Древнего Ирана и в Мидию

Последовательность событий истории Мидии и ее хронологические рамки восстанавливаются из ассирийских и вавилонских клинописных источников. Факты, сообщаемые Геродотом и другими античными авторами, лишь в некоторых случаях могут дополнить, подтвердить или украсить подробностями канву исторических событий в Мидии. Несмотря на лакунарность клинописных источников, описывающих современные им события, их приоритет, в сравнении с сочинениями античных авторов, очевиден. Последние отодвинуты во времени, что само по себе искажает историческую картину; кроме того, античные авторы рассказывают главным образом о событиях поздней истории Мидийского царства. Необходимо иметь в виду также идеологическую направленность источников: ассирийцы, очевидно, подчеркивали раздробленность стран и хаотическое состояние образа жизни народов за пределами имперского контроля. Греки, напротив, описывают унифицированное состояние, в частности, Мидийского царства, что, возможно, отражает цели правящей династии Ахеменидов, бывшей изначально информатором греческих авторов.

В 881 г. до н. э. Ашшурнацирапал II (883—859) образовал в верховьях Малого Заба провинцию Замуа, которая превратилась в плацдарм для проникновения ассирийцев в северо-западные районы Ирана. В 843 г. Салманасар III (858—824) безуспешно пытался расширить территорию этой провинции за счет страны Внутренняя Замуа, расположенной за главным хребтом Загроса. Поход в эту страну позволил ассирийцам впервые проникнуть в соседнюю с ней Манну. Манна — первое царство на Иранском нагорье — играла в дальнейшем огромную роль в балансе политических сил в этом регионе.

Поначалу завоевательная политика ассирийцев на востоке была нецеленаправленной, в определенном смысле «ознакомительной». Ассирийцы встретились в Иране в основном с разрозненными небольшими политическими образованиями, хотя их сопротивление агрессии было очень сильным. Грабительские походы ассирийцев мало себя оправдывали: облагать эти мелкие страны постоянной данью не удавалось, военная добыча была небогатой, так как местные царьки присылали дары лишь ввиду непосредственной опасности, а чаще всего им удавалось укрывать население, скот и прочее имущество в горах.

Мидия впервые упоминается Салманасаром III в 834 г. Целью похода этого года был Намар, который подвергся страшному разгрому. Через верховья Диялы ассирийцы проникли в соседнюю с Намаром Парсуа. Здесь царь получил дань от 27 ее владетелей, напуганных разгромом в Намаре. Но затем, углубившись в области, расположенные восточнее Парсуа, ассирийцы, чтобы вернуться домой по Хорасанскому пути, вынуждены были выйти на равнину Хамадан и вступить в западные пределы Мидии. На этот раз ассирийцы ограничились лишь проходом по ее территории [RIMA 3, 68, A.O.102.14:110—126].

Завоевательная политика Ассирии на востоке стала коренным образом изменяться со времени Шамши-Адада V (823—811) в связи с интенсивным проникновением урартов в страны Древнего Ирана. В период гражданской войны, шедшей в Ассирии в последние годы правления Салманасара III и в первые два года царствования Шамши-Адада V, урарты, воспользовавшись ослаблением Ассирии, начали захватывать приурмийские земли к западу и юго-западу от озера и вскоре там закрепились. Позднее урартам удалось совершить поход далеко на юг, до Намара, Парсуа и Бит-Хамбана (см. гл. III.5). В этой новой ситуации интересы Ассирии обозначились более четко, начала формироваться новая политика Ассирии на востоке, результатом которой стал захват территорий и образование ассирийских провинций, правители которых обеспечивали контроль над завоеванными здесь землями и регулярное получение дани.

Ассирии было необходимо помешать дальнейшему проникновению в Иран урартов и ослабить их позиции в приурмийском районе. Подавив мятеж в своей стране, Шамши-Адад направил свои силы в страны Наири (ассирийское название для стран Северо-Западного Ирана). Хотя в первый поход (819; см. примеч. 10) была получена дань конями от всех царей Наири, очевидно, результаты похода были неудовлетворительны. В 818 г. маршрут похода был повторен, и, помимо вновь полученной дани конями от царей Наири, ассирийцам удалось разгромить Внутреннюю Замуа и города урартского царя Ишпуини. Это означало попытку помешать продвижению урартов на берега Урмии. Хотя разгром приурмийских территорий мог показаться ассирийцам существенным, но, судя по всему, поняв, что они не в состоянии противодействовать закрепившимся здесь урартам, ассирийцы вынуждены были изменить свои намерения. Во всяком случае, третий поход Шамши-Адада (815) был направлен уже в другую сторону, против Мидии. Из стран Наири, разгромив Мисси и Гизильбунду, Шамши-Адад с севера вторгся в Мидию во владения царя Ханацирука. В источниках сообщается, что здесь он разрушил царский город Сагбита и 1200 городков вокруг, которые, следовательно, входили во владения Ханацирука. Шамши-Адад взял 140 всадников и убил 2300 мидийских воинов. Если сравнить эти цифры с потерями Гизильбунды, где только в одном городе Ураше было убито 6000 воинов, то потери Мидии были не столь значительны [RIMA 3, 183—186, A.O.103.1 i:53b, ii:1—59, iii:1—36].

Это сообщение ассирийского царя оказывается весьма информативным. Обнаруживается, что название царского города Ханацирука, Сагбат или Сагбита, индоиранское (см. гл. III.4), тогда как имя царя не является индоевропейским и, по мнению Р. Шмитта, его лингвистическая принадлеж-

ность вообще неизвестна [Schmitt, 2000, p. 450 f.]. Грантовский [1970, с. 204—205], правда, пытался предложить иранскую этимологию этого имени, но специалисты не считают ее убедительной. Хотя число захваченных ассирийцами городков — 1200 — вряд ли соответствовало действительности (по словам К. Раднер, эта фантастическая цифра отражает лишь изумление ассирийцев перед многочисленностью мидийских селений), это свидетельствует о том, что население этой страны было в основной своей массе оседлым [Radner, 2003, p. 41 f.]. Впервые сообщается о захвате здесь всадников, причем цифра 140 кажется вполне реальной, тогда как в Мисси и Гизильбунде в этом походе были захвачены только упряжные лошади и верблюды. И позднее мидийцы ассоциировались у ассирийцев с образом всадника, что, в частности, отражено в ассирийских рельефах [Ibid.].

Поход Шамши-Адада V в Мидию имел огромные последствия для этой страны. Ассирийцы увидели, сколь перспективным в экономическом и стратегическом отношении могло стать обладание этими землями: ведь помимо огромного количества скота, и главное, коней, которых потом ассирийцы здесь получали, Мидия лежала на Большом Хорасанском пути — главной магистрали всего Среднего Востока. К. Раднер считает, что именно эти два фактора, начиная с этого времени, формировали как политику Ассирии на востоке, так и экономику Мидии, которая использовала свое географическое положение и вымогала дань/пошлину у проходящих караванов [Ibid., p. 52, 64]. Но причиной переноса восточного фронта Ассирии в сторону Мидии стало прежде всего усиление Урарту. Ведь именно Урарту перекрыло, в частности, главный источник поставки коней для Ассирии из Внутренней Анатолии, на что обратила внимание К. Раднер [Ibid., p. 42—43]. Перенос сюда главного фронта был вызван развитием событий в приурмийском районе. Урарты к концу IX в. до н. э. овладели западным и южным побережьем Урмии вплоть до района современного Миандоба, где оставили победную надпись (возле Таш тепе), в которой сообщалось о строительстве здесь крепости. Урарты владели этой территорией около ста лет; возведенные здесь многочисленные крепости свидетельствуют о том, что здесь был создан мощный плацдарм, необходимый урартам для дальнейшего продвижения вглубь Ирана. Отсюда они начали завоевание Маннейского царства. Ассирия, не сумевшая военным путем помешать урартскому продвижению в Иран, постепенно превратилась в союзника Манны в её борьбе против Урарту. В результате Манна так и не была завоевана урартами, ими были отторгнуты лишь некоторые её области. Мало того, несмотря на многочисленные походы сюда урартских царей, уже в 776—775 гг. Манна, по-видимому, сама попыталась перейти в наступление. Урартский царь Аргишти I (781—760) сообщает, что он покорил войско (не страну!) Манны [КУКН, 173, V, 13—14]. Очевидно, Манна в этот период в определенной степени помешала Урарту расширить свои владения в Иране.

Пока же, в конце IX в., сообразуясь с этими обстоятельствами, Ассирия меняет направление своих походов из приурмийской зоны в Мидию и соседние с ней страны. Адад-нерари III (810—781) совершил не менее шести походов в Мидию (809, 793, 792, 789, 788, 787), не менее четырёх походов было в Манну (807, 806, 800, 799) [Millard, 1994, p. 57—58]. Не исключено,

что из Манны в 800—799 гг. ассирийцы проникали через Гизильбунду также и в Мидию. Ассирийский царь называет себя завоевателем Мидии, Манны и всех окружающих их стран. Однако если и были успехи на этом направлении, закрепить и развить их Ассирия не смогла. Лишь в 766 г. ассирийцы совершили еще один поход в Мидию, подробности которого неизвестны [Millard, 1994, p. 58]. Наступление и победы урартов, мятежи внутри царства, сепаратистские тенденции в ассирийских провинциях довершили крах завоевательной политики на востоке. Кризис Ассирии, начавшийся при Адад-нерари III, длился при трёх его преемниках. Мидия, как и её соседи, выиграла время, что дало ей возможность накопить силы для дальнейшего сопротивления.

Новый подъём Ассирии, наступивший после экономических и военных преобразований Тиглатпаласара III (745—728), довольно быстро начал сказываться и на характере завоеваний Ассирии. Видимо, при нём начала складываться новая концепция завоевательной политики. Если раньше Ассирия, за одним исключением (образование провинции Замуа), ограничивалась грабительскими походами, то теперь она пыталась создать на завоеванных землях, в том числе и в Иране, подвластные ей провинции. Освоенные таким образом территории превращались, с одной стороны, в постоянный источник дохода, а с другой — в плацдарм для завоевания соседних территорий. Акт образования провинции сопровождался назначением ассирийского наместника, которыми, как правило, были евнухи, что исключало возможность создания местных династий, и следовательно, сепаратистских тенденций, а также установкой памятной стелы.

В 744 г. ассирийцы образовали на западных окраинах Ирана две провинции — Бит-Хамбан и Парсуа [Tadmor, 1994, St. IB:9'—10']. В состав Бит-Хамбана уже входил округ Бит-Барруа (см. гл. III.3). Это в перспективе позволяло с добавлением новых провинций придвинуть границы Ассирии к Манне и Мидии, что и было осуществлено позднее. Но в 744 г. ассирийцы лишь приняли дань от маннеев и мидийцев. Образование этих провинций имело и другую сторону. Тиглатпаласар III готовился к борьбе с Урарту. Помня неудачу своих предшественников в попытках предотвратить проникновение урартов вплоть до Намара/Бабилу, Парсуа/Баршуа и Бит-Барруа/Баруата, ассирийский царь, по-видимому, попытался сначала укрепить ассирийские позиции в этом районе и поставить барьер урартскому проникновению в район загросского участка Хорасанского пути. В дальнейшем эти две провинции, с добавлением провинции Кар-Шаррукин (Хархар), образованной в 716 г., обеспечивали контроль над этим путем и поставку коней в Ассирию.

Но следующий ассирийский поход в Иран и специально в Мидию был предпринят только в 737 г. Важные сведения об этом походе сохранились в надписи на стеле, найденной в Иране [Tadmor, 1994, St. IIВ:25'—43']. В ней имеется список мидийских правителей, принесших дань конями, всего более 1700 коней (нижняя часть стелы не сохранилась, список мог быть длиннее). В правление Тиглатпаласара III связь ассирийских походов в Мидию с поставкой коней уже очевидна. При нем появляется специальный термин *tamkār sisê*, что означает «царский торговый агент по поставке коней» ([Radner, 2003, p. 44], здесь же литература).

В этом списке упомянут владетель города Цибар/Цибур, который в IX в. входил в состав соседней с Мидией Гизильбунды [RIMA 3, 185, A.O.103.1:25; Tadmor, 1994, p. 106, St. ПВ:34', p. 70; Ann. 14:12; Summ. 3:7'; 7:30, 37]. Включение этого владения в мидийский список позволяет предполагать, что мидийцы в период затишья, наступившего в первой половине VIII в. до н. э., настолько укрепились, что начали расширять свои владения. В 714 г. Цибур снова упоминается в числе мидийских данников [Thureau-Dangin, 1912, l. 48].

Поход 737 г. был грандиозен по замыслу. Была предпринята попытка создать еще несколько провинций на значительной части мидийской территории. Ассирийцы утверждают, что тогда они дошли до горы Бикни (Демавенд), т. е. до отдалённых пределов Мидии на востоке, и получили там дань от местных правителей [Tadmor, 1994, Summ. 3:12'; 7:3, 38; 11:3; 12:3] и что они присоединили владения «могучих мидийцев» к Ассирии, поставив над ними наместников-евнухов [Ibid., Summ. 3:6'—11']. И главное, Тиглатпаласар III сообщает, что он поставил шесть памятных стел со своим изображением в странах Тикракка, Ариарми, Сильхази, в Петушинной стране, в городах Бит-Иштар и Циб(у)ар [Ibid., Summ. 7:37—38; St. ПВ: 28'—29']. Это предполагало образование новых провинций, но подтверждения этому в источниках нет. Нужно признать, что результаты завоеваний на востоке, и прежде всего в Мидии, оказались эфемерными. Видимо, завоевания здесь не были приоритетными для Тиглатпаласара III. Слишком серьёзные задачи пыталась решить Ассирия на юге, где ассирийский царь стал царём Шумера и Аккада, на западе, где огромные территории вошли в состав Ассирии, и на севере, где разворачивалась борьба с Урарту. Очевидно, поэтому, за исключением двух новых провинций, Бит-Хамбан и Парсуа, которые остались в составе Ассирии до её конца, всё остальное позднее пришлось завоевывать заново.

Лишь Саргон II (719—705) смог по-настоящему сосредоточить свои силы на восточном фронте, начав борьбу за передел сфер влияния в этом регионе. Задача завоевания Мидии стала одной из главных. И начал Саргон завоевание Мидии как раз с того, что не смог сделать Тиглатпаласар III. Он соединил границы ассирийских провинций с Мидией. В 716 г. он завоевал города Хархар и Кишесу и сделал их центрами ассирийских провинций, добавив к ним ряд соседних, в том числе мидийских, областей. К Хархару, переименованному им в Кар-Шаррукин, с западной стороны были присоединены Аранзеш/Аразиаш (иначе — Верхняя Речка) и Бит-Раматуа (Нижняя Речка), а также Урикату (или Уппария [ARAB II, § 14]), с южной стороны Сикрис, Шапарда и Уриаку (см. гл. III.3). Саргон подчеркивает в анналах, что укрепление Хархара было необходимо ему для завоевания Мидии [ARAB II, § 10—11, 15, 58]. Хархар занимал стратегически важное положение, находясь на горном участке Хорасанского пути перед выходом на равнину Хамадан, в Мидию. В состав провинции Кишесу, переименованной в Кар-Нергал, вошли западные окраинные мидийские территории, и прежде всего Сагбат/Экбатаны, а также области Бит-Хирмани, Бит-Умарги и города Хархубарбан, Киламбати и Армангу. Этим территориальные приобретения в Мидии в 716 г. ограничились. Углубившись в Мидию, ассирийцы смогли получить дань от 28 начальников поселений «могучих ми-

дийцев», которые, по-видимому, перечислены на стеле Саргона между Хархаром и Ураттусом [ARAB II, § 11; Levine, 1972, II. 46—70]. Но уже в 715 г. Хархар восстал и снова был завоеван. Однако не все области, завоеванные в 716 г., судя по списку данников 714 г., удалось снова включить в провинцию Хархар [ARAB II, § 14, 147].

Завоевания 716—715 гг. до н. э. позволили Саргону решить важную стратегическую задачу, поставленную или, скорее, осознанную еще Тиглатпаласаром III: обеспечить контроль над загросским участком Большого Хорасанского пути, ведущего в Мидию, и начать включение мидийских областей в состав ассирийских провинций. Но для дальнейшего усиления ассирийского влияния в этом регионе необходимо было уничтожить главного ее соперника на востоке — Урартское царство (см. гл. III.1).

В 714 г. во время похода, направленного против Урарту, ассирийцы прошли по значительной части территории Северо-Западного Ирана. Когда Саргон находился в провинции Парсуа, устрашенные правители ряда стран, в том числе «владыки поселений» страны мидийцев, принесли ему дань. По словам Саргона, они устрашились, помня опустошение своих стран в прошлом году [Thureau-Dangin, 1912, I. 42—49]. Список этих правителей показывает, что среди них названы владельцы лишь тех территорий, которые ассирийцам удалось вернуть после восстания 715 г. в Хархаре. В 714 г. новых завоеваний в Мидии не было. Все силы Саргона были в это время брошены на борьбу с Урарту. На этот раз ему удалось стать победителем. Хотя нет оснований считать, что Саргон нанес государству Урарту сокрушительный удар, тем не менее приурмийский плацдарм урартов был уничтожен (см. гл. IV.3). Ассирийцы больше не совершали сюда походов, и следовательно, можно полагать, что Саргон выполнил поставленные перед собой задачи: уничтожить приурмийский плацдарм урартов и отодвинуть их к северу от Урмии, вбив, таким образом, территориальный клин между Урарту и Манной и развязав себе тем самым руки для завоеваний в южном и восточном направлениях в Иране. Саргон преследовал лишь реальные цели; полный разгром Урарту был непосильной для Ассирии задачей, как это убедительно показал П. Зимански [Zimansky, 1985, p. 12—16, 28—31].

В 713 г. Саргон прошёл до отдалённых пределов Мидии, до горы Бикни, где обитали «далекие мидийцы» (см. гл. III.4). В этом походе в Мидию ассирийцы получили дань от 45 начальников поселений, однако окончательного покорения Мидии, вопреки планам Саргона, не произошло. Об этом, в частности, свидетельствует способ доставки в Ассирию из Мидии почты, которую посылали царские представители во время сбора там дани. Сначала она доставлялась в одну из восточных провинций мидийским курьером, а затем переправлялась в Ассирию, Саргону [Fuchs, Parpola, 2001, p. XXIX]. Следовательно, те районы Мидии, куда отправлялись ассирийцы собирать дань, не входили ни в одну из ассирийских провинций.

После 713 г. Саргон сосредоточивает свои усилия на завоевании Вавилонии. Этот южный фронт становится главным средоточием военных усилий и следующего ассирийского царя — Синаххериба (704—681). Лишь в 702 г. ассирийцы получили дань от «далеких мидийцев» (см. гл. III.3). Впрочем, это затишье могло означать также, что администрация провин-

ций справлялась со своими обязанностями, способствуя равновесию взаимных интересов как Ассирии, так и местных, в том числе и мидийских, владетелей. Как бы то ни было, Мидия вновь получила длительную передышку. Перенесение Ассирией главного фронта на юг, по существу, поставило точку в дальнейшем продвижении Ассирии на востоке. В 702 г. Синаххерибу удалось лишь соединить границы провинций Бит-Хамбан и Хархар путем присоединения к последнему Бит-Барруа, северного района Эллипи, вместе с городом Элензаш (см. гл. III.3). Это не могло не сказаться на росте антиассирийских настроений в этой стране, что в дальнейшем склонило Эллипи к участию в борьбе против Ассирии. Между 713 и 677 гг., когда Асархаддон вновь прошёл до восточных пределов Мидии, в странах Древнего Ирана произошли столь существенные изменения, что справиться с ними Ассирия уже не смогла. Здесь сформировалась мощная антиассирийская коалиция во главе с Мидией и Манной. Постепенно именно Мидия становится ведущей политической силой в регионе.

Подводя итоги завоеваниям урартских и ассирийских царей на востоке в IX—VIII вв., следует выделить те из них, которые повлияли на дальнейшее развитие событий. Урартское царство с конца IX до конца VIII в. до н. э., владея приурмийскими землями, создало здесь мощный плацдарм, нацеленный на завоевание раздробленных стран Древнего Ирана. Урартские цари смогли на некоторое время превратить маннейских царей в своих союзников в антиассирийской борьбе. В период ослабления Ассирии урарты проникли в район Хорасанской дороги, и за этим направлением могли стоять далеко идущие планы урартских царей. Ведь им уже удалось перекрыть пути поставки коней из Южной Анатолии в Ассирию. Что касается Ассирии, то начало ее деятельности в Иране нельзя назвать успешным. Она потерпела неудачу в борьбе за приурмийский район. До Тиглатпаласара III походы ассирийских царей носили характер грабительских набегов. Создание провинций, которые смогли стать плацдармами для проникновения ассирийцев в Иран и базой для осуществления контроля над завоеванными землями, началось, по существу, только при Тиглатпаласаре III. Лишь при Саргоне II Ассирия выполнила предварительную задачу: она соединила свои границы с Мидией и Манной, удерживая в своих руках провинции Замуа, Парсуа, Бит-Хамбан, Хархар и Кишесу. В состав двух последних вошли западные земли Мидии. Но основной своей цели — полного завоевания Мидии — она не достигла. Однако эта неудача была восполнена успехом в борьбе с Урарту. В 714 г. продвижение урартов в Иран было остановлено, чему существенно помог союз Ассирии и Манны, сформировавшийся в царствование Саргона.

Все приурмийские владения были потеряны урартами. Пообещав маннейскому царю Уллусуну, своему верному другу, наказать «злого урартийца» и вернуть Манне её земли, Саргон выполнил своё обещание. Он фактически подарил Манне все приурмийские владения урартов, многие из которых никогда ей не принадлежали. Ассирийцы впоследствии не бывали в этом районе, и маннеи довольно быстро начали проникать в бывшие приурмийские владения урартов. В этой связи показательно донесение Саргону, написанное Ашшурицуа, начальником одной из пограничных с Урарту

областей²². В нем сообщается о неудачной попытке маннеев захватить урартские города «в районе возле берега озера», т. е. Урмии [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 84]. Письмо было написано вскоре после 714 г., об этом свидетельствует, во-первых, упоминание правителя Муцацира Абалукуну (до 714 г. в Муцацире правил царь Урзана), и во-вторых, атакованные города названы еще урартскими, следовательно, прошло слишком мало времени после ассирийского похода. Саргоном были разгромлены не все урартские крепости и, очевидно, маннеи (в качестве союзника Саргона) попытались захватить оставшиеся. Тон письма вполне нейтральный. Уже в начале VII в. до н. э. владения маннеев приблизились к границам Хубушкии, крупного государства на юге от Урарту, в верховьях Большого Заба (см. гл. III.1). Всё это усилило Манну и вскоре изменило соотношение военно-политических сил в регионе. Очевидно, что успешные территориальные приобретения Манны, прекращение урартской угрозы и какие-то другие обстоятельства (неясно, почему Ассирия уступила Манне приурмийские земли) изменили её политическую ориентацию. Проассирийская партия потерпела поражение, и на несколько десятилетий Манна становится противником Ассирии. Трудно сказать, когда начал складываться антиассирийский союз Манны и Мидии, но уже в 670-е гг. он существовал. Третьей непобеждённой страной в регионе была Эллипи, и она, очевидно, была склонна к этому союзу.

Новой антиассирийской силой в Иране стали евразийские кочевники. Киммерийцы появились на Древнем Востоке ещё в царствование Саргона II. Тогда они действовали к югу от Закавказья, в пределах северных границ Урарту. Начиная с 670-х гг. источники фиксируют киммерийцев на огромной территории от Ирана до Малой Азии, скифы известны только в Иране. Здесь, накануне антиассирийского восстания конца 670-х гг., киммерийцы и скифы в союзе с мидийцами и маннеями грабили ассирийские отряды, посылаемые из ассирийских крепостей за сбором дани. Киммерийцы и скифы совместно предприняли также военные набеги на ассирийские провинции Бит-Хамбан и Парсуа [Starr, 1990, N 35—40]. Киммерийцы и скифы упомянуты вместе и в запросе в связи с Хубушкойей [Ibid., N 24]. Эти факты исключают предполагавшуюся некоторыми исследователями взаимозаменяемость обоих этнонимов. Киммерийцы участвовали и в самом восстании, об участии в нём скифов ничего не известно. Обычно считается, что Асархаддон в своём желании расколоть антиассирийскую коалицию переманил скифского царя Бартатуа на свою сторону, пообещав ему в жены свою дочь [Starr, 1990, N 20]. После 660-х гг. о кочевниках в Иране уже ничего не известно (см. гл. V.1).

Изменение баланса сил на востоке заставило Асархаддона (680—669) предпринять несколько рейдов в Иран. В 679 или 678 г. ему удалось разгромить маннеев и их союзника «скифа Ишпакая» [Heidel, 1956, p. 16, ii:20—23]. Но, судя по развитию последующих событий, этот «разгром» не ослабил союзников. Около 677 г. ассирийцы дошли до горы Бикин и стра-

---

²² Он назван также в сводке донесений различных информаторов Синаххериба [Parpola, 1987, N 31]; но основания считать его начальником области Кумме не вполне очевидны [Иванчик, 1996, с. 23, примеч. 4].

ны Патуш'ара. Здесь были схвачены два мидийских правителя, и со всем их имуществом и домочадцами они были доставлены в Ассирию [Ibid., p. 24, iii:53—61]. Но, судя по тому, что Саргон в 713 г. смог получить здесь дань от 45 владетелей, успехи Асархаддона были не столь значительны.

Об обстановке в Мидии накануне восстания, видимо, можно судить по одному примечательному событию, которое произошло вскоре после похода 677 г. К ассирийскому царю в Ниневию прибыли три мидийца «из отдаленных мест» (Мидии), прося покровительства и союза с Асархаддоном в связи с угрозами или выступлением против них других правителей Мидии. Эти трое принесли подобающие случаю дары: отборных коней и лазурит. Царь записал в анналах, что послал своих наместников из провинций, которые граничили с владениями этих мидийцев, и они восстановили их власть, но на них была наложена ежегодная дань [Heidel, op. cit. p. 24, 26, iv:1—19]. Скорее всего, этот случай — следствие противоречий между крупными мидийскими владетелями в выборе ими генеральной линии — подчиниться Ассирии или объединиться против неё и в последнем случае искать союзников. Как уже было сказано, такие союзники были найдены. Но, как показывает этот случай, не все мидийские правители были согласны противостоять Ассирии.

Об одном из этих троих мидийцев, Раматее из Ураказаб(а)ны, известно из так называемого «вассального договора Асархаддона», который был приурочен к церемонии объявления Ашшурбанапала наследником в 672 г. до н. э. [Parpola, Watanabe, 1988, p. XXIX—XXXI, text 6]. Этот договор является клятвой в верности вновь назначенному наследнику. В договоре сохранились имена семи лиц, с которыми он заключался. Из них трое определённо были мидийскими владетелями из Сикриса, Ураказабану и Карзитали. До недавнего времени считалось, что этот документ был вассальным договором, навязанным Мидии вследствие её недавнего подчинения Ассирии [Ibid., p. XXXI]. Асархаддон, мол, стремясь создать опору в северо-западных областях Ирана, должен был заключать договоры с правителями подвластных областей. В этом случае договор гарантировал местным владетелям сохранение за ними власти в своих владениях при условии верности ассирийскому царю и его наследнику. Однако вассальная зависимость мидийских персон неочевидна. Сикрис, по-видимому, после 715 г. не входил в ассирийскую провинцию Хархар (см. гл. III.3). Упоминание Карзитали в одном из запросов к оракулу [Starr, 1990, N 64] определяет лишь маршрут, по которому могли продвигаться сборщики дани в районе Соляной пустыни, где незадолго до этого побывала армия Асархаддона. Впрочем, Раматее из Ураказабарну действительно должен был расплачиваться за помощь, оказанную ему ассирийцами.

Новое изучение этого договора М. Ливерани показало, что в нём не содержится ни одной статьи, которую можно было бы ожидать в соглашении, регулирующем обязанность вассалов. Вместо этого мы находим только навязчивое требование защиты назначенного на престол наследника. Из содержания статей договора вытекает, что мидийцы, которые подчинились клятве, жили в ассирийском дворце, находясь в непосредственной близости от наследника, исполняли службу охранного корпуса и сопровождали его в походах. Они приносили клятву верности по случаю назначения наследни-

ка не потому, что были вассалами, а потому, что были назначены, или, точнее, наняты, в охрану царевича. Формально клятву за своих людей, исполняющих службу при ассирийском дворе, давал каждый из «владык поселения», с кем был заключен договор-клятва [Liverani, 1995, p. 57 ff.]. Представленные в договоре мидийцы составляли проассирийскую часть Мидии. Не исключено, что служба в ассирийской армии дала мидийским наёмникам необходимые знания и навыки, которые вскоре помогли, среди прочего, сделать мидийскую армию вполне боеспособной и обеспечили ей скорые победы. Сообщения Ктесия, рассказывавшего о дружбе нанятых на службу ассирийским царем мидийца Арбака и вавилонянина Белесия, подтверждает существование практики найма военных специалистов (см. гл. I.1).

IV.2. Антиассирийское восстание в Древнем Иране в 671 г. до н. э.

Несмотря на то что к концу 670-х гг. Ассирия владела западными территориями Мидии и могла оказывать политическое давление на некоторые ее пограничные владения, большая часть Мидии оставалась независимой. Но ассирийское присутствие представляло постоянную угрозу этой независимости, новые походы вглубь страны представлялись неизбежными. Всё это сформировало антиассирийские силы, и здесь вспыхнуло восстание против Ассирии, которое следует относить ко времени после 672 г. до н. э. А. Старр введ за Ю. Аро определил дату восстания между 674 и 672 гг. на том основании, что запросы, за редким исключением, были написаны нововавилонским письмом, тогда как после 672 г. стало преобладать новоассирийское письмо [Starr, 1990, p. LXI]. Однако этот признак, очевидно, не может быть абсолютным критерием при датировке событий. Если принимать дату 674—672 гг., то, судя по успешному развитию восстания, в 672 г. уже не со всеми можно было бы заключать упомянутый выше договор-клятву. Так, Эллипи, с которой он был тогда заключен, приняла активное участие в восстании вместе с союзниками (см. ниже), и против нее, судя по запросу к оракулу бога Шамаша [Ibid., N 79], предполагалось послать войско уже царевичем Ашшурбанашем, т. е. уже после 672 г. То же относится и к договорам, заключенным с Карзитали и Сикрисом (см. ниже).

Сведения о восстании сохранились только в неофициальных документах ассирийского царя — в запросах к оракулу бога Шамаша. Содержание этих запросов, отражающее беспокойство Асархаддона в связи с происшедшими тогда событиями, позволяет реконструировать с достаточной степенью вероятности события накануне восстания и его развитие. Накануне восстания обстановка на восточной границе Ассирии накалилась до крайности. Ассирийские отряды, посылаемые за сбором дани, главным образом конями, в Мидию с территории провинций Хархар (точнее, из мидийской Сапарды, которая вошла в состав Хархара в 716 г.) и Кишесу (точнее, из Бит-Кари)²³, возвращались в крепости с пустыми руками. Их

²³ При Синаххерибе провинции Кар-Шаррукин и, очевидно, Кар-Нергал стали называться по-старому [Fuchs, Parpola, 2001, p. XXVI; Starr, 1990, N 43].

грабили мидийские, маннейские, киммерийские и тогда ещё скифские отряды [Starr, 1990, N 64—73]. Можно считать, что канун восстания тоже относится ко времени после 672 г., поскольку в этих запросах упоминаются Карзитали и Сикрис, с которыми Асархаддон в 672 г. также заключил договор, что вряд ли могло произойти в столь беспокойной обстановке. Не исключено, что Сапарда первой перешла к сопротивлению. В одном из запросов этого времени ассирийцы, отправляясь за сбором дани далеко на восток, опасались нападения с тыла со стороны Сапарды [Ibid., N 64; Дьяконов, 1956, с. 263].

Восстание началось с осады крепостей в провинциях Кишесу [Starr, 1990, N 43] и Хархар. Из названных в запросах осажденных городов в Хархар определенно входили Цубара [Ibid., N 48], а также Килман, находившийся возле Санду [Ibid., N 50], название которого можно читать и как Сапарда [Дьяконов, 1956, с. 269; АВИИУ, № 68:г, 10, с. 229, примеч. 16]. Города Ушиши и Карибту, помещенные Старром в Мидию [Starr, 1990, N 44, 49, р. 364, 366], если изначально и находились на мидийской территории, то были в это время в составе ассирийских провинций Хархар или Кишесу, поскольку они подверглись нападению восставших. При образовании провинций в их состав включались, как правило, соседние территории, в данном случае — часть западных мидийских территорий. Запросы в связи с осадой этих городов относятся к месяцу айаду (апрель-май). Но уже в августе (26 абу — июль-август) Цицирту, хархарская (т. е. ассирийская в данный момент) крепость на границе с Эллипи или даже на ее территории [Ibid., N 77, 78], подверглась нападению неназванного ассирийского врага. Не приходится сомневаться, что этим врагом была Эллипи, рискнувшая вернуть свои владения в Бит-Барруа, отнятые у нее ассирийцами в 702 г. до н. э. Может быть, эта деликатность гадателя, не назвавшего имя врага, вызвана неожиданностью выступления Эллипи, с которой ассирийцы только что заключили договор и которой они, судя по запросу № 76, помогали еще в сентябре (прошлого года?). Царевич хотел бы послать войско в Эллипи, но сомневается в успехе похода и называет войска врагов — эллипийцев, мидийцев и киммерийцев (№ 79). Очевидно, что одной из стратегических задач восставших был захват именно Хархара. Их удача лишила бы ассирийцев возможности подхода к равнине Хамадан, к Мидии. Эллипи, находившаяся южнее Хархара, могла способствовать его блокированию. Нападения на крепости в Кишесу должны были блокировать другой — северо-западный — подступ к Мидии. В этом же ключе можно рассматривать и действия маннеев. Они участвовали вместе с восставшими в нападении на Хархар и Кишесу. Но кроме этого они самостоятельно захватывали другие ассирийские крепости в районе ассиро-маннейской границы [Ibid., N 29—33], которая проходила возле провинции Парсуа. Через нее можно было с севера попасть в Мидию. Правда, неясно, насколько одновременно с основными действиями восставших происходили военные действия в Парсуа.

Из всех участников восстания Асархаддон назвал по имени лишь трёх мидийских вождей: Каштарити — владельца города Кар-Кашши, Дусанни — правителя мидийской Сапарды в провинции Хархар и Мамитиаршу — «владыки мидийцев». Владение Кар-Кашши находилось в области Сагбат/Хангматана, которая в 716 г. была включена в провинцию Кишесу.

Судя по тому, что ассирийцы не связывали Мамитиаршу с конкретной областью или городом, они имели о нём смутное представление. Очевидно, поэтому Мамитиаршу назван владыкой вообще мидийцев, по всей видимости, неподвластных Ассирии, в отличие от двух других лиц, которые, возглавив население двух областей ассирийских провинций, восстали против своего суверена. Неясно, стал ли Мамитиаршу союзником Каштарити, в запросе речь идет только о возможности такого союза [Ibid., N 41]. Но в ходе боевых действий вместе с армией Каштарити называются войска маннеев, киммерийцев, а также мидийцев. Поэтому можно полагать, что независимые мидийские вожди помогли восставшим в их общей борьбе против ассирийского гнёта. Представление о существовании ассирийской провинции Мадай, в которой «владыкой поселения» был Мамитиаршу и которая восходит к толкованию Э. Форрером письма НАВЛ 208 [Дьяконов, 1956, с. 266], теперь может быть оставлено (см.: [Медведская, 1995, с. 153]).

Главным из участников восстания, бесспорно, был Каштарити. Из 23 сохранившихся запросов к оракулу бога Шамаша в связи с восстанием в 17 по разному поводу упомянуто его имя, в остальных шести запросах имена отсутствуют. Один раз вместе с Каштарити упомянут Мамитиаршу [Ibid., N 41] и трижды Дусанни [Ibid., N 45, 50, 51]. Ответственность за организацию войны против Ассирии Асархаддон возложил на Каштарити [Ibid., N 42], в военных операциях участвует в основном Каштарити [Ibid., N 43—51], ассирийская армия посылается против него [Ibid., N 60—62], переговоры о мире Асархаддон предполагает вести именно с ним [Ibid., N 56—57]. Вполне вероятно, что владение Каштарити Кар-Кашши соответствует Каркасии, упомянутой Саргоном в 716 г. [Radner, 2003, p. 61] вместе с Хагабтой/Сагбатом. Находясь в области Ураттус, вошедшей в состав Хархара, Саргон получил от этих двух городов дань [Levine, 1972, p. 45, l. 69]. С другой стороны, Кар-Кашши, или колония касситов, и Сильхазы, которую в 737 г. называли «крепостью вавилонян», могут быть одним и тем же городом. Дело в том, что в конце 2-го—начале 1-го тыс. до н. э. термин «касси́ты» часто использовался в качестве синонима термина «вавилоняне» [Дьяконов, 1956, с. 267, примеч. 3]. Сильхазы упоминается вместе с Сагбатом. В Сильхазы бежали жители Бит-Сагбата, спасаясь в 737 г. от ассирийцев; они названы рядом и в перечне завоеваний этого года [Tadmor, 1994, Ann. 15:9—11; Summ. 7:31]. Из всего этого следует, что главной силой в восстании были мидийцы именно из области Сагбат, которая в дальнейшем стала центром Мидийского царства со столицей Хангматана/Экбатаны.

Такой широкий антиассирийский фронт привёл восставших к победе. Об успехе восстания свидетельствует следующее. Во-первых, в общей сводке завоеваний Асархаддона, составленной в конце его правления и сообщаемой о завоеваниях первых лет правления, не упомянута ни одна из его побед на территории Древнего Ирана [ARAB II, § 710]. Судя по некоторым аналогиям, можно допустить, что со временем в текстах того или иного царя опускались факты, которые неуместно было упоминать в связи с изменившейся не в пользу Ассирии ситуацией. Вряд ли уместно было вспоминать об успехах на востоке, когда мидийцы свергли ассирийское господство, а маннеи захватили часть ассирийских владений. Во-вторых, в одном из донесений Асархаддону около 670—669 гг. сообщается об уста-

новлении ассирийских сторожевых постов не только на границах с независимыми Урарту и Хубушкией, что естественно, но также на границах с Манной и Мидией, что показательно. Царь приказал разъяснять войнам гарнизонов, что они «не должны пренебрегать охранными обязанностями» [Luukko, Buylaere, 2002, N 148, p. XXVI; Starr, 1990, p. LVIII f.]. Эта оборонительная позиция Ассирии симптоматична — свыше 45 лет тому назад Саргон, укрепляя крепости в новой провинции Кар-Шаррукин/Хархар, напротив, заявлял, что делает это для завоевания Мидии. В третьих, ассирийские крепости, захваченные в ходе восстания Манной, оставались в её владении не менее десяти лет.

По мнению И. М. Дьяконова [1956, с. 273—274], успех восстания не был полным, поскольку ассирийцам удалось удержать провинции Хархар, Кишесу и Бит-Хамбан. Теперь этот вывод может быть пересмотрен. Эти провинции упоминались в документах, которые Э. Форрер считал списками ассирийских провинций при Ашшурбанапале [Forrer, 1921, p. 52—54: K.4384, K.1521]. Однако новое исследование этих текстов подвергло сомнению оба вывода Форрера о том, что данные списки датируются временем Ашшурбанапала и являются списками территорий, плативших Ассирии дань. Цели составления этих списков остаются неясными, но списками провинций, плативших дань Ассирии, они не являются. Документ № 1 (K. 4384), по-видимому, является лексическим (топонимическим) списком для нужд канцелярии, о чем свидетельствует ряд признаков. Дата его составления не установлена, но другие подобные списки могут относиться ко времени Саргона II [Fales, Postgate, 1995, N 1, 2, p. XIV].

Взаимоотношения двух главных союзников — Манны и Мидии — в последующие годы также определённо свидетельствуют о результатах восстания. Лидерство Мидии, отмеченное Асархаддоном во время восстания, не ослабло и после него: Мидия созрела для экспансии. Поведение Манны, которая всегда верно реагировала на расстановку политических сил в регионе и умела извлекать для себя выгоду, указывает на новую политическую ситуацию в регионе, в первую очередь на усиление Мидии. Действительно, в VIII в. до н. э. Манна была, за исключением нескольких эпизодов в царствование Саргона, верным союзником Ассирии, которая помогала ей в борьбе с Урарту и с сепаратистскими тенденциями в самом Маннейском царстве. В начале VII в. до н. э., когда позиции Ассирии на востоке ослабли, Манна стала союзником Мидии. Этот союз принёс ей выгоду, в ходе восстания ей удалось завоевать некоторые ассирийские владения. В 669 г. на ассирийский престол вступил Ашшурбанапал (669—627), а в Манне продолжал править царь Ахсери — ярый противник Ассирии. Но к концу 660-х гг. политическая ориентация Манны снова меняется, здесь побеждает проассирийская партия. Союз Манны и Мидии был крепким и более 15 лет успешно противостоял Ассирии. Но, начиная с 660-х гг., рост мощи Мидии, очевидно, начал пугать часть маннейской правящей верхушки, и боязнь превратиться из союзника в побеждённого вновь толкнула Манну в объятия Ассирии. В 660 г. ассирийцы совершают поход в Манну. Поводом к нему послужило желание Ассирии вернуть захваченные более десяти лет назад ассирийские владения [Starr, 1990, N 267]. Но целью похода или, во всяком случае, его результатом было уничтожение мидийско-маннейского

союза. Во время похода в Манне вспыхнуло восстание. Ахсери, оказавший упорное сопротивление Ашшурбанапалу, был зверски убит. На престол вступил его сын Уалли, который признал победу Ассирии и вернул ей земли в провинциях Парсуа и Замуа, захваченные в ходе восстания [ARAB II, § 786]. Манна вновь поступила выгодно для себя: союз с Ассирией, которой она оставалась верной до самого конца, спас Манну, ибо в эти годы Мидия ещё не осмеливалась напасть на Манну, опасаясь Ассирии.

Последний раз ассирийские клинописные источники упоминают Мидию около 658 г. Ашшурбанапал сообщает о захвате одного мидийского «начальника поселения» по имени Бирисхадри и двух сыновей другого владетеля, Гагу [Pierckon, 1933, В, IV, 3—8; АВИИУ № 73]. По словам царя, Бирисхадри прежде подчинялся ассирийцам, но затем «сбросил ярмо ассирийского владычества». Вероятно, речь шла о какой-то части мидийских владений, входивших в состав Кишесу, чья территория, в отличие от Хархара, не была, по-видимому, полностью отвоевана мидийцами в ходе восстания. Возможно, Бирисхадри попытался перейти под власть Мидии и был наказан за это. Сама незначительность этого события, внесённого, тем не менее, в анналы, показывает, что грандиозные планы ассирийских царей по завоеванию Мидии, которые они вынашивали более 150 лет, так и не смогли осуществиться. Вскоре Ассирия была отвлечена событиями в Вавилонии и уже не представляла угрозы для Мидии. Но для того чтобы вступить в борьбу с ней, Мидии необходимо было обезопасить свои тылы, укрепить материальные ресурсы и обрести новых союзников, способных бороться с Ассирией. Мидия вступила в новый этап своей истории.

Понимание истории Мидии последующих десятилетий во многом зависело от сведений Геродота, в частности в вопросе о времени начала мидийской экспансии. Так, Дьяконов, в полной мере оценивший значение выявленных по клинописным источникам событий конца 670-х гг. в Мидии, продолжал, тем не менее, как и многие другие исследователи, корректировать ключевые моменты мидийской истории по Геродоту. Первоначально он считал, что развитие Мидийского царства после успешного антиассирийского восстания было задержано временным поражением мидийцев от войск Скифского царства. Лишь освободившись от «временной гегемонии скифов», длившейся 28 лет, Мидия в середине 620-х гг. вновь стала значительной политической и военной силой [Дьяконов, 1956, с. 286—293]. Позднее Дьяконов усомнился в достоверности сообщения Геродота о поражении мидийцев от скифов, поскольку клинописными источниками это событие не подтверждалось [Дьяконов, 1994, с. 112]. Он согласился с С. Завадским, назвавшим методологической ошибкой такой подход, когда клинописные источники привлекаются для подтверждения сведений античных авторов. Завадский считал, что, напротив, клинописные тексты должны быть базой исследования. Если два источника «конфликтуют» — приоритет имеет клинописный текст [Zawadzki, 1988, p. 98]. Но традиционная исследовательская модель не отвергнута до сих пор. В некоторых исследованиях по-прежнему основным источником по истории Мидии остается Геродот [Грантовский, 1994, с. 25, 31—41; 1997, с. 285]. В частности, Э. А. Грантовский полагал, что период экспансии Мидии не мог начаться ранее последней трети VII в. до н. э., поскольку он опирался на сообщение Геродо-

та о том, что первыми мидийцы завоевали персов, а это не могло случиться раньше 630-х гг. ([Грантовский, 1994, с. 41]; см. также гл. II).

Между тем только клинописные источники, описывающие современные им события, позволяют в значительной степени восстановить последовательность этих событий в Мидии и установить их хронологию. Сведения Геродота и других античных авторов лишь в некоторых случаях могут подтвердить или дополнить сообщения клинописных источников, но определить последовательность событий и их взаимосвязь они могут не всегда. Такой подход к античным источникам вовсе не снижает их значения в исследовании истории Мидии. Но если не опираться в первую очередь на данные клинописных источников, то сообщения Геродота могут в некоторых случаях исказить историю Мидии. С этих позиций ниже будут рассмотрены три ключевых момента ее истории: начало мидийской экспансии после восстания конца 670-х гг. (и в этой связи необходимо рассмотреть некоторые спорные вопросы истории последнего периода существования Урартского царства), участие и роль Мидии в разгроме Ассирии в 612 г. и конец мидийской династии около 550 г. до н. э.

IV.3. Возвышение Мидийского царства и начало его экспансии. Урартское царство между 714 и 643 гг. до н. э. (карта-схема 4)

В 652 г. до н. э. началось восстание вассального царя Вавилона Шамашшумукина против Ассирии. В ассирийских источниках союзниками Вавилона названы подданные Ассирии (помимо самого Вавилона, халдеи, арамеи, жители вавилонского Приморья), а также Элам — наиболее активный союзник Вавилона. Кроме них названы цари всех сторон света: Гутиума (север и восток), Амурру (запад), Мелуххи (юг) [ARAB II, § 789, 817; Vogler, 1996, S. 40, A III 103; Дьяконов, 1956, с. 287—288]. Дьяконов считал, что под Гутиумом в это время могла иметься в виду только Мидия. Действительно, Манна в это время вновь стала союзником Ассирии, оставаясь верной ей до самого конца. Единственной силой антиассирийской направленности на территории Древнего Ирана оставалась только Мидия. Восстание Шамашшумукина было жестоко подавлено только через четыре года, в 648 г. Вавилон пал, а его царь, не желая сдаваться, бросился в пламя горящего дворца [ARAB II, § 794; Grayson, 1980, p. 229—230, 233—235]. Ассирия, хотя и с трудом, но смогла справиться с восставшими. Однако среди наказанных стран — Вавилона, Элама, Приморья, Арабии — Гутиум не назван. Можно считать, что уже в 650-е гг. Мидия стремилась найти новых союзников в борьбе против Ассирии. Первая попытка оказалась для нее неудачной, однако она быстро переориентировалась и начала действовать в другом направлении.

Помимо необходимости обрести союзников, способных бороться с Ассирией, Мидии нужно было обезопасить свои тылы. Реальную угрозу для Мидии в эти годы могло представлять все еще сильное Урартское царство. История Урарту между 714 и 643 гг. важна для понимания политической ситуации в регионе, которая не могла не сказаться на развитии событий в

Мидии. В связи с историей Мидии важными являются два положения истории Урарту: результаты антиурартского похода Саргона II в 714 г. и состояние страны после него, а также время и причины падения Урартского царства.

За последние 30 лет, благодаря интенсивным археологическим исследованиям в Иране, Турции и Закавказье, было открыто много урартских письменных и археологических памятников, изучение которых позволяет предлагать новые решения спорных вопросов истории и культуры отмеченного периода Урартского царства.

В 1970-е гг. в результате раскопок в Бастаме (северо-западнее оз. Урмия, Иран) было пересмотрено время падения Урарту — это произошло не в начале VI в. до н. э., как было принято считать, а несколькими десятилетиями раньше; началась дискуссия по так называемому позднему царскому списку. Открытия последнего десятилетия позволяют окончательно отказаться от прежней оценки результатов похода Саргона в 714 г. и предложить некоторые из вероятных причин падения Урартского царства.

Одним из спорных аргументов, положенных в основу понимания заключительного этапа истории Урартского царства, является оценка исследователями результатов успешного VIII похода ассирийского царя Саргона II против Урартского царства в 714 г. до н. э. Принято считать, что этот поход положил конец длительному противостоянию двух царств, что Урарту не смогло оправиться от поражения и в итоге закончился период его расцвета. В целом это положение устарело.

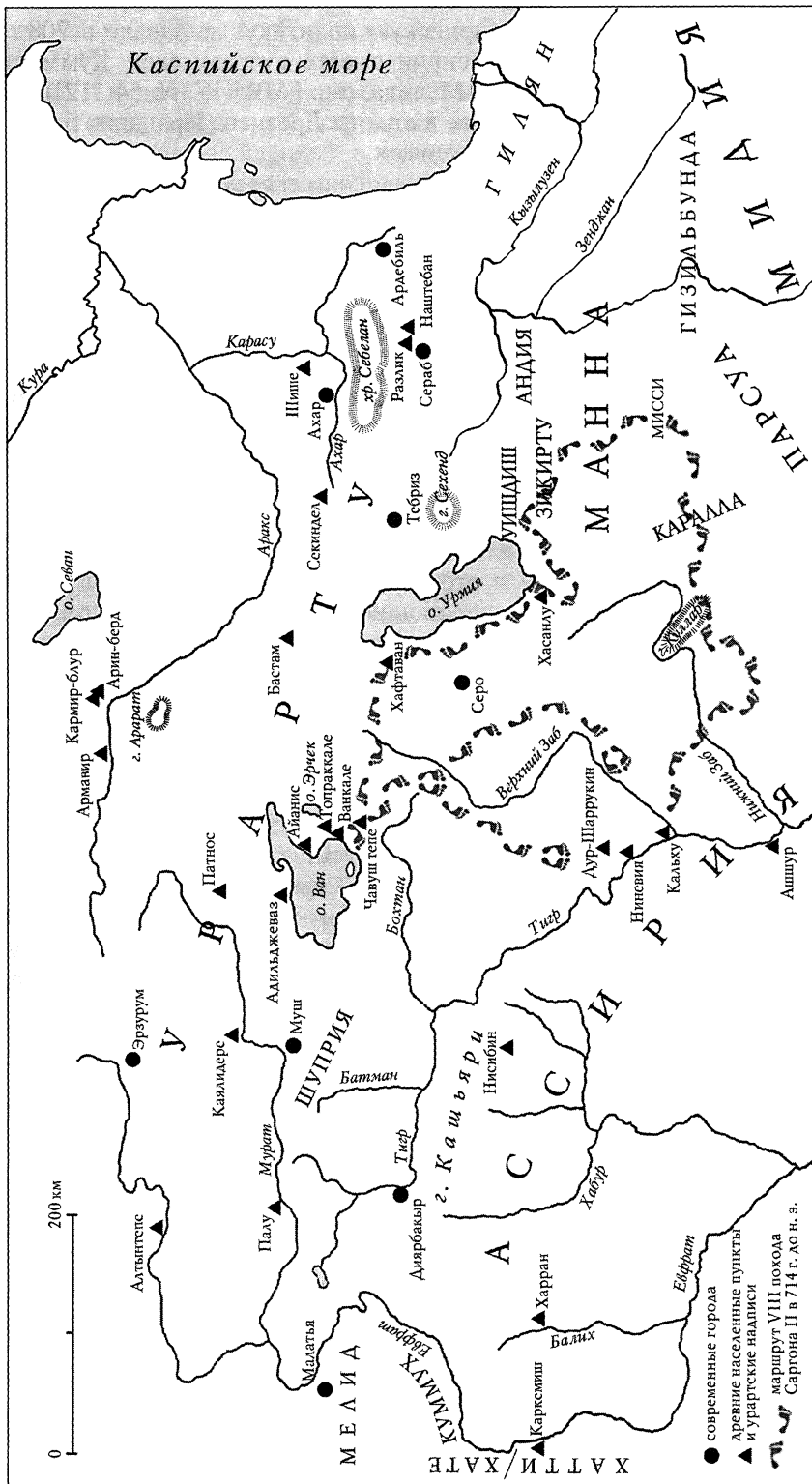
Описание VIII похода изложено Саргоном (помимо анналов) в его знаменитом письме к богу Ашшуру [Thureau-Dangin, 1912; АВИИУ, № 49]. Это яркое литературное произведение, в котором подробно и эмоционально описывается, как Саргон «в ярости сердца своего» разрушил города, осквернил храмы, уничтожил сады, виноградники, каналы и источники — все то, что создали урарты на земле, по которой прошли ассирийцы. Урартский царь Руса I не пережил поражения и покончил жизнь самоубийством.

Такое яркое изображение событий войны достигает цели, и трудно не поверить в абсолютную реальность описываемого, в действительность желаемого Саргоном — разгрома Урартского царства.

Между тем самым важным результатом похода 714 г. было, пожалуй, лишь изгнание урартов из приурмийского района Ирана, которым они владели с конца IX в. до н. э. Урарты, построив здесь множество крепостей, превратили этот район в плацдарм, с которого они проникали вглубь Ирана, что, конечно же, мешало Ассирии двигаться в этом же направлении. Поэтому, отодвинув границу Урарту к северу от Урмии, Ассирия выиграла и в дальнейшем без помех продолжила завоевание некоторых районов Древнего Ирана, хотя, в конечном счете, ей не удалось осуществить все свои планы, в частности завоевать Мидию.

Что касается Урарту, то в результате похода 714 г. упадка страны не случилось. События ближайших десятилетий показывают, что военнополитическое могущество не было утрачено и материальные ресурсы страны не пострадали, поскольку основную территорию страны Саргон не затронул [Медведская, 1989]. Уже преемник Русы I, его сын Аргишти II,

Карта-схема 4. Урарту, Ассирия, Мидия и их соседи между 714 и 643 гг. до н. э. (составлена автором)

продолжил традиционную антиассирийскую политику: на западе в 708 г. он участвует в заговоре против Ассирии вместе с правителем Куммуха (страна в верховьях Евфрата, южнее Мелида, см.: [АВИИУ, № 54:112]), на востоке он продолжает проникновение в страны Древнего Ирана, но двигаясь уже севернее Урмии в сторону Каспия.

О завоеваниях Аргишти II в этом направлении свидетельствуют три наскальные надписи: две возле Сераба (селения Разлик и Наштебан [Benedict, 1965, p. 35—40, N 1—2; André-Salvini, Salvini, 1999, p. 17—32]) и третья, открытая в 1998 г., — к северо-востоку от Ахара (возле Шише [Bashash Khanzaq, Biscione, etc., 2001, p. 25—37]). В этих трех почти идентичных надписях Аргишти II сообщает о завоевании нескольких «стран» в этом регионе (Арху, Ушулу, Буку, Гирду, Гитухани, Туишду) и о возведении укреплений на скалах, находившихся возле караванных путей; по сути, это один путь, существующий до сих пор, который идет с запада через район современного Тебриза, затем, разветвляясь вдоль обеих сторон хребта Себелан, в сторону Каспия. Один из фортов был назван «Защита Аргишти» (совр. Разлик), другой — «Защита Халди» (совр. Шише; о термине *irdusi*, означающем 'защита', см.: [Bashash Khanzaq, Biscione, etc., 2001, p. 32 (l. 11), p. 36]). Аргишти II продвинулся в этом направлении дальше Сардури II, который в VIII в. до н. э. оставил надпись в Секинделе, в 30 км к северо-западу от г. Ахар. Ст. Далли высказала предположение о заинтересованности как ассирийцев, так и урартов в торговле с прикаспийскими землями в районе современной провинции Гилян, откуда могли поступать сурьма, хаома, ковры. По ее мнению, этот приморский район мог быть также и посредником в торговле с другими прикаспийскими странами, из которых могла поступать, например, древесина [Dalley, 2006, p. 178]. В любом случае, укрепление урартов на этих землях в VII в. до н. э. означало их приоритет в контроле над немногочисленными путями в этом горном районе, а также возможность проникновения урартов в «Страну маннеев» и далее на юг, что в скором времени не могло не обеспокоить Мидию. Согласно этим надписям, Аргишти II совершил также поход в страну Этиухи (совр. Сисианский район Армении), занимался разведением садов и виноградников, сооружением каналов и искусственного водохранилища к северу от залива оз. Ван [КУКН, 406, 407, 411].

Руса II, сын Аргишти, сосредоточился на завоеваниях к северу и западу от своего царства. Страны к западу от верховьев Евфрата были, как и страны Древнего Ирана, объектом соперничества Ассирии и Урарту более 100 лет. Борьба здесь шла за господство над торговыми путями и источниками сырья. Ассирия нуждалась в железе, но своих железорудных месторождений у нее не было. Основная причина противоречий между Ассирией и Урарту в Северной Сирии и странах Юго-Восточной Малой Азии с середины VIII в. до н. э. заключалась именно в стремлении захватить богатые железорудные месторождения этих территорий [Бациева, 1953, с. 32—35]. Почти каждый ассирийский царь пытался завоевать позднешеттские царства, заявляя всякий раз, что он все захватил, разрушил и уничтожил. Наконец, к 708 г., как принято считать, все было завоевано, и позднешеттские царства перестали существовать [Hawkins, 1972—1975, S. 159]. Однако в 705 г. Саргон II вновь совершил поход на Табал, но ассирийцы были раз-

громлены, Саргон погиб, и тело его не было найдено [Tadmor, 1958, p. 94, note 311].

В VII в. до н. э. на западных границах Ассирии по-прежнему беспокойно — Урарту интригует, вступает в антиассирийские союзы и совершает походы. Недавно найденный в храме города «Русахинили перед горой Эйдури» (совр. Айанис на восточном побережье озера Ван) дубликат анналов Русы II, ранее известный по хуже сохранившейся надписи из Кефкале/Адилджеваза [КУКН, 414], уточняет перечень завоеванных им стран. В надписи из храма говорится, что Руса, сын Аргишти, угнал мужчин, женщин и крупный рогатый скот из вражеских стран, названы: Этиуни (Сисианский район Армении), Таргуни (хетт. Те(а)гарама, библ. Тогарма, находившаяся на территории царства Мелид-Камману северо-западнее современной Малатьи в долине р. Тохма, правого притока Евфрата [Garstang, Gurney, 1959, p. 46—48; Дьяконов, 1968, с. 180—189]), Хате (ассир. Хатти, западнее совр. Малатьи; согласно И. М. Дьяконову, все области западнее Евфрата урарты называли Хате [Дьяконов, 1968, с. 235]; царство Хатти — официальное название Каркемиша в Северной Сирии [Там же, с. 135]), Таблани (ассир. Табал, библ. Тубал, в горах Малоазийского Тавра в верховьях р. Гёксу и ее притоков или чуть западнее — на территории античной Киликии, включая район совр. Кайсери [Garstang, Gurney, 1959, p. 50]), мушки (библ. Ме(о)шех, «западные» мушки или мусы — Фригийское царство в Центральной Анатолии; «восточные» мушки в долине Верхнего Евфрата в районе его слияния с р. Мурат. Неясно, дошел ли Руса II до Фригийского царства или ограничился завоеванием восточных мушков [Дьяконов, 1968, с. 171, 193; 1989, с. 46—52]), а также Халиту (в надписи из Кефкале), Цилукуни, Кайнару, локализация которых неизвестна. Но самое поразительное в этом списке — название первой страны — Ашшур/Ассирия [Salvini, 2001, p. 253, 258 section VI, 10—11, p. 261]. Впервые спустя много десятилетий после правления Сардури II, победившего ассирийского царя Ашшурнирари (754—745) [УКН, 156, КУКН, 242:DI+DII], в урартском тексте говорится о нападении на Ассирию, хотя остается спорным, что в данном случае имелось в виду под Ассирией и когда конкретно это могло произойти [Çilingiroğlu, Salvini, 2001, p. 20—21]. Необязательно связывать это нападение на Ассирию с событиями 673/72 г. в Шубрии; в это время отношения между двумя странами были скорее дружественными, поскольку ассирийский царь вернул беглых урартов Русе II [АВИИУ, № 67л; см. также гл. V.3]. Но в любом случае важно то, что Руса II напал на владения Ассирии. Кроме того, тот факт, что Аргишти II (в 708 г.) и Руса II соперничали с Ассирией, продолжая борьбу за поздnehеттские царства, свидетельствует о том, что Ассирия так и не смогла переломить ситуацию в этом регионе в свою пользу. Следовательно, ни о каком упадке Урартского царства после 714 г. говорить нет оснований.

Богатая военная добыча позволила Русе II вести огромное строительство по всей стране и осуществлять реформы с целью укрепления государства. П. Зимански четко определил принцип выживания Урартского царства: в силу географических условий (основная территория страны представляла собой труднодоступные изолированные горные долины) и постоянной ассирийской угрозы государственное управление балансировало между цен-

трализацией и децентрализацией, что и спасало страну. Хотя ассирийская кавалерия и пехота относительно быстро могли покрыть значительные расстояния внутри урартских границ, однако чтобы закрепить завоевания, необходимо было разрушить рассредоточенные по всей стране крепости. Но для перемещения армии, несущей осадное снаряжение, необходимо было значительное время, а именно оно было ограничено. Большая часть горных путей между двумя царствами и в самом Урарту были открыты только несколько месяцев в году. Отгонное скотоводство, преобладавшее в экономике страны, также способствовало большей выживаемости урартского населения, поскольку в момент опасности скот угоняли в горы. Впрочем, многое делалось и для развития сельскохозяйственных оазисов (в первую очередь орошение, налаженное благодаря проведенным каналам и искусственным водохранилищам), что обеспечивало самостоятельность провинций и независимость страны от импорта [Zimansky, 1985, p. 3, chp. 5, p. 95—96; Дьяконов, Медведская, 1987, с. 202—211]. Выводы и наблюдения П. Зимански позволяют считать, что тотальное завоевание и разрушение Урартского царства в ходе единовременного вражеского вторжения было практически невыполнимой задачей. Максимально возможным успехом ассирийцев на урартском фронте стало изгнание урартов из приурмийского района в 714 г. до н. э.

Теперь можно определенно говорить, что Руса II в первой половине VII в. до н. э. в условиях стабильности и процветания страны многое сделал для совершенствования отмеченного механизма балансирования. Он усилил управленческие функции — по всей стране строились города-крепости, в которых возводились храмы (наиболее крупные из них: Тейшебани/Кармир-блур, Малый город Русы/Бастам, Русахинили перед горой Килбани/Топраккале, Город бога Халди/Адилджеваз, Русахинили перед горой Эйдури/Айанис). По существу, это воплощение идеи «мобильной» царской резиденции. Руса II таким образом пытался «централизовать» «децентрализацию». Только к северу от оз. Урмия в Иране было построено 10 городов-крепостей (с учетом построек Аргишти II) [Kroll, 1976, S. 170—176, Abb. 46]. Страна, представлявшая собой «мозаику» провинций, управлялась на местах областеначальниками. Но они не имели средств вести подобное строительство, которое осуществлялось пленными: именно царь распоряжался военной добычей — людьми и угнанным для их прокорма скотом. Эти поселенцы строили города и селились в поселениях, которые возводились вокруг новых крепостей (т. н. «внешний город»). В Айанисе этим поселенцам были пожалованы сады, виноградники и ирригационные инструменты [Çilingiroğlu, 2006, p. 138]. Считается, что Руса II реформировал бюрократический аппарат, хотя многое в управленческой иерархии остается еще неясным именно в связи с централизацией управления. Введенная Русой II канцелярская практика регистрации документов и прочих объектов с помощью печатей очень помогла современным исследователям в датировке памятников и в уточнении царской генеалогии.

Итак, огромная строительная и реформаторская деятельность Русы II заставляет отказаться еще от одного общепринятого мнения, а именно что крепости возводились Русой II в связи с возникшей внешней угрозой. Это объяснение изначально выглядело неубедительным, поскольку Мидия в

первой половине VII в. еще не представляла опасности, а киммерийцы, враждовавшие с Русой I, были теперь союзниками урартов и действовали в основном уже в Малой Азии (см. гл. V.3).

Строительная активность Русы II, напротив, свидетельствует об отсутствии внешней угрозы. Очевидно, что он, помимо строительства крепостей, не меньшее внимание уделял возведению храмов, превратив, например, город «Русахинили перед горой Эйдури» (Айанис) в культовый центр. В нем отсутствует царский дворец, и, похоже, он не был ни экономическим, ни административным центром, как Бастам или Кармир-блур [Sevin, 2006, p. 143—149]. Центральным сооружением на вершине холма был храм. Архитектурные особенности и использование необычных материалов и художественных приемов при орнаментальной оформлении целлы делают этот храм уникальным. Не исключено, что платформа в целле могла служить базой для культовой статуи [Çilingioğlu, 2003, p. 199, fig. 10.2, p. 205], возможно, бога Халди, которому был посвящен храм. Похоже, что после разграбления Саргоном Муцацира в 714 г. и вывоза оттуда статуи Халди Руса II стремился превратить Айанис в новый культовый центр государства, тогда как в соседнем городе — Топраккале («Русахинили перед горой Килбани») он «установил трон», т. е. там была его резиденция. Именно Русой II впервые были учреждены культы нескольких богов: в Закавказье, помимо бога И(у)арша, культ которого пытался ввести еще Аргишти I в начале VIII в. до н. э., это боги Анику и Мардук (по-видимому, последнему поклонялось население, депортированное из Месопотамии); в центре страны, в Айанисе возле озера Ван, — божество горы Эйдуру, имя которого вошло даже в название города Русы [Grekyan, 2006, p. 185, Tabl. 7; КУКН, 421, 424, 427, примеч. 11; Salvini, 2001, p. 254, 259, II:1].

Но уже в 650-е гг. появляются признаки нарушения стабильности и процветания, которые переросли в кризис, приведший к падению Урарту. Около 657 г., по сведениям ассирийского царя, урартский областеначальник Андария напал на Уппумме и Куллиммери, ассирийские владения в Шуприи. Андария был убит, и его голова была доставлена Ашшурбанпалу в Ниневию [Pierkon, 1933, p. 56—57, iv:9—17]. Считалось, что именно областеначальники имели в своем подчинении воинские контингенты и по приказу царя поставляли их в его распоряжение во время войн. Однако это мнение теперь становится спорным, ибо раскопки обнаруживают, что именно в царских резиденциях находились казармы, конюшни и т. п. Были ли Андария сепаратистски настроенным областеначальником или марионеткой в руках противников царя, трудно сказать. Как бы то ни было, не царь, а областеначальник вторгся в чужую страну — случай небывалый в урартской истории, и он обращает на себя внимание в связи с последующими событиями. В это время погибли или были покинуты некоторые города, построенные Русой II. Дата их разрушения заставила исследователей поставить вопрос о пересмотре времени падения Урартского царства.

К середине прошлого столетия отечественные ученые наметили основные вехи истории Урарту, причем конец Ванского царства был освещен в исследованиях особенно ярко. Страшная картина разрушения Кармир-блур (Армения) предполагала, что гибель Урарту была насильственной. Виновников его гибели называли сразу. Ими могли быть либо закавказские

племена и скифы — и в этом случае удар был нанесен с севера (Б. Б. Пиотровский), либо мидийцы — тогда удар последовал со стороны Ирана (И. М. Дьяконов, позднее к его мнению присоединился и Пиотровский, см. гл. II). Время гибели Кармир-блур и в целом Урартского царства было первоначально установлено на основании письменных источников. В ассирийских текстах Урарту упомянуто в последний раз около 643 г., по-видимому, в связи с восшествием на престол Сардури (III), очевидно внука Русы (II) (см. ниже). Затем несколько десятилетий Урарту не упоминается. В 609, 608 гг. до н. э., согласно вавилонским хроникам, царь Набопаласар доходил до области страны Урашту [Grayson, 1975, p. 96, Chr. 3:72]. В 594 г. до н. э. пророк Иеремия назвал Урарту среди противников Вавилона. По мнению исследователей, гибель Урарту не могла произойти раньше двух последних дат. Крайней датой гибели Урарту мог быть, по мнению Леманн-Хаупта, также 585 г. до н. э., когда мидийцы, согласно Геродоту, дошли до реки Галис (через территорию Урарту), где произошла их битва с лидийцами [Lehmann-Haupt, 1921, S. 48—49].

Пересмотр времени гибели Урарту, как уже отмечено, начался в связи с исследованиями немецких археологов в Бастаме. Пожар, уничтоживший этот город-крепость, имеет довольно точную дату: в нескольких помещениях цитадели найдено огромное количество обгоревших костей копытных животных, среди которых обнаружено не менее 1315 булл с именами только одного урартского царя — Русы (II), сына Аргишти, и нескольких царевичей. Эти находки позволили предполагать, что город не мог погибнуть позднее смерти этого царя в 645, 639 г. или даже в 655/54 г. [Salvini, 1979, S. 128. Tab. 4; Kroll, 1988, S. 78]. Причины гибели крепости С. Кролл, У. Зайдль и другие исследователи видят в общем крушении Урарту. И если В. Клайсс, С. Кролл, М. Сальвини первоначально исходили из хронологии российских урартологов [Kleiss, 1979, S. 12, 100, 210], то позднее почти все они отказались от нее и теперь относят время окончательной гибели Урарту не к началу VI в., а к концу 40-х гг. VII в. до н. э. [Kroll, 1984, S. 157—170; 1988, S. 78—79; Zimansky, 1995, p. 98—100]. Однако необходимы дополнительные исследования, которые позволили бы говорить в пользу одновременной гибели всех урартских городов. Помимо Бастама, в правление Русы II определенно погибли Кармир-блур и Айанис. Топраккале функционировал позднее. Некоторые города также могли пережить правление Русы II и погибнуть позднее (см. ниже).

В Бастаме У. Зайдль выделила два типа печатей. Преобладают буллы с именем Русы, они имеют характерные признаки царской печати: изображение льва и зонтик над фигурой царя (рис. 1, А). Эти признаки столь существенны, что иногда в легенде на печати отсутствует сам титул «царь». На печатях же царевичей имена их владельцев и содержание рисунка считались недостаточными, и удостоверение данной печати обеспечивалось титулом ^{LU}A.NIN-li, букв.: 'сын госпожи', что интерпретировалось как 'сын царицы', т. е. 'принц, царевич' [Seidl, 1979, S. 137—146; 1988, S. 145—152; Kroll, 1984 S. 161—162]. По мнению У. Зайдль и С. Кролла, печати с династическими именами урартского царствующего дома являлись печатями царевичей, которые занимали высокие административные посты. Они действовали в качестве представителя царя. Царевичи, чьи печати найдены в

Бастаме, очевидно, были современниками Русы II. До тех пор пока их имена не засвидетельствованы печатями царского типа или царской титулатурой, они могут считаться только царевичами. Поэтому установление дополнительных урартских царей для второй половины VII в. только на основании этих имен, как предлагали И. М. Дьяконов, Б. Б. Пиотровский, Н. В. Арутюнян и М. Сальвини, по мнению немецких исследователей, — пока только недоказанная гипотеза [Kroll, 1984, S. 169; 1988, S. 77—78]. Позднее знаки на печатях принцев были прочитаны иначе — ^{LU}A.ZUM-li — ‘тот, кто выпускает (воду?)’ [Hellwag, 2000, S. 21—43]. В таком случае это слово обозначает не титул, а должность чиновника, который отвечал, очевидно, за состояние ирригационной системы и за распределение водных ресурсов. Примечательно, что, в отличие от других официальных лиц, имена которых известны по табличкам и буллам, только персоны, обозначенные этим термином, носили династические имена и отчества. Следовательно, эти лица по-прежнему могут рассматриваться в качестве членов царской фамилии и так или иначе учитываться при составлении генеалогии урартских царей.

Отказавшись от общепринятой хронологии, исследователи продолжают считать главным виновником гибели урартских крепостей скифов, поскольку не находят в регионе иной силы (см., например: [Zimansky, 1995, p. 99; Çilingiroğlu, Salvini, 2001, p. 24]). Однако сохранившиеся в источниках этого времени сведения о евразийских номадах делают маловероятным штурм ими этих крепостей. И. М. Дьяконов привел в пользу этого утверждения описание осады столицы Шубрии Асархаддоном: осада укрепленных городов требовала многомесячной подготовки и, судя по ассирийским рельефам, специальных осадных орудий [Дьяконов, 1994, с. 113; АВВИУ, № 67e]. Самостоятельно ни скифы, ни киммерийцы не могли взять эти крепости штурмом. Они и не нуждались в этом: завоевание и разрушение крепостей необходимо тем, кто ведет тотальное завоевание территории. Эти крепости не могли служить преградой кочевникам, которые к этому времени распространились далеко на запад за пределы этого региона. К тому же при Русе II урарты не только не враждовали с киммерийцами (скифы в Урарту не упоминаются), но действовали совместно с ними в западных регионах (см. гл. V.3).

Если строительная и реформаторская деятельность Русы II позволяет отказаться от представления, что крепости возводились им в связи с возникшей внешней угрозой, то последние находки надписей Русы III в районе искусственного озера Кешиш-гёль позволяют предложить некоторые из вероятных причин падения Урартского царства.

Как уже сказано, в 650-е гг. в Урарту наблюдаются признаки нарушения стабильности и процветания страны, одним из которых стало выступление Андари. Затем к власти приходит новый царь Руса, сын Эримены. До последнего времени о нем фактически ничего не было известно; фигурировали лишь его имя и царская титулатура на бронзовых щитах и других посвященных предметах из Топраккале [КУКН, 434—442]. Последние открытия позволяют представить, как Руса III мог повлиять на ход событий накануне крушения Урартского царства.

В 2002 г. М. Сальвини обнаружил в деревне Гёвелек в стенах домов два фрагмента одной и той же стелы. Деревня находится восточнее озера Ван,

возле урартской столицы Тушпы (Ванкале) рядом с искусственным «озером Русы» (совр. оз. Кешиш-гёль), созданным в урартское время. Текст на этой стеле принадлежит Русе, сыну Эримены. В нем говорится о сооружении в пустынном месте города «Русахинили перед горой Килбани», а также о сооружении искусственного озера и канала. Первоначально Сальвини предположил, что упомянутый Руса продолжил работу, начатую великим строителем Русой II, который, как считалось, был автором сходного текста на стеле, обнаруженной в этом же районе в 1891 г. В. Бельком (стела находится в Переднеазиатском музее в Берлине; КУКН, 391). Отчество царя на ней не сохранилось, поэтому первоначально авторство приписывалось Русе I, а позднее — иногда Русе II [Salvini, 2007].

Однако все изменилось после того, как в 2006 г. в музей г. Ван привезли стелу из села Савасик из района того же искусственного озера. В начале 2007 г. с текстом на стеле ознакомился Сальвини. Текст хорошей сохранности, и он доказывает, что все три текста на стелах — берлинской, из Гёвелека и Савасика — дубликаты и принадлежат Русе III [Salvini, 2007a, S. 146—162, abb. 2]. Значит, ирригационные работы и сооружение искусственного водохранилища Кешиш-гёль осуществил Руса III. Но его утверждение, что он построил, кроме того, и город «Русахинили перед горой Килбани», нуждается в уточнении — в действительности строительство города начал Руса II, что подтверждается другими документами — табличкой из Бастама, где сказано: «В тот год Руса, сын Аргишти, трон установил в Русахинили перед горой Килбани», а также фрагментами посвященного в храм этого города щита с именем царя Русы, сына Аргишти [КУКН, 412a, 413].

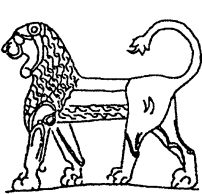

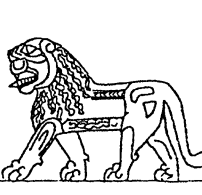
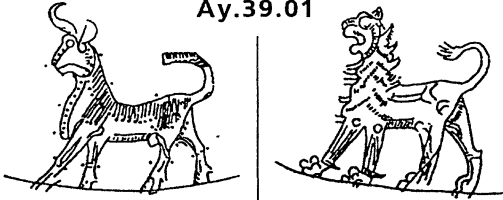

Открытия Сальвини 2002–2007 гг. позволяют иначе взглянуть на события тех лет и предположить, что фигура Русы III олицетворяет внутривосточный кризис, который наступил в Урарту в 650-е гг. Выступление Андарики около 657 г. до н. э. может свидетельствовать об ослаблении центральной власти. Далее к власти пришел не сын Русы II, а, в лучшем случае, представитель боковой ветви царской династии, вероятнее всего, его племянник, правда, имя его отца — Эримена — не является царским. Сам Руса II, судя по документам с Кармир-блур и оттискам печатей из Бастама, имел сыновей — Сардури и Русу. Руса III пришел к власти явно не мирным путем, ведь Бастам — резиденция Русы II — сгорел в его же правление. Но, исходя из того, что Руса III, став царем, занимался строительством города (Топраккале) и сооружением водохранилища, можно полагать, что Бастам сгорел не в результате иноземного вторжения, как считается, а в результате внутренних междоусобиц. «Русахинили перед горой Эйдури» (Айанис) тоже был разрушен при Русе II, но Руса III оставил его заброшенным, продолжив работы только на Топраккале. Высказано предположение, что Айанис был разрушен в результате землетрясения [Çilingiroğlu, 2002, p. 487], но сотни наконечников стрел внутри города и за его стенами свидетельствуют о другом. Разрушение и запустение ряда городов-крепостей в ходе междоусобной войны исключают начало вражеского завоевания и падение Урартского царства уже в 650-е гг., в правление Русы III, если принять дату его воцарения около 653 г. до н. э. В этом году Ассирия разгромила Элам и приняла послов урартского царя Русы [Grayson, 1980, p. 230, 233] (см. ниже).

В последнее время появился ряд исследований, в которых доказываются, что Руса, сын Эримены, не наследовал Русе II, а правил либо до Русы II, либо еще раньше, сразу после гибели Русы I в 714 г. до н. э. или перед ним (табл. 3). У. Зайдль обратила внимание на стилистические различия в изображении львов на посвяtitельных щитах Русы II, сына Аргишти (II), и Русы III, сына Эримены. Изображения львов на щитах последнего соответствуют иконографическому канону, сформировавшемуся в VIII в., тогда как львы времени Русы II имеют существенные, по мнению Зайдль, отличия. Они заметны главным образом в манере изображения львиных хвостов. Согласно канону VIII в. до н. э., львы изображались с поднятым и загнутым в форме разомкнутого кольца хвостом; на изображениях времени Русы II (щиты, крылатый лев в украшении подиума в храме Айаниса, рельеф из Кефкале/Адилджеваза) хвост льва опущен. Следовательно, изображения времени Русы III, выполненные в стиле VIII в., как и само его правление, по мнению исследовательницы, могли предшествовать правлению Русы II [Seidl, 2004, S. 124, Abb. 94]. Следует, однако, отметить, что на царской печати Русы II изображение льва, тем не менее, соответствует старому канону (рис. 1, А).

М. Сальвини считает, что стилистические особенности изображений львов, выделенные У. Зайдль, не могут служить «параметром для датировки», и приводит пример различной позы львиных хвостов, представленных в тронном зале в Вавилоне времени Навуходоносора [Salvini, 2007a, S. 154—157]. Подтверждение этому он видит в стилистике изображений львов на щите из Айаниса (рис. 1, Ау.39.01, щит без надписи). На этом щите, как и на печати Русы II, кольцевидный хвост и лохматая грива львов похожи на подобные изображения на щитах Русы III, сына Эримены. Но появление предметов VIII в. в городе, построенном Русой II, по мнению Сальвини, маловероятно. И если допустить, что этот щит не принадлежал Русе II, то, в крайнем случае, он мог принадлежать его отцу Аргишти, как и шлем с его надписью, найденный в Айанисе. Шлем найден на храмовой территории и является единственным предметом, предшествующим по времени правлению Русы II [Salvini, 2001a, p. 279; 2007a, S. 154—157]. Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемый щит найден в храме, и следовательно, он является приношением действующего царя. В Кармир-блуре, как известно, предметы с посвяtitельными надписями царей предшествующей эпохи оказались перенесенными из Эребуни, но они хранились в скрытом виде в кладовых города. Если бы шлем Аргишти был найден вместе со щитом в храме, это облегчило бы атрибуцию последнего. Хотя этот вопрос остаётся пока открытым, принадлежность щита Ау.39.01. Русе II наиболее вероятна. Гипотеза У. Зайдль, основанная на различной манере изображения львов, пока не делает убедительным перенос правления Русы (III), сына Эримены, в VIII в. до н. э.

На основании своих наблюдений У. Зайдль также допускает, что сын Эримены мог быть тем самым Русой, которого упомянул Саргон II в 713 г. в связи с предательством Амбариса, царя Табала (Бит-Буруташа), и которому прежде он отдал в жены свою дочь и страну Хилакку. Вероломный Амбарис предложил, по словам Саргона, Русе урартскому и Мите мушкийскому захватить владения Саргона, за что и был наказан в 713 г. до н. э. [Fuchs, 1998,

АРГИШТИ I		
САРДУРИ II		
РУСА I		
РУСА II	<div data-bbox="119 749 657 952"> <p data-bbox="170 758 191 784">A</p> </div>	
		
	<p data-bbox="321 1181 445 1208">Ay.39.01</p> 	
РУСА (III)		

S. 70—72, VI.c, VI.d, VI.e, VII.a; ARAB II, § 25, 55, 118; Seidl, 2007, S. 137—145] (табл. 3).

Однако упоминание Саргоном Русы в этом контексте можно истолковать иначе. Амбарис мог начать переговоры с Русой I еще до смерти последнего в 714 г., Саргон же смог наказать Амбариса только в 713 г., после разгрома Русы, объяснив причину этого наказания коварными планами зятя. Кроме того, мог ли успеть Руса III, сын Эримены, соорудить дамбу, искусственное озеро, вести строительство на Топраккале (см. выше) между 713 и 708 гг. до н. э.?

Это затруднение казалось бы снимает М. Роаф, который помещает правление Русы (III), сына Эримены, между правлениями Сардури, сына Аргишти, и Русы (I), сына Сардури. Последний правил в этом случае между 714/13 и 709 гг., а у Русы (III), следовательно, было бы достаточно времени для строительства, и в таком случае именно он становится противником Саргона в 714 г. до н. э. М. Роаф приводит в подтвержде-

Рис. 1. Изображения на урартских бронзовых шитах и на печати (А) Русы II (использованы иллюстрации из: [Seidl, 2004, Abb. 94; Salvini, 2007, Abb. 5—6])

ние своей гипотезы стилистический анализ бронзовых изделий, в основе которых лежит положение У. Зайдль, рассмотренное выше. Но в таком случае возникает другой вопрос: как мог Руса (I), сын Сардури, в своё короткое правление между 714/13 и 709 гг. установить две стелы недалеко от г. Урмия на западном берегу одноименного озера (возле сёл Мована и Мерге Карван) [André-Salvini, Salvini, 1997, p. 290—291] и вести здесь строительство (надпись на строительном камне из Махмудабада, см.: КУКН, 392), не говоря уже о стеле к юго-западу от озера Урмия у сел. Топузава, в 50 км северо-восточнее Ревандуза [КУКН, 387], если результатом похода Саргона II в 714 г. было изгнание отсюда урартов? Эти надписи Руса I мог сделать только до 714 г. Впрочем, все приводимые Роафом доказательства, по его же словам, не дают возможности окончательно установить последовательность правления обоих царей [Roaf, in print] (табл. 3).

Таблица 3

**Последовательность правления урартских царей VIII—VII вв. до н. э.
(по М. Роафу и У. Зайдль)**

М. Роаф	Синхронизмы	У. Зайдль
Сардури II сын Аргишти (I)		Сардури II сын Аргишти (I)
Руса (III) сын Эримены	Противник Саргона в 714 г. до н. э.	Руса I сын Сардури (II)
Руса I сын Сардури (II)	Между 714/13 и 709 гг. до н. э.; наказание Амбариса в 713 г.	Руса (III) сын Эримены
Аргишти II сын Русы (I)	708 г. до н. э.; договор Аргишти II с Мут(т)аллу Куммухским	Аргишти II сын Русы (I)
		вариант: Руса (III) сын Эримены
		Руса II сын Аргишти (II)

Следует отметить, что на Топраккале найдены щиты и печати [Seidl, 2001, S. 446—455] Русы (II), сына Аргишти, а также щиты и другие посвященные предметы Русы (III), сына Эримены, что согласуется с письменными свидетельствами о строительстве здесь города только этими двумя царями. Следовательно, больше оснований полагать, что их правления стыковались во времени и нет причин разделять оба царствования правлениями Русы I или Аргишти II, как это следует из предположений М. Роафа и У. Зайдль о правлении Русы III до 714/13 или между 713 и 708 гг., или правлениями Сардури III, Сардури IV и даже Эримены, как предлагали другие урартологи [Salvini, 1979, S. 128, Tab. 4, I—II; Арутюнян, 1976, с. 113—114]. Поскольку Руса II утверждает, что он «воссел на отцовское место царственное» [КУКН, 424], то правление Русы, сына Эримены, как и принято, следует помещать после правления Русы II, сына Аргишти.

Окончательную точку в дискуссии о последовательности правлений царей с именем Руса ставит давно известный документ из Кармир-блур с печатью Эримены, сына А[ргишти] [УПД, № 3]. Как справедливо подчёр-

кивает М. Сальвини, служебная печать Эримены обнаружена в городе, построенном Русой II, который, реорганизуя государственное управление, ввёл в практику использование печатей. Ими, помимо царя, пользовались высокие должностные лица, в том числе и царевицы (см. выше). Эримена, отец Русы, был современником Русы (II), сына Аргишти. Поскольку большинство исследователей приняли предложенное И. М. Дьяконовым восстановление в письме № 3 имени отца Эримены как Аргишти, то, как считает и М. Сальвини, Эримена был младшим братом Русы II [Salvini, 2007a. S. 152—154]. В таком случае, Руса III был племянником Русы II, который пришёл к власти, устранив каким-то образом сыновей Русы II, его законных преемников. До своего воцарения он занимал какую-то должность в Аргиштихили или Эребуни, о чем свидетельствуют две надписи, в которых говорится о зернохранилищах, заполненных Русой, сыном Эримены [КУКН, 443—444].

Таблица 4

Урартские цари между 714 и 643 гг. до н. э.

Урартские цари	В ассирийских текстах	В урартских надписях
Руса I (сын Сардури) 730—714	В 714 г. покончил с собой	Приурмийский р-н: стела (Топузав), строительный камень (Махмудабад)
Аргишти II (сын Русы) 714—685 (?)	В 708 г. заключил договор с Мут(т)аллу Куммухским	Наскальные надписи: Шише, Наштебан, Разлик
Руса II (сын Аргишти) (?) 685—653	В 673 г. Асархаддон вернул беглых урартов из Шуприи; в 657 г. Андария в Шуприи	Оттиск печати Эримены (сын Аргишти); Кармир-блур, Бастам, Айанис (+ бронз. щиты), Топраккале (+ бронз. щиты, печати), Адильджеваз
Руса III (сын Эримены) 653—ок. 643	Около 653 г. посольство Русы к Ашшурбанапалу	Топраккале (+ бронз. щиты); 3 стелы (оз. Кешиш-гёль)
Сардури III (сын Сардури) ок. 643 г.	Около 643 г. переписка Сардури с Ашшурбанапалом	Бронз. щит из Кармир-блур (без изображений)

Что касается стилистических различий в иконографии, то и они не могут служить достаточным основанием для установления последовательности царских правлений. Энергичная деятельность Русы II в политической, экономической и религиозной жизни государства могла вызвать те или иные изменения, в том числе и в области искусства. Отход от традиционных изображений мог быть вызван какими-то причинами, хотя, как отмечено, он не был полным или завершённым, каноническое изображение льва на его печати не было изменено. Вместе с тем нужно учитывать индивидуальность мастеров. Все фигуры животных на щитах (рис. 1) различаются манерой изображения, что неоднократно отмечалось исследователями. Кроме того, узурпатор Руса III мог не признать нововведения своего предшественника, например в религиозной сфере, и, возможно, поэтому не

стал восстанавливать разрушенный храм в Айанисе и сам город; он вернулся к старой манере изображений на священных предметах, подчеркивая, быть может, тем самым свою связь со всеми традициями царского рода. Эти рассуждения не противоречат немногочисленным сведениям письменных источников.

Возвращаясь к перевороту Русы III, следует отметить, что гибель городов, датируемая правлением Русы II, говорит о сопротивлении военных гарнизонов, стоявших в царских резиденциях. Помог ли кто-нибудь извне Русе III прийти к власти и кто был заинтересован в разжигании междоусобиц и ослаблении Урарту? В этой связи интересны две надписи к рельефам Ашшурбанапала [АВИИУ, № 76:1—2]. Около 653 г. Руса направил послов в Ассирию ко двору Ашшурбанапала, праздновавшего свою победу над Эламом. Принято считать, что урартские цари присылали послов по случаю своего воцарения, поэтому большинством исследователей 653 г. считается годом начала правления Русы III. Итак, это был обычный дипломатический акт, предпринятый одной независимой страной по отношению к другой. Но если в присутствии урартских послов «им в пример» были жестоко казнены высокопоставленный эламит и два его союзника, то это может говорить не только о могуществе Ассирии и слабости соседа. Возможно, это предупреждение ему на случай, если, несмотря на оказанную ему помощь, он посмеет ослушаться ассирийского царя. Примечательно, что именно при Русе, сыне Эримены, был учрежден культ ассирийского бога Ашшура [Grekan, 2006, p. 176. Tab. 7].

Таким образом, Руса III, сын Эримены, пусть и ценой потери престижа Урартского царства пришедший к власти, занимался только внутренними делами — о завоеваниях на его стелах нет ни слова. Но, очевидно, династические распри продолжались. Около 643 г. на престоле находился новый царь — Сардури III. Из документов и надписей на предметах (Бастам, Кармир-блур) известны имена двух Сардури — сына Русы и сына Сардури [УПД, с. 32—33, № 1—2, с. 51—65; КУКН, 428—430; Salvini, 1979, S. 128, Tab. 4:II, S. 130; Kroll, 1984, S. 162—165, Abb. 3]. Царский статус первого из них титулом или царской печатью пока не подтвержден. Статус второго Сардури, судя по отчеству — сына Сардури, сына Русы, подтвержден царской титулатурой (щит без изображений из Кармир-блур, см.: [КУКН, 430]). Следовательно, по имеющимся в настоящее время данным, из двух Сардури предпочтительнее считать царем, с которым вел переписку Ашшурбанапал в 643 г., Сардури, сына Сардури. Не исключено, что он был внуком Русы II. Его отец, которому мог помешать воцариться Руса III, сын Эримены, мог к этому времени уже умереть²⁴. И может быть, неслучайно Ашшурбанапал в переписке с урартским царем подчеркивает, что «Сардури, царь Урарту, предки которого цари...» — предки, но не отец; хотя принадлежность Сардури к царскому роду для Ашшурбанапала очевидна. Не скрыт ли здесь намек на то, что предшественник Сардури III — Руса III был узурпатором? Отмечает ассирийский царь также и то, что предки Сар-

²⁴ Изучение 37 скелетов из могильника в районе оз. Ван показало, что только один человек достиг 50-летнего возраста, остальные умерли в возрасте до 35 лет: Çilingiroğlu, 2002, p. 483, note 2. Правда, имеются примеры и долгого правления царей в эту эпоху.

дури в письмах обращались к предкам Ашшурбанапала с эпитетом «брат», теперь же Сардури, «как сын своему отцу», стал постоянно писать «царю, моему господину». В другом письме Ашшурбанапал называет Сардури своим «сыном», который, по его словам, ищет «друга»/«благодетеля» [АВИИУ, № 72:Х, 40—50, № 79]. Эти дипломатические эпитеты могли означать некоторую зависимость от Ассирии ослабевшего Урартского царства, но не более того. В протокольном обращении слова «сын — отец», обращение «сына» к «отцу/господину» свидетельствуют о почтительном отношении со стороны Урарту, но и Ассирия не относится пренебрежительно к своему соседу. Лишь по отношению к завоеванным силой оружия странам в ассирийских документах используется формула «господин — раб» [Соловьёва, 1987, с. 169—170]. Как быстро все переменялось: Руса II увел пленников из Ассирии, а уже Руса III был абсолютно унижен, Сардури, хотя и названный «сыном» Ашшурбанапала, находился в зависимости от него.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют из всех предложенных вариантов позднего царского списка остановиться на следующем: правление Русы II закончилось около 653 г., Русы III — около 643 г., правление Сардури III было кратким. Во всяком случае, в отличие от его предшественников, обнаружен лишь один его посвяtitельный щит. Примечательно также и то, что щит Сардури III обнаружен на Кармир-блуре, тогда как щиты Русы II — в Айанисе и Топраккале, Русы III — только на Топраккале. Может быть, появление Сардури III на окраине царства в разрушенном еще при его деде Тейшебаини означало не только попытку восстановить этот город (посвяtitельные дары хранились в городском храме), но и найти безопасное место в охваченной волнениями стране (табл. 4).

Помимо обозначенного внутривполитического кризиса, который мог стать причиной ослабления и последовавшего затем распада Урартского царства, в это время могли возникнуть трудности экономического характера. Одну из причин этих осложнений назвать нетрудно — прекращение войн, которые были важным источником доходов урартских царей. Однако Руса III продолжал строительство города и даже соорудил искусственное озеро. В результате ресурсы страны были полностью исчерпаны. Хотя, казалось бы, благодаря ирригации сельское хозяйство должно было процветать. Но если в результате междоусобиц некоторые районы опустели — города или сгорели, или были брошены, что подтверждается археологически, — то это предполагаемое процветание становится сомнительным. Города, бывшие местом расквартирования военных гарнизонов, оказались брошены потому, что войска покинули их.

Итак, если в основе крушения жизнеспособности Ассирийского царства лежал социально-экономический фактор [Zawadzki, 1988, p. 14—22], то в основе крушения Урартского царства мог лежать внутривполитический кризис. Он разрушил жизненно важный для выживания страны механизм балансирования между централизацией и децентрализацией в пользу последнего. По-видимому, как и Ассирия, Урартское царство накануне падения могло быть ввергнуто в гражданские войны, и в 640-е гг. Урарту как целостное государство перестает существовать. Распад как Ассирии (около 629 г. до н. э. Ассирия распалась на два царства, или на «два правительственных центра» во главе с Ашшуром и Ниневией [Тадмор, 1962, с. 240—

241; Zawadzki, 1995, p. 68]), так и Урарту стал следствием именно кризиса в обоих государствах, что и облегчило их скорое завоевание.

Окончательную точку в истории как Урарту, так и Ассирии поставили внешние силы. Возвышение Мидии, как и возрождение Вавилонии, совпало с агонией обессиленных от постоянных войн друг с другом Ассирии и Урарту, и их гибельный конец стал неизбежен. Мидия могла воспользоваться ситуацией, сложившейся внутри Урартского царства, и продолжить его разрушение. Иной силы, способной окончательно сломить жизнеспособность Урарту, в это время уже не существовало.

Для пресечения сепаратистских тенденций в Урартском царстве сохранялись малые размеры провинций, у которых, как уже было отмечено, не было даже средств вести, например, самостоятельное строительство. Личный контроль царя над людскими и прочими ресурсами осуществлялся посредством бюрократии, которая от имени царя управляла страной — во всяком случае в VII в. — из таких крупных центров, как Кармир-блур, Бастам и Топраккале [Zimansky, 1985, p. 77, 98]. Следовательно, разрушение этих центров и, очевидно, физическое уничтожение царя облегчили завоевание и означали гибель целого царства. Другими словами, мидийцам не нужно было сразу пройти по всей территории страны, по всем ее долинам. Таким образом, в конце 40-х гг. VII в. до н. э. Урарту как независимое государство перестает существовать, хотя на деле не все его территории могли быть завоеваны сразу. Замечание Геродота о том, что Фраорт начал покорение Азии именно народ за народом, может свидетельствовать в пользу длительности этого процесса, который закончил только Киаксар. Не исключено, что другая ремарка Геродота — о разгроме мидийцев именно у Кавказских гор, когда речь шла о вторжении скифов в Мидию (I, 104), может служить дополнительным доказательством вхождения этого региона в состав Мидийского царства уже между 640 и 625 гг. до н. э., то есть во время вторжения скифов Мадия ([Алексеев, 2003, с. 122]; см. также гл. V.6).

Возникает другой важный вопрос: как могли мидийцы, уничтожив центры управления такой страной, сами управлять ею? И. М. Дьяконов, тем не менее, считал, что система управления Урартским царством, реконструированная П. Зимански, впоследствии была возрождена в державе Ахеменидов, и она могла быть передана им через посредство мидийцев [Дьяконов, Медведская, 1987, с. 211].

Данные письменных источников, на основании которых доказывалась гибель Урарту в начале VI в. до н. э., в действительности не противоречат предлагаемой дате окончательного его падения уже в конце 640—начале 630-х гг. до н. э.

В пророчестве Иеремии (51:27—28) против Вавилона в 594/93 г. до н. э. его противниками названы царства скифов, Урарту, Манна и цари Мидии. Это свидетельство долгое время считалось важным доказательством существования Урартского и Маннейского царств еще в VI в. до н. э. и активной роли скифов в политической жизни того времени. Правда, ряд исследователей оспаривают подлинность этой фразы у Иеремии и считают ее поздней вставкой. Часть исследователей считают проклятие Иеремии литературным топосом, который мог использоваться иудеями уже в VII в., но в адрес не Вавилонии, а Ассирии, например в годы, предшествовавшие отпадению Иудеи от Ассирии в 628 г. С. Завадский полагает, что он мог ис-

пользоваться в Иудее уже в первой половине VII в., когда Урарту, Манна и скифы были реальными врагами Ассирии ([Zawadzki, 1988, p. 132—143]; здесь же см. литературу). Отсюда неизбежным казался вывод, что проклятие Иеремии, будучи анахронизмом для 594 г., не может использоваться для определения столь позднего времени существования названных стран, с одной стороны, и служить доказательством покорения этих стран Мидией только в начале VI в. — с другой [Ibid., p. 151—152]. Но противоречие, возникающее между свидетельством Иеремии и проистекающей из других данных очевидностью ухода с политической арены Урарту, Манна и скифов задолго до 594 г. не может быть решено лишь отрицанием достоверности сообщаемых Иеремией фактов. Он мог назвать эти царства, но в каком значении?

У него буквально сказано следующее: «Поставьте вежу (= знамя) в стране (или на земле), трубите в рог среди народов, посвятите на нее (Bābēl, т. е. Вавилон) народы, заставьте услышать (т. е. созовите) царства Арарат, Минни, Ашкеназ, назначьте на (против) нее (т. е. Bābēl) чиновника, поднимите коня (коней, по-видимому, колесницы) как саранчу ошетилившуюся. Посвятите против нее народы, царей Мидии, сатрапов (= областеначальников, акк. riḫātu 'область') ее и всех наместников (= градоначальников) ее и всю землю, подвластную ей». В комментарии И. М. Дьяконова к этому тексту отмечено, что поскольку Вавилон (др.-евр. Bābēl) существительное женского рода, а Ашшур или Ассирия (др.-евр. Aššûr) — мужского рода, то речь, направленная против Вавилона, не может быть топосом, механически перенесенным из речи против Ассирии. Далее, «царство» — *tamləqā* в библейских текстах — означало не только самостоятельное царство, но также город-государство (Иисус Навин 10:2, Амос 7:19) и номы внутри царства, например Египта (Исайя 19:2). Чиновник — *ṭipsār*, слово, заимствованное из ассирийского *ṭuršāru* 'писец, администратор'. В Библии этот термин упомянут дважды: один раз в литературном сравнении и в нашем случае при описании конкретной административной системы Мидии (перевод и комментарии Дьяконова [Медведская, 1992а, с. 231, примеч. 5]). В комментариях Дьяконова, считавшего проклятие Иеремии реальностью 594 г., можно найти компромиссное решение проблемы. Понятие «царство» — *мамлэка* для Урарту, Манна и Скифии могло означать административные единицы внутри большого царства, а именно Мидии. Возглавляет все эти три единицы *тиссар* — представитель администрации. Иеремия призывает к победе над Вавилоном и превращению его в сатрапию, управляемую наместником — *тиссаром*. В проклятии Иеремии, по-видимому, подразумевается подчиненное Мидии положение перечисленных *мамлэка*. Об иерархическом подчинении царств внутри Мидии сообщает Геродот (I. 134), о структуре Мидийского царства писал Дьяконов [1956, с. 336, 361]. Другими словами, можно допустить, что перечисленные Иеремией царства — это административные области в составе Мидии, сохранившие лишь свои исторические названия (см. ниже).

Что касается Урарту, то Иеремия мог под этим старым названием подразумевать также и Армянское царство. Еще в ахеменидское время армянские сатрапии продолжали у вавилонян называться «Урарту», хотя сами персы называли их Армина [Дьяконов, 1956, с. 354].

Не являются свидетельством существования царства Урарту в конце VII в. и вавилонская Хроника Гэдда № 3, описывающая события войны 616—609 гг., и Хроника № 4, описывающая события 608—606 гг. [Grayson, 1975, p. 90—98]. Можно утверждать, что в них под 609, 608 гг. Урарту упоминается в качестве географического понятия, куда включались и территории, никогда не бывшие в составе Урартского царства [Kessler, 1986, p. 78; Дьяконов, 1981, с. 40—44]. В работе 1951 г. И. М. Дьяконов предложил восстановить ход событий в лакунарном тексте хроники за 609 г. следующим образом: «...царь Аккада подошел [к городу Харрану], битву [дал в] стране Исалла [...] города многих стран [покорил и] сжег огнем. В это время войско [Киаксара, царя Умманманды, отправилось] до области страны Урашту...» [Дьяконов, 1951, с. 31; Grayson, 1975, Chr. 3:67—72]. Дьяконов полагал, что речь могла идти о мидийском походе на Урарту, в результате которого уже в 609 г. Мидия завоевала это царство [Дьяконов, 1951, с. 38—39]. Из контекста хроники следует, что войска, дошедшие до области Урашту, были дружественны вавилонскому царю, что позволило ему вернуться в свою страну, не предпринимая никаких действий. В 608 г. Набопаласар пошел вдоль Тигра и, поднявшись в горы Бит-Ханунии, которые находились в области страны Урашту, сжег и разграбил ее поселения [Ibid., Chr. 4:1—4]. Дьяконов предложил локализовать Бит-Ханунию северо-западнее оз. Ван, в верховьях Тигра и Аракса в районе Муша — Эрзерума. Одной из целей похода могло быть желание Набопаласара отрезать Малую Азию от Мидии [Дьяконов, 1981, с. 43—44]. Было ли это сделано для защиты мидийского тыла от наступления какого-то врага (Мелитены) или для предотвращения продвижения самих мидийцев на запад, Дьяконов не смог определить точно. Хотя его второе предположение в работе 1981 г. было ослаблено традиционной трактовкой пророчества Иеремии 594 г., что делало маловероятным продвижение Мидии в 609 г. так далеко на запад [Там же, с. 44, примеч. 59]. Завадский согласился и с реконструкцией текста хроники за 609 г., предложенной Дьяконовым в 1951 г., и с тем, что не следует интерпретировать вавилонскую активность 609—608 и 607—606 гг. как противобойствующую Мидии [Zawadzki, 1988, p. 127]. Однако новая трактовка проклятия Иеремии, предложенная Дьяконовым в 1994 г., дает основание с большей определенностью утверждать, что, во-первых, вавилонский царь вторгается на территорию Урарту в связи со своими политическими планами, которые не имеют прямого отношения к Урарту, а связаны с Мидией, следовательно, Урарту как единое государство уже не существует; во-вторых, что речь идет о возможном продвижении Мидии в район западнее оз. Ван и возникших у Набопаласара опасениях по поводу усилившихся амбиций Мидии (см. ниже).

Если бы к началу войны с Ассирией в 616 г. Урартское царство не погибло, оно было бы союзником Ассирии, как Манна и Египет. Как уже сказано, в последний период своего существования ослабленное (в том числе и борьбой с Мидией?) Урартское царство уже было в некоторой зависимости от Ассирии: в 644/43 г., вступая на престол, Сардури III называет ассирийского царя, по сути, своим господином. Вероятно, он надеялся с помощью Ассирии спасти остатки своего царства. В это время у Ассирии и Урарту были общие враги, которые и привели их поочередно к гибели.

Следующим важным и необходимым шагом Мидии после победы над Урарту стало, согласно Геродоту, завоевание Персиды. В современных этому событию клинописных источниках прямого указания на него нет, но в Сиппарском цилиндре Набонида говорится о подчиненности персов мидийцам (Кураш, царь Аншана, «малый раб» Иштумегу/Астиага, см.: Langdon, 1912, S. 218 f.). Персида (иранское название — Парсу(м)а(ш), Аншан) была периферийной территорией — родиной еще далеких от могущества Ахеменидов. Но, будучи потенциальным союзником Ассирии, Персида могла представлять опасность для южных рубежей Мидии в период, когда Мидия и Ассирия, вероятно, уже осознавали неизбежность войны. Кроме того, захват этой территории мог обеспечить материальные ресурсы для Мидии в предстоящей борьбе с Ассирией. Завоевание Персиды могло произойти не ранее 630-х гг., т. к. еще около 641 г. независимый персидский царь Кир I (Куруш) посылал дары Ашшурбанапалу по случаю его победы над Эламом [Weidner, 1931—1932, p. 4, § 7; Grayson, 1980, p. 232, 235]. Геродот же, ничего не зная об Урарту и его гибели, утверждает, что первым завоеванным мидийцами народом стали персы. Не исключено, конечно, что гибель Урарту не имела того политического резонанса, как, например, гибель Ассирии несколько десятилетий спустя, и об этом государстве просто забыли. Но, по-видимому, история Урарту и Манны игнорировалась Геродотом потому, что, будучи уничтожены в VII в. до н. э., эти государства уже не были связаны с эпохой, предшествовавшей периоду греко-персидских войн, истории которых и был посвящен его труд. Именно в этой предыстории, реконструированной Геродотом, он пытался найти причины и объяснения противостояния Эллады и Древнего Ирана. В Иране такую предысторию, по мнению Геродота, создали персы, мидийцы и скифы. Именно они в дальнейшем стали современниками или участниками греко-персидских войн.

Прежде чем перейти к рассмотрению заключительного этапа борьбы Мидии и Вавилонии против Ассирии, закончившейся падением Ниневии в 612 г. до н. э., нужно рассмотреть хронологию мидийской династии, которую сохранил Геродот, и попытаться согласовать его сведения с историей Мидии, которую удастся воссоздать по клинописным источникам и археологическим данным.

IV.4. Хронология мидийской династии

Мидийская династия, согласно Геродоту, насчитывала четырех царей, правление которых длилось 150 лет (I. 102, 106, 130). Смена династий в Иране произошла в 550/49 г. до н. э., когда к власти пришел Кир II Ахеменид²⁵. Следовательно, начало мидийской династии относится к 700/699 г.

---

²⁵ Предложенная дата свержения Астиага в 554/3 г. до н. э. [Drews, 1969, p. 1—5, note 2] не принимается исследователями [Дандамаев, 1985, с. 269, примеч. 3]. По схеме Р. Дрюса, Киаксар умер бы в 589/8 г., т. е. за несколько лет до солнечного затмения 28 мая 585 г., когда закончилась лидо-мидийская война, которую вел, согласно Геродоту (I. 74), именно Киаксар. Ряд замечаний к схеме Дрюса сделан А. И. Иванчиком [1996, с. 113—114].

до н. э., а приведенные Геродотом годы правления царей получают следующие даты (схема I):

Хронология мидийской династии

Схема I		Схема II	
цари	годы правления	цари	годы правления
Дейок (53)	700—647	Дейок-Дайукку	728—675
Фраорт (22)	647—625	Фраорт-Каштарити	675—653
		Скифское господство	653—625
Киаксар (40)	625—585	Киаксар	625—585
Астиаг (35)	585—550	Астиаг	585—550

Из четырех царей только два последних упоминаются в клинописных источниках: Киаксар — (H)uvaxštra- (др.-перс.), Makištara (элам.), Umakištar (вавил.) и Астиаг — Ištumegu (вавил.) [Kent, 1953, p. 177].

Попытка найти в клинописных источниках имена двух первых царей, Дейока (акк. Dayaukku, элам. Dahiwukka, греч. Δηόκης) и Фраорта (акк. Furumartiš, элам. Pirumartiš, др.-перс. Fravartiš, греч. Φραόρτης), привела к созданию так называемой «длинной хронологии» мидийской династии. В источниках времени Саргона II встречается имя Dai(a)ukku, и с одним из носивших это имя лиц — наместником в Манне — и был отождествлен Дейок [Smith, 1869, p. 98]. Поскольку этот Дайукку был отстранен от власти в 715 г. до н. э., стало необходимым удлинение продолжительности правления династии. Источником этого, как первоначально казалось, служило сообщение Геродота (I. 106) о 28 годах скифского владычества над мидийцами. Поскольку не все рукописи Геродота имеют ремарку о включении 28 лет в 40 лет правления Киаксара, то это позволяло исследователям суммировать обе цифры, удлиняя продолжительность династии ($150 + 28 = 178$), и, таким образом, позволяло считать 728 г. до н. э. годом начала правления Дейока (схема II).

«Длинная хронология» позволила идентифицировать и второго царя — Фраорта — с вождем антиассирийского восстания в Иране около 671 г. до н. э. Каштарити. Идентификация Фраорт — Каштарити основывалась на данных Бехистунской надписи, в которой среди руководителей восстаний против ахеменидского царя Дария I в 521 г. до н. э. был назван Фравартиш (греч. Φραόρτης). Дарий сообщает, что некий человек, мидиец по имени Фравартиш, восстал в Мидии. Народу он говорил так: «Я — Хшатрита из рода (X)увахштра» [Schmitt, 1991, p. 56, ll. 13—17]. Предлагались различные объяснения, почему Геродот назвал второго мидийского царя Фраортом, а не Хшатритой; предполагалось, в частности, что Хшатрита — тронное имя Фраорта [Cameron, 1936, p. 177]. Однако неизвестно, было ли правилом принимать тронное имя мидийскими царями. У Ахеменидов известно лишь несколько случаев принятия царями тронных имен [Дандамаев, 1985, с. 275, примеч. 71]. Следует также учитывать, что Хшатрита возглавил восставших в подчиненной Ассирии части Мидии до того, как он стал царем, поэтому его имя не могло быть тронным. Прав был, очевидно, И. М. Дьяконов, который считал, что произошла путаница между именами

самозванца Фравартиша и мидийского царя. Неясно, зачем человеку, уже носившему царское имя, было брать другое имя — Хшатриты, если бы именно оно не было царским [Дьяконов, 1956, с. 275—276]. Эту мысль можно развить. Ко времени Геродота могла произойти контаминация двух царствований: Хшатриты/Каштариты — освободителя от ассирийского владычества в VII в. до н. э. и Фравартиша — вождя восставших против Ахеменидов мидийцев, который хоть и ненадолго, но восстановил их власть в Мидии в 521 г. до н. э. На его сторону, помимо Мидии, перешли Парфия, Гиркания, Ассирия и Армения ([Дандамаев, 1963, с. 197—198]; см. также гл. IV.6). Слава Фравартиша в народной памяти перекрыла славу Хшатриты. Скорее всего, не Геродот, а его информаторы произвели эту путаницу. Но в любом случае информация современников должна быть приоритетной: Асархаддон имел дело с Каштариты, а Дарий I казнил Фравартиша, объявившего себя Хшатритой/Каштаритой.

Таким образом, «длинная хронология» определила имена двух первых мидийских царей и подтвердила, как казалось, достоверность *Médikos logos*, но главное, окончательно утвердила в умах исследователей огромную роль скифов в истории стран Древнего Востока, и в частности Мидии. «Длинная хронология» (схема II) сложилась в исследованиях 1930—1950-х гг. ([Грантовский, 1998, с. 148—150]; здесь же см. литературу). Однако она рухнула, когда исследователи признали вслед за Р. Лабатом невозможность прибавления 28 лет к 40 годам правления Киаксара, и они были включены в эти 40 лет ([Labat, 1961, p. 7]; см. также гл. II). Идентификации двух первых царей отпали сами собой.

Начиная с 1960-х гг., с одной стороны, усиливается доверие к рассказу Геродота, а с другой — растет скептицизм в оценке его достоверности, ибо после века интенсивного изучения новоассирийского периода стало «мучительно очевидно, сколь мало сходжений между конкретными сведениями новоассирийских источников и *Médikos logos*» [Brown, 1988, p. 71]. В 1980-е гг. выдвигается новый методологический подход — новоассирийские источники должны иметь приоритет в реконструкции истории Мидии [Ibid; Zawadzki, 1988, p. 98].

Но смена приоритетов пошатнула источниковедческую базу, и в дальнейших исследованиях истории Мидии стали заметны крайние суждения: одни ученые полностью отказали рассказу Геродота в историчности, другие настаивали на его достоверности. Но история правления двух первых мидийских царей по-прежнему оставалась неясной. Э. А. Грантовский предложил третий вариант хронологии мидийской династии. Он не был сторонником нового подхода к источникам и настаивал на приоритете *Médikos logos*. Тем не менее он отказал Геродоту в достоверности его цифровых определений.

Э. А. Грантовский подтвердил искусственность расчета поколения в 25 лет, принятого у греческих хронографов, и отказался от 150 лет (75 + 75) при установлении продолжительности мидийской династии [Грантовский, 1998, с. 152—156, 167—168, 273—274]. (Искусственность расчёта была порождена необходимостью согласовывать мифическую генеалогию правителей Нижней и Верхней Азии, первым из которых был Геракл, а последним, вновь объединившим Верхнюю и Нижнюю Азию, — Кир II.)

Заканчивая *Mêdikos logos*, Геродот сообщил и другую цифру: мидийцы владычествовали над Верхней Азией 128 лет (I. 130). Но эта цифра, по мнению Грантовского, также не вызывает доверия, так как расходится с указанной Геродотом продолжительностью мидийской династии в 150 лет и противоречит реальному началу экспансии Мидии, которое, как и другие исследователи, Грантовский связывал с завоеванием мидийцами персов (не ранее 630-х гг.) [Грантовский, 1998, с. 179, 189]. В результате хронологическими привязками в построении Грантовского стали даты, установленные по клинописным источникам. Для конца династии — 550/49 г., для ее начала — мидийское восстание около 672/71 г. Главной посылкой для такого отсчета служит его утверждение, что Дейок стал царем Мидии уже после свержения ассирийского ига [Там же, с. 139, 174—176]. Между этими двумя датами помещены все четыре правления (схема III):

Хронология мидийской династии

Схема III		Схема IV	
цари	годы правления	цари	годы правления
Дейок	ок. 672/71—640-е	Дейок	700—678
Фраорт	640-е—620-е	Каштарити-Фраорт	678—625
Скифское гос-подство	ок. 635—615		
Киаксар	620-е—584	Киаксар	625—585
Астиаг	584—550	Астиаг	585—550

Таким образом, мидийская династия, по Грантовскому, длилась приблизительно 120 лет; Фраорт завоевал лишь персов, а владычество мидийцев над Верхней Азией началось после победы Киаксара над Ассирией в 612 г. и длилось приблизительно 62 года; продолжительность скифского господства сокращена и помещена между 635 и 615 гг.

В основе предложенной хронологии лежит, как представляется, неверная посылка, согласно которой ассирийское владычество было свергнуто первым мидийским царем Дейоком. Сам Геродот не назвал его имени, по видимому, не зная, при каком царе мидийцы в борьбе с ассирийцами, «свергнув рабство, обрели свободу» (I. 95). Именно потому об этом говорится в начале рассказа о Кире, при котором персы стали владыками всей Азии, а в *Mêdikos logos* в описании правления Дейока нет ни слова о каких-либо военных действиях царя. Все, чем славен Дейок у Геродота, это мудрость, объединившая мидийцев, и обустройство Экбатан. Описание правления Дейока вообще отличается от рассказов об остальных царствованиях, которые наполнены конкретными делами, главным образом военными. О Дейоке говорится как об идеальном, мудром правителе (такие описания свойственны более поздним дидактическим сочинениям античных авторов). Царствование Дейока исследователи еще в XIX в. описывали как «идеальную картину становления восточной монархии» (Г. Штейн) или, напротив, как картину успешной карьеры греческого тирана, демонстрирующую превосходство «греческого идеала над восточной действительностью» (Дж. Грот). С точки зрения А. Кристенсена, Дейок «весьма точно

представляет собой тип первого царя в иранской эпической традиции» [Грантовский, 1998, с. 150—151]. Сам Грантовский видел в описании политики Дейока отражение главных положений Гат Заратуштры об извечной борьбе добра (в данном случае справедливого порядка, порождающего мир и процветание под властью сильного и праведного правителя) и зла (*олицетворяющего центробежную политику царьков и жрецов, ведущую к усобицам и раздору* [Там же, с. 140]).

Но в любом случае возникает вопрос: не был ли Дейок эпонимным царем, подобно Ахемену; не пал ли на него лишь отблеск славы его потомков? Все военные действия и победы мидийцев отнесены Геродотом к правлению трех его преемников, ставших властителями всей Верхней Азии, первым из которых был Фраорт.

Фраорт не только завоевал персов, что обычно подчеркивается, но и начал покорение «всей Азии, народ за народом» [Геродот, I. 102], что обычно игнорируется. Недооценка исследователями политических событий в Мидии в период царствования Фраорта порождена непреодолимыми, на первый взгляд, противоречиями, содержащимися в некоторых сообщениях Геродота. Прежде всего, Геродот говорит, что Киаксар присоединил к своей державе «всю Верхнюю Азию по ту сторону Галиса» (I. 103), что могло случиться только после начала его правления в 625 г. Отсюда недоверие к 678 г., с которого могло начаться 128-летнее владычество «мидийцев над Азией по ту сторону Галиса» (I. 130), т. к. возникает противоречие между сообщенным Геродотом числом 128 и продолжительностью правления династии, равной 150 годам. Все три хронологические реконструкции мидийской династии действительно не согласуются с 678 г. как годом становления Мидийского государства и начала экспансии, приведшей к 128-летнему господству мидийцев над Азией. Если в первом случае (схема I) все эти явления характеризуют правление Дейока (что, однако, никак не отмечено Геродотом), то во втором (схема II) — мидийское восстание, начатое, согласно ассирийским источникам, Каштарити в конце 670-х гг., не имеет отношения к 678 г., когда правил еще Дейок. К тому же утверждаемое скифское господство делает сомнительными и саму независимость Мидии, и ее способность покорить Азию народ за народом. В третьем случае (схема III) 678 г. вообще выходит за рамки предложенной хронологии.

Тем не менее именно эти 128 лет могут стать краеугольным камнем в хронологии мидийской династии. Начало 128-летнего владычества мидийцев приходится на 678 г. Этот год может быть связан с приходом к власти мидийского вождя за несколько лет до восстания против Ассирии, в котором этот правитель прославился и после которого действительно началось возвышение Мидии. Анализ событий в последующие после восстания годы дает основание полагать, что успех мидийцев стимулировал молодое государство к экспансии — успех восстания уже означал, что силы для этого созрели. Хотя Ассирия в эти годы была еще сильным государством, она, тем не менее, занимает оборонительную по отношению к Мидии и Манне позицию (см. гл. IV.2). Уже через 10 лет Мидия представляла для своих соседей и союзников по восстанию опасность, о чем свидетельствует, например, развитие отношений Мидии и Манны. Последняя снова становится союзницей Ассирии и находит в ней защитницу, ибо в эти годы Мидия еще

не была готова перейти в наступление на Ассирию. В конце 640-х гг. начинается завоевание ослабленного внутривосточным кризисом Урартского царства, затем завоёвывается Персида. Мидия готовится к предстоящей войне с Ассирией, ищет союзников, обеспечивает тылы, реорганизует армию. В этот период подъема Мидии нет места для 28-летнего господства скифов.

С чьим правлением можно связать 678 г.? Каштарити/Фраорт — единственная фигура, которая вписывается в исторический контекст. Мог ли он начать свое правление именно в 678 г.? Еще в XIX в. исследователи обратили внимание на то, что 128 лет состоят из суммы трех из четырех названных Геродотом правлений мидийских царей: $53 + 40 + 35 = 128$. Фраорт, а не Дейок правил 53 года, начиная с 678 г. Еще Дж. Раулинсон, подчеркнув, что Дейок был лишь правителем мидийцев, а основателем царства был Фраорт, относил начало правления последнего к 686 г. (он отсчитывал правления мидийских царей не от 550 г., а от 558 г., когда Кир стал царем Персии). Но поскольку 686 г. ничем не был отмечен в мидийской истории, то Раулинсон признал искусственность хронологической схемы Геродота [Rawlinson, 1875, p. 407—409]. Р. Дрюс также отказался от достоверности цифры 128 и, соответственно, от 678 г. как даты начала возвышения Мидийского царства, ибо опирался на сообщение Геродота о том, что только Киаксар присоединил к своей державе всю Верхнюю Азию [Drews, 1969, p. 8—9]. Но он упустил из виду другое сообщение Геродота — о том, что уже Фраорт начал покорение Азии. Совершенно очевидно, что у Геродота отмечены два последовательных этапа завоевания Азии — один царь его начал, другой его закончил.

Утверждение Геродота, что первыми подверглись нападению мидийцев именно персы, кажется сомнительным как раз в силу того, что в данном случае его интересовали уже персы, а не мидийцы. Именно в истории VI в. Геродот пытался найти причины событий, приведших к греко-персидским войнам. Поэтому завоевания Мидией стран, история которых уже не имела отношения к интересующей его теме, и события VII в. до н. э. или были им опущены, или о них уже забыли. Но все сведения о персах, об их взаимодействии с окружающим миром были важны для Геродота, да и информации об этом было значительно больше. Поэтому их история начата им как раз с мидийского завоевания. Но это вовсе не означает, что история Мидийского царства началась с завоевания Персии.

Все становится на место после согласования 128 лет с событиями мидийской истории, которые известны из клинописных источников или реконструируются путем их анализа. Даты правлений Дейока и Фраорта были перепутаны, но эти 128 лет оказываются контрольной цифрой.

Прежде всего эта цифра определяет продолжительность правления Каштарити/Фраорта в 53 г. (678—625) и дает основание считать его великим царем мидийской династии. Его правление подготовило победу Мидии над Ассирией в 612 г. и господство мидийцев над всей Верхней Азией. Выше были обозначены главные события его правления, начиная с антиассирийского восстания и последовавшего за этим завоевания Урарту и Персии. Эти события не могли не рассматриваться в мидо-ахеменидской традиции как начало возвышения мидийцев над Азией, которая и могла быть сообщена Геродоту. Именно Каштарити/Хшатриту — освободителя, завое-

вателя и политика — запомнили мидийцы и персы, и поэтому именно его имя и было взято Фравартишем как символ борьбы против власти Ахеменидов.

Таким образом, очевидная достоверность цифры 128 позволяет, во-первых, объединить все сообщения Геродота о возвышении мидийцев, они дополняют, а не исключают друг друга. Геродот сохранил картину последовательного завоевания Верхней Азии, начатого Каштарити и законченного Киаксаром. Во-вторых, эти 128 лет позволяют считать Каштарити великим царем Мидии, и для этого не нужно искусственно «удлинять» продолжительность мидийской династии (схема II). Что касается Дейока — «правителя мидийцев», то Геродот мог добавить к 128 годам еще 22 года, чтобы получить 150 лет, необходимые ему для согласования мифической генеалогии правителей обеих Азий (схема IV).

Вне зависимости от происхождения чисел, сообщенных Геродотом, сам факт полуторавековой дискуссии по хронологии мидийской династии допускает новую попытку согласования этих цифр с изложенной выше картиной возвышения Мидии. Кроме того, безрезультатность этой дискуссии, которая привела к отказу от схемы II, повлияла (хотя и в меньшей степени, чем историческая география Левина) на современное понимание истории Мидии, с одной стороны, и на усиление доверия к мидийскому рассказу Геродота — с другой. Предлагаемая хронология мидийской династии, в основу которой положен 128-летний период возвышения Мидии, позволяет устранить некоторые кажущиеся противоречия в *Mêdikos logos* Геродота и согласовать его сведения с реконструируемой на базе клинописных источников историей Мидии.

Единственным сообщением Геродота, которое не подтверждается клинописными источниками, остается рассказ о 28-летнем господстве скифов. Между тем очевидная фольклорная природа этого сюжета, связанная с военным бытом скифов, не позволяет использовать его в историко-хронологических построениях. Д. С. Раевский привел убедительные доказательства, позволяющие считать, что цифра 28 соответствует периоду военной активности скифского воина с 17 до 45 лет, после чего мужчина переходил в категорию стариков. Именно в течение этих 28 лет воин мог принимать участие в военных походах в чужие страны [Раевский, 1997, с. 18—21], тогда как сами походы были менее продолжительными. У Помпея Трога поход длился 8 лет [Юстин, II. 5]. У Геродота, которому рассказывали старинные предания, когда он находился в Причерноморье, по-видимому, произошло совмещение 28-летнего возрастного периода с длительностью походов скифов в Переднюю Азию, протяженность которых во времени не была ему известна. Не исключено, что ввод в *Mêdikos logos* сюжета о 28-летнем господстве скифов и оценка их важной роли в политических событиях стран Древнего Востока были сделаны Геродотом сознательно. Он пытался объяснить таким образом причины некоторых событий более позднего времени, например, похода Дария I в Скифию [Геродот, IV. 1].

IV.5. Крушение Ассирийской державы

Возвращаясь к военно-политическим планам Мидии накануне решающих сражений с Ассирией, необходимо рассмотреть процесс сложения

союза Мидии и Вавилонии. Официально он был заключен в 614 г.: на руинах Ашшура, но, будучи необходим каждой из сторон, начал складываться задолго до этого. Можно предполагать участие Мидии в вавилонском восстании Шамашшумукина в 652—648 гг., нельзя исключить ее участие и в борьбе против Ассирии вместе с Вавилоном в начале 620-х гг. Создание этого союза происходило в удачный момент. Мидии необходим был союзник, а к этому времени иной силы, кроме Вавилонии, начавшей в 627 г. борьбу с Ассирией за независимость, уже не было. Элам после нескольких кровопролитных вторжений Ассирии, по мнению некоторых ученых, прекратил свое существование в 643 г.; правда, по мнению других исследователей, Элам продолжал существовать до времени Кира II (Ю. Б. Юсифов, послесловие к: [Хинц, 1977, с. 185—186]). Но в любом случае Ассирия была измотана этой войной, и ее победа над Эламом стала одним из факторов ее скорого конца. В 630-е гг. Ассирия теряла влияние в Сирии и Палестине, где ее место стремился занять Египет. Прекратило существование Урартское царство. Убедительный анализ внешних и внутренних факторов, сломивших жизнеспособность Ассирии, сделан Завадским [Zawadzki, 1988, p. 14—22; Медведская, 1992а, с. 226—227]. Около 629 г. Ассирия распалась на два царства (или на «два правительственных центра») с центрами в Ашшуре и Ниневии [Тадмор, 1960, с. 241; Zawadzki, 1995, p. 68]. В конце 626 г. царем Вавилонии стал Набопаласар, который возглавил борьбу за окончательную независимость Вавилонии [Grayson, 1975, p. 88; Chr. 2:14—15; Chr. 16:24]. Мидия, обеспечившая свою безопасность на флангах, «обратила свое лицо» к Ниневии.

В плохо сохранившемся тексте вавилонской Хроники № 2 (BM 25 127) за 625—623 г. Мидия не упоминается, но ее название могло быть в лакуне. Исключить полностью ее участие в событиях этих лет нельзя. Воспользовавшись сложившейся кризисной как для Ассирии, так и для Вавилонии ситуацией, мидийский царь мог начать поход на Ассирию в помощь Набопаласару. Им мог быть именно Фраорт: в двух схемах (I, IV) хронологии мидийской династии его смерть приходится на 625 г., в схеме III — на 620-е гг. Геродот сообщает, что Фраорт, покорив персов, выступил против ассирийцев, «именно тех, что владели Нином» (после распада Ассирии ок. 629 г.). Произошло это, продолжает Геродот, после того, как союзники Ассирии отпали от нее и ассирийцы остались одни (см. выше); в этом походе пал сам Фраорт и погибла большая часть его войска (I. 102). Исследователи искали подтверждение этому сообщению в упомянутой вавилонской хронике [Grayson, 1975, p. 89; Chr. 2:20—24]. В ней под 625 г. сообщается об успешном нападении ассирийцев на вавилонский город Шаллат на р. Евфрат, после чего ассирийцы неожиданно ушли. Что-то помешало их успешному наступлению на вавилонян, но когда спустя два с половиной месяца Набопаласар попытался вернуть город, он был отброшен вернувшимися назад ассирийцами. Предполагалось, что именно мидийцы отвлекли ассирийцев, и лишь после разгрома Фраорта они смогли снова вернуться в Вавилонию, к Шаллату [Белявский, 1964, с. 101—102].

События 623 г., описанные в Хронике № 2, подтверждают, по мнению В. А. Белявского, рассказ Геродота о походе Киаксара против Нина, желавшего отомстить за смерть отца (I. 103). В плохо сохранившемся тексте

хроники сообщается о военных действиях против ебер пāgī — Заречья (Северная или Верхняя Сирия) и Ниневии, далее говорится, что *кто-то* пришел сразиться против *него*, когда они увидели *его*, они склонились перед ним [Grayson, 1975, p. 90, Chr. 2:33—36], далее упоминаются *узурпатор* и 100 дней. Если Д. Дж. Уайзмен предполагал, что Ниневию осадили вавилоняне [Wiseman, 1956, p. 10—11], то Белявский считал, что Киаксар разгромил ассирийцев и осадил Ниневию. Но тогда их спасли скифы, которые, надо полагать, пришли из Заречья и нанесли поражение мидийцам [Белявский, 1964, с. 104—105, примеч. 34]. Основной вывод Белявского заключался в том, что сведения Геродота, Библии и археологические данные подтверждают начало 28-летнего владычества в 623/22 гг. до н. э. [Там же, с. 105—107]. Часто цитируемый в связи с толкованием этих строк хроники Э. Кавеньяк считал, что события 623 г. связаны еще с Фраортом, а месть Киаксара за отца случилась в 614 или 612 г. [Cavaignac, 1954, p. 28—29].

Ст. Завадский, подробно рассмотревший текст этой хроники, отклонил предположение о мидийском вмешательстве в 625 и 623 гг. [Zawadzki, 1988, p. 90—92]. Он уверен, что в хронике за 623 г. речь идет о противостоянии ассирийского царя Синшаришкуну и некоего внутреннего врага, узурпатора, восставшего против законного правителя. Им, как он считает, мог быть Синшумлишир [Ibid., p. 27—28, 91—92], но контекст объяснен не вполне вразумительно. Следует отметить, что сведение Завадским всех событий, названных в строках 33—36 Хроники № 2, к противостоянию ассирийского царя и узурпатора основывается, очевидно, на ошибочном толковании термина ебер пāgī, данном в САД (Е р. 8), где вариант 1 предполагает название местности возле Вавилона и Урука. Отмечу, что Дж. Рид, очевидно на этом же основании, считает, что в данном тексте ебер пāgī обозначал территорию к востоку от Тигра, куда отправился Синшаришкун, чтобы разрушить восставший Дер [Reade, 1970, p. 5]²⁶. Поскольку ебер пāgī означает только верховья Евфрата или Северную Сирию, то, очевидно, необходимо развести два сообщения Хроники № 2: кто-то совершил поход против Заречья и Ниневии, кто-то стал узурпатором.

Как отметил К. Мазетти, противником ассирийского царя в 623/22 г. не мог быть Набопаласар, так как если бы именно он сдался на милость другому, то ассиро-вавилонская война закончилась бы в 622 г., а не в 612 г. [Мазетти, 1979, с. 22], и с обратным, надо добавить, результатом. Да и как бы вавилонский царь попал в Сирию, минуя Ассирию? Впрочем, Завадский, который соглашается с этим выводом Мазетти, не замечает, что последний был категорически против используемого Дж. Ридом и затем самим Завадским толкования термина ебер пāgī [Мазетти, 1979, с. 22; Zawadzki, 1988, p. 91].

---

²⁶ Как мне любезно указал М. А. Дандамаев, такое толкование термина ебер пāgī в текстах времени Кира основано на ошибочном понимании термина mēreštu, якобы обозначающего 'пахотную землю'. В действительности в этих документах, как и в ряде других, mēreštu переводится как 'партия товаров', среди которых названы те, что доставлялись именно из Сирии и Финикии. Среди них были пурпур, вино, мед, медь, бронза и др. [САД М, рт. II, р. 22—23]. Другое дело, что этот термин имеет также омоним «пахотная земля» [Ibid., mēreštu B], но он относится к иным текстам и не связан с перечисленными товарами.

Если Набопаласар не участвовал в 623/22 г. в военных действиях, то стал бы Киаксар это делать, да еще со стороны Северной Сирии? В последующие годы мидийцы, как следует из хроник, часто действовали независимо от вавилонян, хотя это не исключает предварительных договоренностей, поскольку между ними тогда уже был заключен союз. Следовательно, теоретически мидийцы могли выступить в 625 и 623 гг. Поскольку урартская территория после разгрома царства была, очевидно, под контролем Мидии, то ее военные силы не могли не находиться в таком случае сравнительно недалеко от верховьев Евфрата. Поэтому нельзя полностью исключить возможность использования их в попытке нападения на Северную Сирию и Ниневию. Ведь оставалось всего 7 лет до зафиксированного хроникой военного выступления Мидии против Ассирии. Сам факт сдачи на милость другому, т. е. мидийцев ассирийскому царю, не исключает их побед в дальнейшем. В подобных стычках приобретался военный опыт, необходимый, в частности, для военной реформы Киаксара, о которой сообщает Геродот (I. 103).

Предполагалось также, что в 622 г. это могли быть и скифы, которые двинулись через Палестину на Египет. Но при чем тогда их нападение на Ниневию? Поскольку поход скифов в Палестину, о котором говорил Геродот, не имеет бесспорных доказательств ([Медведская, 2000, с. 221—228]; см. также гл. V.7), то допустить набег скифов в этот район с учетом того, что бывшие урартские земли уже контролировались мидийцами, довольно трудно (см. ниже).

Более десяти лет длилась война Набопаласара с Ассирией за овладение территорией собственно Вавилонии. Но только к 616—615 гг. вся Вавилония оказалась в руках вавилонского царя, и в 616 г. война перешла на территорию Ассирии.

Набопаласар, как сообщает вавилонская хроника, очень активно начал боевые действия против Ассирии. Весной 616 г. он двинулся вверх по Евфрату, где две ассирийские провинции, Суху и Хиндану, покорились ему без сопротивления. Только летом ассирийцы смогли послать туда карательную экспедицию. На помощь ассирийцам подошли маннейские войска. Но возле города Габлини ассиро-маннейские войска потерпели поражение, и вавилоняне захватили город. Опираясь на эту базу, Набопаласар поднялся вверх по реке, примерно до места впадения в Евфрат р. Балих, где захватил три города и большую добычу. Не будучи уверен в своей победе, Набопаласар на обратном пути увёл жителей Хиндану. Спустя два месяца объединённые силы ассирийцев и египтян появились на Евфрате, заняли брошенный Габлини, но царя Аккада не настигли. Провинция Суху осталась за Вавилонией. Спустя четыре месяца, в марте 615 г., Набопаласар вторгся в ассирийскую провинцию Аррапха и нанёс ассирийцам поражение в пригороде г. Аррапха, разбитые войска были сброшены в реку Малый Заб, была захвачена большая добыча. Но когда в мае он попытался захватить священный город ассирийцев Ашшур, то потерпел поражение и вынужден был отступить вниз по течению Тигра, где ему удалось укрыться в крепости Такритайн. Десять дней ассирийцы безуспешно штурмовали крепость и отступили [Grayson, 1975, Chr. 3:1—22]. Но и Набопаласар после года изнурительных боёв тоже остался почти ни с чем; как показали после-

дующие события, его власть в Суху оказалась очень слабой, а закрепиться в Аррапхе ему не удалось.

Ход войны против Ассирии изменился поздней осенью 615 г. до н. э., когда мидийцы начали наступление в провинции Аррапха, которая, очевидно, по-прежнему принадлежала Ассирии [Ibid., Chr. 3:23]. Начиная войну, Мидия не могла оставить у себя в тылу верного союзника Ассирии Маннейское царство. Мидийцы могли воспользоваться разгромом маннейских войск летом 616 г. возле Габлини, куда маннеи подошли на помощь ассирийцам, и захватить Манну. Как самостоятельное государство после 616 г. Манна больше не упоминается. Если бы Маннейское и Урартское царства еще существовали в 612 г., они пришли бы на помощь Ассирии или как-то проявили бы себя, как это сделал её последний союзник — Египет.

С вступлением Мидии в войну события стали разворачиваться стремительно. В августе 614 г. мидийцы подошли к Ниневии, овладели соседним городом Тарбицу, форсировали Тигр и спустились к Ашшуру. Город был взят и разграблен, все сокровища Ассирии стали достоянием мидийцев. Когда всё было окончено, появился Набопаласар со своими войсками, «которые шли на помощь мидийцу, но сражения не застали». Как ни объяснять причину задержки вавилонского царя, фактом остаётся его неучастие в военных действиях 614 г. Тем не менее на развалинах священного Ашшура все ещё нуждающиеся друг в друге Киаксар и Набопаласар заключили договор о дружбе и союзе [Ibid., Chr. 3:24—30].

Весной 613 г. в Суху произошло проассирийское восстание [Ibid., Chr. 3:31—35]. В Хронике № 3 это восстание представлено как событие местного значения, несущественное для status quo в этом регионе. В ней не отмечается участие Мидии в подавлении восстания. Действительно ли это было так, а если нет, то чем вызвана такая оценка событий в Хронике? Понять и оценить события 613 г. позволяет надпись Набонида на стеле из Хиллы, в которой описано подавление царем умман-манды восставших городов «у границ Аккада». Многие исследователи полагали, что здесь описана победа мидийцев над последним оплотом Ассирии — городом Харран. Завадский привел убедительные аргументы против такого понимания текста [Zawadzki, 1988, p. 66—67, 109—110], показав, что описанное в хронике восстание в Суху и сообщение в надписи из Хиллы о подавлении царем умман-манда восставших городов у границ или в границах Вавилонии — это фиксация одного и того же события. Соединив оба описания, Завадский представил решающий аргумент, разрушающий гипотезу о тройственной коалиции против Ассирии, включавшей, помимо мидийцев и вавилонян, также и скифов. Согласно сведениям Геродота, эти исследователи считали, что неучастие мидийцев в 613 г. было вызвано вторжением на территорию Мидии скифов. Но отсутствие упоминаний мидийцев в Хронике Гэдда вызвано, как показал Завадский, более поздней редакцией текста этой Хроники в период ухудшения отношений между мидийцами и вавилонянами. Редакция Хроники позволила преуменьшить роль мидийцев в крушении Ассирии ([Ibid., p. 114—131]; см. также гл. II). Итак, в 613 г. неудачные действия Набопаласара привели к расширению восстания на территорию Центральной и Южной Вавилонии. Набопаласар почти терял власть, а Ассирия впервые за много лет могла изменить ситуа-

цию в свою пользу. Будущее обоих государств было предопределено интервенцией Мидии, пришедшей на помощь Набопаласару; она разгромила восставших.

Анализ боевых действий за 616—613 гг. обнаруживает бесплодность первых побед Набопаласара. Очевидно, что после года изнурительных боев, с весны 616 г. до весны 615 г., он и его армия были измотаны. После неудачного штурма Ашшура и отсидки в Такритайне он, по существу, два года не участвовал в боевых операциях. Он лишь засвидетельствовал победу мидийцев в Ашшуре, которая не стала его победой за год до этого. Бездействие Набопаласара, очевидно, и послужило толчком к восстанию в Суху, где его власть оказалась слабой. Он не смог самостоятельно справиться с ним. Очевидно, что лидирующей силой в этой войне становилась Мидия.

Кульминацией войны стали осада и разгром Ниневии соединенными силами Киаксара и Набопаласара в 612 г. Осада города длилась около трёх месяцев. За это время произошло три сражения, и в августе Ниневия пала, Синшаришкун погиб, новый ассирийский царь Ашшурбаллит (II) вступил на престол в Харране [Grayson, 1975, Chg. 3:38—52]. Падение Ниневии произвело огромное впечатление на современников, яркое описание гибели города запечатлено в «Книге пророка Наума» (гл. 1—3), который, по-видимому, был очевидцем событий. Согласно Науму, штурм удался благодаря созданию искусственного наводнения, по-видимому, подмывшего сырцовые стены города. Ассирийский царь Синшаришкун, не желая попасть в плен, бросился в огонь горевшего дворца. Вот как, согласно Науму, восприняли современники гибель главного города ненавистной Ассирии: «Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» Опустошенный и разграбленный город был сожжен и разрушен. В сентябре Киаксар и его войско с громадной добычей удалились в Мидию. Набопаласар оставался в Ниневии, а его войска продолжали разрушать и грабить окружающие ассирийские поселения.

Согласно Геродоту, Ассирия была уничтожена одними мидийцами, они «покорили ассирийцев, за исключением вавилонской области» (I. 106). Последующие авторы, очевидно через Ктесия, знали, что союзником мидийцев были вавилоняне (см. гл. I.1). Согласно Ктесию, инициатором этого союза в предстоящей войне с ассирийским царем был мидиец Арбак, именно ему вавилонянин Белесий предсказал будущее правление поверженной Ассирией и всей Азией [Diod., II. 24.2; 28.1]. Ктесий также сообщил, что окончательно удалось взять Ниневию после трехлетней осады (в Хронике Гэдда — 3 месяца) в результате наводнения Евфрата (так у Диодора) и гибели ассирийского царя, который бросился в огонь подожженного им самим дворца [Ibid, II. 26.9; 27. 2—3]. В Хронике Гэдда тоже сообщается, что в день штурма города Синшаришкун, очевидно, погиб, хотя само это слово не сохранилось, но чуть ниже сообщается о восшествии на престол нового ассирийского царя, следовательно, выше сообщалось о гибели предыдущего.

Таким образом, ход войны в 616—612 гг. и сообщение Хроники Гэдда (в трактовке Завадского) служат вместе с данными античных авторов доказательством решающей роли Мидии в войне против Ассирии.

Падение Ниневии не означало ещё гибели Ассирийской державы. Уцелела значительная часть её армии и знати, оплотом которых стал Харран —

крупнейший в то время город Северной Месопотамии. Он получил от ассирийских царей самоуправление и, очевидно, поэтому придерживался проассирийской ориентации. Здесь, вскоре после гибели в Ниневии Синшаришкуна, новым ассирийским царём был провозглашён Ашшурбалит II (612/11—609?). Наступил завершающий этап войны, сутью которого стала борьба за «ассирийское наследство». Формально под властью ассирийцев ещё оставались обширные территории в Северо-Западной Месопотамии, Сирии и Палестине. Помимо Мидии и Вавилона, на «ассирийское наследство» претендовал также и единственный союзник Ассирии — Египет. С конца 630-х гг., когда власть Ассирии в Палестине значительно ослабла, началось проникновение туда Египта, которое закончилось недолгим завоеванием всей Палестины (Иудеи) фараоном Нехо после 609 г. до н. э.

После взятия Ниневии и вплоть до ноября 610 г. Набопаласар самостоятельно завоевывает ассирийские владения. Однако в ноябре 610 г. к нему на помощь снова пришли мидийцы. Объединив свои войска, они подошли к Харрану, где находились ассирийский царь и только что вступивший на престол фараон Нехо (610—595). Не приняв сражения, последние ушли на запад. Город был взят, жители его уничтожены [Grayson, 1975, Chr. 3:58—65], почитаемый храм бога Сина разрушен. Современниками это святотатство было приписано мидийцам [Langdon, 1912, p. 284, N 8, X, 12—21]. Летом 609 г. ассиро-египетские войска в течение нескольких месяцев безуспешно пытались вернуть Харран [Grayson, 1975, Chr. 3:66—69]. В ходе боёв 610—609 гг. Харран был полностью уничтожен, и 54 года он лежал в развалинах. Важная роль Харрана, прежде всего как стратегического пункта, контролирующего путь из Сирии в Месопотамию и в Малую Азию, перешла к Каркемышу, который стал оплотом египетских сил в регионе.

Вавилонский царь, однако, не сразу сосредоточил свои силы на борьбе с этим, ставшим теперь главным, врагом Вавилона. В 609—608, (607?) гг. вавилонский царь совершил походы к границам бывшего Урарту [Ibid., Chr. 3:72; 4:13, 11?]. Лишь осенью 607 г. до н. э., когда престарелый Набопаласар передал командование армией царевичу Навуходоносору, Вавилония сосредоточила свои силы на западном фронте, где единственным противником остался египетский фараон. А что касается последнего ассирийского царя, его судьба остаётся неизвестной. Эта задержка привела к тому, что весь Сиро-Палестинский регион уже находился в руках египтян.

Для того чтобы начать борьбу против Каркемиша, Вавилония понадобилось более полутора лет, чтобы обеспечить безопасную переправу через Евфрат. Вавилонский плацдарм на правом берегу реки угрожал бы коммуникациям, которые связывали Каркемиш с остальной Сирией. Египтяне оказывали сильное сопротивление проникновению сюда вавилонских сил и дважды уничтожали вавилонские гарнизоны, укрепившиеся у переправы. Лишь в начале 605 г. вавилонянам удалось обеспечить себе переправу. Решающие события разыгрались весной 605 г. у Каркемиша. Фараон Нехо собрал огромную армию, в составе которой наряду с египтянами были ливийцы, нубийцы, лидийские лучники и греческие наёмники. Каркемиш был осаждён и взят штурмом, город горел. В панике египтяне бежали на юг в Хамат, но были настигнуты и уничтожены. «Ни один человек (т. е.

египтянин. — И. М.) не вернулся в свою страну», отмечает хроника [Ibid., Chr. 5:1—8]. Дата битвы у Каркемиша не сохранилась, но произошла она, очевидно, в мае или июне 605 г., так как к моменту смерти Набопаласара в августе 605 г. вавилонская армия уже очистила от египтян большую часть владений Ассирии в Сиро-Палестинском регионе. На этом с остатками Ассирийской державы было покончено. Об участии мидийцев в осаде Каркемиша нет прямых свидетельств, но исключить его нельзя. Во всяком случае, согласно свидетельству Александра Полигистора, сохранившемуся в выдержках Евсевия [Eusebius. Evang. Praep. IX, 39], Навуходоносор, готовясь к войне против Иудеи, обращался за поддержкой к мидийскому царю в 597 г. [Дьяконов, 1981, с. 42, 46; Zawadzki, 1988, p. 133]. Победа при Каркемише ознаменовала создание двух новых мировых держав: Мидийского царства и Нововавилонского (или Халдейского) царства.

Вопрос о разделе ассирийского наследства победившими странами стоит лишь перед теми исследователями, которые признают существование если не Мидийской империи, то, во всяком случае, Мидийского царства (см. гл. II). Но и среди них полного единогласия нет. Основные расхождения связаны с определением границ между мидийскими и вавилонскими владениями на территории коренной Ассирии и в верховьях Евфрата, а также в сирийских владениях Ассирии. В целом признается, что Вавилония захватила приевфратские территории, отвоевала у Египта Сиро-Палестинский регион, в 597 г. завоевала Иудею. Наконец, в начале VI в. до н. э., под контроль Вавилона перешёл и Элам, хотя в связи с последним событием имелись (или имеются) возражения. Мидийцы завладели ассирийскими провинциями в Древнем Иране, завоевав также Маннейское царство и еще раньше Персиду, но по поводу захвата последней также есть расхождения. Так, Р. Роллингер сомневается в ее вассальном статусе [Rollinger, 2003a, p. 290]. Владение Мидией коренной территорией Ассирии оспаривается. Приобретение ею области Харран в Верхней Месопотамии в целом признается, но предлагаются и контраргументы. Завоевание Урарту предполагает продвижение Мидии, согласно Геродоту, до р. Галис.

Сообщение Геродота о лидийско-мидийской границе по р. Галис и владении мидийцами Каппадокией (I. 72, 103, 130), повторенное им в связи с началом лидийско-персидской войны 547 г. до н. э. (I. 76), подтверждается, как принято считать, вавилонской хроникой. В ней сообщается, что Кир, персидский царь, собрав свое войско, перешел Тигр ниже Арбелы и, выступив против страны Ли[дия], убил ее царя (чтение допускает вариант — лидийский царь «потерпел поражение»), забрал его имущество [Grayson, 1975, Chr. 7:15—17]. Таким образом, лидийский царь Крез нарушил границу по Галису и вторгся в Каппадокию, а царь Мидийско-Персидского царства защитил границу, установленную его предками — Киаксаром в 585 г. или Астиагом в предполагаемой войне 577 г. или 575 г. до н. э. (см. ниже).

Предложение И. Эльснера читать в Хронике № 7 вместо «Лидия» «Урарту» [Oelsner, 1999/2000, p. 380] нуждается в дополнительном обосновании и пока может оставаться темой дискуссии [Rollinger, 2003, p. 315—316]. Следует, однако, отметить, что С. Маццарино уже высказывал сомнения в обоснованности чтения «Лидия» С. Смитом, но Грэйсон в 1975 г. вновь подтвердил это чтение [Мазетти, 1978, с. 177—178]. Сам Эльснер,

соглашаясь с тем, что Урарту было завоевано мидийцами еще в VII в., полагает, что урарты, узнав о победе Кира над мидийцами, восстали (против кого? — *И. М.*) и вынудили Кира начать войну. Странно, что в Малой Азии не сохранилось ни одного свидетельства этого события. Но как бы ни решился этот вопрос окончательно, сам факт войны 547 г. между Лидией и Персией, сохраненный в подробностях античной традицией, не подлежит сомнению [Дандамаев, 1985, с. 20—27].

Что касается Элама, то предполагалось, что он отошел к Мидии, а в качестве мидийского наследства перешел к Киру еще до завоевания им Вавилонии в 539 г. до н. э. (*Э. Мейер, Ф. Вейсбах*). *Р. Цадок* полагает, что в основе их точки зрения лежали сведения Геродота (I. 188) и Страбона (XV. 3, 2). Первый сообщал, что Кир, выступая в поход, всякий раз запасался водой из р. Хоасп (Керха), протекающей в районе Суз. Но Цадок не считает это сообщение доказательством владения Киrom Сузами до начала войны с Вавилонией: воду, мол, можно было брать значительно выше по течению реки на территории, принадлежавшей раньше Мидии и им унаследованной [Zadok, 1976, p. 62]. Но в таком случае воду брали бы уже из р. Сеймерре, истоки которой находятся в районе Хорасанской дороги вокруг Керманшаха, определенно ставшего владением Мидии в период ее возвышения. Судя по современной карте, Керха начинается после слияния Сеймерре и Кешганруд сравнительно недалеко к северу от Суз. Другое дело, что именно называл Хоаспом Геродот, поскольку его уточнение относится именно к району Суз. В конце концов, именно персы должны были сообщить ему это уточнение.

Согласно Страбону, персы и Кир, завоевав Мидию, увидели, что их родина (совр. Фарс) расположена на окраине империи и что Сузиана располагалась ближе к Вавилонии и другим племенам, и следовательно, царскую резиденцию нужно было устроить в Сузах. Согласно Цадоку, логичнее это было делать только после завоевания Вавилонии, тогда именно Сузы становились центром Ахеменидской империи. Но, по-видимому, следует различать сообщение Страбоном фактов и собственных домыслов. Так, определение Страбоном времени именно после завоевания Мидии — это факт, который он не мог придумать, и получил он его из источника, вероятно, нам неизвестного; отклонять его, исходя из логики современного исследователя без попыток объяснения, видимо, нельзя. Другое дело — предлагаемый самим Страбоном мотив переноса столицы. У Кира II за несколько веков до Страбона наверняка были иные мотивы. Если учесть, что до завоевания Вавилонии Кир включил в свою империю «всю Азию» вплоть до Индии на востоке и Лидии на западе [Дандамаев, 1985, с. 25—26], то перенос столицы чуть западнее Персиды явно не имел значения. В конце концов, любил Кир воду из Хоаспа, вот и захотел жить ближе к ней.

Другими словами, аргументы Геродота и Страбона, по-видимому, не могут в данном случае служить доказательством принадлежности Элама Мидии или Вавилону, равно как и определять последовательность захвата Элама и Вавилона Киrom. Бесспорным доказательством, дающим основание утверждать с большой долей уверенности, что Элам принадлежал Вавилонии до 539 г., является один из текстов Кира [Цилиндр Кира]. В нем, во-первых, Сузы, как и Ашшур, названы в перечне городов, расположен-

ных вне границ Мидии/Гутиума. Следовательно, Сузы принадлежали Вавилонии. И во-вторых, Кир мог вернуть в эти города идола богов, которые были увезены оттуда халдейскими царями в Вавилон, только после его захвата в 539 г. Последнее не могло совершиться раньше завоевания Элама из-за расположения последнего на путях подхода к Вавилонии из Мидии и Персии. Правда, в это время география империи Кира позволяла подход к Вавилону почти со всех сторон. Все эти города находились под вавилонским контролем и были отвоеваны Киrom у Набонида [Zadok, 1976, p. 61 f.].

Археологические находки в Сузах также свидетельствуют скорее о вхождении Элама в состав Вавилонии. Там обнаружены строительные кирпичи со штампом Навуходоносора II, а также предметы с именами как этого царя, так и последующих: Амель-Мардука (562—560) и Нериглиссара (560—556) [Scheil, 1927, p. 47—48].

Относительно раздела коренной территории Ассирии одни исследователи, начиная с 1930-х гг. (М. Сан-Николо), считают, что вся территория коренной Ассирии вошла в состав Мидийского царства, другие на основании Цилиндра Кира полагают, что, во всяком случае, район Ашшура находился под вавилонским контролем до 539 г. [Zadok, 1984, p. 1—2, 13, notes 5, 6]. Предположение о возможном восстановлении в этом тексте названия Ниневии теперь отклонено [Finkel, 1997, p. 23, note 24]. Сторонников первой гипотезы поддерживал И. М. Дьяконов. Он считал, что территориальный треугольник Ниневия — Арбела — Ашшур был полностью инкорпорирован в Мидию [Дьяконов, 1956, с. 312; Diakonoff, 1985, p. 125]. Правда, на карте в работе 1985 г. район Ашшура не включен в мидийскую территорию, а Элам отнесен к спорным ее владениям (карта на с. 120). В качестве доказательства мидийской принадлежности Арбелы Дьяконов привел данные Бехистунской надписи, в которой говорится о казни там Дарием I восставшего мидийского (сагартийского) вождя Читрантахму, объявившего себя потомком Киаксара. Дарий имел обыкновение казнить повстанцев в стране, где они восставали [Дьяконов, 1956, с. 339, примеч. 1; Diakonoff, 1985, p. 125]. Он также учитывал сведения Ксенофонта в «Анабасисе», согласно которым земли коренной Ассирии, войдя в состав Мидии, позднее в народной памяти стали восприниматься как исконно мидийские. Упомянутый Ксенофонтом город Меспила, по мнению Дьяконова, мог быть Ниневией, а Лариса — Кальху/Нимрудом (Дьяконов, 1956, с. 310, примеч. 1); см. также: [Хеп., Анаб., III, 4, 10]); в переводе М. И. Максимова (изд. 1994 г.) в примечании 27 на с. 268 Меспила определенно названа Ниневией, о г. Ларисе сказано, что следы города просматриваются у г. Кала в области Древней Ассирии.

И все-таки относительно владения Ашшуром Мидией сведений Ксенофонта недостаточно. Археологический материал из Ашшура, который можно было бы датировать 612—639 гг., достаточно спорный, а письменные памятники, найденные там, пока не могут быть отнесены к этому периоду с достаточной определенностью [Curtis, 2003, p. 161—162]. Но вместе с тем, как уже отмечалось, согласно Цилиндру Кира, Ашшур включался в область вавилонского контроля. В пользу последнего можно привести еще один аргумент, основанный на наблюдении Дьяконова относительно

Харрана. Он привел несколько примеров, доказывающих существование на Древнем Востоке особого порядка раздела союзниками завоеванного имущества. Одному из союзников доставались пленные и движимое имущество, другому — стены города и земля. Относительно Харрана этот обычай, по мнению Дьяконова, подтверждается Хроникой Гэдда [Дьяконов, 1956, с. 315]. В 610 г., согласно Хронике, царь Аккада, достигнув города Харран, захватил его, унес из города и храма много добычи, затем вернулся в свою страну, а умман-манда, которые пришли на помощь царю Аккада, ушли [в свою страну] [Grayson, 1975, p. 95—96, Chr. 3:63—65]. Таким образом, согласно обычаю, именно мидийцам достался Харран, что и подтверждается надписями Набонида.

Сопоставление текстов хроник за 614 и 610 гг. обнаруживает поразительное совпадение действий союзников. В 614 г. Киаксар напал на Ашшур, разрушил его, устроил резню, ограбил город и увел пленных. Царь Аккада, который пришел на помощь мидийцам, вернулся в свою страну, Киаксар — в свою. Следовательно, сам Ашшур должен был достаться вавилонскому царю.

В этой связи примечательно описание в хронике взятия Ниневии в 612 г. В отличие от 614 и 610 гг., тогда союзники действовали сообща: вместе напали на осажденный город, из города и храма они унесли большую добычу и превратили город в развалины [Grayson, 1975, p. 94, Chr. 3:40—43, 45—47]. Другими словами, город не достался никому, и жизнь в нем не возобновилась. Последнее подтверждается археологическими и письменными материалами [Curtis, 2003, p. 160].

Скорее даже археологические данные становятся решающим аргументом в ответе на вопрос — кто владел коренной территорией Ассирии после 612 г. — никто. Картина страшного разрушения и последовавшего после 612 г. запустения в Ассирии свидетельствует, по мнению Кёртиса, об отсутствии чьего-либо контроля над этой территорией. И хотя время от времени Вавилония пыталась утвердить свое присутствие здесь, но отдельные намеки на это в ряде мест бывшей Ассирии не складываются, по словам Кёртиса, в целостную картину. Вместе с тем Кёртис считает, что мидийцы имели право прохода через территорию Ассирии в свои западные владения. Правда, археологические доказательства их присутствия здесь неуловимы, так как неясно, в чем материально оно могло быть воплощено [Ibid., p. 157—167].

Однако Д. Стронах на основе археологического материала предлагает локализацию главного мидийского прохода на запад: от Хорасанского пути через Арбелу/Эрбиль, через Тигр к северу от Ниневии, через верховья р. Хабур до района Кайсери в 100 км к югу от Керкенес-Дага [Stronach, 2003, p. 146—248, fig. 8].

Итак, сторонники мидийского присутствия в 612—550 гг. далеко на западе имеют основание определять границу между Мидией и Вавилонией следующим образом. Она могла проходить от Каркемиша, находившегося в вавилонском владении, по территории к югу от Харрана, далее приблизительно по горному хребту Джебель Джингар, через Тигр южнее Арбелы, но не южнее Ашшура, как считал Дьяконов, а севернее его, далее вдоль гор Джебель Хамрин, по долине Диялы и северо-западным границам Элама

[Diakonoff, 1985, p. 125]. Таким образом, вся Северная Месопотамия севернее линии Харран — Ашшур входила в Мидийское царство и позднее, когда Кир II пересекал Северную Месопотамию, он не нарушал владений Вавилона [Ibid.; Дьяконов, 1981, с. 40, примеч. 52, с. 46].

Развитие событий в ходе антиассирийской войны, результаты раздела «ассирийского наследства», экспансионистские возможности Мидии показывают, что на определенном этапе из двух союзников сильнейшим была Мидия. Ведь даже начиная войну с маленькой Иудеей, Вавилония, по видимому, обращалась за помощью к Мидии. Решив общую для них задачу по уничтожению Ассирии, обе державы уже не были, как прежде, заинтересованы в своём союзе. Не исключено, что чувство некоторой зависимости Вавилонии во время войны переросло в неприязнь к сильной Мидии. Во всяком случае, анализ вавилонской Хроники Гэдда, описывающей события 616—609 гг., позволил Завадскому сделать такой вывод. Текст Хроники не является первоначальной версией событий, её редакция была сделана позднее, около 596 г. до н. э., когда мидо-вавилонские отношения начали ухудшаться. Хроника была переписана с целью преуменьшить военную роль мидийцев в кампании против Ассирии (см. гл. II). Страхом перед сильным соседом (Мидией) объяснял Дж. Камерон тот факт, что Вавилон при Навуходоносоре стал самым укрепленным городом Древнего Востока [Cameron, 1936, p. 220—221].

В конце VII в. до н. э. на Древнем Востоке оставались четыре крупные державы: Вавилония, Египет, Лидия и Мидия. Попытки изменить это число не увенчались успехом. Навуходоносор вынужден был отказаться от притязаний на Египет и занялся благоустройством своего государства. Мидия же в последующие десятилетия не отказалась от завоевательной политики. Киаксар продолжил завоевания в Малой Азии. Здесь его интересы столкнулись с интересами лидийского царя Алиатта. Согласно Геродоту, война между ними длилась пять лет, но ни одна из сторон не могла одержать решающей победы. Во время битвы у реки Галис (совр. Кызыл-Ирмак) 28 мая 585 г. произошло солнечное затмение, воспринятое воюющими сторонами как плохое предзнаменование. Войну прекратили и при посредничестве вавилонянина Набонида (Лабинет Геродота) и царя Киликии Сиеннесия был заключён мирный договор, согласно которому границей между Лидией и Мидией становилась река Галис. Мирный договор был скреплён браком между царскими детьми (I. 74). Более поздние источники дают основания предполагать, что в рассказе Геродота соединены события двух мидийско-лидийских войн. Вторая война, начатая Астиагом в 577 или 575 г., как раз и могла закончиться свадьбой Астиага и Ариении [Cobbe, 1967, p. 30]. Все-таки примечательно, что Геродот неоднократно говорит о мидийских владениях в районе Галиса и в Каппадокии.

О завоеваниях Мидии на востоке имеются лишь косвенные свидетельства. Сопоставление данных Бехистунской надписи и списка сатрапий Ахеменидской державы, восходящего, как принято считать, к греческому логографу Гекатею [Геродот, III. 89—97, V. 36], позволило И. М. Дьяконову предположить, что в результате мидийского завоевания на востоке покоренными территориями стали Парфия, Арея (вероятно) и Гиркания, Дрангиана и часть Кармании [Дьяконов, 1956, с. 336—349, табл. 4, карта на с. 337; Diakonoff, 1985, p. 127].

IV.6. Падение мидийской династии

Конец мидийской династии — это начало истории Ахеменидской державы. Достоверность сведений Геродота при описании этого периода, его событийного содержания, почти бесспорна. Он был знаком с персидской исторической традицией, и в этой части его труда умозрительных реконструкций практически нет, разве что его рассказ украшен многочисленными фольклорными подробностями. Основной ход событий, представленный Геродотом, подтверждают клинописные источники. О конце царствования Астиага Геродот рассказал в красивой пространной новелле, в которой сообщил несколько конкретных и существенных деталей: у Астиага не было сыновей, а Кир — сын его дочери, выданной замуж за перса Камбиза (I), — приходился ему внуком. Этот Кир организовал восстание против мидийского владычества, а мидийская знать и часть армии предали своего царя, перейдя на сторону Кира [Геродот, I. 107—130].

Действительно, согласно вавилонской Хронике № 7, в зависимой Персии/Аншане в 553 г. до н. э. произошло нечто такое, что заставило Астиага собрать войска и выступить против царя Аншана Кира. Далее, согласно Хронике, случились необычайные события. В мидийской армии произошёл мятеж, Астиаг был арестован и выдан Киру. После этого Кир пошёл на Экбатаны, забрал все сокровища мидийских царей и вернулся к себе. О военных действиях Хроника не сообщает [Grayson, 1975, Chr. 7, ii:1—4], в ней скупое, но точно описан военный переворот, в результате которого около 550 г. до н. э. власть в Мидии перешла к другому царскому роду. Что же происходило в Мидийском царстве накануне переворота и кто был в нём заинтересован? Геродот, Ктесий и другие античные авторы, по-разному описывая последние события царствования Астиага, сходятся с вавилонской хроникой в главном: Астиаг был предан мидийской знатью.

Свидетельства источников о предательстве мидийского царя знатью имеют рациональное объяснение, которое подтверждается событиями последующих десятилетий в Древнем Иране. Долгий период завоевательных войн в царствование Астиага закончился. Мидия включила в свой состав множество стран, находившихся на разных этапах развития государственности. Перед Астиагом стояла трудная задача государственного строительства, однако либо он с нею не справился, либо ему помешали её выполнить. Права и привилегии военно-родовой знати, состоявшей из потомков независимых мидийских владетелей, в соединении с огромным богатством, приобретённым в ходе войн, сделали мидийскую знать оппозиционной преобразованиям царя. Сильная централизованная власть, способная сохранить от распада огромную державу, могла существовать только в борьбе со знатью и её центробежными силами. Не исключено, что в этом противостоянии на стороне царской власти находились и религиозные служители. Ведь местные царьки одновременно бывали и жрецами, и на этом во многом основывались их авторитет и влияние. Зороастризм, уже утвердившийся среди восточных иранцев, после включения их в состав Мидии начал распространяться и среди западных иранцев. Согласно Геродоту, маги занимали при дворе Астиага видное положение и он с ними советовался. Маги в это время могли стать врагами местной знати и жречества с их ме-

стными культурами, не унифицированными и противостоявшими учению, которое приписывается Заратуштре.

Борьба мидийской знати против царской политики закончилась ее победой и, согласно античной традиции, выдвижением на престол своего ставленника — царя маленького владения, которому, казалось, можно было диктовать свою волю. Им стал Кир из рода Ахемена. Если к тому же он был, как утверждает Геродот, сыном дочери Астиага, то формально кандидатура Кира устраивала не только мидийскую знать, но и более широкие слои населения, поскольку власть передавалась по родственной линии. Согласно Ктесию, Кир, чтобы выглядеть законным царем Мидии, даже женился на дочери Астиага Амитиде (см. также: [Дьяконов, 1956, с. 423]).

Тот факт, что через одиннадцать лет после победы Кира II вавилонская хроника сообщает о правителе страны гутиев (Мидии) Угбару/Губару [Grayson, 1975, Chr. 7, iii:15], означает лишь, что Мидия, как и другие области Ахеменидского царства, имела управителя и, включая самих персов, платила налоги, дань и т. п.²⁷ Важно другое — армия гутиев, действуя наравне с армией Кира, захватила в 539 г. до н. э. Вавилон, после чего Губару был назначен его правителем, но вскоре умер ([Grayson, 1975, Chr. 7, iii:15—16, 20, 22]; см. там же комментарий на с. 109). Видимо, в связи с особой ролью армии гутиев в хронике отмечено вооружение их щитами, что делалось крайне редко [Ibid., iii:16—17].

После победы над Астиагом, став властелином Мидийского царства, Кир, по-видимому, не сразу принял официальный титул. До падения Вавилона в 539 г. до н. э., очевидно, не было даже официального названия царства Кира. Во всяком случае, вавилонские писцы его не знали и называли Кира по-разному. Описывая его войну с Астиагом, они называли Кира царем Аншана (= Парсу; см.: [Grayson, 1975, Chr. 7, ii:1; Langdon, 1912, S. 218 f.]). В 547 г. Кир — царь Парсу (= Аншан; см.: [Grayson, 1975, Chr. 7, ii:15]). В надписи на Харранской стеле (составлена около 542—541 гг.; [Beaulieu, 1989, p. 32—33]) среди царей Египта, страны Арабии, упомянут (царь?) города мидийцев [Gadd, 1958, p. 58—59, I, 42—43]. Очевидно, что так назван Кир II Ахеменид, новый владетель Хангматаны/Экбатан. Лишь после завоевания Вавилона и включения его в свое царство Кир принял титул «...царь Вселенной, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех сторон света...» [Цилиндр Кира]. Не исключено, что Кира называли мидийцем потому, что в его пышную титулатуру не входил титул «царь Персии» и мир не сразу узнал новое название страны [Graf, 1984, p. 25—28].

Но не в меньшей степени имело значение и то, что династический переворот внутри Мидийского царства, частью которого была Персида, остался для современников внутренним делом Мидии. И в сознании народов стран, которые пережили ее падение, термин «мидиец» как синоним «персов» укрепился потому, что эти народы имели первоначальные контакты именно с мидийцами, народом, пришедшим «с гор» и сокрушившим врага всех народов Ассирию. И недаром персов продолжали называть мидийца-

²⁷ Утверждение Геродота (III. 97), что персидская земля была свободна от налогов, неверно [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 188].

ми, то есть жителями Мидийского царства. Так, в Египте, например, персидские завоеватели в местной номенклатуре обычно обозначались как мидийцы, или, иносказательно, «те, кто пришли после мидийцев», «чужеземцы», «азиаты» [Graf, 1984, p. 22—24]. Если бы лидийцы не вошли в контакт с мидийцами в ходе войны в начале VI в. до н. э., вряд ли имя последних стало бы так широко использоваться в античной литературе в качестве синонима персов, когда последние под предводительством Кира начали завоевания малоазийских городов (поэзия Ибика и Ксенофана, VI в. до н. э., см. гл. I.1.). Геродот часто вкладывает в уста своих персонажей слово «мидиец» как синоним «персов», персидский царь у него — это царь мидийцев [Геродот, I. 206; VI. 109, 112, 120; VII. 136, 228; VIII. 114; IX. 7, 44, 82]. Но ведь информаторами Геродота были сами персы, следовательно, они сами и позволяли так себя воспринимать. Эта взаимозаменяемость обоих этнонимов стала традиционной в греческой литературе вплоть до времени Павсания (II в.). В его «Описании Эллады» Ксеркс — царь мидийцев (III, 4.8), война с греками названа мидийской (II, 29.5; IV, 6.1) и сражались греки с мидийцами (многократно в кн. V—X).

Персы, противопоставляя себя и мидийцев остальному миру, видимо, считали себя одним и тем же (иранским) народом. В Бехистунской надписи Дарий неоднократно говорит: «и Персия, и Мидия, и другие страны» (I. 35—48, 61—71). Геродот и Ксенофонт говорят именно об отнятии власти у мидийцев, но не о разрушении страны [Геродот, VII. 8; Xen., Anab., III. 4: 8, 11].

О сохранении страны свидетельствует, во-первых, существование мидийской армии (Дарий, как и Кир в 539 г., использует как персидскую, так и мидийскую армию, причем обеими армиями мог командовать мидиец, см.: Бехистунская надпись, II. 18—29, 78—91; III. 28—40), во-вторых, высокое положение мидийцев в государстве и возможность возврата власти мидийской династии в случае нового переворота или восстания. Камбиз, умирая, просил своих приближенных: «Не допускайте, чтобы власть снова перешла к мидийцам» [Геродот, III. 65]. Его опасения оправдались, и власть на значительной территории Ахеменидской державы осенью 522 г. до н. э. перешла к мидийцам. Сведения Геродота о государственном перевороте в конце правления Камбиза II не расходятся со словами Дария I в Бехистунской надписи об этом событии. Различаются лишь имена узурпаторов: Смердис у Геродота, тезка брата Камбиза, и маг Гаумата, присвоивший имя брата Камбиза — Бардии, у Дария ([Геродот, III. 61—79; Бехистунская надпись, I. 35—71]; подробнее см.: [Дандамаев, 1963, II, гл. 2]). Многие исследователи считали, что мидийцы восстановили свое господство, когда Лже-Бардия, будучи сам мидийцем, стал царем Ахеменидского царства. Опровержение этой «традиционной теории» было сделано М. А. Дандамаевым [Дандамаев, 1963, II, с. 141—158]. Во время переворота Лже-Бардии на его сторону перешли все страны, входившие в состав царства, в том числе и Мидия [Бехистунская надпись, I. 35—48]. Мидийцы, возглавляемые Фравартишем, восстановили свою власть только осенью 522 г., когда после убийства уже Лже-Бардии Дарием I вся страна была охвачена восстаниями против него [Бехистунская надпись, II. 13—17; Геродот, I. 130; Plat., Leg. III. 694]. По словам Дария, Фравартиш стал царем в Мидии.

Но власть победивших мидийцев не была ограничена собственно Мидией, на стороне Фравартиша были также Ассирия, Армения, Парфия и Гиркания [Дандамаев, 1963, с. 198] (о вожде восстания Хшатрите/Фравартише см. гл. IV.4). Другими словами, он восстановил власть мидийцев на значительной, если не на всей территории бывшего Мидийского царства. Это восстание, будучи наиболее опасным для Дария I, было жестоко им подавлено, и в июне 521 г. Фравартиш был казнен в бывшей столице Мидии — Хагматане/Экбатанах. После этих событий мидийцы стали терять свое привилегированное положение. В данном случае важен тот факт, что по прошествии 30 лет со времени падения Астиага мидийцы были в состоянии вернуть себе власть. Следовательно, в 550 г. до н. э. уничтожения Мидийского царства не было.

Синонимичность терминов «мидиец» и «перс» также служит одним из доказательств того, что крушения Мидийского царства в 550 г. не было. И дело не в том, что персы заимствовали мидийскую культуру и, на первых порах, систему государственного управления [Дандамаев, 1985, с. 18—19], а именно в том, что не было крушения царства и персы продолжали пользоваться мидийским наследием и развивать его. Другое дело, что победы Дария в 522—521 гг. до н. э. изменили политику Ахеменидов по отношению к Мидии — ее привилегированное положение пошатнулось; хотя остается неясным, было ли оно утрачено полностью. Во всяком случае, и сам Дарий продолжал считать ядром своей империи Персию и Мидию, и позднее, например, Ксеркс называл себя царем Персии, Мидии, Вавилона, царем стран и т. д.

Возвращаясь к военному перевороту в Мидийском царстве в конце 550-х гг. до н. э., необходимо подчеркнуть, что он был совершен мидийской военно-родовой знатью, боявшейся потерять свою независимость в процессе централизации страны, и был поддержан армией, которая была недовольна прекращением завоевательных походов, обогащавших ее. Обе эти силы победили и продолжали господствовать в стране еще 200 лет. Ахеменидское государство также не справилось со своеволием «семи» — с представителями родовой персидской знати. Персидский царь Кир из рода Ахемена, в течение двух лет укрепивший свою власть в Мидийском царстве, продолжил в угоду знати расширение границ государства, которое, по существу, можно считать Мидийско-Персидским. К 519 г. все страны Древнего Востока, включая Египет, оказались под властью Ахеменидов. Но как только преемниками Кира Камбизом и Бардией была сделана попытка урезать привилегии знати, она сразу была пресечена [Дандамаев, 1963, с. 165—180; 1985, с. 77, 97]. Представители знати действовали по той же схеме, что и в случае с Астиагом и Киrom. На престол был возведен новый царь — Дарий, который, хотя и происходил из рода Ахемена, но до воцарения был незначительным по своему положению человеком [Дандамаев, 1985, с. 81]. И Дарий, как и Кир, восстановил привилегии знати. Преемник Дария Ксеркс для укрепления государственной централизации провел религиозную реформу [Дандамаев, 1985, с. 175] и был убит. Родовая знать стремилась к олигархии, и все последующие цари становились марионетками в руках придворной знати.

Представляло ли Ахеменидское царство новый этап в развитии Мидийско-Персидской империи? И да и нет. Как и Мидийское царство, Персидское государство стало мировой державой, еще не освободившись от господства родоплеменных отношений. «И после административно-финансовых реформ Дария Персидская держава оставалась военно-административным объединением, которое могло существовать до тех пор, пока удавалось силой оружия удерживать различные народы в составе государства» [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 109]. По существу, все результаты социально-экономических достижений Ахеменидов (в государственном управлении и правовой системе, в налогообложении и денежной системе, торговле и т. п.) пожирались этой «силой оружия». В отличие от мидийских царей, Ахемениды создали механизм для сдерживания процесса распада империи, но все уходило на содержание этой «машины сдерживания». И сил хватило лишь на сто с небольшим лет.

Подводя краткие итоги, необходимо подчеркнуть следующее: сложившееся к 670-м гг. противостояние народов Древнего Ирана и Ассирии привело к возвышению Мидии не позднее 660-х гг. и закончилось гибелью Ассирии в 612—605 гг. до н. э. Эти десятилетия включили в себя борьбу Мидийского царства за господство в регионе, первое неудачное выступление ряда стран, включая Мидию, против Ассирии в конце 650-х гг., а также завоевания Мидийского царства (Урарту и Персиды), которые обеспечили ему необходимые ресурсы и возможность полностью сосредоточиться на борьбе с Ассирией. В результате победы над Ассирией и раздела её владений в Мидийском царстве сложились предпосылки для образования империи: два главных признака империи (включение чужих территорий и главных торговых путей всего Древнего Востока в состав царства) были уже налицо. Переход власти к династии Ахеменидов не разрушил самого Мидийского царства.

О том, какую роль могли играть в развитии этих событий евразийские кочевники, о которых стало известно из античных, библейских и клинописных источников, речь пойдет в следующей главе.

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ В ИСТОРИИ СТРАН ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Античные источники, положенные первоначально в основу изучения Мидии, сформировали ряд исследовательских стереотипов. Наиболее существенный из них — важная роль скифского вторжения в страны Древнего Востока, повлиявшего на историю как Мидии, так и ряда других стран Древневосточного региона. На определенном этапе изучения мидийской истории противоречия между клинописными и античными источниками стали неразрешимыми и завели исследователей в тупик. Примером этого утверждения может служить, в частности, решение скифского вопроса И. М. Дьяконовым. Продолжив начатое Дж. Камероном на основе клинописных текстов исследование событий конца 670-х гг. в Древнем Иране и полностью оценив суть событий антиассирийского восстания, после которого началось быстрое возвышение Мидии, выразившееся, согласно и самому Геродоту, в начале мидийской экспансии, Дьяконов, тем не менее, признал достоверность сообщения Геродота о последовавшем затем нашествии скифов и подчинении им мидийцев. Это противоречие — подъем страны и начало ее экспансии, с одной стороны, и подчинение ее скифам — с другой, Дьяконов, как уже было отмечено (см. гл. II), разрешил достаточно решительным образом. Он предложил все завоевания Фраорта, о которых сообщает Геродот, отнести к правлению Киаксара. Таким образом, вопрос о возвышении Мидии после восстания был им закрыт [Дьяконов, 1956, с. 289, 294; Diakonoff, 1985, p. 90, 109, 112—113].

В клинописных источниках описывались современные события, хотя кратко и тенденциозно. Летописцы, как правило, были далеки от их оценки, фиксируя только главное в деяниях царя в тот или иной исторический момент и опуская невыгодные для формирования образа царя события. Существует мнение, что тексты, сообщающие о победах царя, его благочестии, описывающие политическую обстановку внутри страны и за её пределами и т. п., за редким исключением не предназначались для чтения их современниками, а посвящались богам (см., например: [Оппенгейм, 1980, гл. III]). Но подобное предназначение текстов и отличное от нашего понимание их в момент составления всё равно делают их источником информации о подлинных событиях, пусть выборочных и идеологически обработанных. Они составляют событийную и хронологическую основу истории Древнего Востока. Геродот же спустя двести лет первым из античных авторов попытался осмыслить, связать между собой события прошлого, информация о которых могла быть уже искажена временем. Как и другие античные авторы, недостаток информации он восполнял разного

рода рассуждениями, субъективными аналогиями и реконструкцией исторических событий и их причин. Если к тому же предметом труда Геродота была не конкретная историческая действительность, а «универсальная модель прошлого, Mythos», если признается существование «фольклорного фильтра», деформирующего историческую информацию, то, следовательно, конкретные логосы, в том числе скифский, мидийский, персидский, которые выступают как частные реализации «универсального Логоса Истории», могут нести в себе искаженную информацию [Лелеков, Раевский, 1979, с. 68—78]. «Именно присущая архаическим культурам тенденция к преобразованию любой информации по готовым фольклорным моделям определяет жанровую специфику источников Геродота и самого его труда и должна влиять на нашу оценку содержащихся в нём сведений» [Там же, с. 72]. Следовательно, расхождения между клинописными и античными источниками не всегда являются результатом лакунарности и специфики древневосточных текстов.

В конце XX в. исследователи пришли к заключению, что следует «доверять ранним источникам больше, чем поздним, и полагаться с большей уверенностью на самый приближенный к описываемым событиям источник» ([Паркер, 1998, с. 93], со ссылкой на работу Д. Фелинга, который довел это положение до логического конца). К этому же призывал в начале XX в. Ю. Прашек, и это правило фактически стало основой положения С. Брауна и С. Завадского о приоритете клинописных источников в сравнении с античными, с чем согласился И. М. Дьяконов (см. гл. II; [Zawadzki, 1988, p. 98; Brown, 1988, p. 71 ff.; Дьяконов, 1994, с. 115—116]; см. также: [Иванчик, 1996, с. 11—12]).

Действительно, клинописные и библейские источники расходятся с античными, и прежде всего с «Историей» Геродота, в оценке роли киммерийцев и скифов на древнем Ближнем Востоке. Если из клинописных и практически одновременных им библейских текстов проистекает относительно важная роль киммерийцев в политических событиях этого региона в VIII—VII вв. до н. э., а роль скифов в них практически не определена, то у Геродота, напротив, роль скифов в политической жизни и их военная мощь представлены очень важными, а роль киммерийцев сведена к минимуму. Коренная причина этого разногласия, как будет показано ниже, лежит в описании обеими группами источников разных периодов пребывания евразийских кочевников в этом регионе. Вместе с тем Геродот, по-видимому, знал о важной роли киммерийского вторжения в Малую Азию, но по ряду причин не смог адекватно рассказать о киммерийцах и опустил важные детали их нашествия, которые, однако, сохранились в более поздних источниках [Паркер, 1998, с. 93—102]. Поскольку именно сведения Геродота сформировали античную традицию о пребывании киммерийцев и скифов в Передней Азии, ставшую первоосновой для изучения их истории и современными исследователями, то в результате история кочевников в определенной степени была искажена.

Хотя анализ клинописных текстов уже позволил пересмотреть некоторые утверждения Геродота, касающиеся могущества скифов (например, выводы Завадского 1988 г. относительно тройственной антиассирийской коалиции, якобы существовавшей накануне падения Ассирии), оно по-

прежнему рассматривается в качестве важного фактора, сдерживавшего рост могущества самих мидийцев. В обширной научной литературе, посвященной истории пребывания киммерийцев и скифов в странах Древневосточного региона, скифы по-прежнему предстают грозной силой, способной преследовать киммерийцев, угрожать египетскому фараону, влиять на противостояние Ассирии и Мидии и, в конечном счете, в той или иной форме господствовать над последней.

V.1. Сведения клинописных источников о киммерийцах и скифах

Клинописные тексты позволяют восстановить историю пребывания евразийских кочевников следующим образом. Ассирийские источники на протяжении не менее чем 75 лет (с некоторым перерывом в начале VII в. до н. э.) фиксировали на территории от Ирана и Закавказья до Малой Азии преимущественно киммерийцев; скифы же упоминались в течение нескольких лет в 670-е гг. и только в Северо-Западном Иране.

Киммерийцы впервые упоминаются в царствование Саргона II. Первыми с ними познакомились урарты; сведения о военных действиях между ними сохранились в шести донесениях ассирийской разведки царю. Их страна называется в этих письмах Gamig(a), но в одном случае киммерийцы названы жителями страны Gimir — Gimirāja [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 144]. Другой текст, в котором также зафиксирована эта более поздняя форма написания «страны киммерийцев» [ABL 473; АВИИУ, № 50:36] и который И. М. Дьяконов предположительно датировал 705 г. до н. э. [Дьяконов, 1981а, с. 92], теперь с большей вероятностью относится к правлению Асархаддона [Luukko, Vuylaere, 2002, N 95:10; Иванчик, 1996, с. 58—59]. Неустоявшаяся орфография этого названия свидетельствует о недавнем появлении киммерийцев, с которыми сами ассирийцы ещё не имели контактов и получали информацию из вторых рук. Что касается самого понятия «страна Гамир», то, конечно же, в пределах стран Древнего Востока оно могло означать только более или менее постоянную базу, откуда кочевники совершали набеги, но не «самостоятельную политическую единицу» [Дьяконов, 1981а, с. 92], т. е. завоеванную территорию, превращенную киммерийцами в подобие «царства». При Саргоне киммерийская база определенно локализуется севернее Урарту в южной части Центрального Закавказья, на границе со страной Гуриания, которая, в свою очередь, граничила с Урарту [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 92]. Согласно Цовинарской надписи Русы I, Гуриаини, как отметил ещё И. И. Мещанинов, можно локализовать к востоку от озера Севан [Diakonoff, Kashkai, 1981, p. 37; Арутюнян, 2001, с. 506]. Локализация страны Гамир предполагалась в Западной Грузии, но помещать её в район озера Урмия нет серьезных оснований (литературу см.: [Иванчик 1996, с. 30—31]). При Саргоне киммерийцы действовали на ограниченной территории к югу от Закавказья, в пределах северных районов Урарту. Предположение о рейдах в это время киммерийских отрядов в более южные земли, а именно в Манну, основано на единственном письме, в котором название страны восстановлено [Lanfranchi,

Parpola, 1990, N 145; Иванчик, 1996, С 5]. В четырёх донесениях ассирийскому царю сообщается о разгроме киммерийцами урартского войска в стране Гамир в 714 г. [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 92, 145; Parpola, 1987, N 30—32]. Предполагается, что вторжение урартского царя Русы I в Гамир могло быть ответом на набег киммерийцев в Урарту незадолго до этого, где-то между 716 и 714 гг. [Lanfranchi, Parpola, 1990, р. XX, N 144, 145] (о датировке писем, локализации страны Гамир, вернее, временной базы киммерийцев в южной части Центрального Закавказья и о политической ситуации в Урарту см.: [Иванчик, 1996, часть I. 1.]; см. также: [Иванчик, 1999, с. 79—81]). Тогда урарты преградили путь киммерийцам в Малую Азию [Медведская, 1994, с. 128—129].

Спустя 35 лет, в царствование Асархаддона, ассирийцы называют, соответственно, киммерийцев и область их обитания уже только как Gim(i)r(á)ja и Gim(i)r(a). Одно из самых ранних свидетельств о киммерийцах этого времени датируется 13 июля 679 г. до н. э. Документ о продаже огорода в Ниневии был заверен одиннадцатью свидетелями [Kwasman, Parpola, 1991, N 204]. Один из них, по имени Убру-Харран, назван, как и свидетель в предыдущей строке документа, начальником военного отряда, но к званию Убру-Харрана добавлено определение «киммериец», «киммерийский»:

стк. 7' IGI^{md} IM-SUM-MU LÚ. ḠGAL-ki-širṭ

стк. 8' IGI^m SUHUŠ-KASKAL LÚ.: gi-mir-a-a

Во избежание повторения звания свидетеля в стк. 8' вставлен клинописный знак повторения. Очевидно, этот же Убру-Харран участвовал в сделке от 5 декабря 675 г., когда ему было передано некоторое количество вина, но его титул «начальник отряда киммерийцев» отсутствует [Ibid., N 232]. Имя этого жителя Ниневии было ассирийским, связано оно с культом бога Сина Харранского [Дьяконов, 1951, № 66, с. 117, примеч. 2]. Царский телохранитель с таким именем упоминается ещё в эпоху Саргона II [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 227]. Что бы ни означал по существу «отряд киммерийцев», которым командовал Убру-Харран, очевидно, что тридцатипятилетняя пауза в письменных источниках не означала полного исчезновения самих киммерийцев из Древневосточного региона, и до 679 г. они могли находиться в поле зрения ассирийцев, поступая, например, к ним на службу (об этом см. также: [Иванчик, 1996, с. 66]). Если действительно в этом воинском подразделении служили киммерийцы, то это свидетельствует о том, что разрозненные отряды кочевников, не имея определенных политических целей, присоединялись к тем или иным действующим военным силам. Так было в рассмотренном случае в 679 г., но и позднее, после 671 г., киммерийцы в качестве военных наёмников находились на службе в ассирийской армии [Starr, 1990, N 139] (см. ниже). Но обычно они примыкали к антиассирийским силам.

Начиная с 670-х гг. источники фиксируют киммерийцев на пограничных с Ассирией территориях — одновременно на востоке, в странах Иранского нагорья, на севере, в районе Урарту, а также к западу от верховьев Евфрата. На востоке ассирийские источники фиксируют враждебных киммерийцев уже около 675 г., они действуют совместно с манеями против ассирийцев. Правда, судя по письму астролога Белушезиба [Parpola, 1993,

№ 111], поначалу они не были верными союзниками маннейцев, поскольку обещали ассирийцам нейтралитет. За несколько лет до этого на стороне маннейского царя действовали также и скифы, возглавляемые Ишпакаем. Согласно официальной версии, ассирийцы разгромили тогда маннеев и скифа Ишпакая, «союзника, не спасшего их». Об этом сообщено в призме Асархаддона, датированной 676 г. [Heidel, 1956, p. 17, ii:20—23]. Исследователи не исключали, что речь в источниках шла об одном и том же событии, полагая, что ассирийцы не различали киммерийцев и скифов. Но это предположение неверно и опровергается самими ассирийскими источниками. А. И. Иванчик справедливо подчёркивает, что это были два разных события, случившихся в разное, хотя и сравнительно близкое время. Письма Блушезиба датируются около 676 или 675 г., вероятнее последняя дата, гибель Ишпакая — между 680/79 и 677/76 гг. или, возможно, между 680/79 и 678/77 гг. до н. э. [Иванчик, 1996, с. 79—84]. После разгрома Ишпакая скифы ещё несколько лет присутствовали в странах Древнего Ирана. Тогда (ок. 672) скифский вождь/царь Бартатуа в обмен на союзный договор с Асархаддоном просил в жены его дочь ([Starr, 1990, N 18; Иванчик, 1996, с. 97—99]; см. также: [Алексеев, 2003, с. 101—103]), позднее скифы в клинописных текстах не упоминаются.

Накануне антиассирийского восстания киммерийцы участвуют вместе с маннеями, мидийцами и скифами в нападении на ассирийские отряды, собиравшие дань. Киммерийцы и скифы совместно совершают набеги на ассирийские провинции Бит-Хамбан и Парсуа. Но в самом восстании, которое началось не ранее 671 г. до н. э., в осаде ассирийских крепостей участвуют с остальными союзниками только киммерийцы, без скифов (см. гл. IV.1, 2). Их присутствие в Северо-Западном Иране фиксируется и позднее. В 666 г. в письме астролога киммерийцы названы вместе с маннейцами как враги ассирийского царя [Hunger, 1992, N 418]. Кроме того, они названы в запросе к оракулу вместе с маннейским царем Ахсери, по видимому, накануне ассирийского похода в Манну в 660 г. [Grayson, 1980, p. 233; Starr, 1990, N 269]; тогда Ахсери был убит [Piepkorn, 1933, Ed. B, p. 50—55] и с враждебностью Манны было покончено. Очевидно, киммерийцы тогда избежали расправы, и эти «восточные» киммерийцы фигурируют в письме Аккуллану в 657 г. как «умман-манда» (см. ниже).

Скифы после разгрома Ишпакая, судя по клинописным текстам, не играли столь важной роли, как киммерийцы, и, во всяком случае, уже не противостояли Ассирии. Не фигурируют скифы и среди иностранных наёмников, бывших на службе в ассирийской армии, что отражено в запросе Асархаддона к оракулу о возможных мятежах против царя Ассирии и наследного принца Ашшурбанапала. В обширном списке недружественных ей народов среди хеттов/хаттов (жителей страны Хатти), ахламеев/арабов, филистимлян, египтян, нубийцев/кушитов, эламитов, а также мидийцев и маннеев названы только киммерийцы ([Starr, 1990, N 139, 142, 144]; ср.: [Дьяконов, 1994, с. 111, примеч. 11]). Запрос может датироваться после 671 г. до н. э., когда после оккупации Египта и разгрома нубийского фараона Асархаддон ввел в состав своей армии кушитских и египетских солдат [Starr, 1990, p. LXIII].

Но нигде киммерийцы не присутствовали так долго, как на территориях вблизи западных границ Ассирии. Четыре десятилетия «западные» кимме-

рийцы тревожили Ассирию и её соседей на этом участке. Союзниками киммерийцев в антиассирийских выступлениях здесь были мушки (фригийцы и родственные им протоармяне, см.: [Дьяконов, 1994, с. 111; Паркер, 1998, с. 100, примеч. 43]), правители Мелида, Табала, Киликии и Урарту. Успехи сменялись поражениями, киммерийцы уходили и возвращались. События разворачивались здесь следующим образом. В 679/78 г. киммерийцы во главе с Теушпой потерпели поражение в стране Хубушна/Хупишна, ставшей ареной борьбы между киммерийскими войсками и силами Асархаддона [Kessler, 1975, S. 500—501; Иванчик, 1996, с. 60—64]. Локализация этой страны имеет важное значение для определения западных пределов продвижения как ассирийцев, так и киммерийцев в эти годы. Была ли страна Хубушну ассирийским владением?

V.2. Разгром киммерийцев в Хубушне в 679/78 г. до н. э.: её локализация, ассирийские вторжения, сложение антиассирийских союзов в VII в. до н. э.

Страна Хуб/пишна/Хубушна (хетт. Хуписна) идентифицируется с Кубистой античных и византийских авторов и имеет точную локализацию возле турецкого городка Эрегли (34° вост. долг., 37°30' сев. шир.). Название Эрегли происходит от античной крепости Гераклея, построенной для защиты г. Кубистра [Ramsay, 1890, p. 341]. В римскую эпоху Кубистра была частью провинции Каппадокия, позднее Кубистра-Гераклея входила в епархию Тиана (хетт. Туванува/Тувана; [Garstang, Gurney, 1959, p. 64—65]). Согласно Страбону, Тиана — город в Каппадокии у подножия Тавра, возле Киликийских Ворот — прохода в сторону Киликии и Сирии; недалеко от Тианы ближе к горе (т. е. к Тавру. — *И. М.*) расположен городок или область Кибистры (XII. II. 7, C537). Э. Форрер, не рассматривая специально идентификацию Кубистры с клинописной Хубишной, поместил, тем не менее, последнюю на месте Кубистры вдалеке от Табала [Forrer, 1920, S. 73, карта]. Позднее эта идентификация была признана исследователями [Garstang, Gurney, 1959, p. 64—65; Kessler, 1975, S. 500]. Локализация Табала менее определена: эту страну помещают в горах Анти-Тавра [Garstang, Gurney, 1959, p. 50], в районе Кайсери [Zadok, 1985, p. 300], в юго-восточном углу Анатолийского плато между реками Кызыл-Ирмак (Галис) и Джейхан/Шейхан ([Hawkins, 1982, p. 376, note 18], здесь же см. литературу). Хотя Хубушну иногда включают в состав Табала [Kessler, 1975, p. 500], очевидных доказательств этого в источниках нет. Напротив, они чаще свидетельствуют о ее обособленности. Хубишна локализуется западнее гор Тавра и на значительном расстоянии к юго-западу от Табала. Правда, локализация, предложенная Н. В. Хазарадзе, несколько сближает Табал с Хубушной [Хазарадзе, 1970, с. 84].

Ассирийцы впервые проникли в район к западу от верховьев Евфрата в царствование Тиглатпаласара I (1115—1077). После долгого перерыва ассирийские контакты с западным регионом были возобновлены лишь при Ашшурнацирапале II (883—859), хотя ассирийские походы сюда не имели значительных результатов [Hawkins, 1982, p. 380—382, 388—390]. Лишь в

результате 19 кампаний Салманасара III (858—824) в период между 859 и 831 гг. ассирийцы смогли подчинить позднешеттские царства и депортировать часть их населения в Ассирию [Ibid., p. 390—395, 398]. Ассирийцы проникали главным образом на территории к востоку от Тавра — в Северную Сирию, Мелид или на юго-запад от последнего — в страну Куэ. Гораздо реже они пересекали горы Тавра, где им удалось получить дань от 20 или 24 царей страны Табал [Grayson, RIMA 3, 79, A.O.102.16:165'—172'a; 67, A.O.102.14:105]. Страна Хубушну и ее владетель упомянуты только однажды; из контекста следует, что владетель города Хубушну не принадлежал к царям страны Табал [Ibid., 79, A.O.102.16:172'b—181']. Преемники Салманасара III не смогли закрепить успехи Ассирии на этом направлении.

Возобновил походы в этот регион только Тиглатпаласар III (744—727). Но за прошедшие годы здесь усилилось влияние Урартского царства и была создана антиассирийская коалиция. Однако Тиглатпаласару III удалось разгромить союзников и перейти через горы Тавра. Среди владетелей, от которых была получена дань, царь Хубишны назван наравне с царями Куэ, Табала, Мелида и др. [Tadmor, 1994, St. IIIA:1—23; Ann. 14:1—5]. Но в перечне западных стран, присоединенных, по словам царя, к Ассирии, владения западнее Тавра, в том числе и Хубишна, не названы [Ibid., St. IIВ:4'—17'; Ann. 19:5—10; Summ. 4:1'—5']. Военные и политические победы Тиглатпаласара III связаны только с сирийскими государствами к востоку от Тавра. Таким образом, сведения источников не дают оснований утверждать, что Хубишна входила в состав Табала (ср.: [Иванчик, 1996, с. 61]).

В правление Саргона II западный фронт приобретает важное значение. В этом регионе его интересы столкнулись с планами фригийского царя Мидаса I, стремившегося захватить страны вдоль Анатолийского и Сирийского побережья Средиземного моря. Здесь вновь создается антиассирийская коалиция северо-сирийских стран во главе с Хаматом, к союзу с которым стремился и урартский царь. Но уже в 720 г. Хамат был разгромлен и перестал существовать. За ним последовало падение в 717 г. Каркемиша, превращенного ассирийцами в провинцию, то же случилось с Мелидом (712), Гургумом (711), Куммухом (709). В 714 г. был разгромлен Руса I, силы которого, как принято считать, были подорваны вторжением киммерийцев (см. гл. IV.3). Чтобы обезопасить свои интересы в этом регионе, Саргон предпринял ряд походов в области за Тавром, в результате которых (с учетом разгрома потенциальных союзников Мидаса) фригийское наступление сорвалось. Саргон утверждал, что он смог присоединить к Ассирии, помимо стран, названных выше, также Каску, Табал, Хилакку и др. [ARAB II, § 80, 90]. Но и на этот раз Хубушна в этом списке не названа. Саргон говорит лишь о ее побежденном соседе — стране Атуну/Туну, владетель которой испугался разгрома Табала и признал власть Саргона [ARAB II, § 214]. В результате многочисленных походов ассирийских царей в этот регион позднешеттские государства потеряли к 708 г. независимость, а ассирийская политика депортаций изменила этнический характер местного населения [Hawkins 1972, p. 159]. И тем не менее успехи Ассирии в Малой Азии были кратковременными [Косян, 2002, с. 191—194]. Ассирия не была уверена в силе своей власти и надеялась на помощь Фригии [Pagola, 1987, N 1:43 f.], с которой ещё недавно находилась в конфронтации. Саргон был

вынужден вновь завоевывать Табал в 705 г. до н. э., но этот поход закончился разгромом ассирийской армии и гибелью Саргона [Hawkins, 1982, p. 422]; о предполагаемом месте его гибели в Мидии см.: [Иванчик, 1996, с. 58—59].

Таким образом, разгром киммерийцев и их вождя Теушпы в 679/78 г. до н. э. в стране Хубушне произошел в ходе очередной попытки завоевания этой страны ассирийцами. Следовательно, в данном случае киммерийцы вторглись не в ассирийские владения. Произошел ли этот разгром в результате случайной встречи ассирийцев и киммерийцев, у которых здесь были свои собственные цели, или в это время они уже стали врагами, сказать трудно. Но через несколько лет последнее стало очевидным.

С каждым годом политическая ситуация в этом регионе становилась всё напряженнее. Частью завоеваний Асархаддона на западной границе Ассирийской державы стало очередное покорение Киликии и Табала [Kessler, 1975; Дьяконов, 1981, с. 47—48; Иванчик, 1996, с. 60—64, С 7А, С 8, С 9]. Перешли под контроль Ассирии и позднешеттское царство и одноименный город Мелид (локализуется восточнее гор Тавра, в правобережье Верхнего Евфрата, в районе совр. Малатья). Судя по запросам Асархаддона к оракулу бога Шамаша, он приложил немало сил, чтобы завоевать и удержать Мелид, бывший стратегически важным центром, контролировавшим торговые пути всего региона [Starr, 1990, N 1—13]. Считается, что Мелид перешёл под контроль Ассирии в 675 г. или чуть позднее, очевидно, в результате похода Асархаддона против Мугаллу-мелидца в шестой год своего правления ([Grayson, 1975, Chr. 1, iv:10; Chr. 14:15; Иванчик, 1996, с. 68—71, 77]; здесь же см. литературу). Однако тот факт, что эта кампания, о которой сообщено только в вавилонской хронике, не отмечена самим Асархаддоном в его надписях, говорит скорее о том, что поход был неудачным. К тому же позднее Ашшурбанапал подчеркивал, что Мугаллутабалец, как и правители Хилакку и Арвада, был враждебен к его предкам и не подчинялся им [Piercogn, 1933, Ed. V. II:71—75]. По-видимому, в 675 г. до н. э. в ходе военных действий Мелид временно перешёл к ассирийцам, но союзники Мугаллу — киммерийцы, табальцы и фригийцы — помогли ему вернуть Мелид [Starr, 1990, N 1]. Очевидно, что Мугаллу удалось включить и Табал в свои владения [Hawkins, 1993—1997, p. 406]. Именно поэтому Ашшурбанапал и назвал его табальцем. Но если этот запрос подтверждает результаты похода Асархаддона, точнее, факт самого похода и попытку завоевания им Мелида около 675 г., то ни этот документ, ни другой запрос к оракулу [Ibid., N 13] не могут даже косвенно подтвердить завоевание Фригии киммерийцами и её «частичное» подчинение им.

V.3. Киммерийцы и фригийцы, статус Фригии, фригийский поход Русы II

Нападение на Фригию или какие-либо другие враждебные действия киммерийцев по отношению к фригийцам в клинописных текстах не зафиксированы. Вторжение киммерийцев в эту страну и, как предполагают исследователи, связанное с этим самоубийство фригийского царя Мидаса

сохранила только античная традиция [Страбон, I. III. 21, С61; Иванчик, 1996, с. 71—77]. Однако недавно были сделаны попытки найти в ассирийских текстах косвенное подтверждение сведениям античных авторов. Так, А. Старр обратил внимание на то, что в одном из запросов Асархаддона некий Мита/Мидас, который направляет послов и войско к NN (имя не сохранилось), носит титул EN-URU/bēl āli — ‘владыка поселения’ [Starr, 1990, N 13]. Поскольку, как отметил А. Старр, имя Миты было царским, то он допустил возможность восстановления в другом запросе (№ 1) в лакуне перед названием Фригии (KUR.mušku) имя Мидаса не с титулом «царь», а с титулом «владыка поселения». И в таком случае статус Фригии, по его мнению, понижался до вассальной зависимости от киммерийцев, что могло быть результатом киммерийского вторжения, подчинения Фригии и гибели Мидаса [Starr, 1990, р. LVII, р. 4, note 1:4]. И следовательно, фригийцы уже поневоле стали союзниками киммерийцев, которые пытались помочь Муггалу отвоевать Мелид.

Это предположение А. Старра использовал А. И. Иванчик, полагавший, что запрос № 1, в котором, по его мнению, отражено «частичное» подчинение фригийцев киммерийцам, может служить одним из доказательств сведений античных источников относительно как даты вторжения киммерийцев во Фригию (середина 670-х гг.), так и его результатов [Иванчик, 1996, с. 71—77]. С этим трудно согласиться, поскольку текст запроса № 1 достаточно стандартен — подобное перечисление союзников, осуществлявших совместные военные действия, характерно для большинства запросов Асархаддона к оракулу, например, в связи с антиассирийскими выступлениями в Древнем Иране (см. гл. IV.2). Нет оснований сомневаться в том, что речь в этом тексте идет о равноправных союзнических отношениях фригийцев, киммерийцев и Муггалу.

Кроме того, как отметил И. М. Дьяконов, предложенное Й. А. Кнудтценом восстановление в запросе № 13 титула EN-URU/bēl āli само по себе спорно, если иметь в виду царя Мидаса. Он предложил несколько возможных определений для понятия «владыка» [Дьяконов, 1956, с. 259—260, примеч. 5]. С формальной точки зрения, возражение предлагаемому Старром заполнению лакуны перед названием страны Фригии в запросе № 1 заключается в том, что титул EN-URU/bēl āli использовался в ассирийских текстах только в связи с названием конкретного города или именем персоны, но не применительно к такому обширному понятию, как царство, коим была Фригия. Хотя, как правило, титул bēl āli сочетался с именем персоны и названием населенного пункта, но иногда, например при описании совместных действий нескольких градоначальников, отсутствуют их имена, или название их городов, или и то и другое. В большинстве случаев этот термин использовался преимущественно в связи с городами, расположенными на территориях к востоку и северу от Ассирии, хотя и не исключительно по отношению к мидийским городам, и этот титул не был, как считал С. Браун, попыткой перевода мидийского термина. Он также предполагал, что титул bēl āli не использовался в пределах царства, и следовательно, его применение означало отсутствие какого-либо государственного образования [Brown, 1986, р. 107, note 3; 1987—1990, S. 622]. Последнее предположение не совсем верно. Например, в письме к Саргону правитель ас-

сирийской провинции Замуа упоминает союзных ему маннейских градоначальников [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 27]. Другое дело, что при первом знакомстве с владетелями завоеванных городов ассирийцы иногда называли их «царями» и лишь позднее они получали титул *bēl āli*. Так, первоначально Ашшурнацирапал II назвал царями всех «владык поселений» завоеванной им страны Замуа [RIMA 2, 205, A.O.101.1, ii:46]. Но при Саргоне II один из городских владетелей провинции Замуа — Кунбуна имел титул *bēl āli* [Lanfranchi, Parpola, 1990, N 243]. Салманасар III также обычно применял титул «царь». Так, он назвал некую персону (имя сохранилось частично) царем города Занзиуна (город в Урарту: [RIMA 3, 21, A.O.102.2 ii:57]), а также назвал Какиа царем города Хубушкия (одноименная страна локализуется в верховьях Большого Заба, см. гл. III.1; см. также: [RIMA, 3, 8, A.O.102.1:23; 21, A.O.102.2 ii:64]). Хотя в последнем случае, по-видимому, Салманасар имел в виду именно царя, поскольку вокруг города Хубушкия, как он отметил, находилось 100 городов, и Какиа назван также царем страны Наири (конгломерат стран к северо-востоку от Ассирии: [RIMA 3, 8, A.O.102.1:23; 14, A.O.102.2 i:20—21]). В другом тексте, указывая пределы своих завоеваний, он назвал Хубушкию страной [RIMA 3, 8, A.O.102.5 iii:3]. Шамши-Адад V в списках данников из двух городов Гизильбунды не наделяет их никаким титулом [RIMA 3, 185, A.O.103.1 iii:4—5], но в конце другого списка данников, также перечисленных без титулов, все они названы «царями» страны Наири [RIMA 3, 186, A.O.103.1 iii:44—67]. В конце 670-х гг. до н. э. Ассархаддон при заключении договоров с LÚ.EN.URU. MEŠ нескольких городов в Мидии и на соседних территориях (см. гл. IV.1) также назвал двух «владык поселений» не города, а страны Замуа и страны Эллипи [Parpola, Watanabe, 1988, p. 28, примеч. к стк. 3]. Но обе эти страны давно уже были ассирийскими провинциями (страна Эллипи входила в состав ассирийской провинции Хархар в Древнем Иране).

Примеры использования титула LÚ.EN.URU/bēl āli в ассирийских текстах IX—VII вв. до н. э. приведены в схеме 4.

Схема 4. Примеры использования титула LÚ.EN.URU/bēl āli

Ашшурнацирапал II использовал титул LÚ.EN.URU/bēl āli трижды и только в связи с городами на западе:

883 г.: казнен сын владыки города Ништун в стране Хабху ([RIMA 2, 197—198, A.O.101.1 i:59, 67]; Хабху — географическое понятие, означающее область от верховьев Верхнего Заба на востоке до границ страны Хатти на западе: [Levine, 1972—1975, 4, p. 12—13]);

882 г.: восстал Хулайя LÚ.EN.URU Халзилуха (локализуется в районе гор Кашьяри, севернее истоков р. Хабур), упомянут и другой укрепленный город Хулайи — Кинабу [RIMA 2, 200—201, A.O.101.1 i:102—103, 106—109];

866 г.: получена дань от градоначальников страны Кипану (локализуется в верховьях Евфрата [RIMA 2, 219, A.O.101.1 iii:93]).

Салманасар III использовал титул LÚ.EN.URU дважды в описании походов на запад:

856 г. — пленён Суа, владыка города Йаштал (?) в стране Сухме в верховьях Евфрата [RIMA 3, 20, A.O.102.2 ii:46];

853 г. — в одном из городов на берегах р. Балих (левый приток в верховье Евфрата) местные жители, испугавшись приближения ассирийского царя, убили

своего градоначальника по имени Гьямму [RIMA 3, 45, A.O.102.8:13'; 52, A.O.102.10 ii:14—15; 65, A.O.102.14:55; 75, A.O.102.16:29].

Шамши-Адад V не упоминает на западе правителя с этим титулом:

815 г. — царь получил дань от Bēl āli города Цибара (в Гизильбунде, Иран). А. Грейсон не исключает в данном случае использование титула в качестве имени собственного [RIMA 3, 185, A.O.103.1 iii:19—20].

Тиглатпаласар III использовал титул bēl āli только применительно к владыкам в Древнем Иране:

744 г. — градоначальники стран Намара, Бит-Сингибуту, мидийцев и горных стран [Tadmor, 1994, St. IB:12'—13', 16'; St. IIIA:26—27];

737 г. — завоеваны города в Мидии (Ibid., St. IIB:26') и от их градоначальников получена дань [Ibid., Summ Inscr. 1:19—20; Summ Inscr. 3:11'—12'; Summ Inscr. 7:38; Ann. 16:9].

Саргон спустя сто лет после правления Салманасара III вновь использовал титул bēl āli применительно к западному городу Тил-тури возле Харрана (класс. Тилтаури; [Parpola, 1987, N 190]). Но более 20 раз он встречается в странах Древнего Ирана и ассиро-урартского пограничья [Parpola, 1987, N 16, 72, 84, 146, 147; Lanfranchi, Parpola, 1990, N 100, 103, 117, 203, 217, 237, 243, 245; Fales, Postgate, 1992, N 58r. iii:17 (локализация неясна); Fuchs, Parpola, 2001, N 90, 91, 95, 101—103, 125, 350 (локализация последнего неясна)].

Синаххериб этот термин не использовал.

Асархаддон упоминает градоначальников на западе только дважды:

670 г. — печать Убру-[...] — LÚ.EN.URU.šádikanni (Шадиканни — город на р. Хабур; Kwasman, Parpola, 1991, N 286); **670-е гг.** Мидас EN.U[RU] (название города не сохранилось [Starr, 1990, N 13]). Но более 20 раз о них говорится в связи с событиями в странах Древнего Ирана [Parpola, Watanabe, 1988, N 6, примеч. к стк. 3 на с. 28; Starr, 1990, N 41, 42, 45, 48, 51—53, 56—57, 60—61, 73, 76; Luukko, Buylaere, 2002, N 15].

Ашшурбанапал назвал владыками поселений двух пленных киммерийцев, присланных Гигесом — EN.URU.MEŠ (ред. А 643/42 г.; [Иванчик, 1996, с. 269, С 47:107—108]).

Все рассмотренные примеры, в том числе и исключения из стандартного использования титула LÚ.EN.URU/bēl āli, не дают основания восстанавливать в лакуне запроса № 1, который относится ко времени Асархаддона, имя и титул правителя как [^mmi-it-ta-a EN.URU K]ur muš-ku [Starr, 1990, N 1:4]. И следовательно, использование титула Миты/Мидаса из запроса № 13 для доказательства вассального статуса Фригийского царства неправомерно.

Текст запроса № 13 сохранился плохо; удаётся восстановить только то, что Мидас, «владыка поселения», собираясь стать союзником N, посылает своих курьеров, войско своего племянника и еще чьи-то войска к некоему Илу-таклаку. Примечательно, что во всей группе запросов в связи с событиями в Малой Азии [Starr, 1990, N 1—13], главным действующим лицом которых был Мугаллу, его союзники (табальцы, киммерийцы, некто из Фригии) упоминаются или все вместе с Мугаллу, или порознь. Но в запросе № 13 никто из них не назван; в отличие от остальных запросов, только в нём, хотя и в неясном контексте, сохранилось слово «царь». В других запросах противники Асархаддона не имеют царского титула: Мугаллу назван мелидцем, Ишкалуу — табальцем, но название Фригии не содержит

указания на этническое определение персоны. В таком случае названные различия позволяют с бóльшим основанием предполагать, что этот Мидас не был на стороне Мелида, Табала и киммерийцев, а стремился к союзу с другими персонами, возможно, бывшими на стороне Ассирии. Поэтому не исключено, что запрос № 13 не имеет отношения к этой группе, разве что «территориально», если считать, что имя Мита/Мидас в эту эпоху было исключительно фригийским.

По существу же проблемы, поднятой А. Старром и А. И. Иванчиком, возникают следующие вопросы: когда киммерийцы могли напасть на Фригию — вскоре после 675 г. (как предполагают оба автора) или позднее; было ли это вторжение самостоятельным (как об этом сообщают Геродот и другие античные авторы) или киммерийцы вторглись во Фригию в союзе с кем-то, чье имя античные авторы не сохранили? Судя по клинописным текстам, киммерийцы почти всегда действовали в составе коалиции. Кроме ассирийцев, считавших киммерийцев своими врагами, другой силой, способной вести завоевательные войны в это время, было Урартское царство. Геродот и другие античные авторы не сохранили никаких сведений по его истории, и даже его название было им неизвестно. Однако уже давно было высказано предположение, что киммерийцы в нападении на Фригию, приведшем к ее поражению, были союзниками урартского царя Русы II. По мнению Г. А. Меликишвили, следует объединить сведения урартских и античных текстов, поскольку, «по всей вероятности, в обоих источниках речь идёт об одном и том же событии» [Меликишвили, 1954, с. 312—316; Дьяконов, 1968, с. 170—172].

Вместе с тем найденный в Айанисе новый дубликат анналов Русы II, в котором говорится о его походе во Фригию, ставит под сомнение предлагаемую дату её завоевания в середине 670-х гг. и дает основание предполагать более позднюю дату. Как уже было отмечено (см. гл. IV.3), в отличие от известного прежде дубликата этого текста Русы II из Адильджеваза, в надписи из Айаниса прежде всего говорится о вторжении Русы в Ассирию. По-видимому, речь шла лишь о вторжении Русы в недавно завоеванную Асархадном Шубрию (локализуется западнее оз. Ван), которая после 714 г. была независимой. Её завоевание длилось с ноября/декабря 673 г. по февраль/март 672 г. до н. э. [Саркисян, 1978, с. 168—178] или, как предложил А. И. Иванчик, в 672/71 г. [Иванчик, 1996, с. 77]. До начала этой войны и сразу после неё ассиро-урартские отношения были относительно дружественными, о чем, в частности, говорит тот факт, что после завоевания Шубрии на восьмом году своего правления Асархаддон выдал Русе пойманных там урартских перебежчиков [Grayson, 1975, Chr. 14:24—25; Chr. 1, iv:19—20; ARAB II, § 607; Borger, 1956, § 68, Gbr. III:28—34]. Следовательно, отношения обоих царей испортились позднее, и вторжение Русы II в Ассирию/Шубрию и во Фригию могло случиться не ранее 670 г., а скорее всего чуть позже. Антиассирийский союз киммерийцев и урартов фиксирует запрос к оракулу в связи с возможным вторжением Русы II и союзных ему киммерийцев в Шубрию [Starr, 1990, N 18], но уточнить дату этого предполагаемого события данный документ не может. Правда, в нём названы два города — Пуму и КулГимТмери, которые стали центрами двух провинций разделённой после завоевания Шубрии. Тогда

же Асархаддон переименовал шубрийские города, о чём говорится в его «письме к богу» ([Дьяконов, 1951, № 67: н., п.]; см. также: [Саркисян, 1978, с. 174—176]). Но в запросе сохранены старые названия обоих городов, хотя неясно, может ли эта деталь влиять на его датировку. Не исключено, что начало этого вторжения в Шубрию и Фригию можно отнести к началу 660-х гг. (см. ниже).

В целом же нет оснований сомневаться в том, что антиассирийский союз киммерийцев, фригийцев, табальцев, возглавляемый, очевидно, Мугаллу-мелидцем, распался и в конце 670-х гг. киммерийцы стали союзниками урартов, вместе с которыми и осуществили вторжение во Фригию. Таким образом, состоявшийся союз киммерийцев и урартов, с одной стороны, и сообщение урартских источников о вторжении Русы II во Фригию — с другой, косвенно подтверждают свидетельство античных авторов о киммерийском вторжении во Фригию, которое в действительности состоялось совместно с урартским царём.

V.4. Возвышение Лидийского царства при Гигесе: страна Амурру и письмо астролога Аккуллану от 657 г., военная помощь Гигеса Псамметиху, изгнание киммерийцев из Малой Азии

Не была ли вызвана перегруппировка сил малоазийских государств быстрым возвышением Лидийского царства в правление Гигеса и его стремлением расширить пределы царства прежде всего за счёт Фригии? Не этим ли обстоятельством и был спровоцирован поход Русы II во Фригию вместе с мобильным и очень полезным союзником — киммерийцами? Вполне вероятно, что в ходе военных действий непредсказуемые киммерийцы самостоятельно вторгались в пределы Лидийского царства (или на вновь завоеванные Гигесом территории?). А поскольку самое раннее упоминание их вторжения имеется в анналах, составление которых датируется около 665 г. до н. э. (ред. E₂), то оно должно было случиться раньше. Из всех редакций анналов Ашшурбанапала, составленных в 660-е (ред. E₁₋₂, NT) и в 640-е гг. (B, C, F, A, IT), следует, что киммерийцы лишь дважды нападали на Лидию: в начале 660-х гг. их нападение было отбито лидийцами, второе, случившееся в 644 г. до н. э., привело к гибели Гигеса (ред. A составлена в 643/42 г.).

Исследователи не исключают ещё одно нападение киммерийцев на Лидию, случившееся около 657 г. Это предположение основывается на прочтении одного астрологического послания, которое удалось датировать 657 г. до н. э. [Hartman, 1962, p. 29, 34—37; Parpola, 1970/2007, II, p. 307—311]. Теперь это письмо известно как письмо астролога Аккуллану [Parpola, 1993, N 100]. Но в 1962 г. в этом письме отсутствовали и имя астролога, и первые 12 строк, добавленные С. Парполой. Тогда текст начинался с комментария астролога: «это плохое предзнаменование для страны Амурру» [Ibid., N 100: 13], далее речь шла о киммерийцах, обладавших необыкновенным могуществом. Л. Хартман понял текст так, что именно это могущество и принесёт зло стране Амурру. Под этим архаическим назва-

нием обычно подразумевались страны на территориях от Западной Месопотамии до Сирии/Хатти и Палестины [Дьяконов, 1951а, с. 35]. Но Хартман считал, что в данном случае страна Амурру означала Лидию, полагая, что в это время киммерийцы не могли напасть на территории Западной Месопотамии или Сирии, но специальных доказательств своему заключению он не представил [Hartman, 1962, p. 29]. Позднее его точку зрения принял Э. Спелинджер, который использовал эту дату предполагаемого киммерийского нападения на Лидию как веху в хронологии событий египетской истории 662—656 гг. до н. э. [Spalinger, 1978, p. 403—405]. Но затем идентификация Амурру = Лидия была отклонена и заменена на Амурру = Хатти/Сирия или Амурру = Куэ/Киликия и был признан факт захвата киммерийцами ассирийских территорий [Иванчик, 1996, с. 103—107].

Таким образом, письмо астролога Аккуллану превратилось в очень важный документ, свидетельствующий о событиях, которые отсутствуют в официальных ассирийских документах. В нём содержится также ещё ряд необычных деталей, требующих специального рассмотрения.

Структура астрологических посланий стандартна: эти письма состоят из древних прорицаний, основанных на наблюдении небесных явлений — знамениях (они написаны на вавилонском диалекте). Предсказания, представляющие цитаты из специальных сборников астрологических пророчеств, отделены линиями от комментариев самого астролога, написанных в данном случае на ассирийском диалекте аккадского языка. Каждому предсказанию соответствует своё знамение (движение планет, явления природы и т. п.) и отдельное его толкование астрологом. Отличительной чертой этих писем является архаичная топонимия и этнонимия.

В исследованиях последнего времени это письмо становится особенно важным. Дело в том, что С. Парпола присоединил к давно известному тексту небольшой фрагмент — стк. 1—12 и перевёл шумерограмму LUGAL ŠU как *šar kiššati* [Parpola, 1993, N 100:12]. В результате впервые титул «царь вселенной», который носил исключительно ассирийский царь, перешёл к царю страны Амурру. Необычностью этого письма было уже то, что киммерийцы обладали могуществом/*kiššutu* [Ibid., N 100:13], которым, за редким исключением, обладал только ассирийский царь, но в письме Аккуллану это могущество принадлежит киммерийцам. Далее, А. И. Иванчик прокомментировал содержание предсказания и комментария к нему следующим образом: «Аккуллану наделяет царя киммерийцев титулом *šar kiššati*, однако выражает уверенность, что то великое могущество (*kiššutu*), которое он захватил, в конце концов все же достанется Ашшурбанапалу» [Иванчик, 1996, с. 105]. Как и С. Парпола, А. И. Иванчик считает, что эта беспрецедентная ситуация должна означать, что киммерийцы овладели территорией страны Амурру, которую ассирийцы считали своей, следствием чего стало временное обладание киммерийцами могуществом и титулом ассирийского царя. Если Парпола под страной Амурру, название которой он перевёл как «страна запада», подразумевал часть страны Хатти (= Сирия) [Parpola, 1970/2007, II, p. 308]), то Иванчик, помимо страны «Хатти», не исключал и страну Куэ/Киликия [Иванчик, 1996, с. 105—106].

Первое, что заставляет сомневаться в этих выводах, — это то, что в текстах Ашшурбанапала 660—650 гг. отсутствуют какие-либо намёки на

военные конфликты между ассирийцами и киммерийцами, хотя последние упоминаются постоянно, но только в связи с Лидией. Что касается Сирии, то после ее разгрома Саргоном и депортации значительной части населения в район Загроса она вошла в состав Ассирии и вплоть до падения последней была в составе ассирийской провинции Харран. Можно ли предполагать, что киммерийцы в 650-е гг. завоевали ассирийскую территорию, основав там даже царство? Обычно мы узнаем об ассирийских поражениях косвенно и, как правило, в том случае, если Ассирии удалось взять реванш, что и могло бы иметь место в данном случае, раз Сирия и Харран до конца оставались ассирийским владением. Ничего похожего в ассирийских источниках мы не находим. Кроме того, в предсказании, согласно переводу С. Парполы и А. И. Иванчика, говорится о kiššatu ('вселенная', 'мир'), а комментируется астрологом kiššūtu ('могущество'), что в сравнении с другими астрологическими посланиями выглядит довольно странно.

Сам комментарий к предсказаниям, как обычно в таких текстах, бывает очень кратким — «это плохое предзнаменование для страны Амурру» (стк. 13). Но далее следует довольно необычный комментарий астролога по поводу серьезной активности киммерийцев и предполагаемой недолговечности их могущества. Этот развернутый комментарий мог быть вызван, как будет показано ниже, попыткой астролога смягчить недовольство Ашшурбанапала, которому могли не понравиться результаты предсказываемых приобретений врага царя Амурру. Что касается самих киммерийцев, то в своих посланиях астрологи действительно иногда выступают как политологи с обзором прошлых событий, которые могут стать причиной будущих бед. И в данном случае Аккуллану мог иметь в виду нападение киммерийцев на Лидию или на Фригию, случившееся ещё на рубеже 670-х и 660-х гг. или в начале 660-х гг. Странно выглядят и подобранные астрологом цитаты, если думать, что они описывают события в какой-то киммерийской стране (восстание, братоубийственная война, разграбление дворца, боги киммерийцев: стк. 9—12).

Итак, прежде всего необходимо определить, о какой стране идет речь в начале письма Аккуллану (стк. 9—13). Во всех редакциях текстов Ашшурбанапала о киммерийцах говорится, как уже отмечено, только в связи с Лидией. Могла ли Лидия обозначаться как страна Амурру или, в логографическом написании, — страна MAR.TU.?

Это понятие известно с 3-го тыс. до н. э. Первоначальное значение *амурру* неясно: это было или этническое, или географическое понятие, но, как показал И. Зингер, во 2-м тыс. оно использовалось как географическое противопоставление Аккаду, т. е. В — 3. И понятие «запад» закрепилось за Амурру, но параллельно с ним, с середины 2-го тыс., Амурру имеет уже и более узкое геополитическое содержание, обозначавшее район в Центральной и Южной Сирии [Дьяконов, 1939, с. 60—64; Singer, 1991, p. 69—74]. Обычно Амурру локализируют западнее среднего течения р. Оронт. Важные сведения об Амурру имеются в новоассирийских текстах XII—VII вв. до н. э. и очень ценное упоминание страны Амурру сохранилось в хеттском тексте XIII в. до н. э. В нём говорится о договоре царя Тудхалии IV (1265—1235) с полувластным царем Амурру; ему, в частности, давались инструкции о ведении дел с царём Аххиявы, чьи корабли по-

лучали доступ к портам страны Амурру [Герни, 1987, с. 47]. Выход к морю и удобные порты Амурру, очевидно, и стали причиной стремления ассирийских царей завоевать в первую очередь именно северную часть восточного побережья Средиземного моря. Первыми были Тиглатпаласар I (1115—1077), который захватил всю страну Амурру, и Ашшур-бел-калла (1074—1057), который ограничил предел своих завоеваний на западе Верхним морем страны Амурру. И с этого времени — с XII по VIII вв. включительно — географический элемент *амурру* стал устойчивым компонентом в названии Средиземного моря — *tâmtu rabîtu ša mât amurri* / «великое море страны Амурру», но после правления Салманасара III в этом значении термин больше не используется (подробнее см.: [Yamada, 2005, p. 33 ff., tab. 6]).

Страна Амурру снова упоминается в правление Ашшурнацирапала II и Адад-нерари III среди небольших городов-государств Восточного Средиземноморья. В текстах Салманасара III термин *амурру* используется только для обозначения Средиземного моря. Начиная с правления Саргона II, содержание страны Амурру становится шире — царь называет себя завоевателем стран от границ Египта и Мушку/Фригии, обширной страны Амурру, Хатти, Гутиума. Синаххериб и Асархаддон по-разному раскрывают содержание этой приморской области. Синаххериб, перечисляя поименно царей страны Амурру, называет царей Сидона, Арвада, Библа, Ашдода, Аммона, Моава, Эдома, Ашкелона; в сокращенном варианте этого текста длинный список царей опущен и оставлено в качестве синонима обобщение — цари Амурру. Но понимать перечисленных царей Амурру как «царей запада» не позволяют описание завоеваний Саргона и царская титулатура Асархаддона («царь Субарту, Амурру, Гутиума, обширной страны Хатти...»). Вместе с тем у Асархаддона нет четкого содержания обобщающих понятий «Хатти», «Заречье» (*Eber Nâri*), «морское побережье» [Thompson, 1931, p. 25, v:54—73]. Названные им 12 царств от Арвада до Газы и Эдома включены в территорию или Хатти и Заречья [Ibid., l. 54], или морского побережья [Ibid., l. 63], или Хатти и морского побережья [Ibid., l. 72]. Синаххериб 7 из этих 12 царств включил в «страну Амурру». Асархаддон использовал понятие Амурру только в своей титулатуре. Но в анналах Ашшурбанапала страна Амурру названа вновь как конкретный объект многократных нападений арабских племён. Судя по составу участников этих событий — от Набатеи, Моава на юге до Кедара на севере — страна Амурру продолжала пониматься как обширный регион вдоль восточного побережья Средиземного моря. Примечательно, что в многочисленных запросах Асархаддона к оракулу бога Шамаша в связи с различными событиями в Египте, Леванте, Малой Азии Амурру никогда не упоминается. Подобные запросы Ашшурбанапала в связи с западными странами неизвестны, хотя его политика здесь была очень активной. Примеры использования термина *амурру* в ассирийских текстах приведены в схеме 5.

Таким образом, начиная с VIII в. название Амурру в царских надписях обычно обозначало обширную территорию Восточного Средиземноморья, состоявшую из нескольких царств, но не включавшую страну Хатти. Вместе с тем предсказания астрологов, относящиеся к правлению Асархаддона и Ашшурбанапала, расширяют содержание этого понятия.

Схема 5. Термин KUR MAR.TU^{ki} в ассирийских текстах XII—VII вв. до н. э.

<p>Тиглатпаласар I: в страну Амурру продвинулся, страну Амурру всю захватил; ... до г. Цамур в стране Амурру (adi URU ša-mur-ri ša KUR a-mur-ri ... [RIMA 2, 37, A.O.87.3:18—19, 23; 42, A.O.87.4:26]).</p>
<p>Ашшурбелкала: завоевал... до Верхнего моря страны Амурру [adi tâmti elênite] Ĝšá¹ KUR [a]-mur-ri: [RIMA 2, 104, A.O.89.7 iv:39].</p>
<p>Ашшурнацирапал II: получил дань с царей морского побережья — от тирийцев, сидонцев, амуррцев, библитов, махалатцев, кайзитов, майзитов и царя г. Арвад [RIMA 2, 226, A.O.101.2:28—29].</p>
<p>Салманасар III: (завладел городами на берегу) Верхнего моря страны Амурру, называемого также Западным морем Ĝam¹-di e-li-ni-ti [ša mât a-mur]-Ĝrī¹ Ĝù tam¹-di ...] Ĝša a¹ [-ĥat tâmdi...] [RIMA 3, 10, A.O.102.1:73'—75']; вариант — tam-di <SILIM> [RIMA 3, 17, A.102.2 ii:5-6]. Большое море Запада (амурру) страны Хатти — A.AB.BA. GAL-te šá KUR.MAR.TU.KI KUR ĥat-te [RIMA 3, 28, A.O.102.5 ii:2]. Завоеватель Западного моря, называемого также морем страны Амурру — [A.AB.BA] šá šul-me ^qšam-ši [u A.AB].BA šá KUR a-mur-ri [RIMA 3, 105, A.O.102.29:5—7] и др.</p>
<p>Адад-нерари III: покорил полностью страны Амурру и Хатти — KUR.MAR.TU.KI KUR ĥat-te... [RIMA 3, 211, A.O.104.7:5].</p>
<p>Саргон II: западная страна Хатти — (mātu) Ĥa-at-ti ša (mātu) Amurri [Winkler, 1889, S. 8, l. 41]. ... увёл (их) в город Дамаск страны Амурру, т. е. на западе — i-na ki-rib (maĥâzu) Di-maš-ki ša (mātu) Amurri [Ibid., S. 11, l. 52; АВИИУ, № 46:46]. Уничтожил врагов от Кипра, который в море захода солнца, до границ Египта и страны мушков, обширной страны Амурру, страны Хатти... — (mātu) Ja-at-na-na ša ħabal tam-dim ša-lam (ilu) šam-ši a-di pa-aĥ (mātu) Mu-šu-ri u (mātu) Mu-us-ki (mātu) Amurri ġapaš-tum (mātu) Ĥat-ti ... [Winkler, 1889, S. 98, l. 16—17]; с небольшими изменениями: [Ibid., S. 84, l. 22].</p>
<p>Синаххериб: ...цари Сидона, Арвада, Библа, Ашдода, Бет-Аммона, Моава, Эдома — цари Амурру... принесли многочисленные подарки и тяжкую дань, кроме царя Ашкелона (имена царей в схеме 5 опущены [Luckenbill, 1924, p. 30, II:50—58]); вариант без списка царей: все цари Амурру (šargâni^{pl} MAR.TU^{ki}) принесли мне тяжкую дань [Ibid., p. 69, l. 19—20].</p>
<p>Асархаддон: ...царь Субарту, Амурру, Гутиума, обширной страны Хатти... (царь) царей Дильмуна, Египта и Куша [ARAB II, § 668].</p>
<p>Ашшурбанал: народ Арабии он (царь Кедара) подстрекал к восстанию вместе с ним, и они часто грабили Амурру [Piepkorn, 1933, Ed., B, viii:4—5]; Шамашшумукин... возмутил... царей Гутиума, Амурру, Мелуххи [Borger, 1996, A III, 96—106; ARAB II, § 789].</p>

Из 956 астрологических посланий этого периода в 98 упоминается Амурру [Hunger, 1992; Parpola, 1993]. Благоприятных для этой страны предсказаний немного, преобладают трафаретные предсказания зла: умрёт царь, страна уменьшится, случится голод, наиболее частое предсказание — «ахламу пожрут богатство страны Амурру».

Содержание термина aĥlamû неоднозначно, и, по-видимому, оно менялось хронологически и регионально. Термин известен в текстах Тиглатпаласара I, Адад-нерари II и Ашшурнацирапала II, где он обычно сочетается с названием страны арамеев: (KUR) aĥ-la-me-e KUR ar-ma-a-ia MEŠ [RIMA 2, 23, A.O.87.16:46—47; 43, A.O.87.4:34; 149, A.O.99.2:33; 261, A.O.101.19:96], что и дало основание считать их арамеями. Но, например, Ашшур-реша-иши,

отец Тиглатпаласара I, называл их вне связи с арамеями, говоря только о широко распространившихся ахламу (ummānāt Aḥlamī rapšāti; [RIMA 1, 310, A.O.86.1:6]), поэтому можно не настаивать на их синонимизме. Предполагалось, что ахламеи по сути и происхождению независимы от арамеев (литературу см.: [Brinkman, 1968, p. 277, note 1799]). К. Грейсон считает, что в текстах XII—IX вв. до н. э. термин aḥlamū означал ‘кочевников, варваров’, хотя раньше этот этноним мог быть родовым именем [RIMA 2, p. 23, note v:46]. Такое значение позволяет понять использование этого термина в VII в. до н. э. Тогда он стал уже анахронизмом и использовался, за одним исключением, в запросах к оракулу и в астрологических посланиях. В запросах к оракулу бога Шамаша ахламеи названы несколько раз среди вероятных участников восстания против Асархаддона или наследного принца [Starr, 1990, N 139:11; 142:10, 144:11; 148:7]. А. Старр перевел aḥlamū как ‘арамеи’, что не вполне корректно. Отмечу, что в одном из этих текстов (№ 139) вместе с ахламеями названы арамейские писцы (LÚ.DUB.SAR.MEŠ āg-ma-a-a), что также даёт основание сомневаться в предложенном переводе термина aḥlamū. В более позднем издании царской корреспонденции издатель даёт адекватный перевод: речь народа Вавилона, обращённая к Ашшурбанапалу, содержит, в частности, требование предоставить привилегии для проживающих в Вавилоне иностранных женщин — в том числе ахламитянок, табалитянок и эламитянок [Raynolds, 2003, p. XXX, N 158:5]. В двух других письмах этого издания переводу ‘арамеи’ соответствует имя агаму, речь идет о восточных арамеях [Ibid., N 157 r.:10; N 199:11]. В царских надписях Асархаддона и Ашшурбанапала арамеи перестают упоминаться. Лишь в надписи на Цилиндре Рассама (ок. 643/42) говорится о сторонниках восставшего Шамашшумукина, среди которых названы подвластные Ассирии арамеи [Borger, 1996, S. 40, A III 98; Дьяконов, 1956, с. 287].

В VII в. до н. э. ассирийских царей стали беспокоить усилившиеся кочевые племена Сирийско-Арабской пустыни. Не менее шести раз арабы упомянуты в надписях и официальных письмах Асархаддона и не менее восемнадцати раз — у Ашшурбанапала. Именно частые нападения арабов на Амурру могли быть в числе причин, которые и спровоцировали два похода Ашшурбанапала против них около 650 и 644 гг. [Piepkorn, 1933, Ed. B, p. 82, viii:4—9; Grayson, 1980, p. 231, 234, 235; Eph'al, 1984, p. 142 f.]. Примечательно в связи с этим, что в письмах астрологов этого времени aḥlamū представляют опасность не только для страны Амурру, но и для Субарту/Ассирии. Причём в их посланиях плохим предсказанием для обоих царств («ахламу пожрут Субарту; чужеземец будет править страной Амурру») служит одно знамение [Hunger, 1992, N 12, 120—121, 176, 264—265, 424, 472]. Поэтому можно предположить, что для обеих стран опасность представлял один общий враг, в данном случае арабы. Но если о нападении арабов на Амурру царь говорит в своих надписях, то об угрозе их нападения или о реальном нападении на саму Ассирию и её владения можно лишь догадываться, читая эти послания. Впрочем, одно из писем Набушуму-лишира, которое обычно датировалось временем Асархаддона, Эф'аль предложил датировать временем Ашшурбанапала. Письмо интересно тем, что царь приказал Набушуму-лиширу: «Сообщай об арабах всё то, что ты услышишь» [Eph'al, 1984, p. 56—57; Reynolds, 2003, N 149].

Ключом к пониманию письма Аккуллану могут служить два письма царского представителя в Вавилоне — Мар-Иштара, датированные апрелем и октябрём 671 г. В них идет речь о лунном затмении, о котором в первом письме говорится, что оно «принесет страдание всем странам, но все зло падёт на страну Амурру». Далее сказано: «Амурру означает страну Хатти или страну Калду». Во втором письме говорится о том, что затмение принесет страдание только стране Амурру, и к первому толкованию KUR.MAR.TU.KI добавлена «страна кочевников» (KUR sutū), а далее уточняется: «Кто-то из царей Хатти, Калду или страны арабов будет нести это знамение» [Paqola, 1993, N 347, 351].

Племя сутиев упоминается как с арамеями (у Саргона: «арамей и сутии, обитающие в шатрах» [Eph'al, 1984, p. 10—11]), так и с ахламеями (Синаххериб: «Я искоренил всех ахламеев и сутиев» [Luckenbill, 1924, p. 77, l. 13]). Так же как и ахламеи, сутии — синоним кочевников или полукочевников [Brinkman, 1968, p. 277]. И. Эф'аль подчёркивает, что при Ашшурбанапале KUR или LÚ Arībi стало общим названием для всех кочевников Сирийско-Арабской пустыни [Eph'al, 1984, p. 82—83]. Это утверждение, судя по второму письму Мар-Иштара, может относиться уже к концу правления Асархаддона. За исключением этого письма Мар-Иштара, назвавшего кочевников сутиями, астрологи обычно использовали второй термин — aḫlamū.

Под людьми страны Калду — халдеями в письмах Мар-Иштара подразумеваются те, кого И. М. Дьяконов называл халдайцами и кого призывал не смешивать с халдеями Вавилонии [Дьяконов, 1968, с. 119—120]. Халдайцы, или халибы, обитали в Восточной Малой Азии. У Геродота халибы обитали западнее р. Галис (I. 28); у Страбона халдеи «в древности назывались халибами» (племя в Каппадокии; XII. III:19, 28). У Ксенофонта в «Киропедии» халдеи — соседи армянского царя (III. I. 34; II.1, 4 и др.). Этот регион, куда в сторону Фригии около 670 г. или чуть позже двигались урарты в союзе с киммерийцами, с одной стороны, и ассирийцы — с другой, был наиболее конфликтной зоной. Походы Асархаддона в Мелид, Табал и Хилакку, как отмечено выше, оказались нерезультативными, хотя царь и объявил об их поражении.

Приморская зона также требовала огромных сил Ассирии для сохранения её господства здесь или видимости такового: на влияние в регионе, как всегда, претендовал Египет, сюда совершали набеги арабы/ахламеи. Таким образом, в письмах Мар-Иштара под страной Амурру закодированы три главные конфликтные зоны в правление Асархаддона — Хатти, Калду и страна арабов. Поэтому отождествлять Амурру в письме Аккуллану со страной Хатти необязательно, поскольку при Ашшурбанапале, к середине 660-х гг., по существу, ничего не изменилось: сохранились все три конфликтные зоны, разве что получила новое содержание малоазийская зона. Знаковой фигурой на политической сцене с начала 660-х гг. становится лидийский царь Гигес/Гуггу.

В 660—650-е гг. военно-политическую ситуацию к западу от Месопотамии определяли Ассирия, Египет, Лидия, отчасти Урарту. В Малой Азии непредсказуемой силой продолжали быть киммерийцы, к западу от Евфрата — кочевые арабские племена.

Из клинописных источников о Лидийском царстве определенно известно следующее. В первой редакции текстов E₁, датируемой 668—665 гг., Ашшурбанапал сообщает о прибытии лидийских послов и добавляет, что «(среди) языков востока и запада... переводчика с его языка не было. Его язык чужой и речь его непонятна» [Иванчик, 1996, с. 261, С 43:10—14]. Но уже через пару лет в Харранской табличке (НТ) эта фраза исчезла, хотя все другие сведения о Лидии в ней повторены и повторялись в дальнейшем в каждой новой редакции, и прежде всего сообщение о том, что Гигес самостоятельно отбил нападение киммерийцев, которое могло случиться в самом начале 660-х гг. до н. э. Следовательно, «нужные люди» всё быстро узнали про Лидию, про Гигеса и его дела и нашли переводчика.

Далее, в 660-е гг. царь Саиса Псамметих борется за объединение Нижнего Египта, лидийский царь Гигес посылает ему на помощь войска. Эти события трактуются по-разному. Предполагалось, например, что оба государства стремились освободиться от ассирийского господства; их союз был первым этапом антиассирийского восстания народов Переднего Востока, апофеозом которого стало восстание Шамашшумукина в 652 г. [Соловьёва, 1975, с. 255—257; 1985, с. 247]. «Господство Ассирии», по мнению ряда исследователей, стало результатом зависимости Лидии от помощи Ашшурбанапала в её борьбе с киммерийцами. Именно так обычно понимаются тексты Ашшурбанапала, в которых говорится о киммерийцах и лидийском царе Гигесе. Считается, что нападение киммерийцев на Лидию, случившееся в начале 660-х гг., вызвало, по крайней мере, два посольства лидийского царя Гига к Ашшурбанапалу в 667—666 и в 666—665 гг. и признание Лидией вассальной зависимости от Ассирии в обмен на помощь [Cogan, Tadmor, 1977, p. 84; Иванчик, 1996, с. 100—102, ред. E₂, С 44]. В чём выразилась помощь Ассирии — неизвестно, но в ассирийских анналах, составленных около 664/63 г., уже сообщается о победе Гига над киммерийцами [Spalinger, 1978, p. 406; Иванчик, 1996, с. 103, ред. НТ, С 45]. Тогда лидийцы послали Ашшурбанапалу подарки и двух пленных киммерийцев — «владык поселений». Это дополнение происходит из более поздней редакции анналов А [Иванчик, 1996, с. 103, С 47:II, 95—110]. Могущество киммерийцев обычно подчёркивается письмом астролога Аккуллану, написанным в 657 г. до н. э.

Однако Э. Спелинджер убедительно показал, что борьбы Египта и Лидии против Ассирии не было; напротив, Ашшурбанапал изначально поддерживал Псамметиха I. Когда тот сбежал из страны после вторжения в Египет кушитов в 664 г., Ашшурбанапал быстро направил армию в Египет и вернул Псамметиха уже в 663 г. Между ними был заключён договор, и Псамметих, как подчёркивал Спелинджер, остался союзником Ассирии до ее конца. Посылка же лидийской армии не имела антиассирийской направленности; Гигес помог решению внутренних проблем Псамметиха — было сломлено сопротивление номов Дельты. Нет никаких данных, свидетельствующих о вхождении Гигеса в какую-либо антиассирийскую коалицию; он не платил дани Ашшурбанапалу, что было бы признанием его зависимости от ассирийского царя; Гигес посылал ему лишь дипломатические подарки (tāmartu), но не дань (mandattu) [Spalinger, 1976, p. 134—136]. Помощь Гигеса Египту могла быть оказана, согласно Спелинджеру, между 662 г. (по-

сле ухода Ашшурбанапала из Египта) и до 657 г. (когда Лидия, по мнению исследователя, вновь подверглась киммерийской атаке: [Spalinger, 1978, p. 402—405]). В результате многих факторов — а не только помощи Гигеса — в 656 г. Псамметих стал царём Египта. Важно, что репрессивных мер Ашшурбанапала не последовало, походов в Египет больше не было. Ассирия могла больше не беспокоиться и сосредоточить свои силы в другом месте [Spalinger, 1976, p. 142].

Письмо астролога Набу-мушеци от 663/62 г. подтверждает заинтересованность Ашшурбанапала в помощи Гигеса. В этом послании предсказывается победа царя Амурру, обладающего могуществом (*ŠÚ-tú/kiššūtu*), над страной его врага [Hunger, 1992, N 147, 398]. Кроме ассирийского царя только царь Амурру, правда лишь в трех посланиях, был наделен подобным могуществом (киммерийцы — в одном). Очевидно, что астролог не мог иметь в виду приморские владения Ассирии, поскольку тогда в роли врага царя Амурру оказался бы сам Ашшурбанапал. Астролог, уже зная о победе Гигеса над киммерийцами, предсказывает очередную победу союзнику своего царя — царю Амурру.

В остальном роль Лидии в событиях тех лет остаётся неясной, а правление Гигеса, как принято считать вслед за Геродотом (I.14), — ничем не примечательным. Создаётся впечатление, что сообщения о разгроме Лидии и гибели Гигеса в 644 г. (ред. А, 643/42) негативно повлияли на представление исследователей о роли этой страны и её царя в международной политике предшествующего периода (660—650-е гг.).

Между тем ассирийские цари редко давали другим царям характеристики, подобные тем, что были даны Ашшурбанапалом Гигесу и его стране. Вот некоторые из них: «страна его обширна», «(он) полагается на собственную силу... послал войска на помощь Египту... киммерийцев, притеснявших его страну, живыми захватили в битве его руки». И хотя позднее — в 649 г. (ред. В) он добавил, что Гигес смог победить киммерийцев «благодаря помощи Ашшура и Мардука», эта ремарка не мешает в сказанном прежде видеть Лидию сильной и независимой страной, которая самостоятельно, без помощи Ассирии, отразила первое киммерийское вторжение в начале 660-х гг. до н. э. Об этом же свидетельствует и сложившийся в 660-е гг. союз Египта и Лидии. Очевидно, что Египет был в нём заинтересован. Их союз был результативным и длительным; память о нём сохранена, в частности, Ксенофонтом в «Киропедии» (VII, I:44). Лидия в этот период быстро стала влиятельным политическим фактором, о чём свидетельствуют, в первую очередь, все редакции надписей Ашшурбанапала. В связи с восстанием Шамашшумукина примечателен текст составленного уже после смерти Гигеса так называемого «Цилиндра Рассама» (ред. А). Если Гутиум, Амурру и Мелухха, как отметил И. М. Дьяконов, в этом контексте означают «части света», а именно: Гутиум — это страны Иранского нагорья, прежде всего ставшее обширным Мидийское царство; Мелухха — это юг или Африка, Амурру — запад [Дьяконов, 1956, с. 287], то последнее понятие должно было обозначать более обширный регион, нежели Сирия, Финикия и Палестина, как полагал И. М. Дьяконов. Политическая роль Лидии в эти годы допускает её включение в данном случае в понятие «страна Амурру».

Согласно античным источникам, Гигес — основатель новой династии Мермнадов — пришёл к власти, убив последнего царя из рода Гераклидов. Дворцовый переворот не был мирным, сторонники убитого царя оказали сопротивление, взявшись за оружие. Но Гигес уговорил недовольных, а дельфийский оракул подтвердил его право на престол. По Геродоту, Гигес правил 38 лет, по ассирийским источникам — убит в 644 г. до н. э., следовательно, он мог воцариться в конце 680-х гг. и в 670-е гг. многое успеть совершить.

Все версии переворота изложены Ксанфом Лидийским (у Николая Дамасского: кн. 6 (47; 49), Геродотом (I. 8—14), Юстином (I. 7:14—19), Платоном (кн. 2:360, b). Пролидийский вариант рассказа Ксанфа (яркий образ положительного героя Гигеса, несмотря на совершённое им убийство, и благородное поведение царицы — жены убитого царя, ставшей против воли женой Гигеса) отличает его текст от повествования Геродота, у которого царица была инициатором убийства мужа, и свидетельствует о различных источниках этих авторов. Рассказ Ксанфа, по всей видимости, ближе всего к рассказу о приходе к власти Мермнадов, «ходившему среди господствующего сословия независимой Лидии» [Доватур, 1957, с. 96]. Не лишне будет отметить, что слово «тиранн» переднеазиатского (возможно лидийского) происхождения. Именно власть Гигеса греческий поэт Архилох впервые назвал «тиранией» [Доватур, 1957, с. 48—49]. И хотя поэт не вносил в это понятие оттенка осуждения, тем не менее, «тиранны... становились иногда на путь террора, но лишь для того, чтобы сломить сопротивление аристократии» [Лурье, 1940, с. 111, примеч. 1], что и было в случае с Гигесом.

В стк. 9—12 письма Аккуллану предсказано несколько плохих событий, которые могут случиться в этой стране. И только еще в двух астрологических предсказаниях (из 956) говорится о возможном восстании (когда царь увидит разрушения... страна станет враждебной царю, брат на брата...), которое произойдёт именно в стране Амурру, но даты писем не определены, поэтому невозможно предположить, какую страну имел в виду астролог [Hunger, 1992, N 57, 212]. Впрочем, вряд ли бы астролог стал предсказывать подобные события в ассирийских владениях (в приморской Амурру), потому вероятнее, что и в этих письмах Амурру могло означать Лидию. И в таком случае можно предполагать дату этих писем также около 657 г. до н. э.

Итак, в стк. 9—12 описываются события, совпадающие с теми, что, согласно античной традиции, имели место в Лидийском царстве в прошлом и, как предсказывает астролог, могут повториться. Примеры подобного использования событий прошлого в предсказаниях астрологов встречаются неоднократно (см. ниже). Но мог ли астролог назвать Гигеса «царём вселенной», предсказывая братоубийственную войну и разрушение его страны? Как уже было отмечено, только ассирийский царь носил титул *šaṅ kiššati* и только письмо Аккуллану предполагает исключение из этого правила. Однако знак ŠÚ в шумерограмме LUGAL ŠÚ (стк. 9) означает не только *kiššatu* 'вселенная', но и *kiššutu* 'могущество', 'деспотизм', 'неправильное осуществление власти' [CAD, 8, p. 457—458, 462—463; Borger, 2004, S. 448, N 869]. Перевод этой шумерограммы можно, судя по контек-

сту, трактовать иным образом. Дело в том, что синтаксическая конструкция цитаты создаёт некоторую неясность относительно связи двух существительных LUGAL и ŠÚ с реферирующим местоимением šú при глаголе, в результате неясно, — то ли царя, то ли его могущество боги вернут его врагу²⁸. Но для Аккуллану, судя по его комментарию, объектом возвращения было именно «могущество». В стк. 12 сказано: «(Что касается) царя — (его) могущество его боги врагу его вернут». То, что сделают это именно боги, вносит негативный оттенок в характеристику царя Амурру и его правления: он несправедливый царь, поэтому его боги перестанут ему покровительствовать. Уже потому ему не мог принадлежать этот титул. Ашшурбанапалу, считавшему себя праведным царём и носившему титул šar kiššati, боги покровительствовали. В стране же несправедливого царя, как свидетельствуют подобранные астрологом цитаты, может случиться мятеж, начнутся грабежи и братоубийственная война и боги отвернутся от царя и передадут его могущество его врагу.

В этом предсказании астролога присутствуют два фигуранта: царь Амурру (Гигес) и его враг. Имя последнего раскрыто в комментарии астролога — киммерийцы. Ашшурбанапал знал, что киммерийцы, хотя они и не смогли одержать победу над Гигесом в начале 660-х гг., оставались его врагом. Но вряд ли Ашшурбанапалу понравилось бы то, что именно киммерийцам будет передано могущество царя Амурру. Поэтому в данном комментарии Аккуллану вынужден пространно (хотя обычно комментарии астрологов очень кратки) разъяснять, как могущество киммерийцев будет отдано/возвращено ассирийскому царю. Таким образом, в предсказании и в комментарии к нему говорится только о kiššutu.

Следует отметить, что, по сравнению с посланием астролога Набумушци от 663/62 г., письмо Аккуллану свидетельствует о резко изменившейся к 657 г. политической ситуации (см. ниже) и об ухудшении отношения Ашшурбанапала к царю Амурру.

В пользу Амурру = Лидии может также свидетельствовать, во-первых, сам факт пристального внимания Ашшурбанапала к этой стране, сведения о которой в его текстах всегда сочетаются с киммерийцами. Во-вторых, убедительным подтверждением может служить структура самих астрологических посланий. Каждому предсказанию соответствует свое знамение (движение планет, явления природы и т. п.) и отдельное к нему толкование; дважды в одном тексте не говорится об одном и том же. Действительно, в конце письма Аккуллану приведена уже упоминавшаяся цитата «aḫlamū pojruṭ baḡatṣtu ṣurru» [Parola, 1993, N 100, r.13], в это время, возможно, подразумевавшая нападение арабов на приморскую страну Амурру, о чём неоднократно говорится в официальных царских текстах.

Таким образом, письмо Аккуллану 657 г., как и оба письма Мар-Иштара 671 г., обнаруживает, что под Амурру и в 650-е гг. астрологи подразумевали различные территории на западе, к которым было обращено пристальное внимание ассирийского царя в тот или иной момент. Лидия была первой из них.

---

²⁸ Благодарю А. В. Немировскую за сделанный по моей просьбе перевод стк. 12 и комментарий к нему.

Этому выводу не противоречит и второе упоминание киммерийцев, которые, в отличие от первых, названы «умман-манда» (стк. 27). Здесь могут подразумеваться те киммерийцы, которые в 660-е гг. ещё оставались в Северо-Западном Иране и действовали совместно с маннеями. Об общем враге — киммерийцах/маннеях пишет астролог Набу-икби в 666 г. В этом письме, описав победу над кушитами и Египтом в 667 г., астролог предсказывает такую же победу ассирийского царя над киммерийцами и маннеями [Hunger, 1992, N 418]. Около 660 г., после гибели маннейского царя Ахсери, с враждебностью Манны было покончено, и поэтому в 657 г. говорится уже только о «восточных» киммерийцах, которые в 660 г., видимо, избежали столкновения с ассирийцами или не пострадали от него. Послание Набу-икби убедительно доказывает, как астрологи использовали былые события для предсказания будущих бедствий, что и демонстрирует письмо астролога Аккуллану. Оба эти письма ещё раз свидетельствуют также и о том, что разрозненные киммерийские отряды действовали одновременно в разных регионах Древнего Востока.

Письмо Аккуллану неслучайно было послано именно в 657 г. Стимулом для его написания стала не опасность киммерийского вторжения в Лидию, а раздражение или даже гнев царя, вызванный результатами отправки лидийских войск в Египет. Спустя 14 лет, уже после гибели Гигеса в 644 г., это раздражение ещё чувствуется в словах Ашшурбанапала: «...полагается на собственную силу и стал надменным, свои войска для союза с Псамметихом, царём Египта, который сбросил ярмо моего владычества, он послал» [Иванчик, 1996, с. 269—271, ред. А, С 47:113—115]. Очевидно, Ашшурбанапал не рассчитывал, что его помощь Псамметиху, предназначенная прежде всего для борьбы с кушитами, врагами Ассирии, так быстро вознесёт Псамметиха — в 656 г. он стал царём Египта. Э. Спелинджер считал, что «высокомерие» Гигеса заключалось в том, что он так и не заключил никакого договора с ассирийским царём [Spalinger, 1976, p. 135—136]. Насколько «надменным» стал Гигес к 657 г.? Ответ на этот вопрос кроется в определении маршрута армии Гигеса в Египет и, в конечном счёте, в определении его территориальных завоеваний в восточном направлении, приблизивших границы Лидии к ассирийским владениям.

Лидийское царство первоначально было небольшим и находилось на юго-западе Малой Азии, откуда в Египет можно было попасть по морю или сухопутным, но очень длинным путём. Геродот (II.152) и Диодор (I. 66:12) сообщают, что военную помощь Египту оказали ионийские и карийские наёмники, прибывшие туда морским путём. Это сообщение исследователи обычно объединяли с сообщением Ашшурбанапала, полагая, что именно Гигес послал греческих наёмников. С. С. Соловьёва отвергла эту гипотезу, подчеркнув, что греческие наёмники проникли в Египет уже в VIII в. и прочно там укоренились, поэтому посредничество Лидии в данном случае было ненужным, тем более что у Лидии были враждебные отношения с Ионией, именно с Милетом, а сама она не имела выхода к морю [Соловьёва, 1985, с. 243—248]. Если войска были посланы сухопутным путём, то встаёт вопрос о завоеваниях Лидии на востоке, которые могли бы приблизить её границы к ассирийским владениям.

К началу 660-х гг. Гигесу, очевидно, уже удалось продвинуться в восточном направлении, хотя об этом свидетельствуют лишь косвенные данные. Уже Ашшурбанапал считал Лидию «обширной страной» ([da-ad-m]e gar-šá-tu-ma [Cogan, Tadmor, 1977, p. 71, E₂, col. A:12']). Античные авторы ничего не сообщают о завоеваниях Гигеса на востоке. Лишь говоря о Лидийском царстве VI в. до н. э., они включали Фригию в его состав и ограничивали его на востоке р. Галис [Геродот, I. 103]. Но успел ли Гигес к середине 660-х гг. завоевать хотя бы часть Фригии, приблизившись таким образом к Табалу и Хилакку. Цари этих стран около 662 г. [Grayson, 1980, p. 231, 233] или чуть раньше, если редакция НТ составлена около 664/63 г. [Spalinger, 1978, p. 406], обращались за помощью к Ашшурбанапалу, ибо, как сказано про Мугаллу-табальца, «в его стране поразил его ужас, страх перед моей царственностью покрыл его» [АВИИУ, № 74:22—26]. Обычно считается, что обратиться за помощью их вынудила киммерийская угроза [Cogan, Tadmor, 1977, p. 84]. Но поскольку лидийские войска были посланы в Египет между 662 и 657 гг., то, судя по этим датам, «ужас» табальцев и хилакцев был вызван скорее наступлением Лидии. Это последнее по времени упоминание царей Табала и Хилакку в ассирийских источниках. В вавилонских хрониках сведения о них в правление Ашшурбанапала отсутствуют. Не служит ли доказательством завоевания Фригии и Табала уже Гигесом то клише, которым Иезекиил в начале VI в. до н. э. иносказательно обозначил лидийского царя в пророчестве о вторжении Гога в Палестину: «Гог, князь-глава Мешака и Тубала» [38:3; 39:1; АВИИУ, № 85:XXXVIII, 3]? А само это пророчество не служит ли напоминанием о вторжении лидийской армии в Палестину на пути в Египет? Даже если Гигес не имел никаких агрессивных намерений, армия неизбежно наносила урон населению хотя бы в результате простого грабежа.

Мог ли Ашшурбанапал пропустить лидийские войска через свои средиземноморские владения между 662 и 657 гг., если его власть там была достаточно сильной? Если, согласно Спелинджеру, Ашшурбанапал поддерживал Псамметиха I, то отчего же не помочь ему чужими руками. В этой связи примечательно упомянутое выше письмо астролога Набу-мушеци, написанное в 663/62 г. Отсутствие враждебности к царю Амурру в письме очевидно, что может свидетельствовать о временной заинтересованности Ашшурбанапала в действиях Гигеса. Если же власть Ашшурбанапала в этом регионе не была абсолютной, то местные цари всегда были рады помочь Египту наперекор Ассирии и могли пропустить лидийские войска. Первое предположение вероятнее, так как примерно с того времени, когда Тир признал зависимость от Ассирии (ок. 662), хотя и формальную, у Ашшурбанапала не было трудностей в этом регионе [Grayson, 1991a, p. 144]. Больше он походов сюда не совершал.

Собственное попустительство, приведшее к столь неожиданному результату — возвышению Псамметиха, но без помощи Гигеса, могло вызвать гнев Ашшурбанапала. Поэтому неслучайно, что именно в 657 г. астролог «утешает» ассирийского царя грядущими бедами в Лидийском царстве, подобными тем, что случились в начале правления Гигеса. Но теперь уже могуществом/kiššūtu астролог наделяет киммерийцев в надежде на то,

что они помогут отомстить ставшему неугодным Гигесу. Правда, ни из письма Аккуллану, ни из других источников не следует, что эта надежда осуществилась тогда же.

Подводя итоги, следует отметить главное: а) в письме Аккуллану под страной Амурру могут подразумеваться Лидия (в начале письма) и приморские владения Ассирии (в его конце). В таком случае, это письмо, по-видимому, может служить подтверждением сведений античных авторов о событиях, происходивших во время дворцового переворота, приведшего Гигеса к власти; косвенные данные пока позволяют предполагать успешное продвижение Гигеса в восточном направлении; б) киммерийцы не владели ассирийскими землями и тем более не контролировали Сирию; титул *šar kiššati* принадлежал всегда только ассирийскому царю; письмо Аккуллану не может служить доказательством очередного вторжения киммерийцев в страну Амурру/Лидию и её разгрома в 657 г. до н. э. Если Лидия не подвергалась губительным набегам киммерийцев от начала 660-х гг. до 644 г., то и в остальном политическая ситуация складывалась для Гигеса благоприятно: в это время уходит с политической сцены Урарту, а восстание Шамашшумукина ослабило активность Ашшурбанапала на западе. Продолжая вести самостоятельную политику и не будучи ни от кого зависимым, Гигес смог заложить основы сильного царства, которое просуществовало ещё сто лет и с которым столкнулись мидийцы в своём продвижении в Малую Азию в начале VI в. до н. э. В 547—546 гг. до н. э. Лидийское царство было завоевано ахеменидским царём Киром II Великим.

Тем не менее киммерийцы, по-видимому, имели где-то свою базу. Скорее всего она могла находиться в стране того или иного очередного их союзника. Гигес, по-видимому, неслучайно назвал градоначальниками двух пленных киммерийцев, которых он отправил Ашшурбанапалу (см. табл. 4; [Иванчик, 1996, с. 103, С 47:II 95—110]). В двух последних редакциях ассирийских анналов IT и H, составленных в 640—639 гг., сообщается, что киммерийский царь Дугдамми, оказавшись в тяжелом положении, «назад... в свою страну вернулся» или «свое войско и свой лагерь он убрал в город Харцале» (местонахождение города неизвестно) [Иванчик, 1996, с. 121—122, С 48:151—152, С 49:14]. Не исключено, что этой страной был подвергавшийся киммерийским набегам еще в 670-е гг. район в Каппадокии. Как отметил ещё Н. Я. Марр, именно Каппадокию позднее армяне называли *Gamirk'* [Марр, 1922, с. 54—55; Дьяконов, 1968, с. 169, примеч. 251; 1994, с. 109; Иванчик, 1996, с. 155—156]. Возможно, что с этой базы киммерийцы в 644 г. вторглись в Лидию, захватили Сарды и убили Гигеса. Предполагается, что киммерийцы захватили Сарды только один раз ([Иванчик, 1996, с. 110—113]; см. также: [Иванчик, 2005, с. 113—120]). Но и в этом случае не следует преувеличивать результаты киммерийского набега. Лидия оставалась и при преемниках Гигеса сильным и процветающим царством. В 641 г. первое непосредственное противостояние «западных» киммерийцев и Ассирии, ярко описанное Ашшурбанапалом, закончилось со смертью киммерийца Дугдамми/Лигдамиса [Иванчик, 1996, с. 119—122, С 48:158—165, С 49:29—38]. Согласно Страбону (I.3.21), Лигдамис погиб в Киликии, но возможно, это случилось под Эфесом [Тохтасьев, 1993, с. 9—10]. После его смерти нападения киммерийцев, в частности его сына Сан-

дакшатру, на ассирийские границы ещё некоторое время продолжались, но успехов они не имели, могуществу киммерийцев пришёл конец. Об их исчезновении сообщает только античная традиция: лидийский царь Алиатт (605—560) изгнал киммерийцев из Азии [Геродот I. 16; Полиэн VII. 2,1]. Недавно была предложена гипотеза, согласно которой в рассказе Полиэна сохранилась информация о союзнике Алиатта — скифах, названных им «отважнейшими псами» [Иванчик, 2005, с. 169—189]. Согласно другой гипотезе, в начале VI в. до н. э. потерявшие былую силу киммерийцы нанялись на службу в воинские подразделения Тира [Иезекиил 27:11; Diakonoff, 1992, p. 169, 181, 174, note 34], что, с учетом практики, засвидетельствованной в 670-е гг., вполне вероятно (ср. возражения: [Иванчик, 1996, с. 154—155]).

Итак, согласно клинописным текстам, в конце VIII в. до н. э. киммерийцы, находясь южнее Кавказа, нападали на урартские владения. В 670-х гг. в составе антиассирийской коалиции они сыграли определенную роль накануне и в ходе восстания под руководством Каштарити в Древнем Иране. В 660-х гг. «восточные» киммерийцы в союзе с маннейцами продолжали противостоять Ассирии и позднее, после гибели Ахсери в 660 г., все еще представляли для неё некоторую угрозу. На протяжении 670—640-х гг. киммерийцы, в союзе с правителями ряда стран Малой Азии, были постоянной угрозой на северных и западных рубежах Ассирии. В целом же военные успехи киммерийцев в Малой Азии не стоит преувеличивать. После разгрома киммерийцев в 679/78 г. они начинают действовать в качестве союзников сначала Мугаллу, затем — Русы II. В начале 660-х гг. до н. э. их нападение на Лидию было успешно отбито. Предполагаемый всплеск активности киммерийцев около 657 г. можно считать недоказанным. Действия Гигеса на протяжении 660—650-х гг. были удачными, а его политика — независимой от Ассирии. О непосредственном противостоянии киммерийцев и ассирийского царя известно лишь в связи с вторжением Дугдамми. Контролировать эту непредсказуемую силу и управлять ею ассирийские цари так и не смогли.

Результатом долгого и повсеместного знакомства носителей аккадского языка преимущественно с киммерийцами является сохранение в нём уже после ухода с исторической арены скифов и киммерийцев этнонима последних — *гимрайя*. В вавилонских текстах VI—V вв. до н. э. он становится эквивалентом уже нового для этого региона этнонима *саки*, который фиксируется в древнеперсидских и эламских вариантах ахеменидских надписей [Дандамаев, 1977, с. 22—35].

V.5. Библия о киммерийцах

Библия также сохранила память о лидерстве киммерийцев, назвав Гомера отцом Ашкеназа (Быт. 10:3). Эту формулу не следует рассматривать в качестве подтверждения более позднего появления скифов на территории Древнего Востока. Принципы генеалогического построения «Таблицы Народов» не поняты до конца. Библейский автор, группируя народы по «племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их» (Быт. 10:5), други-

ми словами, по этнополитическому, лингвистическому и географическому признакам, эти принципы последовательно не проводит. Специалисты предлагали видеть в «Таблице Народов» принцип различения по хозяйственному укладу жизни — городской, кочевой, островной (т. е. мореплаватели) и даже предлагали различать народы по политическим симпатиям и антипатиям Иудейского царства [Oded, 1986, S. 14—16]. Хронологический принцип в этой связи исследователями не рассматривается, в формуле «отец—сын» хронологический смысл не заключён. Внутри каждой генеалогической линии, восходящей к одному из трёх сыновей Ноя, очевидно, использовался критерий культурно-политического лидерства, существовавший во время составления текста — не ранее последней трети VII в. до н. э. В каждой из этих трёх групп на первое место поставлены наиболее значительные топонимы, реже этнонимы — всё это внуки Ноя. Среди них Египет, Ханаан, африканский народ кушиты, арамейские племена, Элам, Ассирия, Мидия, Лидия, Фригия, Иония. Все эти страны и народы играли важную политическую роль на Древнем Востоке в первой трети 1-го тыс. до н. э. И среди них названы Гомер — киммерийцы. Сыновьями Гомера названы Ашкеназ — скифы, а также Рифат и Тогарма (Торгом/Тегарама [Дьяконов, 1968, с. 84, 180—183]) — две области в Малой Азии, не игравшие важной роли в политической жизни того времени. В этой формуле в данном случае, очевидно, отразилось военно-политическое лидерство киммерийцев по отношению к скифам, как оно отражено и в клинописных источниках до конца 640-х гг. Помимо «Таблицы Народов» скифы упомянуты еще раз в пророчестве Иеремии (51:27), о котором говорилось выше.

V.6. Античные источники о киммерийцах и скифах в древневосточных странах

Геродот преувеличивал мощь и роль скифов в политической жизни стран древнего Ближнего Востока, сведя роль киммерийцев к минимуму. Подробно рассказывая о скифах, он лишь девять раз упоминает киммерийцев. Причём они представлены гонимыми отовсюду скифами и один раз — лидийским царем Алиаттом. Однажды Геродот всё же сообщает, что киммерийцы дошли до Ионии и захватили Сарды, но тут же делает оговорку: «...нашествие киммерийцев... не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи» (I, 6, 15). Такое одностороннее толкование скифо-киммерийской истории объясняется, по-видимому, результатом знакомства Геродота, в бытность его в Причерноморье, в Ольвии, со скифскими героическими преданиями, которые могли сообщить ему как местные греки, интерпретировав их согласно своим представлениям, так и сами скифы. Киммерийской версии событий ему никто сообщить уже не мог. Полученные здесь сведения — реальность V в. до н. э. — Геродот спроецировал в прошлое, пытаясь объяснить причины и результаты давних событий, которые были для него страницами истории скифов. Сюжет о первом скифо-киммерийском конфликте (был ли он реальностью или причинно-следственной конструкцией Геродота — неясно) объяснял, каким образом скифы овладели землями в Северном Причерноморье (изгнав киммерийцев) и почему они вторглись в страны к югу от Кавказа (чтобы

помешать киммерийцам вернуться). Раз скифы могут изгонять и преследовать, следовательно, они могущественны и их господство над Азией не могло не подтверждаться скифскими преданиями о военных походах в заморские страны.

В. Паркер, показавший, что Геродот мог знать о киммерийцах гораздо больше, чем рассказал о них в своей «Истории», затруднился назвать причину умолчания Геродота [Паркер, 1998, с. 101]. Можно предположить, что Геродот умолчал о киммерийцах потому, что сведения о них оказывались неуместными в свете полученных им представлений о скифах. Сохранные в среде греческих колонистов предания о могущественных соседях ольвиополитов — скифах, разгромивших персидского царя Дария I, что и прославило их, — могли повлиять на дальнейшие поиски Геродотом причин известных событий и характер их реконструкций. Так, например, Геродот (IV. 1) назвал в качестве причины похода Дария в Скифию желание отомстить скифам за обиды, причиненные ими мидийцам. Но мстить-то уже можно было только скифам, киммерийцы к этому времени сошли с мировой арены. Вероятно, поэтому Геродот так настойчиво подчеркивает могущество скифов, повторяя рассказ о скифском владычестве в Азии и господстве их над мидийцами.

Между тем античные авторы уже в середине VII в. до н. э. знали о вторжении в Малую Азию именно киммерийцев. Ионийский поэт Каллин говорит о наступлении на лидийскую столицу Сарды «ужасных» киммерийцев. Его современник Архилох упоминает, вероятно, тех же киммерийцев в связи с разгромом Магнесии на р. Меандр [Тохтасьев, 1993, с. 9—11]. Поздние античные авторы располагали сведениями о киммерийцах, отсутствующими у Геродота, но подтверждаемыми клинописными источниками (предводитель киммерийцев Лигдамис, дошедший со своими воинами до Лидии и Ионии и убитый в Киликии [Страбон, I. 3. 21]; письмо Лисимаха III в. до н. э. [Иванчик, 1996, с. 48—50], см. также: [Иванчик, 2005, с. 120—126]). В отличие от Геродота, они свидетельствуют о серьезности последствий вторжения киммерийцев в Ионию, Лидию, Фригию, Киликию и Эолиду (подробнее см.: [Паркер, 1998, с. 94—97; Алексеев, 2003, с. 96—97]).

В то время как ассирийские источники сообщают о совместных действиях киммерийцев и скифов в Иране уже в 670-е гг., Геродот все события, связанные с пребыванием скифов в странах Древнего Востока, группирует вокруг скифского царя Мадия, сына Прототия (ассир. Бартатуа 670-х гг.), появление которого в этом регионе помещается, по разным подсчетам, от 640—630 гг. до рубежа VII и VI вв. до н. э., точнее, ближе к концу интервала между 640 и 625 гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 122]. В правление Ашшурбанапала скифы не упоминаются, а киммерийцы, за исключением «маннейского эпизода», действуют далеко на западе. Гипотеза об исходе скифов «первого поколения» (Ишпакай, Партатау) на север от Главного Кавказского хребта согласуется с молчанием клинописных источников [Алексеев, 2003, с. 110—111, примеч. 77], но к киммерийцам она не относится.

Геродот ничего не знал или не рассказал о скифах «первого поколения» и о союзнических действиях киммерийцев и скифов против Ассирии в 670-х гг. в Древнем Иране. Его рассказ о вторжении скифов Мадия в Азию приуро-

чен Геродотом к началу военного выступления мидийцев против Ассирии в царствование Киаксара. О киммерийцах в Древнем Иране в связи с Мидией Геродот также ничего не сообщает. У него они, спасаясь от скифов бегством в Азию, продвигались вдоль побережья Понта. Скифы в погоне за ними сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю (IV. 12), когда Киаксар уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина (I. 103). Однако разгром мидийцев произошел не в Ассирии, а у Кавказских гор, затем скифы распространили своё владычество, длившееся 28 лет, по всей Азии (I. 104, 106). Ни одна деталь этого рассказа не подтверждена клинописными текстами. Постулируемое исследователями на основе сведений Геродота продвижение скифов вдоль западного побережья Каспия археологически не подтверждается. Ни на территории Дагестана, ни в Восточном Азербайджане не обнаружено никаких следов скифского присутствия, что неоднократно подчёркивалось С. М. Кашкай [Kashkay, 1997, p. 251—255].

Исключить проникновение скифов Мадия к югу от Кавказа в северные пределы Мидии, которые уже включали земли завоеванного Урартского царства (у Эхсила мидийцы обитали близ Кавказа, см. гл. I.1.), видимо, нельзя. Но в действительности могли иметь место военные инциденты между скифами и мидийцами, и неслучайно, что именно «у Кавказских гор». Позднее в скифских героических преданиях эти стычки преобразовались в гораздо более крупные по масштабам события. Мидия — единственное царство в Верхней Азии, о событиях в котором Геродот кое-что знал (об Ассирии он, хотя и собирался, ничего не рассказал, все сведения о Вавилоне относятся к ахеменидскому периоду, вавилоняне у него даже не участвовали в разгроме Ассирии), и он обозначил новое появление скифов на древневосточной арене в связи с одним из самых ярких и значительных событий той поры — началом разгрома Ассирии мидийцами; о другом не менее важном событии — завоевании ими Урарту — Геродот ничего не знал.

Но если накануне восстания конца 670-х гг. киммерийцы и скифы не пытались завоевать Мидию, а предпочли быть её союзником в борьбе против Ассирии, то теперь, когда Мидия перешла к её завоеванию, они уже вряд ли смогли бы это совершить. В этой связи примечателен рассказ Геродота (I. 73), происхождение которого обычно приписывают мидийской традиции. Киаксар дружелюбно принял «мятежных» скифов, которые переселились в Мидийскую землю и попросили убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Правда, скифы оказались неблагодарными, и между ними и мидийцами произошла ссора. В данном случае не имеет значения, при каком царе все это произошло и к чему привело вероломство скифов, — это как раз Геродот мог уточнить. Важно, что в этом рассказе скифы не завоеватели и не герои. Утверждаемое Геродотом господство скифов противоречит очевидному факту политического лидерства Мидийского царства в Верхней Азии во второй половине VII в. до н. э. Существенным аргументом против скифского господства над мидийцами служит молчание вавилонских хроник о скифах [Grayson, 1975, Chr. 2, 3], особенно Хроники Гэдда, которая описывает события 616—609 гг. Вряд ли бы вавилонские хронисты, отразившие настроенность вавилонских правителей по отношению к усиливавшейся Мидии, обошли молчанием любую её военную неудачу. Как уже отмечено,

события 613 г. не были связаны с предполагавшимся исследователями вторжением скифов в Мидию (см. гл. IV.5).

Что касается «скифского владычества» в Азии, то, по существу, это были набеги кочевников — скорее грабительского, нежели захватнического характера. Последнее было возможно в тех случаях, когда скифы, как ранее киммерийцы, вступали в союз с местными правителями или становились их наёмниками. В таком случае, если бы можно было принять гипотезу А. И. Иванчика о «воинах-псах»/скифах, то в союзе с малоазийскими правителями они разгромили и изгнали потерявших былое могущество киммерийцев (о спорности этого конкретного примера см.: [Тохтасьев, 2008, с. 203]). Впрочем, на союз скифов с Алиаттом намекает и другой рассказ Геродота, который, как отмечено, имеет, вероятно, мидийское происхождение: именно к Алиатту сбежали скифы после ссоры с Киаксаром (I.73). В любом случае, эти походы в скифских легендах преобразовались в эпохальные события и закрепились в античной традиции как «скифское владычество» над Азией. Но очевидная реальность скифских походов в Переднюю Азию не доказывает самого владычества над ней, поскольку не вписывается в историю стран региона. Подобное мнение высказывается теперь А. И. Иванчиком [Иванчик, 2005, с. 225, 227, 246], поэтому непонятна ремарка С. Р. Тохтасьева, будто Иванчик выступает против попыток «опровергнуть историчность скифской гегемонии в Передней Азии в третьей четверти VII в. до н. э.» (лучше — в последней трети VII в. до н. э. [Тохтасьев, 2008, с. 203]).

V.7. Рассказ Геродота о вторжении скифов в Палестину

Этот рассказ — ещё один пример искусственности концепции Геродота о скифской гегемонии. Скифы ни разу не названы среди врагов Палестины, тогда как в пророчестве Иезекиила (38:6) о вторжении Гога в Палестину Гóмер вместе с Гогом — её враги. Пророчество относится ко времени лидийско-мидийской войны в начале VI в. до н. э., когда опасались вторжения малоазийцев в Переднюю Азию. Гог (Гиг/Гигес) погиб в 644 г. до н. э., и в этом пророчестве его имя служит общим обозначением лидийского царя, но и киммерийцы в VI в. до н. э. уже не фигурируют. Следовательно, сочетание Гог и Гóмер в пророчестве Иезекиила — это память о реальной опасности для Палестины, существовавшей в VII в. до н. э., что и подтверждают клинописные источники (вторжение в этот регион армии Гигеса на пути в Египет и активность киммерийцев в его правление).

В рассказе Геродота о скифском вторжении в Палестину можно обнаружить отголоски некоторых событий VII в. до н. э.: существование некой угрозы «с севера» для жителей Сирии и Палестины, осквернение палестинских храмов и экспансия Египта в Палестину. Эти события, сведения о которых дошли до Геродота разными путями, были истолкованы им согласно с его концепцией истории пребывания киммерийцев и скифов на Древнем Востоке. Суть ее в лидерстве скифов, о котором, как уже отмечено, можно говорить только в связи с последним периодом киммерийской экспансии. Согласно Геродоту, скифы, завоевав Мидию и распространив свое влады-

чество по всей Азии, пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил фараон Псамметих, уговоривший их не идти дальше. На обратном пути скифы разграбили святилище Афродиты Урании в Аскалоне (I. 105).

Итак, в 70—40-е гг. VII в. до н. э. киммерийцы активно действуют на западных рубежах Ассирийской державы, в состав которой среди прочих стран входили Сирия и большая часть Палестины и Финикийского побережья. Иудея сохранила формальную независимость. Поскольку угроза вторжения кочевников с севера в Сиро-Палестинский район на протяжении этих десятилетий периодически обострялась, то и в 620-е гг. она была ещё вполне реальной в устах пророков. Начало пророческой деятельности Иеремии относится к 627/26 г., и именно с этим временем исследователи обычно связывают скифское вторжение в Палестину. В словах его ранних пророчеств «от севера появляется беда и великая погибель» или «Я приведу... народ издалека» и т. п. (Иер. 1:13—15; 4:6; 5:15—16; 6:1, 22—23) исследователи находят подтверждение рассказу Геродота. Но кочевники не были в это время единственной угрозой для Палестины, и если Вавилон, воевавший с Ассирией за свою независимость, в 620-е гг. ещё не представлял угрозы, то Египет уже реально угрожал Палестине. Ведь в пророчествах «север» не был буквальным указанием страны света, а обозначал место, откуда в Палестину могла прийти беда [Drinkard, 1992, p. 1135—36]. Например, в дни, когда иудеи, по словам пророка, отвернулись от истинной веры, Господь сказал ему: «Иди и провозгласи сии слова к северу и скажи: возвратись, отступница», и если это произойдёт, то «в те дни придёт дом Иудин к дому Израилеву и пойдут вместе из земли северной (т. е. проклятой) в землю, которую я дал в наследие отцам вашим» (т. е. обетованную) (Иер. 3:12, 18). В 620-е гг. существовала и другая меньшая опасность — мидийская. Границы Мидийского царства уже включали верховья Евфрата. Мидия стала новой политической реальностью, достаточно агрессивной, чтобы привлечь к себе внимание пророков. Могущественным царством оставалась и Лидия. Но, по-видимому, в данном случае опыт прошлого — длительная киммерийская опасность в регионе — использовался пророками достаточно долго, поэтому Гомер упоминается у Иезекииля среди врагов Израиля «от пределов севера» ещё в VI в. до н. э. Эта опасность могла быть зашифрована Иеремией в слове «север» в 620-е гг., только эта предрекаемая опасность вторжения киммерийцев так и осталась лишь его угрозой.

Все эти беды предрекаются Иеремией иудеям и израильтянам за отступничество от истинной веры, за идолопоклонство. Иудейско-Израильское царство, созданное Саулом, Давидом и Соломоном, распалось в 928 г. до н. э. [Cogan, 1992, p. 1010, tab. 9] на два царства: южное — Иудейское и северное — Израильское. Тиглатпаласар III, Салманасар V и Саргон II завоевали Израильское царство, превратив его в две провинции — Самарию и Магиду. Филистимское побережье вошло в провинцию Ашдод. Иудеям удалось сохранить формальную независимость. С конца 630-х гг. начался распад Ассирийской державы, и власть её в Палестине ослабела. Правление иудейского царя Иосии (640—609) было недолгим периодом надежд на возвышение Иудеи и даже на присоединение к ней ассирийских владений в Палестине.

Религиозно-политическая борьба за возрождение царства при Иосии, по-видимому, началась уже в 628 г. до н. э., на 12-м году его правления. Своего апогея она достигла на 18-м (622/21) году и увенчалась реформой, которой суждено было стать поворотным моментом в культурно-религиозной и политической истории Иудеи [Cogan, 1992, 1010; Cogan, Tadmor, 1988, p. 298]. Суть реформы состояла в укреплении единобожия путём очищения монотеизма от элементов политеизма и во всемерной централизации культа Яхве в Иерусалимском Храме. Помимо чисто религиозного аспекта, реформа должна была служить укреплению царской власти и авторитета Иерусалимского Храма и помочь внешнеполитическим амбициям Иосии.

Суть происходящего заключалась в следующем. Древнееврейский пантеон был густо населён многими богами разного ранга и происхождения. В него, в частности, вошли местные ханаанейские божества Баал, Ашера и Ашторет/Астарт²⁹. Культ бога Яхве был особенно почитаем у «колена Иуды», и когда представители этого племени, Давид и Соломон, создали государство, их племенной бог стал главенствовать в пантеоне, вбирая в себя черты и атрибуты других божеств. Но эта монотеистическая тенденция царей и Иерусалимского Храма постоянно наталкивалась на упорное противодействие периферийного жречества и местной знати. Так что, в конечном счёте, движение в ту или иную сторону зависело от силы царской власти.

В царствование Манассии (698—642) возродились ханаанейские и израильские местные культы, расцвело идолопоклонство, апофеозом которого стало установление статуи Ашеры в Иерусалимском Храме (4 Цар. 21:7). Манассия первым из царей Иудеи ввёл в ней обрядность ассирийских, арамейских и финикийских культов. Не исключено, что он поддался давлению придворных, которые приобщились к культуре всемогущей Ассирийской державы. Всё это вызвало сопротивление, и к концу его царствования в Иудее сформировалась антиассирийская партия, стремившаяся к искоренению чуждых влияний и освобождению от ассирийской зависимости [Тадмор, Надель, 1990, с. 79—80], что и начало осуществляться в царствование Иосии. Благоприятная внешняя ситуация позволила ему начать реформу, вылившуюся в беспрецедентную по масштабам борьбу с идолопоклонством: «И повелел царь... вынести из храма Господня все сосуды, сделанные для Баала и Ашеры и для всего воинства небесного, и сжёг их за Иерусалимом, в долине Кедрон». «И отставил жрецов, которых поставили цари иудейские, чтобы совершать курение на высотах иудейских и окрестностях иерусалимских, и которые кадили Баалу, солнцу, луне и созвездиям и всему воинству небесному». «И вынес Ашеру из дома Господня за Иеру-

---

²⁹ Баал — бог бури, плодородия и жизни. Ашера в угаритской традиции — супруга верховного бога Эла, но позднее в Палестине — супруга Баала. Ашера — мать богов, богиня плодородия, владычица моря, иногда ее отождествляют с Афродитой Кипридой. Ашторет, другая супруга Баала, богиня войны, любви, плодородия, астральное божество, связанное с вечерней звездой, «небесная богиня», которой женщины пекли пирожки [Иер. 7:18; 44:17], отождествляется с Афродитой [Good, 1985, p. 74—75; Day, p. 483—486, 491—495; Frymer, p. 704—705, 738—739].

салим, к потоку Кедрону, и истёр её в прах, и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где ткали одежды для Ашеры (4 Цар. 23:4—6). Поруганию подверглась и Ашторет (4 Цар. 23:13; Иер. 7:17—18). Эти действия Иосии распространились и на Израиль. Исследователи расходятся в оценке действий Иосии в Израиле. Одни полагают, что его активность там ограничивалась только религиозной деятельностью, другие считают, что это было уже присоединение практически покинутых Ассирией территорий [Cogan, 1974, p. 71, note 35; Cogan, Tadmor, 1988, p. 293; Mitchell, 1991, p. 383—391]. Согласно Четвертой книге Царств (23:15, 19), власть Иосии распространилась на территории, более или менее совпадающей с территорией провинции Самария. Составленная позднее хроника утверждает, что борьба Иосии с идолами распространилась по всему Израилю вплоть до земли Неффалим/Галилея (2 Пар. 34:6, 7, 33). Считается, что это утверждение является поздним тенденциозным расширением географического ареала реформ. И хотя этот источник не содержит прямых данных о распространении политического контроля Иудеи вплоть до Галилеи, нет оснований исключать последнюю из сферы реформ Иосии и считать, что Иосия не делал попыток овладеть этой территорией, входившей в ассирийскую провинцию Магидду [Malamat, 1973, p. 271]. В любом случае, провинция Магидду находилась севернее Самарии, но именно там, возле города Мегиддо, в 609 г. до н. э. Иосия встретил армию фараона Нехо и свою смерть.

Реформы, проведенные в одной провинции, могли быть осуществлены и в другой провинции — Ашдод, в филистимской земле, где находились города Газа и Аскалон. Филистимляне, потомки «народов моря», придя сюда, восприняли местную ханаанейскую религию. Намёк на насаждение и здесь иудаизма имеется в пророчествах Софонии, который, как и Иеремия, был в этой борьбе сторонником Иосии. Его пророчества относятся ко второй половине правления Иосии. Софония говорит о недостаточности реформы, о необходимости дальнейшего искоренения идолопоклонства. В день гнева Господня спасутся только те, кто исполняют его законы. В результате «Газа будет покинута и Аскалон опустеет», «и достанется этот край остаткам дома Иудина, и будут пасти там и в домах Аскалона будут вечером отдыхать», то же произойдет в Ашдоде и Экроне (Соф. 1, 2:3—7). Итак, в Аскалоне и во всём Пятиградье будут жить только приверженцы истинной веры. Здесь очевидно выражена и конечная цель Иосии — включение этой страны в своё царство. Комментаторы Софонии считают реальной экспансию Иосии в Филистию [Kselman, p. 1077—1080]. Кажется уместным провести параллель с событиями конца VIII в. до н. э. Когда другой иудейский царь, Езекия (727—698), восстал против Ассирии и начал борьбу с идолопоклонством, первое, что он сделал, «он поразил филистимлян до Газы» (4 Цар. 18:8).

Преследование идолопоклонников и разрушение храмов не могло не остаться в памяти потомков, тем более что борьба против Ашеры, Ашторет и других богов закончилась для Иосии его трагической смертью у Мегиддо. Пострадавшие могли воспринять его гибель как наказание за содеянное, как месть богини всякому, кто не поклоняется ей и оскверняет её дом. Память об этом могла сохраниться в храмовых легендах, в частности и в

Аскалоне, храмы которого возрождались всякий раз и продолжали действовать с перерывами все последующие столетия. Не могли не помнить об осквернении храмов в Палестине и потомки иудеев, бежавших от преследования в Египет и продолжавших поклоняться там богине неба ещё при фараоне Априи в VI в. до н. э. (Иер. 44). Геродот был в Египте, и отголоски этих событий могли дойти до него, но имя Иосии, возможно, там и не забытое, ему, не знавшему палестинской истории, вероятно, трудно было вписать в исторический контекст. Геродот сообщает (I. 105), что расспрашивал о святилище Афродиты Урании в Аскалоне. При этом среди прочего он мог узнать и о божественном наказании злодея. Но узнал ли он имя одного злодея или, может быть, их было слишком много?

Не менее тяжкие последствия для Аскалона и других городов Пятиградья имело столкновение политических интересов Египта и Вавилона в конце VII в. до н. э. Военно-политический контроль, периодически устанавливаемый здесь Египтом, был достаточно прочным со времени правления Псамметиха I (664—610). Начавшееся при нем проникновение Египта в Филистию закончилось недолгим завоеванием всей Палестины фараоном Нехо (610—595) после гибели Иосии. Навуходоносор, прежде чем двинуться на Египет, сделал царя Иудеи своим вассалом и уничтожил его египетских союзников — города-государства Пятиградья. В 604 г. Аскалон был превращен в груды развалин [Grayson, 1975, Chr. 5:18; Malamat, 1988, p. 124]. Сохранилось письмо на арамейском языке, в котором один из правителей Пятиградья по имени Адон умоляет фараона о защите в связи с приближением вавилонской армии. Предполагается, что этим городом мог быть Ашдод, Газа или Экрон, но не Аскалон [Spalinger, 1977, p. 230, note 26; Cogan, Tadmor, 1988, p. 308, note 3]. Поход Навуходоносора на Египет в 601 г. хотя и не привел к его завоеванию, но египетскому влиянию в Палестине пришел конец [Spalinger, 1977, p. 229—231; Cogan, Tadmor, 1988, p. 307—308; Malamat, 1988, p. 118—127].

Геродот в египетском логосе сообщает о завоеваниях Псамметиха и Нехо в Палестине (II. 157, 159), но, оказавшись в Палестине, он не смог связать эти события египетской истории с тем, что услышал здесь. В результате у него Псамметих «дарами и просьбами» уговорил скифов не идти в его страну. Эта деталь рассказа обнаруживает искусственное соединение Геродотом названных персонажей. Сила и влияние Египта были таковы, что Псамметих был в состоянии справиться со скифами, если бы они встретились на его пути. Во всяком случае, Навуходоносор не смог завоевать Египет в 601 г. и понес значительные потери или даже был разбит возле пограничной египетской крепости Магдолос/Мигдол, что не позволило ему продолжить войну на следующий год, поскольку ему нужно было «чинить колесницы» [Grayson, 1975, Chr. 5, r: 8].

Одной из причин преувеличения Геродотом роли скифов в политической жизни Передней Азии был неудачный поход Дария I в Скифию в конце VI в. до н. э. Слава о непобедимых скифах разошлась по всему тогдашнему миру. В этой связи представляет интерес рассказ Геродота (II. 103—110) о вторжении египетского царя Сесостриса в Скифию, его победе над скифами и о возвращении египетской армии вдоль Кавказского побережья Понта, где в районе р. Фасис (Риони) осталась жить часть египетских сол-

дат. Сесострису удалось совершить то, что не удалось Дарию, — победить скифов. Никогда этот рассказ не рассматривался исследователями как отражение подлинного события, но только как национально-патриотическая сага, созданная в период подчинения Египта персами. Позднее этот сюжет, ставший в греческой литературе популярным, изменялся и дополнялся сообразно с новыми событиями в мире. Так, Дарий был заменен Александром Македонским, и, соответственно, египетский царь совершил то, что не удалось Александру, — завоевал всю Индию, дойдя до Океана и не забыв при этом завоевать и скифов [Diod., I. 53—55]. Позднее образ Александра и вовсе слился с образом египетского царя (этому сюжету посвящена обширная литература, см.: [Иванчик, 2005, с. 190—220]).

В основу рассказа Геродота положен фольклорный сюжет, правдивость которого он пытался доказать собственными наблюдениями. Одним из доказательств египетского похода в Скифию, по его мнению, служат каменные столпы — стелы и каменные бабы, а также наскальные изображения воинов, которые он видел в Малой Азии и в Скифии и установку которых приписал Сесострису (II. 106). Попыткой привести и другие доказательства являются его рассуждения о родстве колхов и египтян (II. 104—105). Вполне очевидно, что эти «доказательства» ничего не могут доказать.

Зеркальным отражением этой истории является рассказ Геродота о попытке вторжения скифов в Египет (I. 105). Строится рассказ по той же схеме: героические легенды о военных набегах скифов в Азию, которые они могли совершать в течение 28 лет своей жизни, легли в основу античной традиции о 28-летнем скифском владычестве над всей Азией. Эти походы-балцы в действительности могли иметь различную продолжительность; один из них, например, длился, согласно Трогу Помпею, 8 лет. В качестве конкретного доказательства реальности скифского похода вплоть до Египта Геродот приводит рассказ о разграблении скифами храма Афродиты Урании в Аскалоне, расположенного недалеко от его границ. За это святотатство богиня наказала скифов «женским недугом».

Речь у Геродота идет о храме, посвященном филистимлянской «небесной богине» Ашторет/Астарте. Следует подчеркнуть, что в течение примерно 20 лет в последней трети VII в. до н. э. этот храм неоднократно разрушался и в ходе реформы Иосии. и Навуходоносором в 604 г., кроме того, храм мог пострадать и от рук египетских фараонов Псамметиха и Нехо. В пророчестве Иеремии о филистимлянах отмечается (вероятно, его секретарем Барухом), что пророчество о разрушении Газы фараоном сбылось (47:1; Аскалон расположен в 19 км к северу от Газы), и предсказывается новое разорение Газы и Аскалона «водами с севера» — Навуходоносором (47:5—7). После всех этих разрушений Аскалон находился некоторое время в запустении, вновь же он упоминается в источниках, не считая Геродота, в IV в. до н. э. у Пс.-Скилака [Stern, 1984, p. 10]. Почему, как утверждает Геродот, ему рассказали о разорении храма именно скифами, тогда как неоднократные разрушения Аскалона были связаны с более важными событиями последней трети VII в. как для Пятиградья, так и для всего региона в целом? При том что Библия сохранила память о разрушении храмов в ходе религиозной реформы, об опасности вторжения лидийцев и киммерийцев, о вторжениях египтян и вавилонян, скифы в библейской истории

никогда не упоминались. На фоне бурных событий последней трети VII в., когда источники фиксировали многократное вторжение в Палестину одних и тех же врагов, появление в районе Аскалона нового врага — скифов, что означало бы проход их через весь регион с севера на юг, не могло остаться незамеченным современниками. Были ли известны Геродоту имена этих многочисленных разрушителей Аскалона или нет, очевидно другое: Геродот ничего не знает как о событиях собственно палестинской истории, так и о деяниях вавилонских царей. Между тем уже греческий поэт Алкей (конец VII в. до н. э.) знал о разгроме Аскалона вавилонской армией, в составе которой в качестве наемника служил его брат Антименид [Страбон, XIII. 3:3; Stern, 1984, p. 1—4].

Сомнение в том, что Геродоту в Аскалоне сообщили именно о нашествии скифов, вызывает и сама легенда. По сути, она аналогична тем храмовым легендам, что бытовали в ином, греко-малоазийском культурном ареале. Они выстроены по одной схеме: разрушителю храма богиня мстит, насылая на него болезнь. Афина Ассеская, согласно Геродоту, навлекла болезнь на лидийского царя Алиатта за то, что он сжег ее храм в окрестностях Милета (I. 19), Артемида Эфесская за то же самое мстит, согласно Каллимаху и Гесихию, киммерийцу Лигдамису [Паркер, 1988, с. 97]. Симптомы его болезни подробно описаны Ашшурбанапалом [Иванчик, 1996, С 49]. Интимные подробности этой болезни трансформировались у Геродота в мужскую неполноценность тех скифов, что разрушили храм в Аскалоне. Это очередное умозаключение Геродота, в свою очередь, помогло ему объяснить происхождение специальной категории жрецов-трансвеститов у скифов-энареев (подробнее см.: [Иванчик, 2005, с. 227—229]). Как отметил В. Паркер, Геродот не мог не знать, в частности, о разрушении киммерийцем Лигдамисом/Дугдамми храма Артемиды в Эфесе, но в адекватном рассказе о киммерийском нашествии в Азию он не был заинтересован [Паркер, 1998, с. 97, 101]. Геродот предпочел посчитать эти сведения ложными или неуместными в связи с очевидным для него, как и для его современников, могуществом непобедимых скифов. Эта варварская, с точки зрения эллина, акция — осквернение храма богини неба в Аскалоне — была приписана варварам-скифам, за что они, по аналогии с известными ему легендами, и были наказаны.

Как в рассказе Геродота о завоевании Сесострисом Скифии каменные столпы не могут доказать реальность его похода туда, так и разрушение святилища в Аскалоне не доказывает реальность похода скифов на Египет. Если Геродоту и рассказывали о разрушениях, которые пережил храм, то все эти многочисленные истории могли у него слиться в одну и создать у него представление об одном разрушении, совершенном одним злодеем. Но в его рассказе можно проследить отголоски разных событий. Так, Геродоту сообщили, что святилище небесной богини в Аскалоне было самым древним ее храмом. В подтверждение его древности он добавляет, что выходцы из Аскалона основали святилище небесной богини на Кипре. Не является ли эта деталь рудиментом другого рассказа — о бегстве на Кипр идолопоклонников, спасавшихся от преследования во время реформы Иосии, в ходе которой было разрушено их святилище? Об этом могли помнить в храме, но этого не понял Геродот.

Далее, присутствие Псамметиха в Сирии Палестинской у Геродота намекает на былое влияние в регионе египтян, позднее ими утраченное [Spalinger, 1977, p. 229—231]; отсюда некоторая униженность фараона, уговаривающего сильных скифов не идти дальше. Эти детали в рассказе Геродота рождают аллюзии по поводу взаимоотношений Египта и Вавилона. Навуходоносор пошел на Египет, но не дошел до него (не смог завоевать его); однако он уничтожил влияние фараона, он сильнее его, он превратил Аскалон в груды развалин. Скифы = Навуходоносор?

Определяя имя врага Сирии и Палестины, зашифрованное в понятии «север», в каждом случае необходимо исходить из конкретной военно-политической ситуации в регионе. Подразумевать под угрозой «с севера» только скифов [Иванчик, 2005, с. 224—234], опираясь на единственное сообщение Геродота, нельзя. У поздних же античных авторов рассказы о скифах в Аскалоне восходят, в конечном счете, к Геродоту.

Подводя итоги, следует подчеркнуть следующее: в настоящее время нет доказательств реальности скифского похода в Египет. Напротив, рассказ Геродота обнаруживает рудименты рассказов о других событиях. О них ему могли сообщить в Аскалоне, но они не были им поняты из-за незнания истории этого региона. Если во второй книге его истории, посвященной Египту, заметно влияние египтян [Stern, 1976, p. 1], то в аскалонском рассказе подобного влияния, подразумевающего погружение в историю страны, не обнаруживается. Впрочем, в обоих случаях Геродот исходил из собственных наблюдений и убеждений. Поэтому как каменные столпы, принадлежавшие разным временам и культурам, стали доказательством реальности египетского похода в Скифию, так и рассказы о разных, хотя и близких по времени, событиях, которые были причиной многочисленных разрушений святилища в Аскалоне (не исключено, что и в самих храмовых легендах события прошлого уже были отчасти искажены), превратились в доказательство реальности скифского похода на Египет. Примечательно, что Геродот никак не обозначил связь этих двух походов между собой.

Если причины появления у Геродота такого рода интерпретации событий в Аскалоне еще можно объяснить, то сам скифский поход, не подтверждаемый никакими дополнительными данными, не может служить, в свою очередь, одним из доказательств скифской гегемонии в Передней Азии.

Таким образом, история пребывания киммерийцев и скифов в Азии в изложении Геродота не согласуется с данными древневосточных источников, по-видимому, по двум причинам. Прежде всего, Геродот знал только некоторые события «последней главы» скифо-киммерийской истории, главным действующим лицом которой в Малой Азии стали уже скифы. Но и в этом случае Геродоту не были известны те сведения о киммерийцах, которые сохранились в малоазийских преданиях и стали известны поздним авторам и которые подтверждаются ассирийскими текстами. Очевидно, что усиление военной активности киммерийцев в конце 640-х гг. было хотя и недолгим, но столь ярким, что о нем помнили много столетий спустя. Киммерийцы вторглись в Ионию, разорили Лидию и убили ее царя, но когда Дугдамме/Лигдамис «вошел в пределы Ассирии», он нашел там свою смерть.

В Верхней Азии, где уже господствовала Мидия, активность скифов если и присутствовала, то она была незначительной.

Другой причиной является то, что в последних по времени составлении ассирийских текстах, в свою очередь, отсутствуют сведения о скифах Мадия, а скифский рассказ Геродота не отражает исторической реальности в период максимальной активности киммерийцев в 670—640-е гг. Вместе с тем, когда киммерийцы после 630-х гг. сходят с политической арены, то и тогда ни библейские, ни вавилонские источники не фиксируют не только военной активности скифов, но и их самих. Это не исключает присутствия скифов Мадия на территории к югу от Кавказа. Но, по-видимому, ареал их походов был менее обширным [Vaggione, 1973, p. 523—530], а отзвук их вторжений — менее сильным, чем это представлялось отцу истории на основе скифской реальности V в. до н. э. И даже если допустить, что скифы в качестве наёмников Алиатта приняли участие в окончательном уничтожении киммерийцев, то и тогда их историческая роль не только не возрастает, но, скорее, минимизируется. В любом случае, предположения о вмешательстве скифов в политическую историю такой страны, как Мидийское царство, и об установлении господства над мидийцами исключаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ историографии со всей очевидностью показал, что наше представление о Мидийском царстве зависит от той или иной локализации территории изначальной Мидии и от того или иного толкования письменных источников, в результате которого определяются основные этапы истории Мидийского царства. Эти две проблемы неизбежно стали первостепенными в предлагаемом исследовании.

Предложенная в работе реконструкция исторической географии Северо-Западного Ирана новоассирийского периода показывает, что страны, в которых бывали ассирийцы, занимали обширные территории Иранского нагорья. Некоторые из этих стран располагались значительно далее 48° в. д., хотя считалось, что бесспорной может быть локализация этих стран лишь к западу от этой линии. Предложенные аргументы в ряде случаев полностью исключают иные варианты локализации стран региона. Это относится к странам в приурмийском и приванском районах, вдоль загросского участка Большого Хорасанского пути. Принципиально важной является предложенная в исследовании идентификация названий города Сагбат/Сагбита, упоминаемого в ассирийских источниках, с др.-перс. Хангмата(на)/На^гmatā(на) (греч. Экбатана, перс. Хамадан). Вместе с доказанной Э. А. Грантовским идентификацией горы Бикни с Демавендом локализация Сагбата позволяет определить границы Мидии от гор Загроса на западе до Эльбурса и пустыни Деште-Кевир на востоке, вплоть до 52–53° в. д. Все это дает основание отказаться от многих гипотез по истории Мидии, основанных на доказываемой Л. Левином локализации ее в горах Загроса. От локализации Мидии в горах Загроса или на Хамаданской равнине, т. е. от её ландшафтной характеристики, зависит понимание многих сторон ее истории, экономики, жизненного уклада, культуры и искусства.

Одновременно историко-географический очерк даёт представление о том, как постепенно формировалась завоевательная политика Ассирии на востоке, как она менялась в связи с экспансией Урарту в страны Древнего Ирана и как в результате здесь сложилась антиассирийская коалиция.

В предлагаемом исследовании выделено пять этапов истории Мидийского царства:

1. *Антиассирийское восстание в Древнем Иране.* Постоянная угроза ассирийского вторжения в страны Древнего Ирана сформировала антиассирийские силы, и около 671 г. до н. э. здесь вспыхнуло восстание; неофициальные ассирийские источники дают основание считать, что коалиционные силы восставших (мидийцы, маннейцы, киммерийцы) возглавил мидийский вождь Каштарити. Восстание было успешным, но его значение и результаты были недооценены исследователями, считавшими, что вскоре после него мидийцы были покорены скифами, чье владычество, согласно Геродоту, длилось 28 лет. Однако ассирийские источники упоминают скифов

в Древнем Иране только в 670-е гг. Выделение второго этапа позволяет отказать от предполагаемого скифского владычества над Мидией.

2. *Возвышение Мидии и начало её экспансии.* Развитие политической ситуации в регионе в конце 660-х гг. предполагает, что после антиассирийского восстания в Мидии начались позитивные процессы, приведшие к консолидации страны и её усилению, очевидно, и за счёт завоевания мелких соседних владений, в первую очередь в районе Хорасанского пути. Это могло существенным образом изменить расстановку сил в регионе и подготовить Мидию к началу крупномасштабных завоеваний. Уже около 660 г. маннейские правители, опасаясь усиления Мидии, изменили своему союзнику в недавнем восстании и пошли на новый союз — с Ассирией. На стороне Манны в 660-е гг., согласно ассирийским текстам, действовали киммерийцы. К концу 650-х гг. единственной антиассирийской силой в Иране оставалась Мидия. Только ее можно подразумевать под Гутиумом, названным среди государств-союзников восставшего в 652 г. против Ассирии вавилонского царя Шамашшумукина. Участие Мидии в этом восстании симптоматично. Можно считать, что она начала искать новых союзников в борьбе против Ассирии. И хотя первая попытка оказалась неудачной, но со временем именно Вавилония стала союзником Мидии в их общей борьбе против Ассирии.

Первым крупным успехом Мидии на международной арене стало завоевание Урартского царства, которое началось, по-видимому, не ранее конца 640-х гг. до н. э. Новые урартские тексты и археологические данные позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой в 650-е гг. в этом царстве начался внутривластный кризис. Он стал причиной, в частности, разрушения или запустения в конце правления Русы II городов/крепостей не только на окраине царства, но и в его центре, что свидетельствует против предполагавшегося иноземного вторжения в страну уже в конце 650-х гг. Гражданская война в конечном счёте привела к ослаблению и последовавшему затем распаду Урартского царства в правление последних царей Русы III и Сардури III в 640-е гг. Мидийский царь Фраорт, воспользовавшись ситуацией, продолжил разрушение и завоевание царства. Никакой другой силы, способной разрушить Урарту и заинтересованной в этом, кроме Мидии, в это время больше не существовало. В 609—608 гг. «область страны Урашту» в вавилонских хрониках является лишь географическим понятием. В проклятии Иеремии 594/93 г. (51:27) Урарту означало административную единицу в составе Мидийского царства.

Следующим завоеванием Фраорта, о котором сообщает Геродот, стала Персида; в одной из вавилонских надписей Набонида (середина VI в. до н. э.) говорится лишь о подчинении персов мидийцам. Это могло случиться не ранее 630-х гг. После этих завоеваний наступает период подготовки Мидии и Вавилонии к войне, приведшей Ассирию к гибели.

Выделение второго этапа стало возможным в результате согласования клинописных и археологических данных со сведениями Геродота, новой схемой (IV) мидийской династии и решением скифского вопроса. Этот период возвышения Мидии связан с правлением Каштарити (678—625), выдающегося мидийского царя, который упоминается у Геродота под именем Фраорт. Завоевав Урарту, этот царь тем самым начал завоевание Верхней Азии, законченное, согласно Геродоту, Киаксаром.

3. *Союз Мидии с Вавилонией в войне против Ассирии.* К концу правления Каштарити Мидия и Вавилония, которая начала в 627 г. войну с Ассирией за независимость, начинают сближение. Оно завершилось в 614 г. заключением союзного договора между Киаксаром и Набопаласаром. Распад Ассирии на два «конкурирующих центра» во главе с Ашшуром и Ниневией, начавшийся в 620-х гг., помог союзникам. Хотя первое выступление мидийцев против Ассирии засвидетельствовано вавилонскими источниками только в 615 г., нельзя исключить её военные действия в поддержку Набопаласара в его войне с Ассирией уже в 620-е гг. В вавилонской Хронике № 2, описывающей события 625 и 623 гг., мидийцы не упомянуты, но действия ассирийцев и какого-то неизвестного врага совпадают с описанием Геродотом последнего похода Фраорта и последующих событий (I. 102). Причем в этом случае очевидно знакомство Геродота с каким-то подлинным источником. Ему был известен распад Ассирии на два центра, и им подчеркивается выступление мидийцев именно против Нина/Ниневии. В этом походе погиб Фраорт, и его сын мстит тому же царству. Эта схема событий предположительно может быть восстановлена в хронике за 625 и 623 гг. Предполагавшееся ранее вторжение скифов в качестве неизвестного врага исключается.

Война Вавилонии за независимость была долгой. Только к 616—615 гг. вся ее территория оказалась в руках Набопаласара и война перешла на территорию Ассирии. Однако, несмотря на активные действия вавилонского царя, результаты этого этапа войны оказались малоэффективными. Только с вступлением в войну Мидии осенью 615 г. события стали разворачиваться стремительным образом. Анализ военных действий союзников в 616—612 гг., сообщения Ктесия и трактовка С. Завадским Хроники Гэдда убедительно доказывают, что лидирующая роль в войне принадлежала Мидии, неоднократно спасавшей Вавилонию из безвыходных ситуаций.

В 614 г. мидийцы захватили Ашшур. В 612 г. совместными усилиями Киаксара и Набопаласара Ниневия была разрушена, и началась агония Ассирийского царства, длившаяся следующие семь лет. Сутью последнего этапа войны стала борьба за «ассирийское наследство», третьим претендентом на которое был Египет — единственный союзник Ассирии в ее последней войне. Мидия в эти годы вновь приходила на помощь своему союзнику. И хотя затем лидерство постепенно перешло к энергичному вавилонскому царю Навуходоносору II, нет ни малейших оснований недооценивать роль Мидии и лишать ее значительной доли «ассирийского наследства», что часто наблюдается в исследованиях последних лет.

4. *Мидийское царство после крушения Ассирийской державы.* Решающая роль Мидии в разгроме Ассирии превратила ее в важный фактор международной политики последующего периода, что и позволяет выделить четвертый этап. В результате огромных территориальных приобретений, контролируя Хорасанский путь — одну из важнейших торговых артерий Древнего Востока, а также малоазийско-иранские торговые пути, Мидийское царство двигалось в сторону образования империи. Таковой ее и считали античные и библейские авторы, определяя время ее владычества между Ассирийской и Персидской державами. И хотя пока нет дополнительных доказательств завершения этого процесса и вопрос о создании Ми-

дийской империи остается открытым, быстрое образование Ахеменидской империи предполагает, что мидийцы достаточно далеко продвинулись в этом направлении, но довести начатое до конца им помешал государственный переворот.

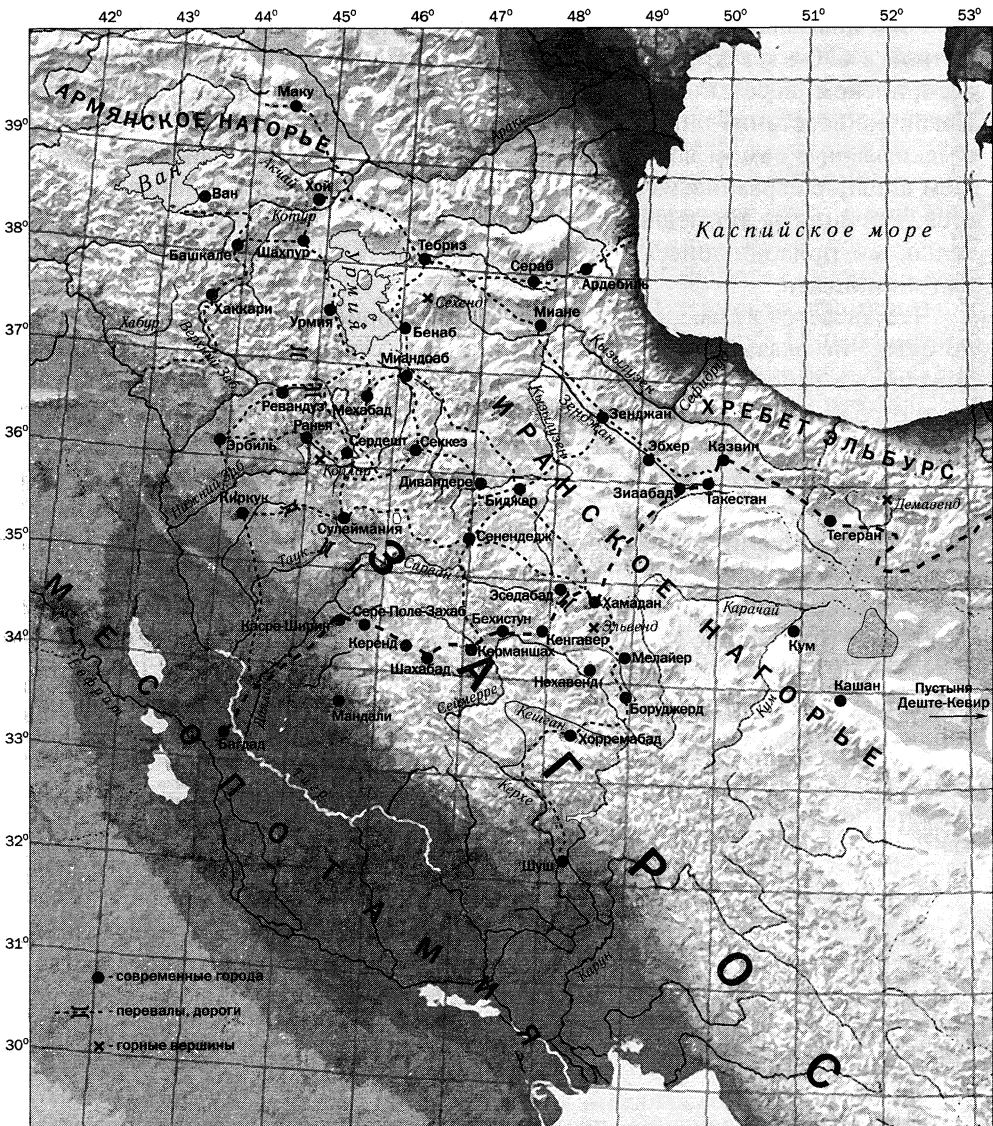
Роль киммерийцев и скифов в истории Мидии была относительно заметной в 670-е гг. до н. э. Киммерийцы приняли активное участие в анти-ассирийском восстании в составе коалиции, возглавляемой Каштарити. Накануне восстания они участвовали в антиассирийских действиях вместе со скифами; в самом восстании скифы участия не принимали. В дальнейшем влияние евразийских кочевников на события в Мидии не прослеживается. Результаты последних исследований позволяют признать несостоятельными приводившиеся прежде доказательства скифского владычества над мидийцами.

Что касается киммерийского и скифского присутствия в Азии, то оно, по сути, не оказало заметного влияния на историю стран региона. Предложенная в работе интерпретация двух текстов – письма астролога Аккуллану от 657 г. и рассказа Геродота (I.105) о скифском вторжении в Палестину – не позволяет рассматривать их в качестве важных доказательств как киммерийского могущества, так и скифского владычества в Азии.

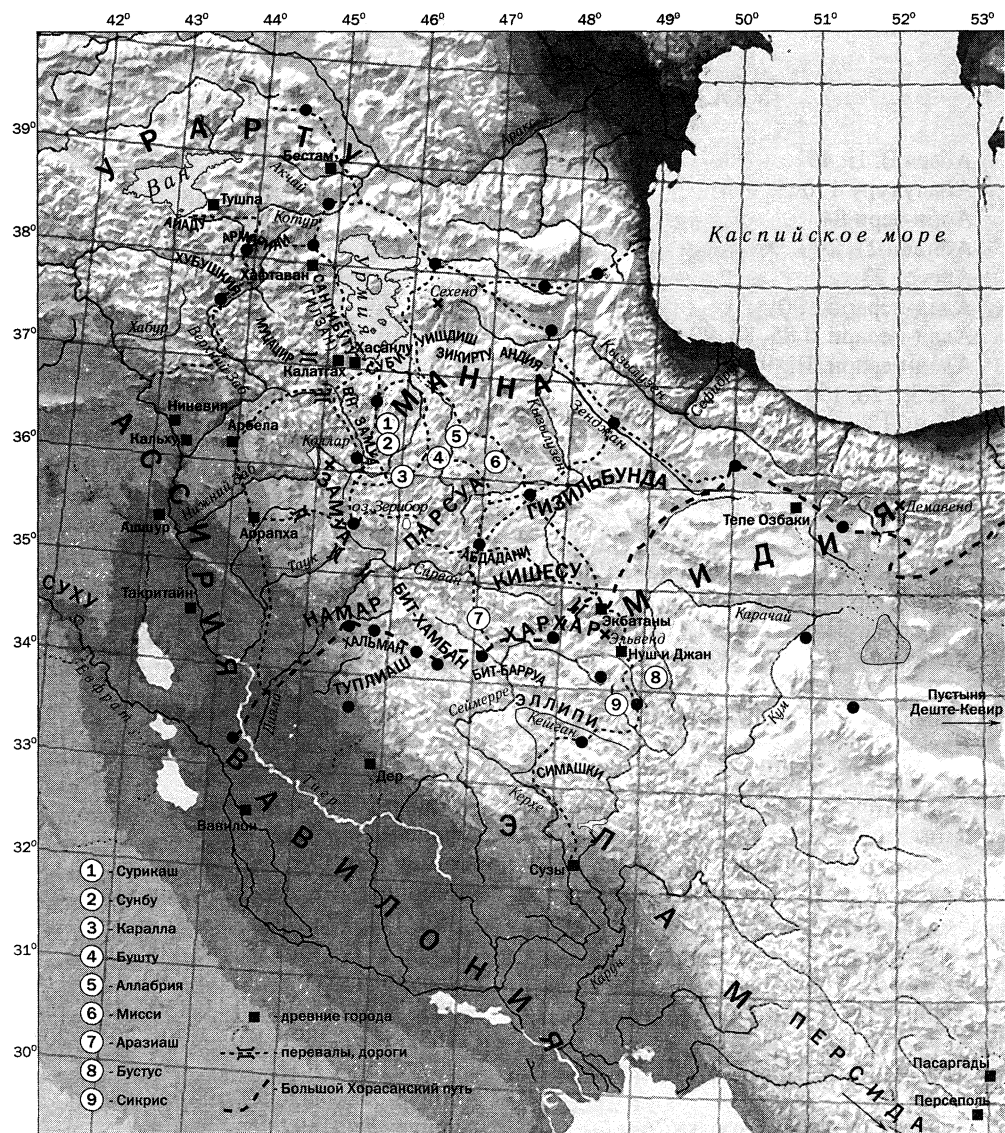
Основная причина разногласий клинописных и античных источников по скифо-киммерийской истории заключается в том, что их сведения относятся к двум разным периодам пребывания киммерийцев и скифов в странах Древневосточного региона. Военно-политическое лидерство киммерийцев по отношению к скифам, каким оно отражено в клинописных текстах до 640-х гг. и засвидетельствовано Библией, отсутствует у Геродота. Он знал некоторые события «последней главы» скифо-киммерийской истории, главным действующим лицом которой в Малой Азии в последней трети VII в. до н. э. стали так называемые скифы Мадия.

5. Конец мидийской династии. В результате военного мятежа в Мидийском царстве около 550 г. до н. э. произошла смена династий. К власти пришел правитель небольшого вассального владения Аншан на юге Мидийского царства — Кир II Ахеменид. Он и его преемники завершили начатый мидийцами процесс, создав Ахеменидскую империю, ставшую продолжением и одновременно новым этапом развития иранского государства, основы которого заложила династия мидийских царей. Таким образом, мнение Г. Масперо о династическом перевороте в Мидии и единстве Мидийско-Персидского царства, высказанное 135 лет назад, сохраняет свое значение.

Предлагаемое решение поставленных задач позволяет вернуться к представлению о важной роли Мидийского царства в истории стран древнего Ближнего Востока. Таким это представление сохранили, несмотря на относительную кратковременность существования царства, рассмотренные письменные источники. В Мидийском царстве происходило оформление иранской религии, складывались культура и искусство иранцев, Мидия была культурным посредником между странами древнего Ближнего Востока и Ахеменидским царством. В этом смысле иранское государство VII—IV вв. до н. э. можно, по сути, считать Мидийско-Персидским.

Карта 1. Иранское нагорье и прилегающие области Ближнего Востока (составлена автором)

Карта 2. Ассирия, Вавилония, Манна, Мидия и Урарту в IX—VII вв. до н. э. (составлена автором)

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН *

- Абаев В. И. 45
Абалукуну 130
Абби-зери 84
Абиден 21, 29
Август 23
Адад-нерари I 90
Адад-нерари II 85, 86, 90, 195
Адад-нерари III 92, 97, 113, 114, 122, 125, 126, 194, 195
Адон 213
Адонц Н. 63
Аждахак, см.: Астиаг 22, 29
Аккуллану 5, 183, 191—193, 197, 198, 200—202, 204, 221
Александр I (царь Македонии) 12
Александр Македонский 22, 23, 27, 214
Александр Полигистор 21, 22, 38, 169
Алиатт 14, 15, 173, 205, 206, 209, 215, 217
Алиев И. Г. 8, 37, 46—48
Алкей 215
Амбарис 147—149
Амель-Мардук 171
Амитида 175
Аммиан Марцеллин 8, 25
Анаре 80
Андария 143, 145, 146, 150
Антименид 215
Антиох IV Эпифан 27
Априй 213
Араму 71
Арбак/Арбакт 16, 17, 22, 23, 26, 29, 132, 167
Арбат, см.: Арбак, Арбакт 26
Арбиан 16
Аргишти I 67, 69, 116, 117, 125, 143, 148, 149
Аргишти II 68, 138, 140—142, 144, 146, 147, 149, 150
Ариения 173
Аристобул 22, 23
Аристотель 12
Аро Ю. 132
Арриан 23, 24
Артаксеркс II 19, 27
Артей 16
Артик 16
Артикас 28
Артин 16
Арутюнян Н. В. 67, 116, 117, 145
Арфаксад 28
Архилох 200, 207
Асархаддон 16, 17, 32, 35, 38, 56, 74, 75, 92, 94, 99, 100, 105, 110—112, 115, 116, 129—135, 145, 150, 158, 181—184, 186, 187, 189—191, 194—197
Аспанд/Астииг, см.: Астиаг 16, 17
Ассурахеиддин II (Саракос), см.: Асархаддон 35
Астиаг, см.: Иштумегу 15—20, 22, 23, 26, 28—30, 36, 38, 44, 47, 48, 156, 157, 159, 169, 173—175, 177
Астибар 16
Афинея 23
Ахемен 160, 175, 177
Ахеменид(ы) 8, 57, 123, 156—158, 162, 175, 177, 178, 221
Ахсери 121, 135, 136, 183, 202, 205
Ашшурбанапал 17, 22, 86, 92, 115, 116, 121, 132, 135, 136, 143, 150—152, 156, 183, 186, 189, 191—199, 201—204, 207, 215
Ашшур-бел-калла 90, 194
Ашшур-дан III 92
Ашшур-даянанни 86, 87
Ашшурицуа 129
Ашшурнацирапал II 74, 77, 79—83, 86, 90, 123, 184, 188, 194, 195
Ашшур-реша-иши I 90, 195
Ашшурбаллит II 167, 168

* Фамилии авторов из библиографических ссылок в указатель не включены.

- Б(П)артатуа, см.: Прототий 130, 183, 207
- Баласу (отец Набушаллима) 94
- Бардия (сын Кира) 33, 176, 177
- Бару 94
- Барух 214
- Баури 84
- Белесий 16, 17, 132, 167
- Белиддин 68
- Белушезиб 182, 183
- Бельк В. 73, 146
- Белявский В. А. 164
- Бёрни Ч. 64
- Берос 17, 21—23, 28—30, 38
- Бирисхадри 136
- Бисихадир 115
- Богданов И. В. 9
- Боргер Р. 32
- Браун С. 49—51, 54—56, 180, 187
- Бриан П. 51
- Бринкман Дж. А. 94, 118
- Буполассор (Набопаласар) 21
- Бур-Саггиле 32
- Валерий Проб 10
- Валла Ф. 101, 102
- Валтасар 28
- Ванден Берге Л. 41, 42
- Варбак/Варбакес 28, 29
- Вейссбах Ф. Х. 17, 18, 170
- Винклер Г. 104
- Гагу 136
- Гарпаг 18
- Гаумата, см.: Лже-Бардия 176
- Гекатей Милетский 10, 11, 173
- Гелланик 11
- Георгий Синкелл 21
- Гераклиды 200
- Геродот 5, 11—19, 21, 23—27, 29, 30, 34, 35, 37—39, 43—45, 47—53, 57, 58, 104, 123, 136, 137, 144, 153, 154, 156—167, 169—171, 173—176, 179, 180, 190, 197, 199, 200, 202, 205—210, 213—221
- Гесихий 215
- Гигес (Гиг)/Гуггу 5, 189, 191, 197—205, 209
- Гиршман Р. М. 39—43, 53
- Гобрий (полководец Кира) 19, 20
- Гог, см.: Гигес 203, 209
- Годар А. 40—42, 121
- Гопник Х. 54, 57
- Гофф К. 96
- Грантовский Э. А. 11, 36, 37, 45, 46, 48—50, 52, 53, 68, 83, 100, 105, 111, 116, 117, 125, 136, 158, 159
- Грейсон А. К. 32, 79, 189, 196
- Греко А. 56
- Грот Дж. 160
- Губару, см.: Угбару 20, 175
- Гьямму 189
- Гэдд С. Дж. 36
- Давид 210, 211
- Дади 85
- Дайсон Р. 53, 84
- Дайукуку, см.: Дейок 35, 45, 48, 49, 157
- Далли С. 140
- Дандамаев М. А. 9, 164, 176
- Даниил 27, 28, 30
- Дарий I 157, 158, 171, 176—178, 214
- Дарий Мидянин 27, 28
- Дейок, см.: Дайукуку 14, 15, 24, 26, 35, 38, 44, 45, 47, 48, 52, 53, 157, 159—162
- Делаттр А. 13, 35
- Дейокид 47
- Деокис, см.: Дейок 29
- Диокл, см.: Дейок 26
- Диодор 15, 16, 23, 29, 47, 167, 202
- Дионисий Галикарнасский 12, 13
- Дионисий Милетский 11
- Дрюс Р. 11, 161
- Дугдамми/Лигдамис 204, 205, 215
- Дусанни 133, 134
- Дьяконов И. М. 7, 8, 19, 27, 34, 37, 43—46, 48, 55, 61, 67, 89, 100, 103, 104, 106, 111, 115, 117—119, 135—137, 141, 144, 145, 150, 153—155, 171—174, 179—181, 187, 197, 199
- Евсевий Кесарийский 21, 29, 38, 169
- Езекия 212
- Завадский С. 50—52, 136, 153, 155, 163, 164, 166, 167, 173, 180, 220
- Зайдль У. 144, 147, 149
- Занасане 110
- Заратуштра 160, 175
- Зимански П. 71, 128, 141, 142, 153
- Зингер И. 193
- Ибик 11, 176
- Иванчик А. И. 183, 187, 190, 192, 193, 209
- Иезекиил 203, 209, 210
- Иеремия 26, 30, 144, 153—155, 206, 210, 212, 214, 219
- Илу-таклаку 189

- Иосия 210—215
 Исидор Харакский 95
 Ишби-Эрра 102
 Ишкаллу-табалец 189
 Ишпакай 130, 183, 207
 Ишпуини 74, 85, 116, 124
 Иштумегу, см.: Астиаг 156
 Кавеньяк Э. 49, 164
 Кадашман-Энлиль I 84
 Кадашман-Энлиль II 84
 Какиа 188
 Каллимах 215
 Каллин 207
 Калмейер П. 53
 Камбиз I 15, 174
 Камбиз II 19, 20, 25, 176, 177
 Камерон Дж. 38, 39, 43, 44, 79, 173, 179
 Кашкай С. М. 208
 Каштарити, см.: Хшатрита 33, 35, 38, 43, 47, 50, 52, 133, 134, 157—162, 205, 218—221
 Кваксарес, см.: Киаксар 29
 Кёниг Ф. В. 40, 45, 105
 Кёртис Дж. 54, 172
 Киаксар 14, 15, 19, 22, 26, 33, 35, 37, 38, 43, 45, 47—49, 153, 155—167, 169, 171—173, 179
 Киаксар I (У(а)ксатар) 33, 38, 47
 Киаксар II 28, 208, 209, 219, 220
 Киннер Вильсон Дж. 95
 Кир 10, 11, 19, 28, 29
 Кир I (Куруш) 156
 Кир II Великий 13—20, 23, 27, 30, 33, 36, 38, 55, 156, 159, 161, 163, 164, 169—171, 173—178, 204, 221
 Кир Младший (сын Дария II) 18—20
 Киртиара 79, 80
 Клайсс В. 144
 Клаубер Э. 35
 Кленгель Х. 86
 Клитарх 23
 Кнутцон Й. А. 35, 187
 Коссак Г. 49
 Крез 169
 Кристенсен А. 159
 Кролл С. 144
 Ксанф Лидийский 11, 200
 Ксенофан 11, 176
 Ксенофонт 18—20, 24, 28, 29, 171, 176, 197, 199
 Ксеркс 176, 177
 Ктесий 12, 15—19, 21—24, 27, 29, 30, 34, 35, 37, 38, 132, 167, 174, 175, 220
 Кунбуна 188
 Кураш, см.: Кир II 156
 Курций Руф 23, 24
 Лабат Р. 48, 49, 158
 Лабинет, см.: Набонид 173
 Ланфранки Дж. 54—56, 68, 75, 76
 Левин Л. Д. 8, 50, 56, 58, 61, 63, 66, 69—71, 74, 77, 79—84, 86—88, 95, 97, 104, 105, 107, 117, 119, 120, 122, 162, 218
 Леманн-Хаупт К. Ф. 62, 66, 72, 114
 Ленорман Ф. 34, 35
 Лже-Бардия, см.: Гаумата, маг 20, 176
 Ливерани М. 17, 54—57, 131
 Лигдамис/Дугдамми 204, 207, 215, 216
 Лившиц В. А. 106
 Лисимах 207
 Лукенбилль Д. Д. 106, 111, 115
 Лурье П. Б. 105, 111
 Лурье С. Я. 13
 Мадай (сын Иафета, внук Ноя) 26
 Мадий 153, 207, 208, 217, 221
 Мазетти К. 164
 Максимова М. И. 171
 Мамитиаршу 133, 134
 Манандян Я. А. 63
 Манассия 211
 Мандаук/Маудак 16
 Мар Абас Катина 28
 Мар Михаил 21
 Мар-Иштар 197, 201
 Масперо Г. 35, 38, 43, 44, 48, 221
 Массон В. М. 47
 Маццарино С. 169
 Медведская И. Н. 50
 Мейер Э. 36, 170
 Мекдиара/Мекдера, см.: Никдера 82, 85
 Меликишвили Г. А. 45, 48, 67, 190
 Менуа 72—74, 116, 117
 Мермнады 200
 Метатти 66
 Мешанинов И. И. 181
 Мид 10, 47
 Мидас I 147, 185—187
 Миллард А. 89
 Мита/Мидас 187, 189, 190
 Михель Э. 79
 Мищенко Ф. Г. 12, 13
 Модакес 28

- Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци) 28, 29
- Мугаллу, Мугаллу-мелидец 186, 187, 189, 191, 205
- Мугаллу-табалец 188, 203
- Мут(т)аллу Куммухский 149, 150
- Муцаина 79
- Набонид (Лабинет) 19, 28; 32, 52, 104, 156, 166, 171—173, 219
- Набопаласар 21, 22, 52, 144, 155, 163—169, 220
- Набу-икби 202
- Набушаллим (сын Баласу) 94
- Набу-шуму-лишир 196
- Навуходоносор II 21, 22, 27, 28, 38, 94, 147, 168, 169, 171, 173, 213, 214, 216, 220
- Нарам-Суэн 86
- Наум 26, 167
- Немировская А. В. 201
- Нериглиссар 171
- Нехо 168, 212—214
- Никдеме 80, 82
- Никдера, см.: Мекдиара 80, 82, 84
- Николай Дамасский 15, 16, 18, 23, 24, 29, 200
- Нин 14, 15, 23
- Новоандил, см.: Набонид 28
- Олбрайт У. Ф. 94
- Олмстед А. Т. 38, 77
- Олоферн 28
- Оппенгейм А. Л. 179
- Опперт Ж. 43
- Орбели И. А. 73
- Орозий Павел 25, 26, 30
- Павсаний 176
- Паркер В. 207, 215
- Парпола С. 20, 94, 192
- Паруйр (сын Скайорди) 29
- Пиотровский Б. Б. 144, 145
- Платон 18, 200
- Плиний Старший 24
- Плутарх 12
- Погребова М. Н. 42
- Полибий 22—25, 30
- Полиэн 24, 205
- Порада Э. 41
- Посидоний 23
- Постгейт Дж. Н. 88
- Праортис, см.: Фраорт 29
- Прашек Ю., фон 35—37, 46, 48, 52, 180
- Прототий/Б(П)артатуа 207
- Пс.-Аполлодор 10
- Пс.-Скилак 214
- Псамметих I 5, 191, 198, 199, 202, 203, 210, 213, 214, 216
- Птолемей 24
- Птолемей (сын Лага) 23
- Пьянков И. В. 16, 17
- Рагозина З. А. 43, 44
- Раднер К. 54—56, 125
- Раевский Д. С. 162
- Раматеа 96, 97, 110, 131
- Рассел Г. 74, 75
- Раулинсон Дж. 161
- Ригг Г. 63
- Рид Дж. 50, 54, 56, 164
- Роаф М. 54, 57, 148, 149
- Роллингер Р. 54, 56, 169
- Рост П. 36, 106
- Ростовцев М. И. 41
- Руса I 64, 66, 68, 69, 74, 119, 121, 138, 143, 146—150, 181, 182, 185
- Руса II 5, 32, 140—152, 186, 190, 191, 195, 205, 219
- Руса III 145—152, 219
- Руса (сын Русы II) 146
- Сак 20
- Салманар I 90
- Салманасар III 62, 70—72, 75—77, 79—86, 91, 114, 115, 118, 120—124, 185, 188, 189, 194, 195
- Салманасар V 27, 28, 210
- Сальвини М. 63, 71, 144—147, 150
- Сандакшатру 204, 205
- Сан-Николо М. 171
- Санчизи-Верденбург Х. 51, 53, 54
- Сарак (Синшаришкун/Шаришкун) 17, 21, 22
- Саргон II 31, 61—64, 66—77, 79, 81, 82, 85—89, 94, 96; 97, 99—101, 103, 106—116, 118—122, 127—131, 134, 135, 138, 140, 141, 143, 147—149, 157, 181, 182, 185—189, 193—195, 197, 210
- Сарданапал, см.: Ашшурбанапал 17, 22, 23, 26, 29
- Сардури II 117, 140, 141, 148, 149
- Сардури III 144, 149—152, 155, 219
- Сардури IV 149
- Сардури (сын Русы II) 146, 151
- Сарраф М. Р. 57
- Саул 210
- Свайни С. 113, 114, 122

- Сиеннесий 173
 Семереньи О. 107
 Семирамида 23
 Сесострис 213—215
 Синаххериб 66, 97, 99, 110, 115, 116, 128—130, 132, 189, 194, 195
 Синшаришкун/Шаришкун, см.: Сарак 17, 164, 167, 168
 Синшумлишир 164
 Смердис (брат Камбиза) 176
 Смит Дж. 35
 Смит С. 169
 Сократ 18
 Соломон 210, 211
 Сосарм/Сосармос 16, 28
 Софония 212
 Спайзер Э. 77, 81, 86, 89
 Спелинджер Э. 192, 198, 202, 203
 Старр А. 132, 133, 187, 190, 196
 Стеблин-Каменский И. М. 106
 Стейнкеллер П. 102
 Стефан Византийский 119
 Столпер М. 102
 Страбон 7, 10, 14, 18, 23—25, 30, 170, 184, 197, 204
 Стронах Д. 40, 53—58, 172
 Струве В. В. 48
 Суа 188
 Сэйс А. Г. 12, 13, 43, 77
 Тадмор Х. 32, 105, 106
 Тан-рухуратер 84
 Теушпа 184, 186
 Тиглатпаласар I 86, 90, 184, 194—196
 Тиглатпаласар III 28, 32, 64, 73, 84, 86, 87, 92, 94, 96, 97, 99, 100, 103, 108—111, 113—115, 126—129, 185, 189, 210
 Тигран 29
 Тимаген из Александрии 23
 Тохтасьев С. Р. 106
 Трөг Помпей, см.: Юстин 10, 18, 22, 23, 162, 214
 Тудхалия IV 193
 Тукульти-Нинурта I 79, 83, 85, 90
 Тукульти-Нинурта II 82, 86, 90
 Тунаку 113
 Тураев Б. А. 43, 48
 Түро-Данжен Ф. 62, 66, 67, 72, 74
 Уайзмен Д. Дж. 164
 Уалли 136
 Убру-Харран 182
 Угбару, см.: Губару 20, 175
 Уллусуну 66, 119, 121, 129
 Умакиштар, см.: Киаксар 37
 Уппис 110
 Урзана 130
 Урзицин 25
 Урса, см.: Руса 69, 70
 Фелинг Д. 180
 Флавий Иосиф 22, 28
 Форрер Э. 34, 77, 86, 88, 89, 134, 135, 184
 Фотий 15, 18
 Фравартиш, см.: Хшатрита 33, 48, 49, 157, 158, 162, 176, 177
 Фраорт 14, 15, 26, 35, 38, 45, 47, 49, 50, 52, 153, 157, 159—161, 163, 164, 179, 219, 220
 Фрейм Г. 120
 Фукидид 12, 13, 23, 30
 Хазарадзе Н. В. 184
 Ханац(с)ирука 124
 Харматта Я. 51
 Харон 11
 Хартман Л. 191, 192
 Хельм П. 49—51
 Хенкельман В. 54, 55, 57
 Хенриксон Р. 103
 Херицфельд Э. 46, 103, 104, 111
 Хинц В. 101, 102
 Хулайя 188
 Хшатрита, см.: Каштарити 33, 157, 158, 162, 177
 Цадок Р. 45, 66, 106, 107, 111, 121, 170
 Чириков Е. И. 71, 72
 Читрантахма (Чиссатахма) 171
 Шамашшумукин 137, 163, 195, 196, 198, 199, 204, 219
 Шамши-Алад V 82, 85, 87, 92, 96, 112, 113, 118, 120, 122, 124, 125, 188, 189
 Шапур II 25
 Шарру-эмуранни 88
 Шарцина (сын Мекдиара/Никдера) 82, 85, 118, 119
 Шефтеловиц И. 36
 Шеффер К. 41
 Шмидт Э. 41
 Шмитт Р. 16, 18, 124
 Шнабель П. 21
 Шпигель Ф. 35
 Штейн Г. 159
 Штрек М. 77
 Шульц Ф. 72
 Шутрук-Наххунте II 199

Эльснер И. 169
Эратосфен 24
Эримена 145—151
Эсфирь 27, 30
Эсхил 10, 11, 30, 47, 208
Эф'аль И. 196, 197
Юдифь 28
Юлиан Отступник 25

Юрса М. 54
Юсти Ф. 36
Юстин, см.: Трог Помпей 10, 18, 22—
26, 162, 200
Якоби Ф. 11, 16
Якобсон В. А. 103
Янг Т. Кайлер 53

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Абдадани/Бит-Абдадани 95, 96, 112—116, 118
Абхар/Эбхэр, см.: Аппатар 114
Авраман, хр. 83
Агази 99, 108—110, 112
Адильджеваз 141, 142, 147, 150, 190
Азербайджан 208
азиаты 176
Аз(е)ри 87
Айаду см.: Айду 69—74, 76
Айанис (Русахинили перед г. Эйдури) 141—144, 146, 147, 150—152, 190
Айду (ур.) 72
Аккад 127, 155, 165, 166, 172, 175, 193
Александрия 23
Аллабрия 64, 67, 68, 95, 113, 114, 116, 118—121
Алтын Кёпрю 81
Алтын тепе 73
Амасия Понтийская 23
Амбанда 99, 108—110, 112
Амида 25
Аммон 194
Амурру 5, 137, 191—197, 199—204
амуррцы 195
Анатолийское плато 184
Анатолия 55, 57, 125, 129, 141
Андия 64, 66, 119, 122
Анису 75
Антиохия 25
Анти-Тавр, г. 184
Аншан, см.: Персида 14, 18, 156, 174, 175, 221
Аппатар, см.: Абхар/Эбхэр 114
Арабия 137, 175, 195
арабы 183, 196, 197, 201
Арава/Уруа 102
Аразиаш, см.: Аранзеш 93, 95—97, 99, 100, 114, 115, 117, 127
Аракс, р. 45, 155
Арамале, см.: Армарили 70, 71
арамей, арамейские племена 87, 137, 195, 196, 206
Аранзеш (Верхняя Речка) 97, 110, 127
Арарат 154
Араратское царство, см.: Урарту 26, 27
Арбаил/Арбела, см.: Эрбиль 81, 118, 169, 171—173
арбаилец 87
Арвад 186, 194, 195
Ардебиль 68
Арея 173
Арзухина 87, 88
Ариарми 127
Ариби, Ариби востока 110, 112
аризанты 44
арии, арийские племена 35, 44, 45
арийцы 36, 46
Ария 11
Армангу 110, 127
Армарили, см.: Арамали 69, 70—72, 76
Армения 19, 25, 28, 29, 41, 140, 141, 143, 158, 177
Армет(а) / Урмета 121
Армина, Армянское царство 154
Арракди 87, 88
Аррапха 79, 81, 87, 88, 93, 165, 166
Арху 68, 140
Арцашку 71, 76

---

* В указатель не включены термины общего порядка: Азия, Древний Восток и т. п., а также Мидия, мидийцы, за исключением уточняющих терминов: «далёкие мидийцы», «Мидия Атропатена» и т. п. Сокращения: г. — гора(ы), хр. — горный хребет, пр. — горный проход, перевал, о-в. — остров, п-в — полуостров, оз. — озеро, р. — река, дол. — долина. Названия стран и населенных пунктов даны без этих уточнений, за исключением одноименных городов (гор.), перевалов, долин и, в ряде случаев, урартских (ур.) терминов.

- Асадабад/Эседабад, гор., пр. 60, 96, 100, 107, 111
- Аскалон/Ашкелон 210, 212—216
- ассирийцы 14, 16, 17, 22, 23, 26, 28, 30, 31, 45, 50, 55, 56, 60, 61, 64, 68, 70, 76, 77, 79, 82—85, 89, 93—97, 99, 101, 104—109, 111, 112, 114, 115, 117, 118, 123—131, 133—136, 138, 140, 142, 159, 163—168, 181—186, 188, 190, 192, 193, 197, 202, 208, 218, 220
- Ассирия (асс. империя, держава и т. п.) 5, 8, 14—19, 21, 25—30, 34, 36—38, 43, 45, 47, 51, 52, 54—56, 58, 59, 61—64, 72, 75—77, 80, 85, 86, 88, 89, 94, 108, 113, 117, 118, 121, 122, 124—132, 134—141, 146, 151—156, 158—161, 163, 165—169, 171—173, 176, 177, 178, 180—188, 190, 193, 196—199, 202—208, 210—212, 216, 218—220, 223
- Атропатена 5, 22, 24, 25, 30, 46, 62, 112, 119
- атропатенцы/атропатии 22, 46
- Атуну/Туну 185
- Афины 12, 18
- Ахар 68, 140
- Ахеменидская империя (царство и т. п.) 7, 10, 11, 13, 14, 20, 27, 29, 33, 40, 43, 58, 170, 174—178, 221
- ахламеи (ахламу), см.: арабы 183, 195—197
- ахламитянки 196
- Ахтамар, о-в 72, 73
- Аххиява 193
- Ашаб, см.: Армета 121
- Ашдод 194, 195, 210, 212, 213
- Ашкайа (ур.), см.: Ушкайа 63, 67, 68, 70
- Ашкелон/Аскалон 194, 195
- Ашкеназ, см.: скифы 154, 205, 206
- Ашкеназское царство, см.: Скифское царство 27, 154
- Ашшур, гор. 22, 80, 81, 152, 163, 165—167, 170—173, 220
- Ашшур (Ассирия) 141, 154
- Ба'ит-или 100, 101
- Баба Джан тепе 51, 53, 54, 98, 101
- Бабилу (ур.), см.: Намар 117, 118, 121, 126
- Бабиту(е), гор. 79, 93
- Бабиту(е)/Базиан, г., пр. 77, 79, 81—83, 86, 87, 89, 93
- Баджирге 71
- Базиан (Сагирма), хр. 77, 86
- Базира, р. (приток р. Таук) 86, 87
- Бактрия 104
- Балих, р. 165, 188
- Балканы 35
- Бане 113, 119, 121
- Бард-и Нишанде 40
- Бари (Тиль Бари, Бара) 69, 79
- Бари/Улху 120
- баркании 18
- Б(П)арнаку/Б(П)ирнакан 107, 109, 111, 112
- Баруата (ур.), см.: Бит-Барру(а) 117, 126
- Баршуа (ур.), см.: Парсуа 116—118, 121, 122, 126
- Бастам (Бестам) 138, 142—146, 150, 151, 153
- Башиме/Пашиме 102
- Башкале 71, 72, 74, 76
- Бенаб 63
- Беотия 12
- беотиец 12
- Берлин 146
- Бет-Аммон 195
- Бехистун 95—97, 100
- Библи 194, 195
- библисты 195
- Биджар 60, 66, 112—116, 122
- Бикни, г., см.: Лазуритовая гора 60, 61, 104, 105, 107—110, 127, 128, 130, 218
- Бирите 79, 86
- Бируту/Бирту 77, 79, 83
- Бит Сагаби 106, 107, 115
- Бит-Абдадани, см.: Абдадани 112, 113
- Бит-Барру(а), см.: Баруата 93, 94, 97—99, 115, 117, 122, 126, 129, 133
- Бит-Буруташ, см.: Табал 147
- Бит-Бурнаку/Бунаку, см.: Б(П)арнаку 111
- Бит-Дакури 94
- Бит-Затти 113
- Бит-Иштар 109, 113, 127
- Бит-Капси 95, 96, 101, 109, 113
- Бит-Кари, см.: Кар-Кашши 111, 132
- Бит-Раматуа (Нижняя Речка) 97, 110, 127
- Бит-Сагбат/Бит-Сагбит/Бит Сагаби 106, 107, 109, 110, 134
- Бит-Санги 69, 113
- Бит-Сангибуту 69
- Бит-табти (Соляная пустыня) 110

- Бит-Умарги 110, 127
 Бит-Урзакки 113
 Бит-Хамбан 88, 93—95, 97, 99, 103, 114, 116, 118, 124, 126, 127, 129, 130, 135, 183
 Бит-Хануния, г. 155
 Бит-Хирмани 110, 127
 Большой/Верхний Заб, см.: Эламуния, р. 63, 64, 70—72, 74—76, 79, 89, 118, 130, 188
 Большой Хорасанский путь 51, 55, 60, 61, 93, 95—97, 99, 100, 102—104, 108, 112, 113, 115, 117, 118, 124—129, 170, 172, 218—220
 Бонаб 122
 Боруджерд 101, 103
 Бохтан(су) (Ботан), р. 74
 Буку 68, 140
 Бунаис/Бунаси/Буниса(у), г., пр. 77, 79—83, 89
 Бустус 99, 100, 103, 107—109, 111, 112, 115
 Бусуту, см.: Бушту 121
 Бухара 111
 Бушту, см.: Бусуту 67, 69, 72, 109, 116, 120, 121
 Вавилон 14, 19—21, 26—28, 38, 84, 94, 99, 137, 144, 147, 153, 154, 163, 164, 168—171, 173, 175—177, 196, 197, 208, 210, 213, 216
 Вавилония 12, 14—16, 18, 21, 26, 27, 30, 34, 36, 38, 51, 52, 55, 94, 102, 118, 128, 136, 153, 156, 163—173, 197, 219, 220, 223
 вавилоняне 14, 21, 26, 29, 30, 51, 56, 87, 132, 134, 153, 164—168, 173, 208, 214
 Ван, оз. 62, 69, 71, 72, 74, 76, 105, 140, 141, 143, 145, 151, 155, 190
 Ван, гор. 72, 146
 Ванское царство, см.: Урарту 143
 Великая Мидия 24
 Верхний Мешинкерт 73
 Верхняя Азия 14, 158—162, 208, 217, 219
 Верхняя Мидия 28
 Внутренняя Замуа 69, 76, 77, 79—86, 118—120, 123, 124
 восточные мушки 141
 Высокая гора, см.: Пасаргады 18
 Габлини 174
 Газа 204, 222—224
 Гадир, р. 116
 Галилея 212
 Галикарнасс 11
 Галис/Кызыл-Ирмак, р. 14, 15, 39, 51, 54, 56, 144, 160, 169, 173, 184, 197, 203
 Гамасиаб, р. 103
 Гамбулу 94
 Гамир 181, 182
 Гамру, г. 79
 Гармсир 97
 Гёвелек 145, 146
 Гёксу, р. 141
 Гераклея, см.: Эрегли 184
 Гизильбунда 95, 97, 101, 112—116, 122, 124—127, 188, 189
 Гилзан, см.: Сангибуту 62, 64, 69—72, 76, 79, 85
 гизильбундцы 113
 Гилян 140
 Гирду 68, 140
 гиркании 18
 Гиркания 158, 173, 177
 Гитухани 140
 Говр Шинк, пр. 70, 72, 75
 Годин теле 51, 53, 54, 57, 98, 103
 Гóмер, см.: киммерийцы 205, 206, 209, 210
 Габлини 165, 166
 Город бога Халди, см.: Адильджеваз 142
 греки 10—13, 16, 21, 23, 25, 28—30, 55, 123, 176, 206
 греко-македоняне 21
 Греция 12, 20, 22, 27
 Грузия 181
 Гургум 185
 Гуриания/Гуриаини 181
 гутии 19, 175
 Гутиум (Мидия) 137, 171, 194, 195, 199, 219
 Дагара 79
 Дагестан 208
 Дайэни 71
 далекие мидийцы 108—110, 128
 далекие мидийцы восхода солнца 110
 Дамаск 15, 23, 28, 195
 Данану 99, 108, 110, 112
 Даруе, р. 107, 109
 Даруе, г. 100, 103, 107
 Датумбу 107, 109

- Дейри 72
 Дельта (Египет) 198
 Демавенд, г. 43, 60, 95, 104, 105, 107, 127, 218
 Дер (совр. Бадра) 93, 94, 164
 Дербенд-и хан, пр. 93
 Дех Лоран 103
 Деште-Кевир, см.: Соляная пустыня 43, 60, 95, 105, 108, 110, 112, 218
 Джамутбал 93
 Джебель Джингар, хр. 173
 Джебель Хамрин, хр. 173
 Джегету, р. 121
 Джейхан/Шейхан, р. 181
 Джоукар-Мелайер, дол. 100, 107, 112
 Дзамуа, см.: Замуа 89
 Дивандере 113, 114
 Диз, р. 103
 Дизе 71, 72, 76
 Дильмун 195
 Дияла, р. 60, 78, 89, 93, 95, 115, 118, 124, 172
 Дрангиана 173
 Дуплиаш, см.: Туклиаш 95
 Дур-атанати 87
 Евфрат, р. 17, 52, 84, 94, 140, 141, 163—165, 167—169, 182, 184, 186, 188, 197, 210
 Египет 10, 12, 19, 23, 55, 105, 154, 155, 163, 165, 166, 168, 169, 173, 175, 176, 183, 194, 195, 197—199, 202, 203, 206, 209, 210, 213—216, 220
 Забан 79
 Забшали 102
 Загрос, г. 8, 30, 37, 38, 40, 42, 43, 50, 53—56, 58—61, 79, 81, 83, 85, 89, 93, 95, 97, 99—101, 105, 107, 111—119, 121, 123, 193, 218
 Загросское нагорье 44
 Закавказье 37, 57, 60, 130, 138, 143, 181, 182
 Закрути 109
 Замру 89
 Замуа 64, 66, 76, 77, 79, 80—83, 85—89, 93, 116, 119—123, 126, 129, 136, 188
 Занзиуна 188
 западные мушки/мусы, см.: Фригийское царство 141
 Заречье (Северная, или Верхняя, Сирия) 194
 Зенджан 60, 111, 114
 Зенджан, р. 114
 Зенджанский коридор 114, 122
 Зерибор, оз. 83, 84, 89, 120, 122
 Зиаабад 111
 Зивийе 41—43, 121, 122
 Зикирту, см.: Сагартя/Асагартя 64, 66, 118, 119, 122
 Зымзымдаг, хр. 72
 Ида(у) 69, 76, 80, 82, 84, 85, 118, 120
 Иерусалим 26, 38, 211
 (И)Зибия/Уз(и)бия 121
 Изирту/Зирта 121
 Израильское царство 210
 Индия 170, 214
 индоарийские племена 111
 индоиранские племена 39
 Иония 26, 202, 206, 207, 216
 Иран 8, 9, 22, 24, 30, 31, 35—40, 42—46, 48, 53, 55, 57—63, 75—77, 85, 87, 93, 104—108, 112, 116, 118, 122—126, 128—132, 134, 137, 138, 140, 142, 144, 156, 157, 169, 174, 178, 179, 181, 183, 187—189, 202, 205, 207, 208, 218, 219
 иранские/ираноязычные племена 36, 37, 39, 41, 43, 45, 46, 48, 53, 106, 116, 117
 Иранский Азербайджан 38
 Иранское нагорье 14, 56—60, 123, 182, 199, 218, 222
 Иранское плато 37, 39, 46, 48, 50, 53, 60, 95, 97, 105
 иранцы 39—41, 43, 48, 53, 175, 221
 Ирниса 107, 109, 111, 112
 Исалла 155
 Иссин 102, 118
 Исфакан 39, 101
 иудеи 28, 53, 213
 Иудея 26, 153, 154, 169, 173, 210, 211, 212
 Иудейское царство 206, 210
 Иудейско-Израильское царство 210
 Иштаиппа/Иштеуппа 56
 Иштахуп 66
 Иштеуббу 66
 Йаштал 188
 Ка(е)бир Кух, хр. 97, 103
 Кавказ 11, 35, 39, 40, 42, 43, 45, 153, 205—208, 217
 Казвин 111
 кайзиты 195
 Кайнару 141
 Кайсеры 141, 172, 184

- Кала (Лариса ?) 171
 Калатгах 64, 65, 74, 122
 Кала-Чулан (Калачолан), р. 81
 Калду 197
 Кале Исмаил Ага 65
 Каллания, р. 73, 74
 Кальху/Нимруд 64, 81, 82, 84, 118, 171
 Камп(б)адена/Камп(б)анда 95
 Кангавар (Кенгавар) 31, 95, 96, 103
 Кандил, хр. 81
 Кане 70, 75, 120
 Канираш, пр. 81
 Кап(ф)ланту 121
 Каппадокия 14, 41, 57, 169, 173, 184, 197, 204
 Кара Даг, хр., см.: Сагирма 89, 93
 Кара-кая, см.: Уауш 68
 Каралла 64, 88, 95, 113, 115, 116, 119, 120
 Карзину 107, 109, 112
 Карзитали 131, 132, 133
 Карибту 133
 Каринташ/Керенд (Каринд) 99
 Кар-Кашши/Каркасия/ (Бит-Кари), см.: крепость касситов, колония касситов, см.: Сильхази 109, 111, 112, 133, 134
 Каркемиш 141, 168, 169, 172, 185
 Кармания, см.: Керман 173
 Кармир-блур, см.: Тейшебаини 142—144, 146, 147, 149—153
 Кар-Нергал 110, 111, 115, 127, 132
 Карун, р. 94
 Карфаген 25
 Кар-Шаррукин, см.: Хархар 101, 108, 110, 126, 127, 132, 135
 Каску 185
 Каспийские ворота 10, 30
 каспийские (загро-эламские) племена 45, 46
 Каспийское море/Каспий 30, 36, 68, 119, 140, 208
 касситы 41, 93, 111, 134
 Кахваз 114
 Кашан 39, 112
 Кашьяри, г. 188
 Ке́дар 194, 195
 Кедрон, р. 211, 212
 Келермес 43
 Келе(я)шин, пр. 63, 74, 75
 Керкенес-Даг, г. 172
 Керман 24, 101, 102
 Керманшах 60, 95—97, 113—115, 170
 Керха, р. 94, 102, 170
 Кефкале 141, 147
 Кешган/Кешганруд, р. 102, 103, 170
 Кешиш-гёль, оз. 145, 146, 150
 Кибистры 184
 Кизилузен, р. 113
 Киламбати 110, 127
 Килбани, г. 142, 143, 146
 Килизи 81
 Киликийские Ворота, пр. 184
 Киликия 141, 173, 184, 186, 192, 204, 207
 Килман (Кулуман) 100, 133
 киммерийцы 5, 8, 26, 35, 38, 39, 43, 116, 130, 133, 134, 143, 145, 179—187, 189—193, 197—199, 201—210, 214—219, 221
 Кинабу 188
 Кинипа/Ницир, г. 79
 Кипану 188
 Кипр, о-в 195, 215
 Киркук 81, 113
 Киррури, г. 79
 Китпаттия 112—114
 Кишес(с)у/Кишесим 96, 97, 108, 110, 112, 114, 115, 127, 129, 132, 133, 135, 136
 Книд 15, 16
 Коллар-даг, г., см.: Куллар 81, 84, 89
 Коринф 19
 Котур, г. 71, 76
 Крепость вавилонян, см.: Сильхази 87, 111, 134
 Крепость касситов, см.: Кар-Кашши 111
 Ктесифон 25
 Кубистра 184
 Кубистра-Гераклея 184
 Куллар/Коллар-даг, г., пр. 77, 80—83, 85, 89, 118—120
 Куллиммери 143
 Кум 112
 Кумме 130
 Куммух 140, 185
 Кумурду 119, 122
 Куртак, хр. 81
 кутийско-маннейско-луллубейские племена 46
 Кух-и Гарин, хр. 97, 100, 101
 Кух-и Дашт, дол. 41, 98
 Кух-и Сефид, хр. 97, 101

- Куш, см.: Нубия 55, 195
кушиты (см.: нубийцы) 183, 198, 202, 206
Куэ, см.: Киликия 185, 192
Кызыл-Ирмак/Галис, р. 14, 39, 173, 184
Лаг(а)лага, см.: Тагалаги 87
Лазуритовая гора, см.: Бикни 60, 104, 105, 110
Лампсак 11
Ларбуса 79
Лариса, см.: Кальху/Нимруд 171
Левант 194
ливийцы 168
лидийцы 144, 176, 191, 198, 214
Лидия, Лидийское царство 14, 19, 26, 169, 170, 173, 191—193, 197—207, 210, 216
Луллу 79
луллубеи/луллумеи 86
Луллуму(е), см.: Замуа 77, 79. 86—89, 120
Луристан 40—42, 93, 97, 98, 101, 105
Магдолос/Мигдол 213
Магидду 210, 212
Магнесия 207
Мадай 26, 104, 134
Мадзамуа/Мазамуа, см.: Замру 77, 80—82, 86—89
Мазандеран 105, 108
майзиты 195
Македония 24
Ма(е)лайер 53, 107
Малатья 141, 186
Малая Азия 11, 12, 15, 23, 35, 39, 41, 60, 130, 140, 143, 155, 168, 170, 173, 180—182, 185, 189, 191, 194, 197, 202, 204—207, 214, 216, 221,
малоазийцы 209
Малый город Русы/Бастам 138, 142—146, 150, 151, 153
Малый (Нижний) Заб, р., см.: Нижний Заб
Мандали 93, 94
Манна (Мана) 13, 45, 62—68, 70, 75, 76, 85, 88, 95, 112—123, 125, 126, 128—130, 135, 136, 153—157, 160, 166, 181, 184, 202, 219, 223
маннеи 38, 64, 66, 70, 76, 113, 119, 126, 129, 130, 133, 134, 140, 166, 182, 183, 202, 205, 218
Маннейское царство 62, 75, 112, 118, 119, 121, 122, 125, 135, 153, 166, 169
Мариван 113
Мархаши 102
мары 21
Масджид-и Сулейман 40
массагеты 19
махалатцы 195
Махидашт, дол., гор. 95, 97, 114, 116
Махмудабад 149, 150
Махраберд 73
Меандр, р. 207
Мегиддо 212
Меишта 116, 117, 122
Мелид 140, 184—187, 190, 197
мелидец 186, 189, 191
Мелид-Камману/Мелитена 141
Мелухха 137, 195, 199
Месопотамия 16, 25, 28, 55, 56, 60, 97, 102, 143, 168, 169, 173, 192, 197
Меспила 171
Месу 97, 122
Мехабад 63, 120
Ме(о)шех, см.: Фригия 141
Миандоаб 60, 63, 112, 116, 120, 121, 125
Миане 60
мидийские племена 15, 39, 44, 46, 55
мидийско-атропатено-азерийская народность 46
Мидийско-Персидское царство 11, 27, 30, 169, 177, 178, 221
Мидия Атропатена 24, 30, 46
Милет 11, 202, 215
Минийское царство, см.: Манна 27
Минни, см.: Манна 154
Мисси 116, 118, 119, 122—125
Моав 194, 195
могучие мидийцы 108—112, 127
могучие мидийцы востока 87, 108
Муджесир 74
Мурадие, г. 71
Мурат, р. 141
Муцацир 63, 74—76, 130, 143
Муш 155
мушки (фригийцы, протоармяне) 141, 184
Мушку, см.: Фригия 194, 203
Набатгея 194
Наджафехабад 31
Наири 82, 83, 85, 89, 119, 124, 188

- Намар, см.: Бабилу 93—95, 97, 114—118, 120, 122, 124, 126, 189
- Наштебан 68, 140, 150
- Неффалим/Галилея 212
- Нехавенд 101, 103
- Нижний Египет 198
- Нижний (Малый) Заб, р. 60, 61, 74—79, 81—85, 89, 118, 120, 123, 165
- Нижняя Азия, см.: Малая Азия 14, 158
- Никкар (Никур) 115
- Никиппа, г. 118
- Никку 94
- Нимруд/Кальху 64, 84, 171
- Ниневия/Нин 14, 15, 17, 21, 23, 26, 27, 30, 34—36, 52, 131, 143, 153, 156, 163—168, 171, 172, 182, 208, 220
- Нисибис 25
- Ницир (Кинипа), г. 79
- Ништун 188
- Нововавилонское/Халдейское царство 19, 169
- Норгюх 73
- нубийцы, см.: кушиты 168, 183
- Нурабад 98
- Нуш-и Джан тепе 51, 53, 54, 57, 98, 100, 101
- ольвиополиты 207
- Ольвия 12, 206
- Ошновийе, см.: Ушну 74
- П(Б)ирнакан 111
- Паве 60, 96
- Падуя 54
- Палестина 5, 163, 165, 168, 192, 199, 203, 209—211, 213, 215, 216, 221
- Панзиш 118
- паретакены 39
- Паришвар(гар) 105
- Парнаки, см.: Б(П)арнаку 111
- Парсуа, см.: Баршуа 66—68, 85, 88, 93, 95—97, 112—118, 120—122, 124, 126—130, 133, 136, 183
- Парсу(м)аш, см.: Персида 113, 116, 122, 156
- Партакка 110
- Партукка 110
- Парфия 22, 24, 30, 158, 174, 177
- Пасаргады 17, 18, 40
- Пасвэ 116, 117
- Патишхвар 105, 108
- Патгашшун, г. 100, 103
- Патуш'арра 104, 105, 110
- Пашиме/Мишиме, см.: Башиме 102
- Передняя Азия 19, 37, 42, 46, 162, 180, 198, 209, 213, 216
- Персеполь 121
- Персида/Парс, см.: Фарс, Аншан 11, 30, 116, 156, 161, 169, 170, 176, 178, 219
- Персидская империя (держава и т. п.) 12, 13, 44, 178, 220, 221
- Персидский залив 102
- Персия/Персида 11, 12, 19, 25, 27, 28, 30, 33, 36, 38, 44, 161, 162, 170, 171, 174, 176, 177
- перс(ы) 10—15, 17, 18, 20, 23—30, 37, 39, 40, 44, 48, 53, 55, 57, 116, 137, 155, 156, 159—163, 170, 174, 175, 177, 214, 219
- Петушинная страна 127
- Пиш-и Кух, г. 97, 102
- Понт (Чёрное море) 208, 213
- Приморье (вавилонское) 137
- Причерноморье 12, 35, 162, 206
- Пуму 190
- Пушт-и Кух, г. 103
- Пятиградье 212—214
- Рага Мидийская 27
- Радану, р. (Базира) 86, 87
- Разлик 68, 140, 150
- Раманда (Раменд) 107, 109, 111, 112
- Ранья 113, 121
- Ре(а)вандуз 70, 72, 74, 75, 149
- Рей 38
- Рим 22, 23, 25
- Римская империя 7, 27, 30
- Риони, р. 213
- Рифат 206
- Румешган 98
- Русахинили перед г. Килбани/Топрак-кале 142, 143, 146
- Русахинили перед г. Эйдури/Айанис 141—143, 146
- Савасик 146
- сагартин 66, 119
- Сагартия/Асагартия, см.: Зикирту 119
- Сагбат (Экбатаны) 97, 100, 101, 106—109, 111—113, 115, 124, 127, 133, 134, 218
- Сагбат/Сагаби 106, 108
- Сагбат/Хагапта 106, 107, 109, 111, 112, 134
- Сагбат/Хангматана/Хамадан 100, 112, 113, 133, 134, 175

- Сагбита/Сагбат 106, 107, 124, 218
 Садбат/Сагбат 101
 Сагирма (Кара Даг), хр., см.: Базиан/Ба-
 биту, пр. 77, 89
 Саис 198
 Сака 107, 109, 111, 112
 Саккыз/Секкез (саккызский клад) 39,
 41, 42, 60, 113, 120—122
 Саламатабад 113
 Саламин 10
 Салмас, дол. 63, 69, 71, 72
 Самария 210, 212
 Сангибуту, см.: Гилзан 69—71, 76
 Санду/Сапарда 133
 Сапарда, см.: Шапарда 99—103, 110,
 133
 Сардсир 97, 98
 Сардурихурди 69
 Сарды 204, 206, 207
 Сассиашу 112
 Сату Кала 84, 85
 Себелан, хр. 68, 140
 Севан, оз. 181
 Северная (Верхняя) Сирия 164
 Сеймерре, р. 94, 170
 Секиндел 140
 Селевкидская империя 30
 Сенендедж 60, 96, 97, 112—116, 120
 Сераб 68, 140
 Сердешт 60, 75, 81, 121
 Сере-Поле-Захаб 93
 Серо 70—72, 76
 Сехенд/Херемдаг, г. 67, 68
 Сиалк тепе 39—41, 53
 Сидон 194, 195
 сидонцы 195
 Сик(г)рис/Сикра 99—103, 110, 127,
 131—133
 Сильхази, см.: Крепость вавилонян 87,
 111, 127, 134
 Симашки/Цимаш 101—103
 Синихини 118, 121
 Сиппар, р. (Евфрат) 94
 Сирван, р. 95
 Сирдакка/Зирдиакка 65, 122
 Сирийско-арабская пустыня 196
 Сирия, см.: Хатти 12, 19, 87, 140, 141,
 163—165, 168, 184, 192, 193, 199, 209,
 210, 216
 Сирия Палестинская 210, 216
 Сисианский район 140, 141
 Скифия 12, 50, 154, 162, 207, 213—216
 скифо-сакские племена 20
 Скифское царство 27, 45, 136
 Скифы, см.: Ашкеназ 5, 35, 42, 45, 52,
 130, 144, 145, 154, 179, 181, 183, 206—
 210, 214, 216, 217, 221
 Солдуз, дол. 63, 69
 Соляная пустыня, см.: Деште-Кевир
 104, 108, 110, 131
 Страна маннеев 76
 субарейские народы 37
 Субарту, см.: Ассирия 194—196
 Суби, см.: Ушкайа, страна маннеев
 67—70, 72, 76, 119, 120
 Сузиана 101—103, 170
 Сузы 102, 170, 171
 Сулеймания 60, 81, 83, 113, 120
 Сумурзу 94
 Сунбу/Сумбу 85, 118—120
 Сураванские горы 71
 Сурикаш 64, 113, 118—122
 Сурх-и Дум 41, 98
 сутии 197
 Сухме 188
 Суху 52, 165—167
 Табал (Тубал), см.: Бит-Буруташ 26,
 140, 141, 147, 184—186, 190, 197, 203
 табалитянки 196
 табальцы, табалец 186, 189, 191, 203
 Таблани, см.: Табал 141
 Тавр, г. 141, 184—186
 Тагалаги/Лag(а)лага(и) 87
 Такестан 60, 111
 Такритайн 165, 167
 Тальвар, р. 113
 Танги-Вар 120
 Тарбицу 166
 Таргуни/Те(а)гарама/Тогарма 141
 Татарчай/Татау, р. 120
 Таук, см.: Радану, р. 86, 87
 Таурла 85, 118
 Таш тепе 63, 116, 117, 125
 Тебриз 48, 60, 68, 121, 140
 Тегеран 38, 56, 60
 Тейшебаини, см.: Кармир-блур 142, 152
 Текаб 60, 112
 тепе Озбаки 56
 Тиана(ы)/Туванува/Тувана 184
 Тигр, р. 44, 87, 93, 94, 99, 155, 164—
 166, 169, 172
 Тиг(к)ракка/Шиграки 100, 127
 Тилашур(р)и 111, 112
 Тиль-Бари 79

- Тир 203, 205
 тирийцы 195
 Тогарма (Торгом/Тегарам), см.: Таргунни 141, 206
 Топраккале(а), см.: Русахинили перед г. Килбани 73, 142—146, 148—150, 152, 153
 Тохма, р. 141
 Тубал, см.: Табал 141, 203
 Туванува/Тувана, см.: Тиана(ы) 184
 Туишду 140
 Туйсеркан, пр. 103
 Тук(г)лиаш/Туп(б)лиаш 93—95, 97, 118
 Туплиаш, р. 94
 Туркестан 39
 Турция 73, 138
 Тушпа (Ванкале, Ван) 73, 76, 146
 Уайаис (Старый и Новый) 74
 Уауш, г., см.: Кара-кая 66—69
 Уашдирикка, г. 66
 Угишти (ур.), см.: Уишдиш 63, 67
 Уизуку, г. 72
 Уишдиш/Угишти (ур.) 63, 64, 66—70, 76, 119, 121
 Уише 74
 Уиши 72
 Укну/Керха, р. 94
 Укута 99
 Улху 64, 69, 74, 120
 умман-манда(ы) 36, 37, 51, 52, 166, 172, 183, 202
 Упа, г. 118
 Уппумме 143
 Упурия/Уп(п)ария 99, 100, 103, 127
 Ур 102
 Ураказба(р)на 110, 131
 Уратское царство 5, 128, 129, 137, 138, 141—146, 151—153, 155, 161, 163, 166, 185, 190, 208, 219
 Урарту 13, 27, 31, 35, 53, 55, 60, 62—64, 66, 67, 69, 70, 72, 74, 76, 83, 85, 105, 119—121, 125—130, 135, 137, 138, 140—146, 151—156, 161, 162, 168—170, 178, 181, 182, 184, 188, 197, 204, 208, 218, 219, 223
 Уратас/Ураттус 96, 107—112, 128, 134
 урарты 40, 55, 61—64, 67—70, 73, 75, 85, 87, 117—120, 122, 124—126, 128, 129, 138, 140—143, 145, 149, 150, 170, 181, 182, 190, 191, 197
 Ураш 124
 Урашту, см.: Урарту 144, 155, 219
 Уриакку 99—101, 110, 127
 Урикату, см.: Уппария 99, 100, 127
 Урмия, гор. 69—71, 74, 149
 Урмия, оз. 30, 37, 45, 60—64, 66—72, 74—76, 81, 83—85, 89, 116, 119, 120, 122, 124, 125, 128, 130, 138, 140, 142, 149, 181
 Урук 95, 164
 Ууши 67
 Уушии 133
 Ушкайа/Ашкайа (ур.), см.: Суби 63, 67—70, 120
 Ушкаккан(а) 108, 112
 Ушну 69, 74
 Ушулу 68, 140
 Фарс, см.: Персида 40, 101, 116, 170
 Фасис (Риони), р. 213
 филистимляне 183, 212, 214
 Филистия 212, 213
 Финикия 12, 149, 164
 фракийские племена 35
 фракийско-иранское население 41
 Фригийское царство 141, 189
 фригийцы, см.: мушки 5, 184, 186, 187, 191
 Фригия, см.: Ме(о)шех 187, 206
 Хабур, р. 172, 188, 189
 Хабху 75, 188
 Хагабта, см.: Сагбат 106, 107, 109, 111, 112, 134
 Хагмата(на), см.: Сагбат 106, 177
 Хаккари (Чёлемерик) 71, 74—76
 халдайцы 197
 халдеи, см.: халдайцы, халибы 26, 137, 197
 Халзилуха 188
 халибы 197
 Халиту 141
 Халулэ 99
 Хальман 93, 97, 118
 Хамадан равнина 43, 50, 56, 58, 60, 61, 93, 96, 100, 101, 105, 107, 112, 124, 127, 133
 Хамадан, см.: Хангматана, Экбатаны 37, 38, 48, 53, 57, 61, 95, 105—107, 111—113, 115, 121, 122, 218
 Хамаданская равнина 5, 8, 50, 95, 104, 105, 107, 108, 111, 115, 218
 Хамат 168, 185
 Хан Гедике, пр. 71
 Ханаан 206

- Хангматана, см.: Экбатаны, Сагбат 100, 133, 134, 175
Харран 155, 166—169, 172, 173, 189, 193
Харрания 75
Хархар 93, 95—97, 99—101, 103, 108, 110, 111, 115, 126—129, 131—136, 188
хархариты 99, 115
Хархубарбан 110, 127
Харцале 204
Хасанлу 64, 69, 83—85, 122
Хате, см.: Хатти 141
Хатти, см.: Сирия 83, 141, 183, 188, 192, 194, 195, 197
Хафаджа 93
Хафтаван 63, 64, 69, 71
Хашмар, гор. 79, 89, 93, 95, 103, 115
Хашмар, г., пр. 89, 93, 95
Хеблеруд, р. 104
Хилакку 147, 185, 186, 197, 203
хилаккцы 203
Хилла 52, 166
Хиндану 165
Хоасп (Керха), р. 170
Хой 71
Хорасан 111
Хорремабад 101, 102
Хошап 72, 73, 76
Хубушкия 70, 74—76, 85, 122, 130, 135, 188
Хубушна(у)/Хуб(п)ишна/Хуписна, см. Кубистра 5, 184—186
Хузистан 40, 97, 101
Хундир 95, 115
Хуркум, п-в 73
Цамур 195
Цибар/Цибур 101, 113, 127, 189
Цилукуни 141
Цимаш, см.: Симашки 103
Цицирту 133
Цубара 100, 133
Чёлемерик (Хаккари) 71, 74
Чамчамаль 81
Чехрик 71, 72
Шадикани 189
Шаллат 163
Шамирамсу (канал) 73
Шапарда, см.: Сапарда 101, 127
Шатирарага 67
Шахабад, гор. 60, 94
Шахабад, дол. 94
Шахпур 63
Шикраки 108, 112
Шикриш, см.: Сикрис 102
Шише 68, 140, 150
Шуб(п)рия 141, 143, 145, 150, 190, 191
Шумер 127, 175
Шургардия 115
Эдину, г. 79
Эдом 194, 195
Экбатаны, см.: Хамадан, Сагбат 14, 18, 22, 27, 30, 37, 38, 50, 56, 61, 105—107, 111, 121, 127, 134, 159, 174, 175, 177, 218
Экрон 212, 213
Элам 13, 14, 55, 58, 84, 94, 97, 99, 101—103, 111, 137, 146, 151, 156, 163, 169—172, 206
эламит(ы) 55, 99, 151, 183
эламитянки 196
Эламуния, р., см.: Большой/Верхний Заб 75, 76
Элензаш/Эринзашу 97, 99, 115, 129
Элимаида/Элимея, см.: Элам 14
Эллада 10, 13, 156
Эллипи 13, 93, 97—101, 103, 115, 129, 130, 132, 133, 188
эллипийцы 94, 133
Эльбурс, г. 105, 114, 218
Эльвенд, г. 50, 61, 105
Эрбиль, см.: Арбаил/Арбела 113, 121, 172
Эребуни (Арин-берд) 147, 150
Эрегли/Геракляя 184
Эрзерум (Эрзурум) 155
Эринзашу/Элензаш 97, 99, 115, 129
Эрития/Иртия, г. 71
Эрчек, гор. 76
Эрчек, оз. 71
Эседабад, пр. 60
Этиуни 141
Этиухи 140
Эфес 204, 215
Эшшунна 93
язубигалийцы 93

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

(курсивом отмечены источники)

- Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алиев, 1960 — *Алиев И. Г.* История Мидии. Баку, 1960.
- Аммиан Марцеллин. История. Вып. I—III. Киев, 1906—1908. (Вып. I / Пер. Ю. Кулаковского, А. Сонни).*
- Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер. В. Г. Боруховича. Л., 1972.*
- Арутюнян, 1970 — *Арутюнян Н. В.* Биайнили. Ереван, 1970.
- Арутюнян, 1976 — *Арутюнян Н. В.* Некоторые вопросы последнего периода истории Урарту // Древний Восток. 1976. 2. С. 98—114.
- Арутюнян, 1984 — *Арутюнян Н. В.* К локализации города Зибия—Избия—Узбия Маннейского царства // Кавказско-Ближневосточный сборник. VII. Тбилиси, 1984. С. 102—105.
- Арутюнян, 1985 — *Арутюнян Н. В.* Топонимика Урарту. Хурриты и урарты. Ереван, 1985.
- Арутюнян, 2001 — *Арутюнян Н. В.* Корпус урартских клинообразных надписей (КУКН). Ереван, 2001.
- Бациева, 1953 — *Бациева С. М.* Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // ВДИ. 1953. № 2. С. 17—36.
- Белявский, 1964 — *Белявский В. А.* Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии // Исследование по истории стран Востока. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. С. 93—128.
- Берос. Вавилонская история / Пер. М. М. Дандамаевой // История Древнего Востока: Тексты и документы. Раздел II, 10: История Месопотамии в изложении Бероса. М., 2002. С. 297—308.*
- Бехистунская надпись Дария I / Пер. М. А. Дандамаева // История Древнего Востока: Тексты и документы. Раздел III, 8: Бехистунская надпись Дария I. М., 2002. С. 389—397.*
- Ванден Берге, 1992 — *Ванден Берге Л.* Древности страны лурав. Каталог выставки: ГЭ. Королевский музей искусств и истории (Брюссель). СПб., 1992.
- Галанина, 1977 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии I. М., 1977.
- Герни, 1987 — *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987.
- Геродот. История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Ф. Г. Мищенко. М., 1888; Пер. и примеч. А. Г. Стратановского. Л., 1972.*
- Гиршман, 1981 — *Гиршман Р. М.* Иран и миграция индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981. С. 140—144.
- Грантовский, 1958 — *Грантовский Э. А.* [Рецензия] // Советское Востоковедение. 1958. 3. С. 151—155. Рец. на кн.: И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1958.
- Грантовский, 1962 — *Грантовский Э. А.* Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота // КСИНА. 1962. XLVI. С. 227—251.

Грантовский, 1970 — *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Грантовский, 1981 — *Грантовский Э. А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981. С. 245—273.

Грантовский, 1983 — *Грантовский Э. А.* Бактрия и Ассирия (в связи с проблемой древнебактрийского «царства» // Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф., посвящ. десятилетию Южно-Таджикской археол. конф. М., 1983. С. 27—29.

Грантовский, 1994 — *Грантовский Э. А.* О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. 3. С. 23—47.

Грантовский, 1997 — *Грантовский Э. А.* Страны Иранского нагорья и юга Средней Азии в первой половине I тыс. до х. э. Мидийское царство. Авеста. Зороастризм // История Востока I. Восток в древности. М., 1997. С. 261—289.

Грантовский, 1998 — *Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.

Грантовский, 2004 — *Грантовский Э. А.* Пути развития социально-экономического строя древнего Ирана (к проблеме сложения государственности) // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 79—103.

Дандамаев, 1963 — *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.

Дандамаев, 1966 — *Дандамаев М. А.* Храм и государство в поздней Вавилонии // ВДИ. 1966. 4. С. 17—39.

Дандамаев, 1977 — *Дандамаев М. А.* Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках // ВДИ. 1977. 1. С. 30—40.

Дандамаев, 1985 — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дандамаев, Луконин, 1980 — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Дандамаева, 2002 — *Дандамаева М. М.* История Месопотамии в изложении Бероса // История Древнего Востока: Тексты и документы. Раздел II, 10. М., 2002. С. 297, 305—308.

Доватур, 1957 — *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

Дьяконов, 1939 — *Дьяконов И. М.* Амореи: (К происхождению культа бога Иисуса) // ВДИ. 1939. 4. С. 60—69.

Дьяконов, 1951 — *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ. 1951. 2. С. 265—356; ВДИ. 1951. 3. С. 207—252.

Дьяконов, 1951а — *Дьяконов И. М.* Последние годы урартского царства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ. 1951. 2. С. 29—39.

Дьяконов, 1956 — *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.

Дьяконов, 1968 — *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы (УПД). М.; Л., 1968.

Дьяконов, 1968а — *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Дьяконов, 1981 — *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. 2. С. 34—64.

Дьяконов, 1981а — *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.

Дьяконов, 1989 — *Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Расцвет древних обществ. Кн. II. М., 1989. С. 46—69.

Дьяконов, 1994 — *Дьяконов И. М.* Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. 1. С. 108—116.

Дьяконов, Медведская, 1987 — *Дьяконов И. М., Медведская И. Н.* Урартское царство в новом освещении // ВДИ. 1987. 3. С. 202—211.

Иванчик, 1996 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы: древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н. э. М., 1996.

Иванчик, 1999 — *Иванчик А. И.* Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2. С. 77—97.

Иванчик, 2005 — *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература, история // *Pontus Septentrionalis III*. Москва; Берлин, 2005.

Иванчик, 2006 — *Иванчик А. И.* Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук*. М., 2006. С. 146—161.

Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Кенкеля. Т. 1—2. СПб., 1900.

Косян, 2002 — *Косян А. В.* Лувийцы, фригийцы и мушки (к этнографической истории Малой Азии в VIII—VII вв. до н. э.) // *История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова*. СПб., 2002. С. 187—196.

Ксенофонт. Анабасис / Пер. М. И. Максимовой. М., 1994.

Ксенофонт. Киропедия / Пер. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова. М., 1977.

Ксенофонтов, 2002 — *Ксенофонтов А. Б.* Полиэн и его «Стратегемы»: Греческий писатель в римском мире (вступительная статья) // *Полиэн. Стратегемы*. СПб., 2002.

Курочкин, 1989 — *Курочкин Г. Н.* Ранние этапы формирования скифского искусства // *Кочевники Евразийских степей и античный мир*. Новочеркасск, 1989. С. 102—119.

Курочкин, 1992 — *Курочкин Г. Н.* Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана // РА. 1992. 2. С. 102—122.

Латышев, 1893; 1904 — *Латышев В. В.* *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие писатели. СПб., 1893. Т. II: Латинские писатели. СПб., 1904.*

Лелеков, Раевский, 1979 — *Лелеков Л. А., Раевский Д. С.* Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // *НАА*. 1979. № 6. С. 68—78.

Луконин, 1977 — *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.

Лурье, 1940 — *Лурье С. Я.* История Греции. Часть I (с древнейших времен до образования Афинского морского союза). Л., 1940.

Лурье, 1947 — *Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л., 1947.

Мазетти, 1978 — *Мазетти К.* Вопросы лидийской хронологии // ВДИ. 1978 № 2. С. 175—178.

Мазетти, 1979 — *Мазетти К.* Конец Ассирийской державы // ВДИ. 1979. № 4. С. 17—24.

Манандян, 1956 — *Манандян Я. А.* О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956.

Марр, 1916/1917 — *Марр Н. Я.* Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению // *ЗВОРАО*. 1916/1917. 24. С. 97—124.

Марр 1922 — *Марр Н. Я.* Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале // *Марр Н. Я., Орбели И. А.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. С. 25—63. СПб., 1922.

Масперо, 1895 — *Масперо Ж.* Древняя история народов Востока: Пер. с 4-го изд. 1886 г. М., 1895.

- Массон, Лившиц, 1962 — *Массон В. М., Лившиц В. А.* [Рецензия] // ВДИ. 1962. № 2. С. 129—137. Рец. на кн.: И. Г. Алиев. История Мидии. Баку, 1960.
- Медведская, 1983 — *Медведская И. Н.* Конский убор из могильника Сиалк В // ИА. 1983. XVIII. Р. 59—79.
- Медведская, 1989 — *Медведская И. Н.* К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н. э. // ВДИ. 1989. № 2. С. 100—117.
- Медведская, 1992 — *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. 3. С. 86—107.
- Медведская, 1992а — *Медведская И. Н.* [Рецензия] // ВДИ. 1992. № 1. С. 226—231. Рец. на кн.: S. Zawadzki. The Fall of Assyria and Median-Babylonian relations in light of Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.
- Медведская, 1994 — *Медведская И. Н.* Заключение по скифской дискуссии // РА. 1994. 1. С. 123—133.
- Медведская, 1995 — *Медведская И. Н.* Бывали ли ассирийцы в Экбатане? // ВДИ. 1995. № 2. С. 147—155.
- Медведская, 2000 — *Медведская И. Н.* О скифском вторжении в Палестину // ВДИ. 2000. № 2. С. 221—229.
- Медведская, 2005 — *Медведская И. Н.* Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 107—126.
- Медведская, Дандамаев, 2006 — *Медведская И. Н., Дандамаев М. А.* История Мидии в новейшей западной литературе // ВДИ. 2006. № 1. С. 202—209.
- Меликишвили, 1951 — *Меликишвили Г. А.* Урартоведческие заметки // ВДИ. 1951. № 3. С. 174—181.
- Меликишвили, 1954 — *Меликишвили Г. А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
- Меликишвили, 1960 — *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи (УКН). М., 1960.
- Меликишвили, 1962 — *Меликишвили Г. А.* [Рецензия] // ВДИ. 1962. № 2. С. 126—129. Рец. на кн.: И. Г. Алиев. История Мидии. Баку, 1960.
- Меликишвили, Абаев, 1958 — *Меликишвили Г. А., Абаев В. И.* [Рецензия] // ВДИ. 1958. № 3. С. 166—172. Рец. на кн.: И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
- Минорский, 1915 — *Минорский В. Ф.* Турецко-персидская граница // Материалы по изучению Востока. Пг., 1915. С. 219—432.
- Минорский, 1916 — *Минорский В. Ф.* Турецко-персидское разграничение // Известия Русского Географического общества. LI. Пг., 1916. С. 351—392.
- Минорский, Шипле, 1915 — *Минорский В. Ф., Шипле Х. С.* Объезд оккупированных Турцией персидских округов в 1911 г. // Материалы по изучению Востока. Пг., 1915. С. 1—132.
- Мищенко, 1888 — *Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История. 1888. Т. II. С. I—LXX.
- Мищенко, 1888а — *Мищенко Ф. Г.* К вопросу об источниках и о добросовестности Геродота // ЖМНП. 1888. Ч. CCLVIII. 258. С. 165—175.
- Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци). История Армении / Пер., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.*
- Николай Дамасский. История: Пер. / Под ред. Е. Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 3. С. 248—276.*
- Оганесян, 1966 — *Оганесян К. Л.* Ассиро-урартское сражение на горе Уауш // ИФЖ. 1966. № 3 (34). С. 107—118.
- Оппенгейм, 1980 — *Оппенгейм Лео А.* Древняя Месопотамия. М., 1980.
- Павел Орозий. История против язычников. Кн. I—III / Пер., коммент. В. М. Тюленева // Византийская библиотека. СПб., 2001.*

Паркер, 1998 — *Паркер В.* О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4. С. 93—102.

Пиотровский, 1959 — *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Плутарх. О злокозненности Геродота / Пер. С. Я. Лурье // Прил. в: С. Я. Лурье. Геродот. М.; Л., 1947.

Погребова, Раевский, 1992 — *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

Полибий. Всеобщая история: В 40 кн. / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. М., 1890.

Полиен. Стратегемы: Пер. / Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Пьянков, 1971 — *Пьянков И. В.* Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов // ВДИ. 1971. № 3. С. 16—37.

Рагозина, ок. 1903 — *Рагозина З. А., Древнейшая история Востока. Т. 3. СПб., ок. 1903.*

Раевский, 1997 — *Раевский Д. С.* К толкованию числовых данных в древних исторических свидетельствах // Живая старина. 1997. № 3. С. 18—21.

Сальвини, 1983 — *Сальвини М.* Распространение влияния государства Урарту на Востоке // Древний Восток. 4. Ереван, 1983.

Саркисян Г. Х., 1986 — *Саркисян Г. Х.* История «Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1986.

Саркисян Д. Н., 1978 — *Саркисян Д. Н.* О причинах похода 673 года Асархаддона на Шубрию // Древний Восток. 3. Ереван, 1978. С. 168—178.

Соловьёва, 1975 — *Соловьёва С. С.* Лидия при Гигесе и её взаимоотношения с Ассирией // Древний Восток. 1. М., 1975. С. 246—261.

Соловьёва, 1985 — *Соловьёва С. С.* Из истории лидийско-египетских взаимоотношений в VII в. до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 243—248.

Соловьёва, 1987 — *Соловьёва С. С.* Ассирийская держава (I тысячелетие до н. э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987. Гл. 4. С. 131—176.

Страбон. География / Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964 (Репр. изд. 1994.)

Стратановский, 1964 (1994) — *Стратановский Г. А.* Страбон и его «География» // Страбон. География. 1964 (1994). С. 775—790.

Тадмор, 1962 — *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. М., 1962. Т. 1. С. 240—241.

Тадмор, Надель, 1990 — *Тадмор Х., Надель Р.* Библейский период. Очерк истории еврейского народа // Библиотека — Алия. 1990.

Тохтасьев, 1993 — *Тохтасьев С. Р.* Античная литературная традиция о киммерийцах // Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 9—50.

Тохтасьев, 2008 — *Тохтасьев С. Р.* [Рецензия] // ВДИ. 2008. № 1. с. 194—204. Рец. на кн.: Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф, 2005.

Тураев, 1914 — *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Пг., 1914.

Тюленев, 2001 — *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. Кн. I—III. СПб., 2001. С. 5—20.

Удальцова, 1974 — *Удальцова З. В.* Аммиан Марцеллин — последний римский и первый ранневизантийский историк // Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 7—82.

Фукидид, 1999 — *Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Мищенко, С. А. Жебелева; Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1999.*

- Фролов, 1977 — Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 243—267.
- Хинц, 1977 — Хинц В. Государство Элам. М., 1977.
- Хазарадзе, 1970 — Хазарадзе Н. В. К вопросу о местонахождении Табала // Кавказско-Ближневосточный сб. III. Тб. 1970. На груз. яз.
- Цилиндр Кира / Пер. М. А. Дандамаева // История Древнего Востока: Тексты и документы. Раздел III, 3: Цилиндр Кира. М., 2002. С. 386—387.
- Чириков, 1875 — Чириков Е. И. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг. / Под ред. М. А. Гамазова // Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. IX. СПб., 1875.
- Эсхил. Трагедии / Пер. Вяч. Иванова. М., 1989.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского; Коммент. Э. Л. Казакевич, М. И. Рижского; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. № 2, 3, 4; 1955. № 1 (Переиздано в 2005 г. Коммент. М. Ф. Высоцкого, О. Л. Габелко, А. В. Короленкова, Е. Ю. Лебедевой. М.)
- Adonz, 1946 — Adonz N. Histoire d'Arménie. Paris, 1946.
- Albright, 1925 — Albright W. F. A Babylonian of Akkad's Empire // JAOS. 1925. 45. P. 193—245.
- André-Salvini, Salvini, 1997 — André-Salvini B., Salvini M. New Urartian Research in Iranian Azerbaijan // SMEA. 1997. 39/2. P. 290—292.
- André-Salvini, Salvini, 1999 — André-Salvini B., Salvini M. The Urartian Rock Inscriptions of Razliq and Našteban (East Azerbaijan, Iran) // SMEA. 1999. 41/1. P. 17—32.
- Bashash Khanzaq, Biscione, Hejebri-Nobari, Salvini, 2001 — Bashash Khanzaq R., Biscione R., Hejebri-Nobari A. R., Salvini M. Haldi's Garrison — Haldi's Protection. The Newly Found Rock Inscription of Argišti II in Shisheh, near Ahar (East Azerbaijan, Iran) // SMEA. 2001. 43/1. P. 25—37.
- Beaulieu, 1989 — Beaulieu P.-A. The Reign of Nabonidus, King of Babylon 556—539 B.C. // (Yale Near Eastern Researches, 10). New Haven; London, 1989.
- Belck, 1892 — Belck W. Vorläufiger Reisebericht. in: W. Belk und C. F. Lehmann. Ueber neuerlich aufgefundenene Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien // ZE. 1892. XXIV. S. 122—127.
- Belck, 1901 — Belck W. Mitteilungen über armenische Streitfragen // ZE. 1901. XXXIII. S. 284—328.
- Benedict, 1965 — Benedict W. C. Two Urartian Inscriptions from Azerbaijan // JCS. 1965. 19. P. 35—40.
- Black, Green, 2004 — Black J., Green A. Berossos. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. London, 2004.
- Borger, 1956 — Borger R. Die Inschriften Asarhaddons, Königs von Assyrien // AfO. 1956. 9. Graz.
- Borger, 1996 — Borger R. Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals. Wiesbaden, 1996.
- Borger, 2003 — Borger R. Mesopotamisches Zeichenlexikon // AOAT. 2003. Bd. 305. Münster.
- Briant, 1984 — Briant P. L'Asie Centrale et les royaumes Proche-Orient du premier millénaire (c. VIII—IV siècles avant notre ère) // Éditions Recherche sur les Civilisations. 42. Paris, 1984.
- Brinkmann, 1968 — Brinkmann J. A. A Political History of Post-Kassite Babylonia, 1158—722 B.C. // Analecta Orientalia. 43. 1968. Rome.

Brinkmann, 1986 — *Brinkmann J. A.* The Elamite-Babylonian Frontier in the Neo-Elamite Period, 750—625 B.C. // De Meyer L., Gasche H. Vallat F. (eds.). *Fragmenta Historiae Elamicae, Mélanges offerts à M.-S. Stève*. Paris, 1986. P. 199—207.

Brown, 1986 — *Brown S. C.* Media and Secondary State Formation in the Neo-Assyrian Zagros. An Anthropological Approach to an Assyriological Problem // *JCS*. 1986. 38. P. 107—119.

Brown, 1988 — *Brown S. C.* The Médikos Logos of Herodotus and the Evolution of the Median State // A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.) / *Achaemenid History III, Method and Theory*. Leiden, 1988. P. 71—86.

Brown, 1987—1990 — *Brown S. C.* *Medien (Media)*. RA. 1987—1990. Bd. 7. S. 619—623.

Burney, 1969 — *Burney C.* Excavations at Haftavan tepe 1969: Second Preliminary Report // *Iran*. 1969. X. P. 127—142.

Burstein, 1978 — *Burstein S. M.* *The Babyloniaca of Berossus. Malibu, 1978.*

Calmeyer, 1989 — *Calmeyer P.* Gute Geister // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe*. Gent, 1989. P. 605—621.

Cameron, 1936 — *Cameron G. G.* *History of Early Iran*. Chicago, 1936.

Cameron, 1950 — *Cameron G. G.* *The Annals of Shalmanesser III, King of Assyria // Sumer*. 1950. VI. P. 6—26.

Carter, 1985 — *Carter E.* Notes on Archaeology and the Social and Economic History of Susiana // *Paléorient*. 1985. 11/2. P. 43—47.

Cavainac, 1957 — *Cavainac E.* Sur un passage de la tablette BM 25127 // RA. 1957. 51. P. 28—29.

Cavainac, 1961 — *Cavainac E.* À propos du début de l'histoire des Mèdes // JA. 1961. 249/2. P. 153—162.

Çilingiroğlu, 2002 — *Çilingiroğlu A.* The Reign of Rusa II: Towards the End of the Urartian Kingdom // A. Aslan, S. Blum, G. Kastl, F. Schweizer, D. Thumm (eds.). *Festschrift für M. Korfmann. Mauer Schau*. 2002. Bd. 1. P. 483—489.

Çilingiroğlu, 2003 — *Çilingiroğlu A.* Recent Excavations at the Urartian Fortress of Ayaniş // Smith A. T., Rubinson K. S. (eds.). *Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasia and Beyond*. Los Angeles, 2003. P. 197—212.

Çilingiroğlu, 2006 — *Çilingiroğlu A.* An Urartian Fortress in front of Mount Eiduru: Ayaniş // ARAMAZD. AJNES. Vol. I. Erevan, 2006. P. 135—142.

Çilingiroğlu, Salvini, 2001 — *Çilingiroğlu A., Salvini M.* (eds.) *Ayaniş I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kay 1989—1998*. Roma, 2001.

Çilingiroğlu, Salvini, 2001 — *Çilingiroğlu A., Salvini M.* The Historical Background of Ayaniş // *Çilingiroğlu A., Salvini M.* (eds.). 2001. P. 15—24.

Cleuziou, 1990—1992 — *Cleuziou S.* *Ceramics: Bronze Age in Northern Persia // Enc. Ir*. 1990—1992. V. 3. P. 297—300.

Cobbe, 1967 — *Cobbe H. M. T.* *Alyattes' Median War // Hermathena*. 1967. CV. P. 21—33.

Cogan, 1974 — *Cogan M.* Imperialism and Religion: Assyria, Judah and Israel in the Eighth and Seventh Centuries B.C.E. // *Society of Biblical Literature. Monograph Series. XIX*. Missoula; Montana, 1974.

Cogan, 1992 — *Cogan M.* *Chronology // ABD*. 1992. Vol. 1. P. 1002—1111.

Cogan, Tadmor, 1977 — *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission // *Orientalia*. 1977. 46, 1. P. 65—85.

Cogan, Tadmor, 1988 — *Cogan M., Tadmor H.* *II Kings // The Anchor Bible*, 11. Garden City — New York, 1988.

Curtis, 2003 — *Curtis J.* The Assyrian Heartland in the period 612—539 B.C. // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). *Continuity of Empire (?)*. Padova, 2003. P. 157—167.

Dalley, 2006 — *Dalley S.* Background Study concerning Neo-Assirian Relations with Gilan Province // Report of the Iran Japan Joint Arcaeological Expedition to Gilan, Fifth Season. Iranian Cultural Heritage and Tourism Organization, Tehran, Middle Eastern Cultural Center in Japan. Tokyo, 2006. P. 175—182.

Day 1992 — *Day J.* Asherah, Ashtoreth // ABD. Vol. 1. P. 483—486, 491—495.

Delattre, 1883 — *Delattre A.* Le peuple et l'empire des Mèdes juisqu'à la fin du règne de Cyaxare // Mémoires couronnés et mémoires des savants étrangers publiés par l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique. XLV. Bruxelles, 1883.

Diakonoff, 1985 — *Diakonoff I. M.* Media // Gershevitch G. (ed.). The Median and Achaemenian Periods. The Cambridge History of Iran. Vol. 2. London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1985. P. 36—148.

Diakonoff, 1991 — *Diakonoff I. M.* The Cities of the Medes // Cogan M., I. Eph'al (eds.). Ah, Assyria... Studies in Assyrian History and Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor. Scripta Hierosolymitana, XXXIII. Jerusalem, 1991. P. 13—20.

Diakonoff, 1992 — *Diakonoff I. M.* The naval power and trade of Tyre // Israel Exploration Journal. 42. 1992. P. 168—193.

Diakonoff, Kashkai, 1981 — *Diakonoff I. M., Kashkai S. M.* Geographical Names according to Urartian texts // (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 9). Wiesbaden, 1981.

Diodorus of Sicily. I (books I, II, 1—34) / Transl. by C. H. Oldfather. London, 1933 (repr. 1989).

Drews, 1969 — *Drews R.* The Fall of Astyages and Herodotus Chronology of the Eastern Kingdoms // *Historia*. 1969. XVIII. P. 1—11.

Drews, 1973 — *Drews R.* The Greek Accounts of Eastern History. Washington, 1973.

Drinkard, 1992 — *Drinkard J. N.* North // ABD. 1992. Vol. 4. P. 1135—1136.

Dyson, 1989 — *Dyson R. H.* The Iron Age Architecture at Hasanlu: An Essay // Expedition. 1989. 31. 2—3. P. 107—127.

Eph'al, 1984 — *Eph'al I.* The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent 9th—5th Centuries B. C. Jerusalem, 1984.

Fales, Postgate, 1992 — *Fales F. M., Postgate J. N.* Imperial Administrative Records. Part I // SAA. VII. Helsinki, 1992.

Fales, Postgate, 1995 — *Fales F. M., Postgate J. N.* Imperial Administrative Records. Part II // SAA. XI. Helsinki, 1995.

Finkel, 1997 — *Finkel I.* No Nineveh in the Cyrus Cylinder // N.A.B.U. 1997. 1. P. 23, note 24.

Forbes, 1983 — *Forbes Thomas B.* Urartian Architecture // BAR International Series. 170. Oxford, 1983.

Forrer, 1921 — *Forrer E.* Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921.

Frame, 1999 — *Frame G.* The Inscription of Sargon II at Tang-i Var // *Orientalia*. 1999. 68. 1. P. 31—57.

Frymer 1972 — *Frymer T. S.* Asherah, Ashtoret // Encyclopaedia Judaica. Vol. 3. Jerusalem, (s.a.), Col. 704—705, 738—739.

Fuchs, 1998 — *Fuchs A.* Die Annalen des Jahres 711 v. Chr. // SAAS. 1998. VIII.

Fuchs, Parpola, 2001 — *Fuchs A., Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Part III // SAA. XV. Helsinki, 2001.

Gadd, 1923 — *Gadd C. J.* The Fall of Nineveh. London, 1923.

Garstang, Gurney, 1959 — *Garstang J., Gurney O. R.* The Geography of the Hittite Empire // Occasional Publications of the British Institute of Archaeology in Ankara. N 5. London, 1959.

- Gershevitch, 1979 — *Gershevitch I. The Alloglottography of Old Persian // Transactions of the Philological Society. 1979. P. 114—190.*
- Ghirshman, 1938—1939 — *Ghirshman R. Foilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1937. I—II. Paris, 1938—1939.*
- Ghirshman, 1950 — *Ghirshman R. Masjid-i Solaiman. Résidence des premiers Achéménides // Syria. 1950. 27. P. 205—220.*
- Ghirshman, 1950a — *Ghirshman R. Notes iraniennes IV. Le trésor de Sakkes, les origines de l'art Mède et les Bronzes du Luristan // Artibus Asiae. 1950. 13. P. 181—206.*
- Ghirshman, 1954 — *Ghirshman R. Village Perse-Achéménide // Memoires de la Mission archéologique en Iran. XXXVI. Paris, 1954.*
- Ghirshman, 1962 — *Ghirshman R. La civilisation achéménide et l'Urartu // A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 85—88.*
- Ghirshman, 1964 — *Ghirshman R. Persia from the Origin to Alexander the Great. London, 1964.*
- Ghirshman, 1974/1977 — *Ghirshman R. A propos de la nécropole B de Sialk // IPEK. 1974/1977. 24. P. 41—49.*
- Ghirshman, 1977 — *Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977.*
- Godard, 1931 — *Godard A. Les bronzes du Luristan // Ars Asiatica. XVII. Paris, 1931.*
- Godard, 1950 — *Godard A. Le Trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950.*
- Goff, 1968 — *Goff C. Luristan in the First Half the First Millennium B.C. // Iran. 1968. VI. P. 105—132.*
- Goff, 1971 — *Goff C. Luristan before Iron Age // Iran. 1971. IX. P. 131—152.*
- Goff, 1978 — *Goff C. Excavations at Baba Jan: the Pottery and Metal from levels III and II // Iran. 1978. XVI. P. 29—67.*
- Good, 1985 — *Good R. M. Asherah // Harper's Bible Dictionary. 1985. P. 74—75.*
- Gopnik, 2003 — *Gopnik H. The ceramic from Godin II from the late 7th to early 5th centuries B.C. // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 249—259.*
- Graf, 1984 — *Graf D. F. Medism: the Origin and Significance of the Term // JCS. 1984. 104. P. 15—30.*
- Grayson, 1975 — *Grayson A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles // (Texts from Cuneiform Sources V). Locust Valley, New York, 1975.*
- Grayson, 1980 — *Grayson A. K. The Chronology of the Reign of Ashurbanipal // ZA. 1980. 70. II. P. 227—245.*
- Grayson, 1983 — *Grayson A. K. Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia B.C. // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods, 1 (RIMA 1). Toronto; Buffalo; London, 1983.*
- Grayson, 1991 — *Grayson A. K. Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C., 1 (1114—859 B.C.) // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods, 2 (RIMA 2). Toronto; Buffalo; London, 1991.*
- Grayson, 1991a — *Grayson A. K. Assyria 668—635 B.C.: the Reign of Ashurbanipal // (Part I. Assyria and Babylonia). The Cambridge History of Iran. 1991. Vol. III, 2, § 24. P. 142—161.*
- Grayson, 1996 — *Grayson A. K. Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C., II 858—745 B.C.) // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods, 3 (RIMA 3). Toronto; Buffalo; London, 1996.*
- Greco, 2003 — *Greco A. Zagros pastoralism and Assyrian imperial expansion // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 65—78.*
- Greenfield, Porten, 1982 — *Greenfield C., Porten B. The Bisitun Inscription of Darius the Great: Aramaic Version // Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part I, vol. V, texts I. London, 1982.*

Grekyan, 2006 — *Grekyan Y.* The Will of Menya and the Gods of Urarty // ARAMAZD. AJNES. Vol. I. Erevan, 2006. P. 150—195.

Harmatta, 1971 — *Harmatta J.* The Rise of the Old Persian Empire, Cyrus the Great // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1971. 19. P. 3—15.

Harper, 1892—1914 — *Harper R. F.* *Assyrian and Babylonian Letters (ABL)*. London; Chicago, 1892—1914.

Hartman, 1962 — *Hartman L. F.* The Date of the Cimmerian Threat against Ashurbanipal according to ABL 1391 // JNES. 1962. XXI. 1. P. 25—37.

Hawkins, 1972—1975 — *Hawkins J. D.* Ḫatti: the 1st. millennium B.C. // RLA. 1972—1975. Bd. 4. S. 152—159.

Hawkins, 1993—1997 — *Hawkins J. D.* Mugallu // RLA. 1993—1997. Bd. 8. S. 406.

Hawkins, 1982 — *Hawkins J. D.* The Neo-Hittite States in Syria and Anatolia // CAH. 1982. Vol. III. 1. P. 372—441.

Heidel, 1956 — *Heidel A.* A New Hexagonal Prism of Esarhaddon (676 BC) // *Summer*. 12. 1956. P. 9—37.

Hellwag, 2000 — *Hellwag U.* “Sohn der Königin” LÚ.A.NIN-li oder “Wasserwirtschaftsminister” LÚ.A.ZUM-li? Überlegungen zu einem “fragwürdigen” Amt am urartäischen Königshof // AKKADICA. 2000. 117. S. 21—43.

Helm, 1981 — *Helm P. R.* Herodotus' Mēdikos Logos and Median History // Iran. 1981. XIX. P. 85—90.

Henkelman, 2003 — *Henkelman W.* Persians, Medes and Elamites: acculturation in the Neo-Elamite period // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 181—231.

Henrickson, 1984 — *Henrickson R. C.* Šimaški and Central Western Iran: the Archaeological Evidence // ZA. 1984. 74. 1. S. 98—122.

Herodotus. Books I and II (with an English translation by A. D. Godley). London; Massachusetts, 1960.

Herzfeld, 1968 — *Herzfeld E.* The Persian Empire. Wiesbaden, 1968.

Hulin, 1963 — *Hulin P.* The Inscriptions on the Carved Throne-base of Shalmaneser III // Iraq. 1963. 25. P. 48—69.

Hunger, 1992 — *Hunger H.* Astrological Reports to Assyrian Kings // SAA. VIII. Helsinki, 1992.

Jacoby, 1922 — *Jacoby F.* Ktesias I // PW. 1922. Bd. XI. Hbd. 2. Cols. 2032—2073.

Johns, 1898—1923 — *Johns C. H.* *Assyrian Deeds and Documents (ADD)*. Cambridge, 1898—1923.

Kashkay, 1997 — *Kashkay S.* The Material Culture in Azerbaijan During the Scythian Campaigns — a New Interpretation of Herodotus // *Altorientalische Forschungen*. 1997. Bd. 24, 2. S. 251—258.

Kent, 1953 — *Kent R. G.* Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon, (Second Edition, Revised) // (American Oriental Series, 33). New Haven, Connecticut, 1953.

Kessler, 1975 — *Kessler K.* Ḫupišna // RLA. 1975. IV. S. 500—501.

Kessler, 1986 — *Kessler K.* Zu den Beziehungen zwischen Urartu und Mesopotamien // von V. Haas (Hrsg.). Das Reich Urartu (Xenia, Konstanzer Althistorische Vorträge und Forschungen. Ht. 17). Konstanz, 1986. S. 59—86.

Khanzaq, Biscione, Hejebri-Nobari, Salvini 2001 — *Khanzaq R. B., Biscione R., Hejebri-Nobari A. R., Salvini M.* Haldi's Garrison — Haldi's Protection. The Newly Found Rock Inscription of Argišti II in Shisheh, near Ahar (East Azerbaijan, Iran) // SMEA. 2001. 43/1. P. 25—37.

Kinnier Wilson, 1962 — *Kinnier Wilson J. V.* The Kurba'il Statue of Shalmaneser III // Iraq. 1962. 24, 2. P. 90—115.

Klauber, 1913 — *Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte aus der Sargonidenzeit (PRT). Leipzig, 1913.*

Kleiss, 1979 — *Kleiss W. (ed.) Bastam I: Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972—1975. (Teheraner Forschungen, IV). Gebr. Mann Verlag. Berlin, 1979.*

Kleiss, 1988 — *Kleiss W. (ed.) Bastam II: Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. (Teheraner Forschungen, V). Gebr. Mann Verlag. Berlin, 1988.*

Klengel, 1966 — *Klengel H. Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der altvorderasiatischen Gebirgsvölker // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1966. XI, 3. S. 349—371.*

Knudtzon, 1893 — *Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott (AGS). Leipzig, 1893.*

König, 1934 — *König F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser // (Der Alte Orient. 33, 3/4). Leipzig, 1934.*

Kossack, 1987 — *Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse N. F. 98. München, 1987. S. 24—86.*

Kroll, 1976 — *Kroll S. Keramik Urartäischer Festungen in Iran // AMI, Ergänzungsband 2. Berlin, 1976.*

Kroll, 1984 — *Kroll S. Urartus Untergang in anderer Sicht // Istanbuler Mitteilungen. 1984. 34. S. 15—170.*

Kroll, 1988 — *Kroll S. Grabungsbericht // W. Kleiss (ed.). Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. (Teheraner Forschungen, V). Berlin, 1988. S. 75—106.*

Kroll, 2003 — *Kroll S. Medes and Persians in Transcaucasia: archaeological horizons in north-western Iran and Transcaucasia // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 281—287.*

Kselman, 1992 — *Kselman J. S. Zephaniah // ABD. 1992. 6. P. 1077—1080.*

Labat, 1961 — *Labat R. Kaštariti, Phraorte et les débuts de l'histoire mède // JA. 1961. 249, 1. P. 1—12.*

Lanfranchi, 1995 — *Lanfranchi G. B. Assyrian Geography and Neo-Assyrian Letters. The Location of Ḫubuškia Again // M. Liverani (ed.). Neo-Assyrian Geography (Quaderni di geografia storica, 5). Roma, 1995. P. 127—137.*

Lanfranchi, 2003 — *Lanfranchi G. B. The Assyrian expansion in the Zagros and the local ruling elites // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 79—118.*

Lanfranchi, Parpola, 1990 — *Lanfranchi G. B., Parpola S. The Correspondence of Sargon II. Part II // SAA. V. Helsinki, 1990.*

Lanfranchi, Roaf, Rollinger, 2003 — *Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia // History of the Ancient Near East/Monographs — V. Padova. 2003.*

Langdon, 1912 — *Langdon S. Die neubabylonischen Königsinschriften // Vorderasiatische Bibliothek 4. Leipzig, 1912.*

Lehmann-Haupt, 1916 — *Lehmann-Haupt C. F. Mušašir und der achte Feldzug Sargons II (714 v. Chr.) // MVAG. 1916. XXI. S. 119—151.*

Lehmann-Haupt, 1918 — *Lehmann-Haupt C. F. Zu Sargons II Feldzug gegen Urartu, 714 v. Chr. // Klio. 1918. XV. S. 439—440.*

Lehmann-Haupt, 1921 — *Lehmann-Haupt C. F. Das urartäisch-chaldäische Herrscherhaus // ZfA. 1921. 33. S. 27—51.*

Lehmann-Haupt, 1926 — *Lehmann-Haupt C. F. Armenien Einst und Jetzt, II, 1. Berlin; Leipzig, 1926.*

Lenormant, 1871 — *Lenormant F. Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asie antérieure. T. I. Paris, 1871.*

Levine, 1972 — *Levine L. D. Two Neo-Assyrian Stelae from Iran // Royal Ontario Museum, Art and Archaeology, Occasional Paper 23. Toronto, 1972.*

Levine, 1974 — *Levine L. D. Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros. Toronto; London, 1974.*

Levine, 1977 — *Levine L. D. Sargon's Eighth Campaign // Mountains and Lowlands: Essays in the archaeology of Greater Mesopotamia. Bibliotheca Mesopotamica. 1977. 7. P. 135—151.*

Levine, 1982 — *Levine L. D. Sennacherib's Southern Front: 704—689 BC // JCS. 1982. 34, 1—2. P. 28—58.*

Levine, 1987 — *Levine L. D. The Iron Age // F. Hole (ed.). The Archaeology of Western Iran. Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest. Washington, 1987. P. 229—250.*

Levine, 1989 — *Levine L. D. K. 4675+ — The Zamua Itinerary // SAAB. 1989. 3. P. 75—92.*

Liverani, 1995 — *Liverani M. The Medes at Esahaddon's Court // JCS. 1995. 47. P. 57—62.*

Liverani, 2003 — *Liverani M. The Rise and Fall of Media // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 1—12.*

Loon, 1975 — *Loon M., van. The Inscription of Ishpuini and Meinua at Qalatgah, Iran // JNES. 1975. 34, 3. P. 201—207.*

Loon, 1983 — *Loon M., van. Teksten uit Urartu uiz de 9^e—8^e eeuw. v. Chr. // Schrijvend verleden, documenten uit het oude nabije oosten vertaald en toegelicht. Leiden, 1983.*

Loon, 1987 — *Loon M., van. rev.: P. E. Pecorella and M. Salvini (eds.). Tra lo Zagros el'Urmia: Ricerche storiche ed archeologiche nell'Azerbaijaniano, (Incunaula Graeca, LXXVIII). Rome, 1984 // BiOr. 1987. XLIV, 1/2. P. 252—262.*

Luckenbill, 1924 — *Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib (Oriental Institute Publication II). Chicago, 1924.*

Luckenbill, 1926—1927 — *Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylon, 1—2 (ARAB). Chicago, 1926—1927.*

Luukko, Buylaere, 2002 — *Luukko M., Buylaere G., van. The Political Correspondence of Esarhaddon // SAA. XVI. Helsinki, 2002.*

Malamat, 1973 — *Malamat A. Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 BC // JANES. 1973. 5. P. 267—278.*

Malamat, 1988 — *Malamat A. The Kingdom of Judah between Egypt and Babylon: a Small State within a Great Power Confrontation // Journal for the Study of the Old Testament: supplement series 48. 1988.*

Mayer, 1983 — *Mayer W. Sargons Feldzug gegen Urartu — 714 v. Chr. Text und Übersetzung // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. 1983. 115. S. 65—132.*

Medvedskaya, 1982 — *Medvedskaya I. N. Iran. Iron Age I // BAR International Series 126. Oxford, 1982.*

Medvedskaya, 1986 — *Medvedskaya I. N. A study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery // IA. 1986. XXI. P. 89—120.*

Medvedskaya, 1988 — *Medvedskaya I. N. Who Destroyed Hasanlu IV? // Iran. 1988. XXVI. P. 1—15.*

Medvedskaya, 1989 — *Medvedskaya I. N. The End of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia // Archaeologia Iranica et Orientalis in honorem L. Vande Berghe. I. Gent. 1989. P. 439—454.*

Medvedskaya, 1991 — *Medvedskaya I. N. Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // IA. 1991. XXVI. P. 72—80.*

Medvedskaya, 1992 — *Medvedskaya I. N.* The Question of the Identification of 8th—7th cent. Median Sites and the Formation of the Iranian Architectural Tradition // AMI. 1992. 25. P. 73—79.

Medvedskaya, 1997 — *Medvedskaya I. N.* The Localization of Hubuškia // S. Parpola, R. H. Whiting (eds.). Assyria 1995. Helsinki, 1997. P. 197—206.

Medvedskaya, 1999 — *Medvedskaya I. N.* Media and its Neighbours I: the Localization of Ellipi // IA. 1999. XXXIV. P. 53—70.

Meyer, 1908 — *Meyer E.* Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der Zoroastischen Religion // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. XLII. Göttingen, 1908.

Michel, 1952 — *Michel E.* Ein neuentdeckter *Annalen-Texte Salmanassars III* (858—824) // WO. 1952. 1. S. 454—475.

Millard, 1994 — *Millard A.* The Eponyms of the Assyrian Empire, 910—612 B.C. // SAAS. II. Helsinki, 1994.

Minorsky, 1931 — *Minorsky V.* The Luristan Bronzes // Apollo. 1931. 13. P. 141—142 (Авт. пер. на рус. яз. см.: ВДИ. 1959. 2. С. 220—222).

Minorsky, 1957 — *Minorsky V.* Mongol Place-names in Mukri Kurdistan (Mongolica, 4) // BSOAS. 1957. XIX, 1. P. 58—81.

Mitchell, 1991 — *Mitchell T. C.* Judah until the Fall of Jerusalem (c. 700—586 B.C.) // CAH. Vol. III, 2, § 30. Cambridge, 1991. P. 371—409.

Muscarella, 1971 — *Muscarella O. W.* Qalatgah: an Urartian Site in Northwestern Iran // Expedition. 1971. 13, 3/4. P. 44—49.

Oded, 1986 — *Oded B.* The Table of Nation (Genesis:10) — A Socio-cultural Approach // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1986. 98. S. 14—16.

Oelsner, 1999—2000 — *Oelsner J.* Review of: Rollinger R. Herodots Babylonischer Logos (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft 84). Innsbruck, 1993 // AfO. 1999—2000. 46/47. S. 373—380.

Parpola, 1970 — *Parpola S.* Neo-Assyrian Toponyms // AOAT 6. Neukirchen-Vluyn. 1970.

Parpola, 1987 — *Parpola S.* The Correspondence of Sargon II. Part I // SAA, I. Helsinki, 1987.

Parpola, 1993 — *Parpola S.* Letters from Assyria and Babylonian Scholars // SAA, X. Helsinki, 1993.

Parpola, 2003 — *Parpola S.* Sacas, India, Gobryas, and the Median royal court; Xenophon's Cyropedia through the eyes of an Assyriologist // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 339—350.

Parpola, 2003a — *Parpola S.* The Leftovers of God and King: on the Distribution of Meat at the Assyrian and Achaemenid Imperial Courts (доклад в СПб ФИВ РАН осенью 2003 г.).

Parpola, 1970/2007 — *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. Part I: Texts; Part II: Commentary and Appendices. Winoona Lake, Indiana, USA, 1970. 2 ed., 2007.

Parpola, Watanabe, 1988 — *Parpola S., Watanabe K.* Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths // SAA. II. Helsinki, 1988.

Parpola, Porter, 2001 — *Parpola S., Porter M.* (eds.). The Helsinki Atlas of the Near East in the Neo-Assyrian Period. 2001.

Piepkorn, 1933 — *Piepkorn A. C.* Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal // Assyriological Studies 5. Chicago, 1933.

Porada, 1964 — *Porada T.* Nomads and Luristan Bronzes // M. Mellink (ed.). Dark Ages and Nomads ca 1000 B.C. Istanbul, 1964. P. 9—31.

Porada, 1965 — *Porada T.* The Art of Ancient Iran. New York, 1965. P. 75—89.

- Postgate, 1974 — *Postgate J. N. Taxation and Conscription in the Assyrian Empire (TCAE) // Studia Pohl, Series Maior 3. Rome, 1974.*
- Postgate, 2000 — *Postgate J. N. The Assyrian army in Zamua // Iraq. 2000. 62. P. 89—108.*
- Prášek, 1906 — *Prášek J. Geschichte der Meder und Perser. Gotha, 1906.*
- Radner, 2003 — *Radner K. An Assyrian view on the Medes // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 37—64.*
- Ramsay, 1890 — *Ramsay W. M. The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890.*
- Rawlinson, 1875 — *Rawlinson G. The History of Herodotus. Essay on the Chronology and History of the Great Median Empire. (3th ed.). London, 1875. P. 388—411.*
- Reade, 1970 — *Reade J. The Accession of Sinsharishkun // JCS. 1970. XXIII, 1. P. 1—9.*
- Reade, 1978 — *Reade J. Kassites and Assyrians in Iran // Iran. 1978. XVI. P. 137—143.*
- Reade, 1995 — *Reade J. Iran in the Neo-Assyrian Period // M. Liverani (ed.). Neo-Assyrian Geography (Quaderni di Geografia Storica, 5). Roma, 1995. P. 31—42.*
- Reade, 2003 — *Reade J. Why did the Medes invade Assyria? // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 149—156.*
- Reynolds, 2003 — *Reynolds F. The Babylonian Correspondens of Esarhaddon // SAA, XVIII. Helsinki, 2003.*
- Rigg, 1942 — *Rigg H. A. Jr. Sargon's «Eight Military Campaign» // JAOS. 1942. 62, 1. P. 130—138.*
- Roaf, 2003 — *Roaf M. Median Dark Age // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 13—22.*
- Roaf, in print — *Roaf M. Could Rusa son of Erimena have been King of Urartu during Sargon's Eighth Campaign? (In print).*
- Rollinger, 2003 — *Rollinger R. Herodotus // Enc. Ir. 2003. XII, 3. P. 254—288.*
- Rollinger, 2003a — *Rollinger R. The Western Expansion of the Median «empire»: a re-examination // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 289—319.*
- Rostovtzeff, 1922 — *Rostovtzeff M. I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.*
- Rostovtzeff, 1931 — *Rostovtzeff M. I. Some Remarks on the Luristan Bronzes // IPEK. 1931. 7. P. 45—56.*
- Russel, 1984 — *Russel H. F. Shalmaneser's Campaign to Urartu in 856 B.C. and the Historical Geography of Eastern Anatolia according to the Assyrian sources // Anatolian Studies. 1984. XXXIV. P. 171—201.*
- Salvini, 1979 — *Salvini M. Die urartäischen Tontafeln // Kleiss W. (ed.). 1979. P. 115—136.*
- Salvini, 2001 — *Salvini M. The Inscriptions of Ayanis (Rusaḫinili Eiduri=kai). Cuneiform and Hieroglyphic // Çilingiroğlu A., Salvini M. (eds.). 2001. P. 251—262.*
- Salvini, 2001a — *Salvini M. Inscribed documents of the campaign 2001 in Ayanis // SMEA. 2001. 43. P. 279.*
- Salvini, 2007 — *Salvini M. Les deux steles de Rusa III, fils d'Erimena, provenant du KeşişGöl // Доклад на 53 Rencontre Assyriologique Internationale, июль 2007 г., Москва. М., 2007.*
- Salvini, 2007a — *Salvini M. Argišti, Rusa, Erimena, Rusa und Löwenschwänze: Eine urartäische Palastgeschichte des VII. Jh. v. Chr. // ARAMAZD II (Armenian Journal of Near-Eastern Studies). Erevan, 2007. P. 146—162.*
- Sancisi-Weerdenburg, 1988 — *Sancisi-Weerdenburg H. Was there ever a Median Empire? // Kuhrt A., Sancisi-Weerdenburg H. (eds.). Achaemenid History III: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 197—212.*

- Sarraf, 2003 — *Sarraf M. R.* Archaeological Excavations in Tepe Ekbatana (Hamadan) by the Iranian Archaeological Mission between 1983 and 1999 // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 269—279.
- Sayce, 1883 — *Sayce A.* The Ancient Empire of the East. Herodotus. I—III. London, 1883.
- Scheffer, 1948 — *Scheffer C. F. A.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III—IIe millénaire). London, 1948.
- Scheil, 1927 — *Scheil V.* Susa et l'Empire Néo-babylonien // RA. 1927. 24. P. 47—48.
- Schmidt, 1938 — *Schmidt E.* The Second Holmes Expedition to Luristan // Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology. 1938. Vol. 3. P. 205—216.
- Schmitt, 1991 — *Schmitt R.* The Bisitun Inscription of Darius the Great: Old Persian Texts // *Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part I. Vol. I. Texts I.* London, 1991.
- Schmitt, 1993 — *Schmitt R.* Ctesias // Enc. Ir. 1993. VI, 4. P. 441—446.
- Schmitt, 2000 — *Schmitt R.* Ḥanaširuka // The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire 2, I. 2000.
- Schnabel, 1923 — *Schnabel P.* Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig; Berlin, 1923. S. 3—17.
- Scurlock, 1990 — *Scurlock J. A.* Herodotos' Median Chronology again?! // IA. 1990. XXV. P. 149—163.
- Seidl, 1979 — *Seidl U.* Die Siegelbilder // W. Kleiss (ed.). 1979. S. 137—149.
- Seidl, 1988 — *Seidl U.* Die Siegelbilder // W. Kleiss (ed.). 1988. S. 145—154.
- Seidl, 2001 — *Seidl U.* Siegelabdrücke auf Tonverschlüssen aus Toprakkale // Meyer J.-W., Nowák M., Pruss A. (Hg.). Beiträge zur Vorderasiatischen Archäologie Winfried Orthmann gewidmet. 2001. S. 446—455.
- Seidl, 2004 — *Seidl U.* Bronzekunst Urartus. Mainz an Rhein, 2004.
- Seidl, 2007 — *Seidl U.* Wer gründete Rusašinili/Toprakkale? // ARAMAZD. AJNES. Vol. II. Erevan, 2007. P. 137—145.
- Sevin, 2006 — *Sevin V.* A Comment on the so-called Urartian Capital City of Toprak Kale // ARAMAZD. AJNES. Vol. I. Erevan, 2006. P. 143—149.
- Singer, 1991 — *Singer I.* The "Land of Amurru" and the "Lands of Amurru" in the Šaušgamuwa Treaty // Iraq. 1991. LIII. P. 69—74.
- Smith, 1869 — *Smith G. G.* Assyrian History. Additions to History of Tiglath Pileser II // ZĀS. 1869. VII. S. 92—100.
- Smith, 1934 — *Smith S.* rev.: The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—1932. By R. Campbell Thompson and M.E.L. Mallowan. Liverpool, 1933 // JRS. 1934. 10. P. 575—577.
- Soldt, 2008 — *Soldt W. H., van.* The Location of Idu / N.A.B.U. 2008. N 3. P. 72—74.
- Spalinger, 1976 — *Spalinger A.* Psammetichus, King of Egypt: I // Journal of the American Research Center in Egypt. 1976. V. XIII. P. 133—147.
- Spalinger, 1977 — *Spalinger A.* Egypt and Babylonia: A Survey (c. 620 B.C.—550 B.C.) // SAK. 1977. 5. P. 221—224.
- Spalinger, 1978 — *Spalinger A.* The Date of the Death of Gyges and its Historical Implications // JAOS. 1978. 38. P. 400—409.
- Speiser, 1926—1927 — *Speiser E. A.* Southern Kurdistan in the Annals of Ashurnasirpal and Today // AASOR. 1926—1927. VIII. P. 1—41.
- Starr, 1990 — *Starr I.* Queries to the Sungod // SAA, IV. Helsinki, 1990.
- Steinkeller, 1982 — *Steinkeller P.* The Question of Marhaši // ZA. 1982. 72, 2. P. 237—265.
- Stern, 1976; 1984 — *Stern M.* Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. I, III. Jerusalem, 1976; 1984.
- Stolper, 1982 — *Stolper M. W.* On the Dynasty of Šimaški and the early Sukkalmahs // ZA. 1982. 72, 1. P. 42—67.

Strassmaier, 1890 — *Strassmaier J. N.* Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Leipzig, 1890.

Stronach, 1974 — *Stronach D.* Achaemenid Village I at Susa and the Persian Migration to Fars // *Iraq*. 1974. XXXVI, 1—2. P. 239—248.

Stronach, 2003 — *Stronach D.* Independent Media: Archaeological Notes from the Homeland // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 233—248.

Swiny, 1975 — *Swiny S.* Survey in North-West Iran, 1971 // *East and West*. 1975. 25. P. 77—98.

Szemerényi, 1966 — *Szemerényi O.* *Iranica II* // *Die Sprache*. 1966. 12. P. 190—226.

Tadmor, 1958 — *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II of Assur // *JCS*. 1958. XII, 3. P. 77—100.

Tadmor, 1994 — *Tadmor H.* *The Inscriptions of Tiglath-Pileser III, King of Assyria. Jerusalem, 1994.*

Thompson, 1931 — *Thompson R. C.* *The Prisms of Esarhaddon and of Ashurbanipal found at Nineveh 1927/1928. London, 1931.*

Thureau-Dangin, 1912 — *Thureau-Dangin F.* *Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912.*

Unger, 1970 — *Unger E.* Babylon, die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. Berlin, 1970.

Vaggione, 1973 — *Vaggione R. P.* Over all Asia? The Extent of the Scythian Domination in Herodotus // *JBL*. 1973. 92, N 4. P. 523—530.

Vallat, 1985 — *Vallat F.* *Eléments de géographie élamite (résumé) // Paléorient*. 1985. 11/2. P. 49—54.

Vallat, 1993 — *Vallat F.* Les noms géographiques des sources suso-élamites // (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 9). Wiesbaden, 1993.

Vanden Berghe, 1973 — *Vanden Berghe L.* Bronzes of Luristan. in: L. Vanden Berghe, R. Joffroy. *Bronzes. Iran-Luristan-Caucasus (Évacuations Métallurgiques, XIII)*. Bruxelles, 1973.

Voigtlander, 1978 — *Voigtlander E., von.* *The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian version // Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part I, vol. II, Texts I. London, 1978.*

Waters, 2005 — *Waters M.* Media and Its Discontents // *JAOS*. 2005. 125, 4.

Wiesehöfer, 2003 — *Wiesehöfer J.* The Medes and the idea of the succession of empires in antiquity // Lanfranchi G. B., Roaf M., Rollinger R. (eds.). 2003. P. 391—396.

Weidner, 1931 — *Weidner E. F.* Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Kyros I. ein Zeitgenosse Aššurbânâplis // *AfO*. 1931. 7. S. 1—7.

Weidner, 1959 — *Weidner E. F.* *Die Inschriften Tukulti-Ninurtas I und seiner Nachfolger (AfO, 12)*. Graz.

Weissbach, 1920 — *Weissbach F. H.* Sardanapal // *PW*. 1920. 2. Reihe, I. Bd., 2. Hbd., cols. 2436—2475.

Weissbach, 1924 — *Weissbach F. H.* Kyros // *PW*. 1924. Supplementband IV, cols. 1128—1166.

Wilkinson, 1975 — *Wilkinson C. K.* Ivories from Ziwiye. Bern, 1975.

Winckler, 1889 — *Winckler H.* *Die Keilschrifttexte Sargons. Bd. I. Leipzig, 1889.*

Wiseman, 1956 — *Wiseman D. J.* *Chronicles of Chaldaean Kings (625—556 B.C.) in the British Museum. London, 1956.*

Yamata, 2005 — *Yamata K.* From the Upper Sea to the Lower Sea — the Development of the Names of Seas in the Assyrian Royal Inscriptions // *Orient*. 2005. Vol. XL. P. 31—55.

Zadok, 1976 — *Zadok R.* On the Connections between Iran and Babylonia in the Sixth century B.C. // *Iran*. 1976. XIV. P. 61—78.

Zadok, 1984 — *Zadok R.* Assyrians in Chaldean and Achaemenian Babylonia // *As-sur*. 1984. 4/3. P. 1—28.

Zadok, 1985 — *Zadok R.* Geographical Names according to Neo- and Late-Babylonian Texts // (*Répertoire géographique des textes cunéiformes*, 8). Wiesbaden, 1985.

Zadok, 1997 — *Zadok R.* N.A.B.U. 1997. N 1. P. 7.

Zadok, 2002 — *Zadok R.* The Ethno-Linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian Period // *Iran*. 2002. XL. P. 89—151.

Zawadzki, 1988 — *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.

Zawadzki, 1995 — *Zawadzki S.* A Contribution to the Chronology of the Last Days of the Assyrian Empire // *ZA*. 1995. 85. S. 67—73.

Zimansky, 1985 — *Zimansky P.* Ecology and Empire: the Structure of the Urartian State // *Studies in Ancient Oriental Civilization*. No. 41. Chicago, 1985.

Zimansky, 1990 — *Zimansky P.* Urartian Geograhly and Sargon's Eighth Campaign // *JNES*. 1990. 49, 1. P. 1—21.

Zimansky, 1995 — *Zimansky P.* An Urartian Ozymandias // *Biblical Archaeologist*. 1995. 58, 2. P. 94—100.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИФЖ	Историко-филологический журнал АН АрмССР
КСИНА	Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
ЛБ	Луристанские бронзы
НАА	Народы Азии и Африки. М.
РА	Российская археология. М.
AASOR	The Annual of the American Schools of Oriental Research
ABD	The Anchor Bible Dictionary
ABL	Harper, 1892—1914
ADD	Johns, 1898—1923
AfO	Archiv für Orientforschung. Berlin; Graz
AGS	Knudtzon, 1893
AJNES	Armenian Journal of Near Eastern Studies. Erevan
AMI	Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
ARAB	Luckenbill, 1926—1927
BAR	British Archaeological Reports
BiOr	Bibliotheca Orientalis. Leiden
BSDAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
CAH	Cambridge Ancient History
Enc. Ir.	Encyclopaedia Iranica. E. Yarshater (ed.). London; New York; Costa Mesa, Calif. 1982
JBL	Journal Biblical Literature
IA	Iranica Antiqua. Leiden; Gent
JA	Journal Asiatique. Paris
JANES	The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University
JAOS	Journal of the American Oriental Society. New York — New Haven
JCS	Journal of Cuneiform Studies. Philadelphia (New Haven)
JNES	Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JPEK	Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society
MVAG	Mitteilungen der Vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft
N.A.B.U.	Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires
PRT	Klauber, 1913
PW	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hrsgb. von W. Kroll; 2. Reihe. Hrsgb. von W. Kroll und K. Witte. Stuttgart, 1893—1972
RA	Revue d'Assyriologie et Archéologie Orientale
RLA	Reallexikon der Assyriologie und Vorderasitischen Archäologie. Berlin; Leipzig; New-York
RIMA 1	Grayson, 1983
RIMA 2	Grayson, 1991

RIMA 3	Grayson, 1996
SAA	State Archives of Assyria. Helsinki
SAAB	State Archives of Assyria. Bulletin. Padua
SAAS	State Archives of Assyria. Studies. Helsinki
SAK	Studien zur Altägyptischen Kultur. Gamburg
SMEA	Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma
WO	Die Welt des Orients
TCAE	Postgate, 1974
TCL	Thureau-Dangin, 1912
ZA	Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Leipzig
ZÄS	Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig; Berlin
ZfA	Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete. Berlin; Leipzig
ZE	Zeitschrift für Ethnologie. Berlin

SUMMARY

The book surveys the history of the Median kingdom, the first Iranian state founded in the first half of the 7th century B.C. which continued to 550 B.C., when the Median throne passed to the Achaemenid dynasty.

Our notion of the Median kingdom depends mainly upon the location of the initial Median territory and the interpretation of the existing written sources reflecting the principal stages of the Median history. These are the two primary aims of the present study.

The reconstruction of the historical geography of North-West Iran in the Neo-Assyrian period suggested in this work demonstrates that the lands visited by the Assyrians occupied a vast area of the Iranian plateau. Some of these countries were situated to the east of 48° E, though it is usually accepted that their location only to the west of this line can be doubtless. Principally important is the identity of the city name Sagbat/Sagbita of the Assyrian texts and the Old Persian Haⁿgmatā(na) (Greek Ecbatana, Pers. Hamadan). Along with the suggested by E.A. Grantovskij identification of the Mount Bikni with the Demavend, the localization of Sagbat allows to define the limits of Media from the Zagros Mountains in the West to the Elburz and the Salt Desert (Dasht-i Kavir) in the East, up to 52—53° E. It allows to reject many historical reconstructions basing upon the proposed by L. Levine location of Media in the Zagros Mountains. Upon the location of Media either in the Zagros Mountains or the Hamadan plain depends our understanding of many features of its history, economy, daily life, culture and art.

At the same time the historical and geographic survey of Media allows to follow the development of the Assyrian military policy in the east in the 9th—7th centuries B.C., to see how it changed in connection with the Urartian expansion to Iranian territories, which resulted in the forming of an anti-Assyrian coalition.

In the present work we distinguish five principal stages of Median history.

1. *An anti-Assyrian rebellion in Ancient Iran.* The constant threat of an Assyrian invasion to the lands of Ancient Iran brought forth the consolidation of anti-Assyrian powers and caused a rebellion of 672/671 B.C. Unofficial Assyrian sources make us suggest that the coalition of the rebels (Mannaeans, Cimmerians, Medes) was directed by a Median leader Kashtariti. The rebellion was successful. The significance and the results of the rebellion were however underestimated by scholars, accepting that soon after it the Medes were conquered by the Scythians, whose domination, according to Herodotus, lasted for 28 years. At the same time Assyrian sources mention Scythians in Ancient Iran only on the eve of the rebellion. It allows to reject the theory of the presumed Scythian domination over Media.

2. *The rise of Media and the beginning of its expansion.* The development of the political situation in the region at the end of the 660-s B.C. presumes that af-

ter the anti-Assyrian rebellion in Media certain positive processes took place bringing forth the consolidation of the country and the growth of its power due to the conquest of several neighbouring smaller dominions, first of all those along the Zagros part of the Great Khorasan Road. It could radically change the balance of power in the region and make Media ready for new conquests. Already by 660 B.C. Mannaeans worried by the growth of Median power betrayed their former ally and formed a new alliance with Assyria. Assyrian texts mention Cimmerians, also the former members of the anti-Assyrian coalition, supporting the Mannaeans in the 660-s. By the end of the 550-s Media remained the only anti-Assyrian power in the region. Only to Media could be applied the archaic term Gutium listed among the allies of the rebel Babylonian king Šamaš-šum-ukīn, who rose against Assyria in 652 B.C. The participation of Media in this rebellion is symptomatic. It is possible to suggest that Media began to look for new allies against Assyria. Though the first attempt turned unsuccessful, in due time Babylonia became the ally of Media in their joint struggle against Assyria.

The first major political achievement of Media was the conquest of the Urartian kingdom which took place probably not earlier than the end of the 640-s B.C. New Urartian texts and archaeological data make it possible to suggest that in the 650-s B.C. the Urartian kingdom encountered a serious political crisis. It caused the desolation and neglect of towns and fortresses in the last years of Rusa II not only on the borders but even in the middle of Urartian territories, which testifies against the suggested foreign invasion by the end of the 650-s. The civil war weakened Urartu and finally led to its desintegration during the reign of its last two kings, Rusa III and Sarduri III in the 640-s. Median king Phraortes took advantage of the situation and took part in the destruction and conquest of Urartu. There was no other power at that time, besides Media, interested in the downfall of Urartu and able to conquer it. In 609—608 B.C. 'the land of Urashtu' in Babylonian chronicles was a purely geographical term. In the 'Curse of Jeremiah' in 594/3 B.C. (51:27) the name of Urartu is applied to one of the administrative units within the Median kingdom.

The next acquisition of Phraortes became Persis, which is mentioned by Herodotus; in one of the Babylonian inscriptions dating to the reign of Nabonides (middle of the 6th century B.C.) the submission of the Persians by the Medes is also mentioned. It could not take place earlier than the 630-s. After these conquests Media and Babylonia began to prepare for the war which led to the destruction of Assyria.

The comparison of cuneiform texts and archaeological data with the evidence provided by Herodotus makes possible to distinguish the second period in the history of Media, to suggest a new scheme for the Median dynasty and to solve the Scythian problem. This period coincides with the reign of Kashtariti (678-625), an outstanding Median ruler whom Herodotus knew under the name of Phraortes. With the acquisition of Urartu this king began the conquest of the Upper Asia, accomplished, according to Herodotus, in the reign of his successor Cyaxares.

3. *The alliance of Media and Babylonia in their war against Assyria.* By the end of Kashtariti's reign a political alliance between Media and Babylonia, which in 627 B.C. began a new struggle for independence and declared war on

Assyria, started to develop. It terminated in a treaty of 614 B.C. between Cyaxares and Nabopolassar. The desintegration of Assyria into two rival kingdoms of Aššur and Nineveh at the beginning of the 620-s was to the advantage of the allies. Although the first campaigns of the Medes against Assyria are testified by the Babylonian sources only in 615 B.C., one can not exclude the possibility of some actions in support of Nabopolassar in his war with Assyria as early as the 620-s. The Babylonian chronicle describing the events of 625 and 623 B.C. does not mention the Medes (the text, however, is not well preserved), though the actions of the Assyrians and of some unknown adversary of theirs coincide with the description by Herodotus of the last campaign of Phraortes and the events following it (I. 102). It is evident that in this case Herodotus became familiar with some primary source of information. He knew that Assyria was split into two parts, he is aware that the Medes fought against Nin/Nineveh. Phraortes was killed in the course of this campaign and his son took revenge on the same kingdom. These events can be tentatively reconstructed on the evidence of the records of 625 and 623 B.C. The suggested earlier Scythian invasion (in the capacity of the unknown enemy of the Chronicle) can be excluded.

The Babylonian war for independence took a long time. Only by 616/615 B.C. Nabopolassar gained control over the whole Babylonian territory and invaded Assyria. In spite of all the efforts of the Babylonian king the results of this stage of the war were not impressive. Only by the autumn of 615 B.C., when Media entered the war, the events started to develop rapidly. The survey of the actions of the allies taken in 616—612 B.C., the evidence of Ctesias and the interpretation by S. Zawadzki of the Gadd Chronicle demonstrate that the leading role in the war belonged to Media. Several times it saved Babylonia in desperate situations.

In 614 B.C. the Medes captured Aššur. In 612 by the joint efforts of Cyaxares and Nabopolassar Nineveh was destroyed, and the agony of the Assyrian kingdom followed, which continued for the next seven years. The essence of the last stage of the war was the struggle for “the Assyrian heritage”, and its third participant was Egypt, the only Assyrian ally in this war. In the course of all these years Media continued to support its ally. Although gradually the leadership passed to energetic Babylonian king Nebuchadnezzar, there is no reason to underestimate the role of Media and to deny it a considerable part of “the Assyrian heritage”, as it is sometimes done in the recently published works.

4. *The Median kingdom after the downfall of Assyrian Empire.* The distinguished role of Media in the defeat of the Assyrians turned it into an important factor of international politics, which allows to distinguish the fourth period of its history. Due to its considerable territorial acquisitions and its control over the Great Khorasan Road, one of the principal trade routes of the Ancient East, as well as the trade routes through Iran and Asia Minor, the Median kingdom gradually developed into an empire. In that very quality it was considered by the Antique and Biblical authors who defined the time of its domination between the Assyrian and the Persian empires. Though there is no definite evidence that the process had been accomplished, and the question of the Median Empire is still open, the rapid development of the Achaemenid Empire suggests that the Medes achieved quite a lot, and only the coup d'etat of 550 B.C. terminated their progress.

The part of the Cimmerians and the Scythians in the history of Media was significant in the 670-s B.C. The Cimmerians took active part in the anti-Assyrian coalition directed by Kashtariti. On the eve of the rebellion they fought the Assyrians side by side with the Scythians, though the last ones took no part in the rebellion. In later times no influence of these Eurasian nomads on the events in Media can be traced. All earlier arguments supporting the theory of the Scythian domination over Media have been refuted by recent investigations.

As for the Cimmerian and Scythian presence in Asia, in general it had practically no significant influence on the history of the lands of the region. The interpretation of the two texts enclosed - the letter of astrologist Akkullanu of 657 B.C. and the story of Herodotus (I.105) of the Scythian invasion of Palestine does not allow to view them as a definite prove of the Cimmerian power as well as of the Scythian domination of Asia.

The contradictions between the cuneiform texts and the evidence of Greek historians lie in fact that they describe two distinct periods when the Cimmerians and the Scythians were present in the lands of the Ancient East. The military and political leadership of the Cimmerians in relation to the Scythians, as it is reflected in cuneiform texts before the 640-s B.C. and testified by the Bible, is absent in Herodotus' narrative. Herodotus was aware of some of the events of 'the last chapter' of the history of these peoples in Asia Minor, in which the principal part belonged to the so called Scythians of Madius.

5. *The end of the Median dynasty.* Due to the coup d'etat of 550 B.C. a new dynasty came to power in the Median state. The throne was occupied by the ruler of a small vassal kingdom of Anshan in the south of the Median kingdom — Cyrus II the Achaemenid. Cyrus and his successors accomplished the process started by the Medes — they created the Achaemenid Empire. It was a continuation and at the same time a new stage in the development of the Iranian state founded by the Median kings.

The suggested solution of the problems considered here allows to understand the important part played by the Median kingdom in the history of the Ancient East. In spite of a comparatively short period of its domination, the written sources studied in this work reflect its importance. The Iranian religion, art and culture take roots in the Median period. Media was a cultural mediator between the lands of the Ancient Near East and the Achaemenid state. The Iranian state of the 7th—4th centuries B.C. can be considered as a Medio-Persian.

МЕДВЕДСКАЯ ИННА НИКОЛАЕВНА

**ДРЕВНИЙ ИРАН НАКАНУНЕ ИМПЕРИЙ (IX—VI вв. до н. э.)
ИСТОРИЯ МИДИЙСКОГО ЦАРСТВА**

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Дизайнер-график — *И. Н. Лицук*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru
web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 12.04.2010
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70×100 ¹/₁₆. Объем 19,8 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 3148

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of ‘Uthman»).

Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: <http://www.pvost.org>

В книге представлена история Мидийского царства — первого иранского государства, сложившегося в первой половине VII в. и просуществовавшего до 550 г. до н. э., когда власть перешла к династии Ахеменидов и царство получило свое новое название. Более ста лет Мидийское царство влияло на политическую историю стран всего Ближнего Востока.

ISBN 978-5-85803-417-9

9 785858 034179